

**Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»**

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО
РОССИИ: УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
20-21 октября 2016 года**

*К 60-летию доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка*

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2016

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
С56

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент А. В. Гришин (председатель);
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ В. В. Николук;
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный
юрист РФ А. Ф. Волынский; кандидат юридических наук, доцент Ю. П. Якубина;
кандидат юридических наук О. А. Ветрова;
кандидат юридических наук Е. А. Семёнов (ответственный секретарь)

С56 **«Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная науч. – практическая конф. (2016 ; Орёл).** Международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 20-21 октября 2016 года : [к 60-летию доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николука : сборник материалов] / редкол. : А. В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – 444 с.

ISBN 978-5-88872-170-4

В сборник материалов включены статьи профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, докторантов, адъюнктов и аспирантов, представленные для участия в Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (20-21 октября 2016 года).

Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-170-4

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Авдеев В.Н. КРУГ ЛИЦ, НА ИМУЩЕСТВО КОТОРЫХ МОЖЕТ БЫТЬ НАЛОЖЕН АРЕСТ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....	16
Ананьев Р.В. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРАВОВОЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ, А ТАКЖЕ ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ЕМУ ЗАКОНОМ ПОЛНОМОЧИЯ ПО ОТСТАИВАНИЮ ПРИНЯТЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ.....	21
Андроник Н.А. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	25
Артёмов С.В. СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ НАДЛЕЖАЩЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.....	29
Баранчикова М.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ.....	37
Безруков С.С. ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ.....	42
Белицкий В.Ю. ВИДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ КЛАССИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВ (СТ. 159 УК РФ).....	46
Беляев А.В., Овсянников Е.М. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ.....	50
Бободжонов Н.М. ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ТАДЖИКИСТАНЕ.....	55
Большаков С.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ СО СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	58
Булыжкин А.В. ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ С ПОСТРАДАВШИМИ.....	64
Варданян А.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	68
Васюков В.Ф. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	72
Ветрова О.А. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ И ПОЛНОМОЧИЯХ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА.....	80

Вехов В.Б. ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ.....	84
Виноградова В.А. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА, ВЫНЕСЕННЫХ В ИНТЕРЕСАХ ПОТЕРПЕВШЕГО В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.....	87
Волеводз А.Г. К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	93
Волынский А.Ф. МИФЫ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ КАК БАРЬЕРЫ НА ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	99
Володина Л.М. ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	107
Гаврилов Б.Я. ГЕНЕЗИС, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КОНЦЕПЦИЯ РЕОРГАНИЗАЦИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	111
Гладышева О.В. СТАБИЛЬНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ.....	118
Гороховский О.А. НАЗНАЧЕНИЕ И РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	122
Грибунов О.П., Пермьяков А.Л. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СОБСТВЕННИК КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРОЙ ПРИЧИНЯЕТСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД В РЕЗУЛЬТАТЕ ХИЩЕНИЯ.....	125
Григорьев В.Н. ДОКАЗЫВАНИЕ ФАКТА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ПУТЕМ СЛОВЕСНОЙ ЭКВИЛИБРИСТИКИ.....	128
Гришин А.В. ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА...	134
Гуляев А.П. СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЗАКОН И ЗАКОННОСТЬ В ПРАВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	142
Давыдов М.В., Харыбин А.Ю. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	148
Дикарев В.Г. ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НОВЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ ЧЕРЕЗ ПОЧТОВЫЕ, ЛОГИСТИЧЕСКИЕ И ТРАНСПОРТНЫЕ КОМПАНИИ.....	153
Дмитриева А.А. О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.....	157

Егоров Н.Н. МЕТОДЫ ЗАПЕЧАТЛЕВАЮЩЕЙ ФОТОГРАФИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	160
Екимцев С.В. СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАСТИКОВЫХ КАРТ.....	163
Журавлева Н.М. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ.....	166
Зайцев О.А. РОЛЬ ПРОФЕССОРА В.В. НИКОЛЮКА В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	169
Захарова В.К. ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КИТАЕ И ЕГО ВИДЕОФИКСАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	173
Зозуля В.В. К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ.....	179
Калуцких А.М. АДВОКАТ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЛИ ЗАЩИТНИК?.....	182
Карпенко О.А. ДАЧА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ: ПОНЯТИЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	185
Кириченко Ю.Н. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПРОВОДИМЫХ СПЕЦИАЛИСТОМ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	189
Колотушкин С.М. ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПО СРЕДСТВАМ СОТОВОЙ СВЯЗИ С ТЕРРИТОРИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ.....	193
Кокорева Л.В., Кузнецова Е.В. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	199
Корж В.П. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ: НОВАЦИИ, КОЛЛИЗИИ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ.....	203
Красильников С.В. К ВОПРОСУ О САНКЦИЯХ В ИНСТИТУТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	207
Крылов А.А. ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА.....	210
Кудряшов Д.А. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	216
Кузьмина О.Л., Маханек А.Б. ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ В ПОРЯДКЕ УПК РФ.....	220
Лавров В.П. ЧАСТНЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	225
Лазаренко О.Н., Морозова Н.В. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА-АВТОТЕХНИКА В ОСМОТРЕ МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ.....	230

Лаптев В.И. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	232
Латыпов В.С. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	236
Леоненко Р.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	240
Лукьянчикова С.А., Трусова Ю.А. ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ОПЕРАТИВНО - РОЗЫСКНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	243
Марковичева Е.В. ЭЛЕМЕНТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	246
Мельник С.В. К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ.....	249
Мерецкий Н.Е., Шурухнов Н.Г. ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ В СУДЕ.....	255
Морозова Н.В. К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ...	259
Москвичев С.А. ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	263
Муллахметова Н.Е. ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПОБОЯХ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	267
Муравьев К.В. ТЯЖЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ СУРОВОСТЬ ГРОЗЯЩЕГО НАКАЗАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРОДЛЕНИЯ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ.....	270
Нечушкина К.А. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	274
Николюк В.В. СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	280
Проказин Д.Л., Чаплыгина В.Н. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УПК РФ: «БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ» РЕАЛИЗАЦИИ.....	290
Плетникова М.С. ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	294
Политыко О.Е. СОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОННОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....	297

Приходько Н.Ю. АРГУМЕНТАЦИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ КОНТРАБАНДЫ, СОВЕРШАЕМОЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ.....	300
Расулова Н.С. ПОЛУЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ.....	304
Ретюнских И.А. О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО.....	307
Рудич В.В. НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....	311
Савицкая И.Г. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ (СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ) В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	314
Семененко Г.М. К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	318
Семенов Е.А., Щербакова Л.Ю. ПРОИЗВОДСТВО СПЕЦИАЛИСТОМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.....	323
Семенцов В.А. РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – ЗАДАЧА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	327
Сидоренко М.В. ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.....	332
Синенко С.А. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	336
Ситдикова Г.З. К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ИНСТИТУТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА.....	343
Стельмах В.Ю. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	349
Стольников П.М. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.....	351
Стрилец О.В. СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	354
Сумин А.А. «ТАЙНОЕ СЛЕДСТВИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: О ПЕРСПЕКТИВЕ ЕГО ВВЕДЕНИЯ.....	359
Сущенко С.А. ПРОБЛЕМА НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	363
Трубникова Т.В. ПРОИЗВОДСТВО О НАЗНАЧЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: СУЩНОСТЬ И ГАРАНТИИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ.....	366
Федорова И.А. ЯВКА С ПОВИННОЙ – ПОВОД К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?.....	372
Федосеева Е.Л. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ.....	375

Флоря Д.Ф. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.....	378
Хайдарзода З.П. РОЛЬ И МЕСТО УБОП МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ.....	382
Химичева О.В., Сумин А.А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	391
Цоколова О.И. РАССМОТРЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ, НЕ СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОИСШЕСТВИЯХ.....	395
Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ПОТЕРПЕВШИХ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА.....	399
Чистилина Д.О. ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПУТЕМ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	403
Шайдуллина Э.Д. ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.....	407
Шаров Д.В. ЗАЩИТА ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	410
Шипицина В.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ.....	414
Шурухнов Н.Г., Мерецкий Н.Е., Куличков А.С. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	419
Шурухнов Н.Г., Мерецкий Н.Е., Савченко Н.И. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ДАЧИ ВЗЯТКИ (СТ. 290, 291 УК РФ): ПОЛЕМИКА, ОСОБЕННОСТИ, СОДЕРЖАНИЕ.....	424
Юлдошев Р.Р. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	432
Якубина Ю.П. НАДЗОРНАЯ И ИНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРОВ В СУДАХ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	436
Яснов М.А. РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ.....	440

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник является результатом проведения Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» и посвящается 60-летию юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Вячеслава Владимировича Николюка, с сентября 2013 по август 2016 гг. проработавшего в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова в должности профессора кафедры уголовного процесса.

БИОГРАФИЯ ПРОФЕССОРА В.В. НИКОЛЮКА

Вячеслав Владимирович Николюк родился 14 сентября 1956 года в поселке Залари Заларинского района Иркутской области в семье работника милиции и учительницы. С момента рождения и до окончания средней школы жил в п. Залари, г. Черемхово Иркутской области, в г. Иркутске.

В 1973 году окончил с золотой медалью среднюю школу № 80 в г. Иркутске. После окончания средней общеобразовательной школы поступил на очное обучение в Омскую высшую школу милиции МВД СССР, которую окончил в 1977 году с отличием.

Получив диплом о высшем образовании, поступил в адъюнктуру, в которой обучался с 1977 по 1980 годы. Диссертационное исследование под руководством профессора Ю.Н. Белозерова на тему «Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему в советском уголовном судопроизводстве» завершил досрочно. В 1980 г. В.В. Николюку была присуждена ученая степень кандидата юридических наук.

С июня 1980 г. он продолжил работу в Омской высшей школе милиции МВД СССР в должности преподавателя кафедры уголовного процесса, затем – старшего преподавателя этой же кафедры. С сентября 1985 г. Вячеслав Владимирович исполнял обязанности доцента кафедры уголовного процесса, а 28 января 1989 г. решением ВАК при Совете Министров СССР ему было присвоено ученое звание доцента.

Преподавая уголовный процесс в Омской высшей школе милиции (впоследствии – Омском юридическом институте, Омской академии МВД России), В.В. Николюк проявил себя как педагог-новатор. Учебные занятия проводил на высоком научно-методическом уровне, широко используя передовую практику деятельности правоохранительных органов. Постоянно рабо-

тал над внедрением в учебно-воспитательный процесс наиболее прогрессивных форм и методов обучения. С его именем связано становление качественно новых подходов к методике преподавания уголовного процесса и других смежных дисциплин. Этот педагогический опыт частично описан в «Очерке методики преподавания уголовного процесса в вузе МВД России» (издан в г. Омске в 1996 г.) и внедрен в учебный процесс других образовательных организаций системы МВД России.

Педагогическое мастерство, научный потенциал, заслуженный авторитет и другие положительные качества В.В. Николюка стали основанием назначения его в 1988 г. на должность начальника кафедры уголовного процесса ОВШМ МВД СССР.

С октября 1989 г. по февраль 1991 г. В.В. Николук обучался в докторантуре Академии МВД СССР, где в 1991 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР».

С февраля 1991 г. по февраль 2000 г. проживал в г. Омске. В феврале 1991 г. был назначен на должность заместителя начальника Омской высшей школы милиции по научной работе. В 1992 г. ему присвоено ученое звание профессора по кафедре уголовного процесса Омской высшей школы милиции.

За большую научно-исследовательскую работу Указом Президента Российской Федерации от 4 ноября 1998 г. № 1320 Вячеславу Владимировичу Николуку присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Приказом МВД России от 21 февраля 2000 г. № 250 л/с В.В. Николук назначен на должность главного инспектора Инспекции Главного организационно-инспекторского управления МВД России.

В 2000–2001 гг. работал в центральном аппарате МВД России, затем – главным научным сотрудником ВНИИ МВД России.

Указом Президента РФ от 23 февраля 2001 года ему присвоено специальное звание «генерал-майор милиции».

С сентября 2013 г. по август 2016 г. Вячеслав Владимирович являлся профессором кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

В настоящее время проживает в г. Москве с семьей, где с сентября 2016 года работает в Российском государственном университете правосудия в должности главного научного сотрудника отдела проблем уголовного судопроизводства.

Научную и служебную деятельность В.В. Николук сочетает с занятиями спортом, является мастером спорта по самбо. На проходившем в 1996 г. в Испании (г. Барселона) чемпионате мира по самбо среди ветеранов он занял 1-е место, завоевав титул чемпиона мира.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Как процессуалист, Вячеслав Владимирович в первую очередь акцентирует внимание на вопросах применения норм Уголовно-процессуального кодекса РФ. Сферу научных интересов В.В. Николюка представляют проблемы уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, уголовно-исполнительного права. Наиболее весомый вклад им внесен в разработку проблем производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, института прекращения уголовных дел, стадий возбуждения уголовного дела и исполнения приговора.

Всего им опубликовано более 150 научных работ, среди которых монографии, учебники, пособия, лекции и статьи. Наиболее значимыми его трудами являются:

- Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: монография (Иркутск, 1989);
- Комментарий к Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (Омск, 1997);
- Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография (Красноярск, 2003);
- Иные меры уголовно-процессуального принуждения (Москва, 2003).

Им сформулированы новая теоретическая концепция уголовно-исполнительного судопроизводства, блок предложений по совершенствованию его правового регулирования. Ряд публикаций посвящен концептуальным вопросам производства по делам с участием несовершеннолетних. Профессор В.В. Николук также является автором Комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, членом авторского коллектива Юридической энциклопедии, учебника по уголовному процессу, вышедшего в свет в издательстве «Спарк» в 1998 и 2000 годах. Как член рабочей группы по подготовке проекта УПК РФ, он участвует в написании ряда его глав и статей.

Профессор В.В. Николук активно публикуется в журналах, входящих в перечень ВАК по профилю «Право», а также имеет ряд иных публикаций, в числе которых можно назвать следующие:

Рецензия: Кириллова Н.П. Профессиональные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПбГУ. 2007 // Российский судья. 2009. № 5; К вопросу о судебном контроле за оперативно-розыскными мероприятиями // Оперативник (сыщик). 2011. № 3 (28); Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г.: все ли разъяснения даны // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. 2012. № 3; Законодательное определение принципа осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ) не отражает современного содержания уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2013. № 9 (в соавт. с Безруковым С.С.); Потерпевший в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2012. № 6 (в соавт. с Си-

ненко С.А.); Порядок индексации денежной суммы, взысканной в пользу потерпевшего приговором // Уголовное право. 2013. № 2 (в соавт. с Синенко С.А.); Привод как мера принуждения в стадии исполнения приговора // Российский следователь. 2013. № 13 (в соавт. с Булатовым Б.Б.); Развитие отечественной доктрины отечественного уголовного процесса в период действия УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (в соавт. с Безруковым С.С.); Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4 (в соавт. с Кальницким В., Куряховой Т.); Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6 (в соавт. с Булатовым Б.Б.); Правосудие в стадии исполнения приговора: становление, современное состояние, концепция развития // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказания, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников мероприятий форума (Рязань, 5-6 декабря 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013; Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации о порядке проверки и разрешения сообщений о преступлениях // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 1 (26); Особенности отправления правосудия при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовный процесс. 2004. № 4; Концепция стадии исполнения приговора в Уставе уголовного судопроизводства и ее современное восприятие // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2014. Ч. 2; Правосудие в отношении несовершеннолетних: векторы «дрейфования» отечественной доктрины, законодательства и правоприменения // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступлениям против личности: сб. матер. Всероссийской науч.-практ. конф. Хабаровск, 2014; Николук В.В. Правосудие в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного судопроизводства до действующего УПК РФ. М.: Российская академия правосудия, 2014.

За годы работы в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова В.В. Николуком были подготовлены следующие монографии:

Николук В.В., Квициния Д.А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: монография. Хабаровск, 2014;

Николук В.В., Терекян В.А. Реализация потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2014;

Николук В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015.

В составе авторского коллектива профессор В.В. Николук участвовал в подготовке учебника для вузов «Уголовный процесс», имеющего гриф Министерства образования и науки РФ, под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова (5-е изд., перераб. и доп.). М.: Издательство Юрайт, 2015. Серия: Бакалавр. Академический курс. Непосредственно принимал участие в написании гл. 21, 23, 24; гл. 27 (совместно с Б.Б. Булатовым). Учебник рекомендован Минобрнауки РФ для студентов вузов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям, по программам академического бакалавриата, а также для аспирантов и преподавателей юридических вузов, судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов и всех тех, кто интересуется современным российским уголовным процессом и уголовно-процессуальным правом.

УЧЕНИКИ

Вячеслав Владимирович имеет около 40 учеников, защитивших диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Вячеслав Владимирович Николук также неоднократно выступал в качестве научного консультанта по докторским диссертациям.

Из числа наиболее известных учеников, успешно защитивших в разное время диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук, следует назвать: Б.Б. Булатова, Ю.В. Деришева, С.И. Гирько, О.В. Волынскую, А.С. Бахту, С.А. Синенко.

Тематика защищённых под руководством В.В. Николука диссертаций по научной специальности 12.00.09 многопрофильна и многообразна:

Деришев Юрий Владимирович «Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения», 2005 г.;

Бахта Андрей Сергеевич «Механизм уголовно-процессуального регулирования», 2011 г.;

Синенко Сергей Андреевич «Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы», 2014 г.

Вячеслав Владимирович рассказывает:

– Так получилось, что первые шаги моей профессиональной карьеры состоялись в сфере научно-педагогической деятельности. Сразу после окончания Омской высшей школы милиции МВД СССР по решению ученого совета был направлен в адъюнктуру при Московской высшей школе милиции МВД СССР (кафедра уголовного процесса). Такому решению способствовала увлеченность этой дисциплиной, передавшаяся от старшего преподавателя В.А. Дунина. Я любил и, надеюсь, достаточно хорошо усвоил многие предметы, но предпочтение отдал уголовному процессу, видимо, благодаря личности педагога. Как спортсмен, знаю, что в спортивных достижениях огромную роль играет первый наставник, закладывающий основы будущего мастерства. Моим руководителем по кандидатской диссертации стал профес-

сор Ю.Н. Белозеров, многому научивший меня как в методике преподавания, так и, естественно, по предмету. Кафедрой уголовного процесса московского вуза руководил в тот период выдающийся ученый, проф. А.А. Чувилев, которого я также отношу к своим учителям.

Атмосфера на кафедре была творческая. Даже, уточнил бы, требовательно-творческая. Все преподаватели и адъюнкты работали упорно. Диссертационное исследование на тему «Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему в советском уголовном судопроизводстве» завершил досрочно. Годы обучения в адъюнктуре запомнились общением с интересными людьми, с некоторыми меня связали дружеские узы. Так, на протяжении многих лет поддерживаю теплые отношения с Б.Б. Булатовым – ныне доктором юридических наук, начальником Омской академии МВД России.

С большой теплотой вспоминаю первые годы педагогической деятельности, когда, не будучи еще обремененным административными обязанностями, с головой ушел в методику преподавания. Обычные лекции в режиме монолога, семинары в вопросно-ответной форме казались недостаточно эффективными. В то время появились первые ЭВМ, и мы разработали контрольно-обучающие программы практически по всем темам уголовного процесса. Широко использовали различные активные формы обучения. Со своим единомышленником В.В. Кальницким (в настоящее время он возглавляет кафедру уголовного процесса Омской академии МВД России, Заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук, профессор) часто просили поставить нам занятия одновременно, обменивались частью слушателей из группы с тем, чтобы при проведении семинара повысить соревновательный эффект. Одними из первых в вузе применили опорные конспекты при чтении лекций. Основной целью, которую мы ставили перед собой, было достижение максимально высокого уровня «проблемности» задач при преподавании уголовного процесса. Наши лекции отличались глубиной проработки материала. Постоянно звучали фамилии ученых, анализировались различные точки зрения. Мы были единственным вузом в системе МВД, где применялась методика письменного экзамена по уголовному процессу. Слушатели «не отлучались» во время экзамена от законов и других нормативных источников. В течение трех часов они отвечали на вопросы повышенной сложности, разрешали оперативно-следственные ситуации и составляли процессуальные документы. Этот педагогический опыт частично описан в Очерке методики преподавания уголовного процесса в вузе МВД России (Омск, 1996) и внедрен в учебный процесс других институтов системы МВД России и некоторых гражданских учебных заведений. Став начальником кафедры, завершил перестройку учебного процесса в соответствии со своим видением.

В докторантуре Академии МВД СССР началось тесное сотрудничество с выдающимися учеными профессорами В.П. Божьевым и А.П. Гуляевым, другими видными процессуалистами.

Переход в Омск на руководящую работу не позволял уделять столь же много времени педагогической деятельности, однако студенческую аудиторию я не оставил. В сферу интересов вошли фундаментальные и прикладные

проблемы уголовного процесса и других отраслей законодательства уголовно-правового комплекса.

Проработав в Омской академии МВД России ровно двадцать лет, принял решение изменить направление приложения своих усилий и перешел для дальнейшего прохождения службы в центральный аппарат Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Столкнувшись с совершенно иным кругом должностных обязанностей, еще раз убедился, что глубокая научно-исследовательская работа в сочетании с навыками общения с аудиторией является прекрасной основой для любой аналитической деятельности. Приходилось давать оценку различным службам УВД субъектов Федерации. Во всех случаях, несмотря на незаинтересованность руководителей в неблагоприятных выводах, удавалось, как представляется, убедить их в необходимости совершенствования качества труда. Научная работа помогает видеть проблемы в целом и находить рациональные пути их разрешения.

Погружение в практику плодотворно сказывается и на качестве научно-исследовательской работы. Давно уже сказано, что, будучи основой и критерием истинности (эффективности) теоретических воззрений, практика высвечивает их недостатки, отбрасывая все схоластические, нежизненные конструкции. Знание практических потребностей помогает выстроить обучение в вузах МВД таким образом, чтобы, обладая глубокими фундаментальными знаниями, будущий специалист мог легко адаптироваться к конкретным практическим потребностям.

Сегодня имеется насущная потребность внесения изменений в институт дознания. Современная его трактовка, приводящая к конфликту следствия и дознания из-за нечеткого разграничения компетенции, не выдерживает проверки временем. Надо вновь вернуться к оценке эффективности согласия прокурора на возбуждение всех без исключения категорий уголовных дел. К ограничению права граждан на доступ к правосудию привел современный институт производства по делам частного обвинения. Значительных корректировок требует стадия исполнения приговора. Беспокоит то обстоятельство, что среди многочисленных публикаций последнего времени появились работы, по своему качеству явно не соответствующие потребностям теории и практики. Задача научного сообщества – давать им адекватную оценку.

КРУГ ЛИЦ, НА ИМУЩЕСТВО КОТОРЫХ МОЖЕТ БЫТЬ НАЛОЖЕН АРЕСТ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Авдеев Виктор Николаевич,

*доцент кафедры уголовного процесса, Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, д.30,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся круга лиц, на имущество которых может быть наложен арест. Особое внимание с учетом решений Конституционного суда Российской Федерации и изменений, внесенных в УПК РФ, уделяется наложению ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого и обвиняемого, а также имущество, находящееся у лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ.

Законодателем к субъектам, на имущество которых разрешено наложение ареста в качестве меры уголовно-процессуального принуждения, в УПК РФ (ч.ч. 1 и 3 ст. 115) отнесены:

- 1) подозреваемый, обвиняемый;
- 2) лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия;
- 3) другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Если имущество *подозреваемого, обвиняемого* является частью общей собственности супругов или семьи, арест налагается только на его долю. В то же время, как справедливо отмечается в Методических рекомендациях «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания», подготовленных в Генеральной прокуратуре РФ [4], «при наличии данных о том, что совместное имущество супругов было приобретено на средства, добытые подозреваемым, обвиняемым преступным путем, арест может быть наложен на него полностью или в части, превышающей долю данного лица в совместной собственности».

При уяснении доли имущества каждого из нескольких подозреваемых, обвиняемых, на которую может быть наложен арест, следователю и дознава-

тельно необходимо обращать внимание на степень их участия в совершении преступного деяния.

Следует иметь в виду, что в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска арест может быть наложен на все имущество одного из указанных участников уголовного процесса. При этом другим подозреваемым, обвиняемым по уголовному делу необходимо разъяснить их право на подачу регрессного иска.

Лицами, несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемого и обвиняемого, могут являться:

- их работодатель (ст. 1068 ГК РФ);
- финансовые органы соответствующей казны, ответственные за действия должностных лиц (ст. ст. 1069-1071 ГК РФ);
- законные представители не полностью дееспособных (ст. 1074, ст. 1077 ГК РФ);
- родители, лишённые родительских прав, за вред, причиненный несовершеннолетними (ст. 1075 ГК РФ);
- владелец источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) и др.

Возможность наложения ареста на имущество указанных лиц основано на нормах закона, определяющих материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, и направлено в первую очередь на защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Применение данной меры процессуального принуждения предполагает установление на данный момент личности подозреваемого, обвиняемого. Иначе, как справедливо отмечает Конституционный суд Российской Федерации в п. 3 постановления от 31 января 2011 года № 1-П, «невозможно ни определить перечень принадлежащего подозреваемому, обвиняемому имущества, на которое в обеспечительных целях может быть наложен арест, ни установить лицо, несущее по закону материальную ответственность за его действия, чтобы при необходимости наложить арест и на имущество этого лица» [1].

Следует иметь в виду, что наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска возможно только при условии привлечения таковых в качестве гражданского ответчика в порядке, предусмотренном ст. 54 УПК РФ.

При этом, основываясь на том, что материальная ответственность как основание для наложения в порядке ч. 1 ст. 115 УПК РФ ареста на имущество лица, которое подозреваемым или обвиняемым не является, обусловлена возможным совершением последними преступления (т.е. является ответственностью внедоговорной), Конституционный суд Российской Федерации в данном постановлении обоснованно отмечает, что соответствующая норма уголовно-процессуального закона «не предполагает наложение ареста на имущество такого лица в случае, если в силу договора или закона оно должно нести материальную ответственность за неисполнение подозреваемым или обвиняе-

мым своих обязательств, вытекающих из иного, нежели причинение вреда, основания» [1].

Согласно ч. 3 ст. 115 УПК РФ арест может быть наложен и на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия.

Из содержания указанной статьи следует, что применение данной меры процессуального принуждения допускается лишь «в публично-правовых целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу» [3] и при условии того, что есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

При рассмотрении нормативных предписаний ч. 3 ст. 115 УПК РФ возникает вопрос: *Подлежит ли аресту имущество, находящееся у других лиц, если такое имущество получено подозреваемым и обвиняемым законным путем, до совершения преступления, в результате которого причинен вред потерпевшему, но передано этим лицам на хранение, во владение, пользование в целях сокрытия от ареста и препятствования его изъятию в обеспечение гражданского иска, возможного штрафа, других имущественных взысканий или конфискации имущества?*

Некоторые ученые и практические работники трактуют нормы ст. 115 УПК РФ таким образом, что они однозначно предоставляют возможность ареста имущества подозреваемого и обвиняемого независимо от того, где и у кого оно находится.

Так, например, М.М. Корнеев в комментарии к ст. 115 УПК РФ отмечает, что ограничение ареста имущества других лиц наличием в деле доказательств, указывающих на получение этого имущества в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, не касается имущества подозреваемого или обвиняемого, укрываемого этими лицами от наложения ареста [6, с. 231].

А.П. Коротков делает вывод о том, что наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за их действия, допускается вне зависимости от места, где оно находится [7, с. 216].

Аналогичной позиции последовательно придерживается И.Л. Петрухин как при исследовании положений ст. 175 УПК РСФСР 1960 года [9, с. 120], так и при анализе ст. 115 УПК РФ [8, с. 183].

В Методических рекомендациях «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания», подготовленных в Генеральной прокуратуре РФ, говорится следующее: «При наличии доказательств, подтвер-

ждающих принадлежность обвиняемому, подозреваемому имуществу, собственником которого оформлено другое лицо, на такое имущество также может быть наложен арест. При этом лица, считающие себя собственниками имущества, имеют право предъявить иск об освобождении его от ареста, который подлежит рассмотрению судом в порядке гражданского судопроизводства» [7].

Обратимся к положениям ч. 3 ст. 115 УПК РФ. В ней четко закреплено, что *имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, может быть арестовано только, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма) организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).*

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что на любое другое имущество, находящееся у посторонних лиц, в том числе на имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому на законных основаниях, арест наложен быть не может.

Это подтверждается и ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, согласно которой имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

В ч. 1 ст. 115 УПК РФ также не содержится указания на возможность наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого независимо от места его нахождения. Из содержания, изложенного в ней предписания данный вывод можно сделать весьма условно.

Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, «закон должен прогнозировать распространенные в реальной действительности случаи укрывания обвиняемым (подозреваемым) имущества у других лиц и предусматривать его арест и изъятие» [5, с. 23].

В этой связи в целях совершенствования уголовно-процессуального закона представляется необходимым первое предложение ч. 3 ст. 115 УПК РФ изложить в следующей редакции: *«3. Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно принадлежит подозреваемому, обвиняемому либо получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма) организованной группы, незаконного*

вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

Рассматривая положения ч. 3 ст. 115 УПК РФ, необходимо иметь в виду, что наложение ареста на имущество, которое находится у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, и «получение которого в результате совершения преступления лишь предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий, обеспечивающих восстановление нарушенных прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства» [2].

В этой связи суд в постановлении об избрании данной меры принуждения в отношении указанных выше лиц обязан указать срок, на который налагается арест на имущество, учитывая при этом установленный по уголовному делу срок предварительного следствия или дознания и время, необходимое для передачи уголовного дела в суд.

Указанный срок может быть продлен судом в порядке, установленном ст. 115.1 УПК РФ.

1. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. По ходатайству общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 года № 25-П [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. «906-О-Р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания» [Электронный ресурс]: Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Аршба Г. В., Гирько С. И., Николюк В. В. Наложение ареста на имущество: учебно-практическое пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2004.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция / под общ. ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. М., 2002.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. и науч. ред. А. Я. Сухарева. М., 2002.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002.
9. Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М., 1989.

Ключевые слова: арест, имущество, подозреваемый, обвиняемый, лица, несущие по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, другие лица, срок ареста.

УДК 343.13

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРАВОВОЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ, А ТАКЖЕ ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ЕМУ ЗАКОНОМ ПОЛНОМОЧИЯ ПО ОТСТАИВАНИЮ ПРИНЯТЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Ананьев Роман Владимирович,
*руководитель отдела процессуального контроля,
 Следственное управление Следственного комитета
 Российской Федерации по Орловской области,
 302016, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 231*

В статье анализируется практика применения положений федерального законодательства, регламентирующих правовой статус следователя в досудебном производстве, а также предоставленные ему законом полномочия по отстаиванию принятых процессуальных решений.

Отделом процессуального контроля изучена практика применения положений федерального законодательства, регламентирующих правовой статус следователя в досудебном производстве, а также предоставленные ему законом полномочия по отстаиванию принятых процессуальных решений.

Ежедневная напряженная и кропотливая работа следователя по рассмотрению сообщений о преступлениях и расследованию уголовных дел напрямую затрагивает конституционные права и свободы граждан. Следствием указанного является то, что на действия следователя поступает большое количество жалоб и заявлений граждан. В своих обращениях они, как правило, выражают несогласие с принятыми процессуальными решениями.

После создания в 2007 году Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации законодатель попытался предоставить следователю определенную самостоятельность при принятии процессуальных решений и их отстаиванию на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Однако Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ в уголовно-процессуальное законодательство возвращена правовая норма (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), предоставляющая прокурорам право отменять вынесенные следователями или руководителями следственных органов постановления об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела. До внесения вышеуказанных изменений прокурор не имел право отменять решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении или прекращении уголовного дела, а был вправе в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (в ред. ФЗ от 05.06.2007) в ходе досудебного производства по уголовному делу требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. То есть в случае несогласия с принятым процессуальным решением прокурор не мог его отменить, а должен был внести соответствующее требование руководителю следственного или вышестоящего следственного органа.

Очевидно, что следователь является одним из основных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Именно на него возложена важная задача возбуждения уголовных дел при обнаружении признаков преступлений, осуществления предварительного расследования и подготовки материалов уголовного дела, чтобы суд имел возможность вынести по данному уголовному делу законный, обоснованный и справедливый приговор.

Законодатель наделил следователя широким спектром полномочий, соответствующим его, действительно, важной роли в досудебном процессе. Вместе с тем следователь – это не единственный участник уголовного судопроизводства, осуществляющий свои полномочия на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Важное значение имеет не только реализация следователем своих полномочий, но и его взаимодействие с иными органами и должностными лицами (руководителем следственного органа, прокурором, судом). Именно в таком взаимодействии и проявляется процессуальная самостоятельность следователя как лица, ответственного за ход и результаты своей деятельности.

Каждый следователь обязан руководствоваться предписаниями законодателя (ст. 6 УПК РФ) о содержании и направлениях его деятельности.

Для реализации стоящих перед ним задач следователь наделен процессуальной самостоятельностью. Процессуальная самостоятельность следователя – положение уголовно-процессуального законодательства, согласно которому следователь самостоятельно принимает все решения о направлении следствия и производстве следственных действий и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение.

В соответствии со ст. 38 УПК РФ он вправе:

- возбуждать уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ;
- принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности;
- самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключени-

ем случаев, когда для их проведения требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Процессуальная самостоятельность следователей может быть ограничена судом, прокурором, руководителем следственного органа.

После принятия вышеуказанных поправок к УПК РФ в 2007 году прокуратура не лишилась функции надзора. В УПК РФ (ст. 37) указано, что прокурор осуществляет прокурорский надзор за предварительным следствием, но объем этого надзора в настоящее время изменился. Прокурор осуществляет надзор за регистрацией и рассмотрением сообщений о преступлениях, законностью при производстве предварительного следствия, рассматривает жалобы на действия и решения следователя. Кроме того, прокурор утверждает обвинительное заключение и вправе дать письменные указания: при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Прокурор, например, дает указания следователю о проведении тех или иных следственных и процессуальных действий. Таким образом, в системе прокуратуры имеются механизмы, которые позволяют не просто надзирать за действиями следователей, но и ограничивать их самостоятельность.

Процессуальная самостоятельность следователя в процессуальном общении с прокурором обеспечивается следующим. Прокурор согласно п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уполномочен требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. Однако, когда следователь не согласен с направленным в его адрес требованием прокурора, он обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа. Последний информирует прокурора об обжаловании следователем его требования и приступает к рассмотрению требования прокурора, а также письменных возражений следователя на указанные требования. По результатам такого рассмотрения руководитель следственного органа дает следователю письменные указания об исполнении указанных требований либо информирует прокурора о несогласии с его требованиями.

Необходимо констатировать, что до настоящего времени не устранены пробелы уголовно-процессуального законодательства, связанные с отсутствием у следственных органов полномочий по обжалованию вышестоящему прокурору либо в суд отмен прокурорами решений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и о приостановлении предварительного следствия. Данное обстоятельство позволяет прокурорам неоднократно отменять данные постановления в связи с разрешением жалоб участников уголовного судопроизводства по формальным основаниям с целью удовлетворения данных обращений при отсутствии какой-либо дальнейшей судебной перспективы.

Здесь следует привести некоторые статистические данные. Так, за истекшие 4 месяца текущего года надзирающими прокурорами отменены как необоснованные 140 решений следователей об отказе в возбуждении уголов-

ного дела (АППГ – 198), 31 постановление о прекращении уголовного дела (АППГ – 19), 7 решений о приостановлении следствия (АППГ – 8).

Обжалование ряда немотивированных, по мнению следственного управления, постановлений прокурора об отмене вышеуказанных решений не принесло положительных результатов. Вышестоящим прокурором доводы ходатайств о необоснованности отмены процессуального решения и отсутствии необходимости проведения дополнительных проверочных мероприятий либо дополнительного следствия фактически не рассматриваются, а лишь указывается на отсутствие у следственных органов полномочий по обжалованию таких решений прокурора.

Однако примечательно, что эффективность вышеуказанных мер прокурорского реагирования сводится практически к нулю. Так, после отмены прокурором в текущем году 140 решений следователей управления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам дополнительной проверки возбуждено лишь одно уголовное дело (т.е. эффективность отмен составила 0,7%).

В силу ч. 2 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе принимать к своему производству уголовное дело и при этом обладает всеми правами следователя (или руководителя следственной группы). Это означает, что руководитель следственного органа вправе принять к собственному производству все уголовные дела во вверенном ему следственном подразделении либо назначить себя по всем этим делам руководителем следственной группы и таким образом направлять ход расследования. Поэтому процессуальной самостоятельностью в полном объеме могут обладать только руководители следственных органов.

Руководитель следственного органа вправе давать обязательные для исполнения письменные указания следователю (ч. 4 ст. 39 УПК РФ), что, по сути, и является ограничением процессуальной самостоятельности следователя. Но у следователя имеются возможности попытаться отстоять свое мнение по наиболее важным вопросам расследования, если указание руководителя следственного органа не обусловлено рассмотрением требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия. Так, когда непосредственный руководитель следственного органа занимает отличную от подчиненного ему следователя, в производстве которого находится уголовное дело, позицию, он по ряду вопросов не может навязать свое мнение следователю.

Обжалование вышестоящему руководителю следственного органа письменного указания непосредственного руководителя следователя, касающегося изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, направления дела в суд или его прекращения, приостанавливает исполнение этого указания до рассмотрения жалобы. В этом случае вышестоящий руководитель следственного органа вправе отменить указание нижестоящего руководителя следственного

органа или же отстранить следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ. Данные возможности вышестоящего руководителя следственного органа следуют из перечня общих прав всех руководителей следственных органов.

Таким образом, очевидно, что в некоторых случаях следователь несамостоятелен и не он принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, как вытекает, на первый взгляд, из п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Процессуальная самостоятельность следователя служит краеугольным камнем его полномочий, свидетельствует о той важной роли, которую государство и общество отводили и отводят следователю в деле борьбы с преступностью. В настоящее же время сложилась весьма парадоксальная ситуация, когда наряду с провозглашением процессуальной самостоятельности следователя это понятие, по сути, подменяется тезисом о независимости следователей от иных органов государственной власти и местного самоуправления. Вместе с тем процессуальная самостоятельность следователя небезграничная. В своей деятельности он должен соблюдать установленные законом границы и не вторгаться в компетенцию иных органов и должностных лиц уголовного судопроизводства.

С учетом вышеизложенного с целью законодательной регламентации полномочий следователей по отстаиванию принятых процессуальных решений требуется совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем внесения изменений, предоставляющих следователю право обжаловать вышестоящему прокурору либо в суд решения прокуроров об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и о приостановлении предварительного следствия (закрепив данное право в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, СК РФ, следователь, полномочия следователя.

УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Андроник Наталья Ауреловна,
*старший преподаватель кафедры криминалистики,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66*

В статье анализируются понятия «избрание меры пресечения» и «применение меры пресечения». Рассматриваются условия и основания избрания мер пресечений.

В последнее время в науке уголовного процесса и правоприменительной практике постоянно ставится вопрос о необходимости более частого избрания в отношении обвиняемых и подозреваемых мер пресечения, не связанных с полной изоляцией от общества. Утверждается, что данная правовая политика соответствует демократической природе и правовому характеру общества и государства, а также позволяет добиться экономии государственного принуждения.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает понятия «избрание меры пресечения» (п.13 ст.5 УПК РФ) и «применение меры пресечения» (п. 29 ст. 5 УПК РФ). В соответствии с УПК РФ *избранием* меры пресечения считается принятие следователем, дознавателем, прокурором, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, а *применение* меры пресечения – это процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения. Следовательно, понятие «избрание меры пресечения» является составной частью понятия «применение меры пресечения», которое начинается когда следователь, дознаватель вынес ходатайство перед судом об избрании меры пресечения, то есть составил процессуальный документ. На данном этапе можно увидеть противоречия несмотря на то, что в соответствии с п. 29 ст. 5 УПК РФ применена мера пресечения, следователь, дознаватель перед судом ходатайствует об избрании меры пресечения. В соответствии с УПК РФ залог в качестве меры пресечения *применяется*, домашний арест *избирается*, заключение под стражу *применяется*. Таким образом, между понятиями избрания и применения меры пресечения «грань очень тонкая», данные понятия отождествляются. Смысл слова «применить» истолковывается как осуществить на деле, на практике, а «избрать» - определить нужное, предпочитаемое [1, с. 251]. Нельзя не согласиться с Ю.Г. Овчинниковым, который под избранием меры пресечения в виде домашнего ареста понимает совокупность действий, устанавливающих основания избрания меры пресечения и порядок вынесения решения о домашнем аресте. А применение - это непосредственный порядок надзора за исполнением домашнего ареста [2, с. 84].

Несмотря на то, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ цели и основания мер пресечения совпадают, данный вопрос является одним из сложных в теории уголовного процесса.

Огромное значение в теории уголовного процесса и практической деятельности является вопрос об основаниях и условиях избрания мер пресечения.

Термин «основание» означает существенный признак, по которому распределяются явления, понятия, причины, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь [1, с. 463]. Термин «условие» означает наличие обстоятельств, от которых что-нибудь зависит. Основания, закрепленные в ст. 97 УПК РФ, являются универсальными при избрании любой меры пресечения, а понятие «условия избрания мер пресечения» в нем отсутствуют.

В уголовно-процессуальной литературе существуют различные мнения относительно толкования определения основания для избрания мер пресечения. По мнению одних ученых процессуалистов, это совокупность доказательств, имеющих в материалах уголовного дела на момент принятия решения об избрании меры пресечения. Так, П.М. Давыдов писал: «Под основаниями следует понимать два рода фактических данных, два рода доказательств: доказательства, устанавливающие факт наступления прошедшего события, и доказательства, устанавливающие возможность наступления будущего события. К первой группе оснований относятся доказательства, подтверждающие совершение преступления и степень опасности лица, его совершившего. Ко второй – доказательства, устанавливающие возможность со стороны обвиняемого уклонения от следствия и суда и отбытия наказания, возможность препятствования раскрытию истины, возможность совершения противоправных преступных действий» [3, с. 10-11].

В.А. Михайлов считает, что о реальных помыслах и чувствах конкретных личностей можно судить лишь по одному признаку - их действиям. В этой связи суждения лица или органа, принимающего решение о применении меры пресечения, должны основываться не на интуиции, а на базе конкретных доказательств, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения [4, с. 33].

Противоположная точка зрения у И.К. Трунова, Л.К. Труновой, которые определяют основания применения мер уголовно-процессуального пресечения как обстоятельства, которые связаны исключительно со свойствами лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении противоправного деяния, с его моральными, этическими и социально- нравственными мировоззрениями. Их проявление выражается в виде конкретных действий, проступков, высказываний, которые являются действиями, относящимися лишь к поведению подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления [5, с. 52].

В настоящее время следователь (дознатель) при избрании меры пресечения в подавляющем большинстве случаев, обосновывая основание, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, руководствуется интуицией и субъективным мнением. Данное суждение носит предсказательный характер: совершение новых преступлений вероятно, если лицо ранее совершило преступление, судимость за которое не снята и не погашена. Кроме того, у правоохранительных органов изначально имеется предубеждение, что лицо может продолжить заниматься преступной деятельностью, даже если судимость в установленном законном порядке погашена. Все факты, обуславливающие эту вероятность, должны быть установлены достоверно. Однако, проанализировав уголовные дела, можно прийти к выводу, что следователь, решая вопрос об избрании меры пресечения, часто по объективным причинам не в состоянии провести весь комплекс следственных действий и собрать характеризующий материал из-за ограниченности времени, отведенном законодателем.

Хотелось бы отметить, что под достаточными основаниями избрания мер пресечения следует понимать некий «фундамент» доказательств, свидетельствующий о продолжении преступной деятельности лица, реально возможном ненадлежащем поведении в настоящем и будущем обвиняемого подозреваемого, в результате чего в отношении данного лица необходимо избрать меру пресечения.

О.В. Химичева, Ю.Б. Плоткина выделяют основания для избрания мер пресечения, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, а к условиям относят требования уголовно-процессуального закона, без которых решение об избрании меры пресечения является незаконным и необоснованным. К таким относят: 1) наличие возбужденного уголовного дела; 2) привлечение лица в качестве обвиняемого [6, с. 87].

На наш взгляд, условия избрания меры пресечения можно классифицировать на три группы:

Общие условия: во – первых, наличие возбужденного уголовного дела, то есть наличие в материалах уголовного дела законного и обоснованного постановления о возбуждении уголовного дела с указанием квалификации преступления по уголовному кодексу РФ; *во- вторых*, определенный уголовно - процессуальный статус лица в качестве обвиняемого или подозреваемого. По общему правилу мера пресечения может быть избрана только в отношении обвиняемого. При избрании меры пресечения в отношении обвиняемого лицу должно быть сформулировано и предъявлено обвинение в совершении преступления и вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого с соблюдением уголовно-процессуального законодательства. От правильной уголовно-правовой квалификации действий лица, тяжести преступления во многом будет зависеть правильность избранной меры пресечения.

Специальные условия, которые должны учитываться при избрании той или иной меры пресечения, например, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста следует учитывать наличие жилого помещения, в котором обвиняемый (подозреваемый) является собственником или нанимателем жилого помещения.

Таким образом, следует принимать во внимание при избрании меры пресечения совокупность оснований, условий и обстоятельств. Это позволит следователю (дознавателю) мотивированно составить ходатайство об избрании той или иной меры пресечения и аргументировать в суде свои доводы.

-
1. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 736 с.
 2. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. Научно-методическое пособие. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. 191 с.
 3. Давыдов П. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. Л., 1953. С.10-11.
 4. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М.: Право и Закон 1996. 299 с.
 5. Трунов И. Л, Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

6. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 232 с.

Ключевые слова: мера пресечения, избрание, применение, основания, условия.

УДК 343.13

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ НАДЛЕЖАЩЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Артёмов Сергей Викторович,

*адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г.Орел, ул. Игнатова, 2*

На основе изучения фундаментальных работ, посвященных проблематике обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, обозначены основные аспекты этой сферы, подвергнутые исследованию разными авторами в разные годы. Их систематизация, а также соотношение с научными подходами, использованными для исследования защиты прав потерпевших в целом, позволили определить основные направления соответствующей научной концепции.

Теории уголовного процесса известны несколько фундаментальных работ, посвященных исследованию надлежащего обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших при производстве по уголовному делу. При этом каждый из авторов стремился показать не только свое видение указанной проблематики, но и иные оригинальные, отличные от других точки зрения, суждения как по общим, так и частным вопросам. Попытаемся проанализировать и сопоставить их.

Впервые в российской теории уголовного процесса комплексно проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших на предварительном следствии, интеграции международных стандартов и правил этой деятельности в отечественное уголовно-процессуальное законодательство и следственную практику были рассмотрены А. А. Жидких [1]. Необходимо учесть, что это было сделано на уже имеющейся научной основе. С одной стороны вопросы обеспечения прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве к тому моменту были достаточно разработаны уголовно-процессуальной наукой и отражены в работах Б. Т. Акрамходжаева, Б. Т. Безлепкина, В. П. Божьева, А. Н. Васильева, В. А. Дубривного,

Л. М. Карнеевой, В. Е. Квашиса, И. И. Петрухина, С. П. Щербы, М. Л. Якуб и др. С другой – накоплен достаточный научный материал, касающийся защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, правда, с акцентом на их участии в качестве подозреваемых или обвиняемых (Г. Н. Ветрова, Н. И. Гуковская, О. Х. Галимов, А. И. Долгова, А. С. Ландо, Е. Д. Лукьянчиков, Э. Б. Мельникова, В. В. Николюк, В. Т. Очередин, В. Я. Рыбальская, Г. П. Саркисянц, В. В. Шимановский).

В ходе исследования диссертантом были решены весьма значимые задачи: 1) определено состояние имевшей место на тот момент нормативно-правовой базы и механизмов обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших на предварительном следствии; 2) проанализированы международные стандарты и правила обеспечения прав указанных лиц, а также разработаны предложения по их реализации в сфере уголовного судопроизводства России; 3) определены основные проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших в ходе предварительного следствия; 4) разработаны правовые и организационные средства повышения эффективности защиты прав несовершеннолетних, пострадавших от преступлений [1, с. 7-8].

Сообразно этому была определена структура работы – диссертация состоит из двух глав, включающих в себя четыре параграфа. Несмотря на небольшой объем работы, автором достаточно последовательно и тщательно рассмотрены в первой главе диссертации вопросы теоретического характера, а во второй – прикладного. В значительном объеме в работе представлена и эмпирическая база.

Наиболее значимыми из числа положений, вынесенных на защиту, на наш взгляд, явились следующие:

- в правовой системе России отсутствуют надежные нормативно-правовые основы и механизмы усиленной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших;

- определены четыре направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, в том числе интегрирование международных правил и стандартов обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, создание доступных и надежных процессуальных процедур и организационных средств эффективной охраны прав и личной безопасности несовершеннолетних потерпевших;

- ряд конкретных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменения, включая введение специализации следователей, прокуроров, судей и адвокатов по делам с несовершеннолетними потерпевшими, обобщение недостатков в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших и принятие постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этим вопросам [1, с. 8-9].

В период действия УПК РФ первой работой, посвященной рассмотрению обозначенной нами проблематики, явилось диссертационное сочинение Ю. Н. Стражевич [2]. В данной работе рассмотрены три крупных блока вопросов. Первый из них собрал в себя все то, что касается потерпевшего как

участника уголовного судопроизводства. Здесь имеется понятие несовершеннолетнего потерпевшего, которое сформулировано следующим образом: «Несовершеннолетний потерпевший – это физическое лицо, которому на момент причинения преступлением вреда или угрозы его причинения не исполнилось 18 лет». Такая конструкция, по нашему мнению, является элементарной, обыденной и не представляет научной ценности. По крайней мере, она не заслуживает статуса положения, выносимого на защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Далее автор приводит свои рассуждения об уголовно-процессуальной право- и дееспособности, а также возрастных границах и их влиянии на определение объема уголовно-процессуальной дееспособности несовершеннолетнего потерпевшего. Интересными в этой части, по нашему мнению, являются суждения автора о том, что несовершеннолетний потерпевший в уголовном судопроизводстве должен быть наделен частичной дееспособностью. Объем дееспособности необходимо определять исходя из возрастной периодизации, отражающей психические возможности ребенка: до 10 лет, от 10 до 13 лет от 13 до 15 лет и от 15 до 18 лет.

Второй блок вопросов, рассмотренных в диссертации, касается законных интересов, прав и обязанностей несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Автором предпринята попытка разобраться с теоретической составляющей данного вопроса. Это позволило достичь определенных результатов, в частности, высказать точку зрения о том, что применительно к несовершеннолетним потерпевшим социальный интерес проявляется в соблюдении и реализации в ходе судопроизводства прав, предоставляемых ребенку в связи с его возрастной незащищенностью (выживание и здоровое развитие, содействие в восстановлении физического и психического состояния, защита от неправомерных действий законных представителей и др.).

В то же время считаем, что ряд предложений по совершенствованию законодательства, сформулированных автором в связи с этим, не представляют ни научного, ни практического интереса. Например, пожелание диссертанта о включении в ст. 11 УПК РФ предписаний, налагающих запрет на нарушение законных интересов участников уголовного судопроизводства, или положений о том, что процессуальные действия, осуществляемые в ходе производства по уголовному делу, не должны нарушать прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства.

Не бесспорным представляется нам подход, в соответствии с которым глава 50 УПК РФ должна содержать не только нормы, регламентирующие производство по делам несовершеннолетних, но и другие нормы, в которых были бы отражены особенности ведения судопроизводства, участником которого являются несовершеннолетние лица, в частности потерпевшие.

И, наконец, в третий блок были включены вопросы, касающиеся правовых гарантий осуществления прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Нам не вполне импонирует структура главы, где рассматриваются эти вопросы. Она состоит из двух па-

параграфов: первый – «Особенности производства по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего», второй – «Участие в судопроизводстве законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего и представителей по договору». Это не отражает в полной мере того замысла, который пытался реализовать диссертант.

В числе гарантий обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего автором рассмотрены: оказание психологической помощи; профессионализм должностных лиц, ведущих производство по делу; конфиденциальность процесса; безопасность процесса в отношении психофизиологического состояния ребенка. Характеризуя эти гарантии в развернутом виде, диссертант говорит о необходимости закрепления в законе правового статуса специалиста в области возрастной психологии и педагогики, более детальной регламентации статуса законного представителя несовершеннолетнего, возможности получения квалифицированной юридической помощи и др.

Во время работы с научными источниками у нас возникли некоторые неясности при ознакомлении с монографией А. И. Глушкова [3] и диссертацией М. Ю. Арчакова [4]. Во-первых, было обнаружено полное тождество структуры указанных работ. И та и другая состоят из трех глав, включающих в себя семь параграфов. Имеет место полная идентичность в наименованиях глав и параграфов. В обоих случаях первая глава поименована «Понятие несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве» и содержит первый параграф «Понятие несовершеннолетнего потерпевшего как участника уголовного судопроизводства»; второй параграф «Международные стандарты и нормы международного права, определяющие понятие и правовое положение несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе». Аналогичное наблюдается и в структуре второй и третьей глав.

Во-вторых, практически идентично содержание указанных работ (за незначительными исключениями, носящими в большей степени редакционный характер).

Также выяснилось, что диссертация М. Ю. Арчакова была защищена в марте 2012 г., а научным руководителем соискателя был доктор юридических наук, профессор А. И. Глушков.

Не задаваясь целью выяснять причины сложившейся ситуации, которая описана нами выше, мы не будем рассматривать указанные сочинения как две самостоятельные работы, тем более, что они содержат единые подходы к изучению интересующих нас вопросов. Относительно же последних считаем необходимым отметить следующее.

Как было указано выше, изначально авторы обратились к вопросам терминологии и, прежде всего, исследованию термина «несовершеннолетний потерпевший», а также формулированию соответствующего понятия. Но результаты исследования этого вопроса четырьмя годами ранее были представлены Ю. Н. Стражевич (о чем мы указывали выше). Так же как и этому исследователю, А. И. Глушкову и М. Ю. Арчакову ничего принципиально нового сказать не удалось. Предложенная ими дефиниция выглядит следующим

образом: «Несовершеннолетний потерпевший – это физическое лицо, в отношении которого дознавателем, следователем или судом вынесено постановление о признании потерпевшим в случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что преступлением ему причинён физический, имущественный или (и) моральный вред или есть угроза причинения такого вреда и которому на момент причинения указанного вреда не исполнилось 18 лет» [4, с.9].

Как отмечалось, во втором параграфе изложены международные стандарты и нормы международного права, определяющие понятие и правовое положение несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе, но считаем уместным отметить, что на основе текста этого параграфа М. Ю. Арчаковым не было сформулировано ни одного положения, выносимого на защиту.

Кстати, исследование международного законодательства в рассматриваемой области также было осуществлено в указанной выше работе Ю. Н. Стражевич. Не оставлено оно без внимания и авторами, посвятившими свои изыскания особенностям уголовно-процессуального производства в отношении несовершеннолетних. Эти вопросы привлекают внимание ученых и в настоящее время. В 2015 г. Н. В. Спесивов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, посвятив свое исследование международным стандартам осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних [5]. Справедливости ради надо отметить, что это законодательство в большей степени регламентирует вопросы несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого). О несовершеннолетних потерпевших (жертвах преступлений) в международных документах имеются лишь отдельные частные упоминания.

Вторая и третья главы диссертации М. Ю. Арчакова поименованы соответственно «Сущность и особенности обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших на досудебных стадиях уголовного процесса» и «Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших и механизм их реализации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства». Следует отметить, что содержание этих глав и сформулированные суждения автора в основном касаются либо обеспечения прав потерпевшего в целом, либо очень частных вопросов реализации прав несовершеннолетним пострадавшим. Сообразно этому сформулированы и положения, вынесенные на защиту. Так, во втором положении речь идет о понятии системы уголовно-процессуальных гарантий обеспечения реализации прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших. В пятом положении отражена авторская позиция о недопустимости применения практики разрешения вопроса о признании или непризнании несовершеннолетнего потерпевшим по уголовному делу в зависимости от виктимного поведения этого несовершеннолетнего. Суть третьего положения состоит в необходимости введения специализации следователей по уголовным делам, по которым не только обвиняемый (подозреваемый), но и потерпевший являются несовершеннолетними.

С определенной долей условности в список работ, непосредственно затрагивающих интересующие нас вопросы, мы включили еще несколько. В частности, диссертационное сочинение А. Д. Анучкиной, посвященное исследованию защиты в состязательном уголовном процессе прав несовершеннолетних и обвиняемых, и потерпевших [6].

В интересующем нас аспекте, а именно, обеспечения реализации прав несовершеннолетнего потерпевшего, в этой работе можно отметить ряд положительных моментов. Во-первых, мы приветствуем идею автора о том, что уголовно-процессуальные нормы, обеспечивающие повышенный уровень защиты любого несовершеннолетнего участника уголовного процесса, должны основываться на едином подходе несмотря на то, что это суждение не является новым. В юридической литературе давно уже обращается внимание на необходимость ликвидации дисбаланса в правовом статусе потерпевшего и обвиняемого. Важно то, что это положение относится к участникам судопроизводства, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Во-вторых, привлекательными выглядят суждения автора по тем вопросам, которые в равной степени касаются несовершеннолетнего и обвиняемого, и потерпевшего, в частности, о правовом статусе законного представителя этих лиц. В работе данной проблематике уделено большое внимание. Это же касается понятия правового статуса педагога, обеспечения подростка бесплатной квалифицированной юридической помощью и др.

К числу монографических работ, в которых исследуется эффективность обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, мы с определенной долей условности, отнесли диссертационное сочинение Н. А. Киряниной [7]. Автором данной работы предпринята попытка посредством определения круга субъектов первоначальной стадии уголовного процесса показать участие несовершеннолетних и их представителей на указанном этапе судопроизводства. На основе анализа уголовно-процессуального закона, практики его применения диссертант констатирует, что несовершеннолетние могут вовлекаться и достаточно часто вовлекаются в предварительную проверку сообщений о преступлениях. При этом они выступают в качестве различных субъектов уголовного процесса и, что наиболее важно с точки зрения нашего изыскания, могут занимать статус: заявителя; потерпевшего; лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению (от которого получено объяснение); лица, обжаловавшего незаконное или необоснованное действие (бездействие) и решение. Правовой статус данных участников уголовного процесса урегулирован недостаточно либо не определен вообще [7, с.53].

И далее, определившись с теоретическими и правовыми основами реализации прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, соискатель непосредственно обращается к вопросам обеспечения прав несовершеннолетних при приеме и проверке сообщений о преступлениях, а также при принятии итоговых решений стадии возбуждения уголовного дела. При этом в качестве относительно самостоятельной рассматривается проблематика, связанная с

защитой прав несовершеннолетних пострадавших от преступного деяния. В частности, речь идет об особенностях приема заявлений от несовершеннолетних пострадавших, представительстве их интересов при разрешении сообщений о преступлениях и др.

Частично вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших на первоначальном этапе уголовного судопроизводства были предметом рассмотрения авторов коллективной монографии, отразившей результаты исследования проблем обеспечения прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела [8]. Так же как и Н. А. Кирянина, они в качестве относительно самостоятельных рассмотрели вопросы реализации на первоначальной стадии уголовного судопроизводства прав несовершеннолетнего пострадавшего, проанализировали практику, сложившуюся в этой сфере.

Таким образом, основными направлениями исследования вопросов обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших от преступлений явились: конструирование понятия несовершеннолетнего потерпевшего, определение границ его дееспособности в уголовном судопроизводстве, международные стандарты осуществления производства по уголовному делу с участием данного субъекта. Кроме того, фрагментарно исследовались вопросы, связанные с участием несовершеннолетнего, пострадавшего от преступления, на различных этапах уголовного судопроизводства (включая первоначальную стадию), а также реализацией отдельных уголовно-процессуальных институтов (производство следственных и иных процессуальных действий, представительства, доказывание и др.).

На наш взгляд, это не говорит о том, что такими подходами в полной мере охвачена вся проблематика рассматриваемой сферы. Об этом свидетельствует сопоставление этих направлений исследования с основными аспектами проблемы надлежащего обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в целом, независимо от его возраста. Детальный анализ последних был осуществлен С. А. Синенко в рамках диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Проанализировав значительное число официальных документов, включая решения высшего судебного органа нашей страны, принятые в разные годы [9], аналитические материалы изучения практики в этой сфере [10], доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. Лукина, посвященный обеспечению защищенности прав и законных интересов потерпевших от преступления [11], законопроектов, подготовленных различными специалистами и представленных на суд юридической общественности и /или/ законодателя, значительный массив юридической литературы, включая все диссертационные исследования, осуществленные к тому моменту по данной проблематике, автор сформулировал ряд весьма значимых выводов. В частности, он отметил, что обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве является многоаспектной задачей, в рамках которой необходимо разрешить ряд крупных вопросов, связанных с понятием потерпевшего; обеспечением реализации его прав и защиты интересов на различных этапах уголовного судопроизводства.

производства; обеспечением прав потерпевшего при реализации отдельных правовых институтов (участие этого субъекта в доказывании по уголовным делам; возмещение вреда, причиненного преступлением; компенсация расходов, понесенных в связи с участием в отправлении правосудия; осуществление следственных действий, а также деятельности на завершающем этапе расследования и др.) [12].

Аспекты, которые применительно к потерпевшему в целом исследуются с особой тщательностью, относительно несовершеннолетнего потерпевшего подверглись изучению лишь фрагментарно, в разные годы и разными авторами. По нашему мнению, с учетом этих обстоятельств и должна быть выстроена концепция исследования вопросов, связанных с обеспечением прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего от преступления.

1. Жидких А. А. Обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 146.
2. Стражевич Ю. Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 235.
3. Глушков А. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве: монография. М.: МПГУ, 2012. С.160.
4. Арчаков М. Ю. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С.28.
5. Спесивов Н. В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов 2015. С. 241.
6. Анучкина А. Д. Защита интересов несовершеннолетних в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2011. С.222.
7. Кирянина Н. А. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С.202.
8. Марфицин П. Г. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела : монография / П. Г. Марфицин, С. А. Синенко, Д. В. Филиппов. Омск: Омская академия МВД России, 2013. С.144.
9. Постановление Пленум Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».
10. Аналитические материалы изучения практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда Российской Федерации за 2010 г.
11. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений : специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Рос. газета. 2008. 4 июня.
12. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 41.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, несовершеннолетний, доказывание, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, производство следственных действий.

УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Баранчикова Марина Вячеславовна,
*заместитель начальника кафедры уголовного права,
криминологии и психологии,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются особенности учета и реализации принципов законности и справедливости уголовной ответственности в уголовно-правовой норме о мошенничестве при получении выплат.

В современных условиях соблюдение провозглашенных в ст. 3 и 5 Уголовного кодекса Российской Федерации принципов законности и справедливости уголовной ответственности должно находиться под особым вниманием законодателя и правоприменителей. Это особенно важно при конструировании и применении новых уголовно-правовых норм, редакции которых в последние годы часто отличаются несовершенством, впоследствии постоянно модифицируются, что затрудняет их реализацию на практике.

Выделение специальных видов мошенничества, их оформление в самостоятельные статьи уголовного закона в связи с принятием федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ [1], в том числе введение ст. 159.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничества при получении выплат, породило многочисленные дискуссии о необходимости такой дифференциации.

Представляется, что «настоящая редакция правовых новелл вызывает сомнение в том, что они оправдают надежду инициаторов появления данного закона и явятся факторами, способствующими уменьшению числа злоупотреблений при привлечении к уголовной ответственности за мошенничество, снижению числа квалификационных ошибок» [2, С. 89].

По справедливому утверждению Н.А. Лопашенко, «выделение новых видов мошенничества произведено исключительно по казуистическому принципу, только за счет обращения внимания на отдельные разновидности хозяйственной деятельности», в то же время «о деятельности как таковой по получению выплат вести речь нет возможности» [3, С. 508].

Современное мошенничество отличается значительным разнообразием способов его совершения, при этом в сфере социальных выплат оно приобретает особую распространенность и опасность. Повышенная общественная опасность «социального» мошенничества обусловлена значительностью материального ущерба, причиняемого в результате его совершения и его «популярностью» среди российских граждан.

Мошенничество, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, совершается в специальной сфере – сфере социальных выплат, которая отличается значительным разнообразием и множественностью нормативных правовых актов, регламентирующих такие выплаты.

В диспозиции статьи представлен перечень наиболее распространенных выплат, в числе которых пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты, установленные законами и другими нормативными правовыми актами. При этом единого понятия социальных выплат действующее законодательство не содержит, сказано лишь, что они могут быть установлены не только законами, но и иными нормативными правовыми актами.

Необходимость установления видов полученных в результате мошенничества незаконных пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, оснований для их получения, отсылает правоприменителя к огромному количеству нормативно-правовых актов в сфере социального обеспечения.

В таких условиях, когда криминообразующий признак мошенничества определяет не Уголовный кодекс, а иное законодательство, возникает проблема определения неправомерности полученных выплат, указанных в диспозиции ст. 159.2 УК РФ.

Принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ, гласит, что преступность деяния и его наказуемость определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации. Однако из формулировки данного принципа возникают вопросы по поводу применения тех актов, которые к «настоящему Кодексу» не относятся, в частности норм других отраслей права, к которым отсылают бланкетные диспозиции, в том числе ст. 159.2 УК РФ. Нормы этих актов применяются, и, следовательно, фактически не только Уголовный кодекс РФ определяет преступность деяний.

Бланкетность формулировки диспозиции нормы в уголовном законе, а также необходимость изучения того, как изменение содержания бланкетных признаков может отразиться на развитии уголовно-правового отношения, осложняет применение ст. 159.2 УК РФ. Однако существование норм с бланкетными диспозициями неизбежно, оно не противоречит принципу законности и определяется системным характером права, все отрасли и нормы которого взаимосвязаны.

Предлагаемые в науке варианты разрешения проблемы бланкетности уголовно-правовых норм в виде необходимости предусмотреть в уголовном законе приложения в виде текстов тех законов и иных нормативных актов, на которые имеются ссылки в его нормах, либо его дополнение отдельной главой, где закреплен перечень указанных нормативных актов, неприемлемы.

Подобные изменения уголовного законодательства привели бы к его объемности и неудобству использования правоприменителем.

Установление предмета мошенничества имеет принципиальное значение для квалификации данного состава. Использование общих, неконкретных формулировок, характерных для диспозиции нормы, неуместно [4, С. 169]. В то же время специфика сферы социального обеспечения, ее динамичность в современных условиях осложняют возможность дать исчерпывающий перечень выплат или даже их общее определение.

Внесение законодателем в статью 159.2 УК РФ примечания, устанавливающего четкое определение пособий, компенсаций, субсидий как предмета данного вида мошенничества, способствовало бы повышению эффективности его квалификации. Однако существующие разночтения понимания данного вида выплат в различных нормативных правовых актах потребуют системных изменений всего законодательства сферы социального обеспечения, создание в нем единой терминологии в описании указанных видов выплат.

Допуская наличие в уголовном законодательстве норм с бланкетными диспозициями необходимо лишь, чтобы эти нормы содержали ссылки исключительно на нормативные акты федерального уровня, а именно исключительно на законы.

Сегодня практика применения ст. 159.2 УК РФ складывается достаточно последовательно и единообразно. Наиболее распространенными предметами данного вида мошенничества являются пособия по безработице, по потери кормильца, средства материнского капитала, пособия и субсидии для сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и т.д.

Часто предметом мошеннических посягательств становятся предусмотренные Федеральным законом от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» виды государственных пособий: пособие по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие по уходу за ребенком; ежемесячное пособие на ребенка; единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву; ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву [5].

Предметом данного вида мошенничества, кроме денежных средств, является иное имущество, которым при получении выплат может выступать жилое помещение, земельный участок, транспортное средство и т.п.

Мошенничество при получении выплат может быть совершено путем предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, ведущих к прекращению указанных выплат.

В отличие от традиционного мошенничества среди способов совершения данного преступления закон называет только обман, то есть предоставление заведомо ложных или иных недостоверных сведений, умолчание о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Такие сведения могут касать-

ся личности получателя, инвалидности, наличия иждивенцев, детей, участия в боевых действиях, отсутствия возможности трудоустройства и т.д.

Незаконное получение социальных выплат может иметь место на основании незаконно изготовленных или чужих личных или иных документов. Это могут быть свидетельства о рождении ребенка, пенсионное удостоверение, справки о временной нетрудоспособности, о доходах, проживании в зоне со льготным статусом, об участии в ликвидации последствий Чернобыльской АЭС, военных действиях и т.п. В случаях, когда виновным указанные документы были незаконно изготовлены либо предварительно похищены, его действия дополнительно квалифицируются соответственно по ст. 327 или ст. 325 УК РФ.

Важным в оформлении уголовно-правовой нормы о мошенничестве при получении выплат выступает справедливость ее редакции. В практическом аспекте принцип справедливости означает, что чем опаснее для общества та или иная разновидность преступлений, чем больший вред им причинен, тем более строгими должны быть санкции в отношении нарушителя.

Принцип справедливости, закрепленный в ч. 1. ст. 6 УК РФ, предусматривает, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Справедливость должна проявляться не только при применении уголовно-правовых норм, но и при определении круга деяний, признаваемых преступлениями, при конструировании санкции за тот или иной состав преступления [6, С. 8]. Законодательное обеспечение справедливости означает соответствие санкций уголовно-правовой нормы характеру и степени общественной опасности закрепленных в ней преступлений, а также соразмерность наказания схожим по тяжести видам преступлений.

Сравнение санкций традиционного мошенничества (ст. 159 УК РФ) и мошенничества при получении выплат показывает, что они не везде соразмерны. Если ч. 1 ст. 159 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, то ч. 1 ст. 159.2 УК РФ вообще не предусматривает возможность назначения виновному наказания в виде лишения свободы. Если общее мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, может быть наказано лишением свободы на срок до пяти лет, то аналогичное квалифицированное мошенничество при получении выплат наказуемо на срок до четырех лет.

Хотя указанные различия наказаний категории преступления не изменяют, основные составы классического и специальных видов мошенничества (в том числе мошенничества при получении выплат) отнесены к преступлениям небольшой тяжести; очевидно, что законодатель посчитал специальные виды мошенничества менее опасными, нежели мошенничество традиционное [3, С. 508].

Аналогичным образом сформулированный более низкий предел уголовной ответственности за квалифицированное групповое мошенничество

при получении выплат, нежели за традиционное мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, подтверждает позицию законодателя о меньшей опасности первого деяния.

Можно предположить, что введение законодателем состава мошенничества при получении выплат в уголовный закон преследовало цель либерализации ответственности за него, а также снижение степени общественной опасности этого деяния. Однако принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 3 июля 2016 года № 325-ФЗ [7], который повысил максимальный предел наказания в виде лишения свободы с пяти до шести лет лишения свободы по ч.3 ст. 159.2, уравнивая его с ч. 3. ст. 159 УК РФ, говорит об обратном.

Данные изменения были направлены на обеспечение справедливого соотношения друг другу санкций по особо квалифицированным видам традиционного и «социального» мошенничества. Тем самым существовавшее различие в максимуме лишения свободы по третьим частям рассматриваемых статей, когда разница их особо квалифицированных составов составляла один год, устранено. Это повлекло соразмерное изменение категоричности преступлений, теперь в ч.3 ст. 159.2 УК РФ, так же как и в ч. 3. ст. 159 УК РФ, предусмотрен состав тяжкого, а не средней тяжести преступления, как это было ранее.

Позитивным моментом в редакции ст. 159.2 УК РФ, по сравнению с иными видами мошенничества, выступает то, что среди всех его специальных составов именно в этой статье законодатель сохранил стоимостные критерии крупного и особо крупного размеров в сумме, соответствующей общему составу мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Сегодня отсутствуют официальные разъяснения по вопросам квалификации и наказуемости специальных видов мошенничества, что порождает в ряде случаев сложность, неоднозначность уголовно-правовой оценки мошеннических посягательств на практике. Очевидно, что назрела необходимость внесения соответствующих корректив в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», поскольку рекомендации о квалификации ряда деяний по ст. 159 УК в связи с введением ст. 159.1-159.6 потеряли свою актуальность, нуждаются в разъяснении отдельные положения вновь введенных норм [8, С. 109].

Соответствие принципам законности и справедливости уголовно-правовой нормы о мошенничестве при получении выплат выступает важным отправным моментом эффективной политики противодействия мошенничеству в социальной сфере. Их дальнейшее обеспечение в ходе применения ст. 159.2 УК РФ выступает перспективным направлением современной уголовной политики.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ // Российская газ. 2012. № 278.
2. Сергеев А. Б. Вопросы уголовно-правовой квалификации мошенничества в свете Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 27 (318). С. 88-91.
3. Лопашенко Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. №3. С. 504-513.
4. Степанов М. В. Вопросы квалификации мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014. № 3 (27). С. 168-172.
5. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федер. закон Рос. Федерации от 19.05.1995 № 81-ФЗ (с изм. от 03.07.2016) // Российская газ. 1995. № 99.
6. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. - СПб., 2001. – 100 с.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 03.07.2016 № 325-ФЗ // Российская газ. 2016. №149.
8. Кочои С. М. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 104-110.

Ключевые слова: принцип законности, принцип справедливости, мошенничество, получение выплат, обман, пособия, субсидии.

УДК 343.1

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

Безруков Сергей Сергеевич,

*ведущий научный сотрудник НИЦ № 5, ФГКУ «Всероссийский
научно-исследовательский институт МВД России»,
123995, Москва, Г-69 ГСП – 5, ул. Поварская, д. 25, стр. 1,
кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена анализу проблем формирования системы принципов уголовного процесса. Автором приводятся отдельные подходы к построению данной системы, обозначаются присущие им недостатки, формулируются требования к системе принципов уголовного процесса.

В общей теории права, а равно в отраслевых юридических науках, в последние годы стали обозначаться не только критерии (свойства), присущие принципам права, но и признаки образуемой ими системы. Их выделение, естественно,

предваряет обоснование авторской системы принципов права, выстраиваемой, как обычно заявляется, в строгом соответствии с ними [1].

В подавляющем большинстве случаев принципы уголовного процесса также позиционируются как система взаимосвязанных и взаимообусловленных положений. Противником отождествления совокупности принципов именно с системой зачастую называют И.В. Тыричева, который после перечисления положений, называемых им принципами, пояснил, что этот «перечень принципов – не система, а только полный суммативный (неорганизованный) набор системных компонентов». Свой вывод он обосновал тем, что система предполагает «внутреннюю научную группировку принципов, определенную последовательность их расположения в зависимости от выбора оснований группировки и ряда иных факторов». Тем не менее, потенциальная возможность построения системы принципов уголовного процесса им вовсе не отрицалась: для этого выделенные элементы нужно было сгруппировать, предложить некую последовательность их расположения [2].

В теории уголовного процесса представлен и подход, при котором в юридической сфере используются достижения естественных наук, изучающих различные системы и их компоненты [3]. В.Т. Томин, традиционно уделяющий повышенное внимание в своих работах терминологии, а также понятию систем [4], напротив, не предлагает дополнительного набора обязательных критериев, которым должна соответствовать система процессуальных принципов, хотя и оговаривает отдельные ее признаки. В отличие от большинства процессуалистов, он допускает конфликтность во взаимоотношениях принципов, причины которой кроются в том, что каждый принцип – идея наибольшей для уголовного процесса степени общности. Именно поэтому каждый принцип «стремится к максимальному влиянию на нормы-правила поведения, на нормы, определяющие компетенцию и процессуальный статус участников уголовного процесса. Следовательно, взаимоотношения между принципами конфликтны» [5].

В работах других представителей Нижегородской школы процессуалистов приведены разительно отличающиеся подходы к восприятию и построению системы принципов. Они прибегают к системному мышлению, подробно рассматривая вопрос о структуре системы принципов уголовного процесса [6], исходят из пяти типов системных представлений и высказывают ряд критических замечаний в адрес законодательной системы принципов уголовного процесса, анализируют доктринальные их системы, существовавшие в различные периоды развития советской уголовно-процессуальной науки, предлагавшиеся в проектах УПК, но в итоге называют оптимальной систему В.Т. Томина. Именно ее А.В. Агутин предлагает «положить в основу» системы принципов современного отечественного уголовного процесса [7].

Прежде чем привести некоторые пояснения о системе принципов уголовного процесса, Р.Х. Якупов перечисляет положения, отвечающие сформулированному им признаку бинарности. Все принципы, убежден автор, связаны друг с другом определенным образом. Они равнозначны, но разнопорядковы и разноплановы, что дает основание вести речь о многоуровневой системе принципов уголовного процесса [8]. Обнаружив в юридической литера-

туре самый краткий перечень принципов уголовного процесса, состоящий из 7 принципов (В.Т. Томин, 1970), и его прямую противоположность – самый обширный – 27 принципов (В.П. Нажимов, 1979), Р.Х. Якупов пытается разобратся с недостатками конструирования этих систем. Им признается неперспективным деление принципов на основные и неосновные, конституционные и специальные (фактически неконституционные). Обозначаются недостатки систем принципов уголовного процесса, предложенных И.Ф. Демидовым, Т.Н. Добровольской [8].

Диаметрально противоположные тенденции, состоящие в чрезмерном сужении круга принципов или неосновательном их расширении, фиксировались задолго до принятия УПК, к примеру, Т.Н. Добровольской, И.В. Тыричевым, которые связывали каждую из них с отсутствием четких указаний о составе системы принципов в уголовно-процессуальном законодательстве [2]. К сожалению, данная проблема не решена и по сей день. Более того, тенденции к произвольному сужению или неоправданному расширению числа принципов после появления главы 2 УПК РФ не только не остались в прошлом, но и усугубились.

Таким образом, к окончательному разрешению проблемы построения системы принципов уголовного процесса не смогли привести ни выделение в УПК РФ отдельной главы, им посвященной, ни попытки обозначения признаков, присущих их системе, сопровождающиеся широким привлечением знаний из теории систем. На наш взгляд, характерные черты (критерии, признаки, свойства) какой-либо системы гораздо легче выделять, когда она уже смоделирована или сформирована. Не совсем правильно, пожалуй, переносить признаки систем, приписываемые им в сфере естественных и технических наук, на юридическую почву. Выстраивая систему принципов, несомненно, необходимо сверять каждого потенциального претендента на этот статус с признаками, присущими положениям такого уровня. В сфере юриспруденции важнее не называть критерии, которыми должна обладать система, а задать определенные требования, не допуская их игнорирования в процессе законотворческой работы. К таким требованиям надлежит отнести:

1. Достаточность системы принципов для целей адекватного уголовно-процессуального регулирования. Диаметрально противоположные тенденции, состоящие в минимизации или чрезмерном расширении количества положений, в нее входящих, должны быть исключены.

2. Отражение в системе принципов только существенных черт уголовного процесса. Принципы должны воспроизводить исключительно важные стороны уголовного судопроизводства, не опускаться до уровня значимых, но все-таки частных предписаний. В этой связи вряд ли существует острая необходимость причисления к принципам прав отдельных участников уголовного судопроизводства (право не свидетельствовать против себя самого, право подозреваемого и обвиняемого на защиту, право на обжалование и т.д.).

3. Отсутствие дублирования схожих по своей сути положений. С точки зрения надлежащего процессуального регулирования сомнительна потребность многократного повторения норм Конституции РФ, гарантирующих от-

дельные права человека и гражданина, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

4. Направленность системы принципов на обеспечение интересов сторон обвинения и защиты, общества и государства. Неприемлемым является подход, когда принципы учитывают только или в подавляющем большинстве интересы стороны защиты.

5. Допустимость включения в систему принципов уголовного процесса положений, развитие которых в частных нормах способно привести к возникновению противоречий между ними. Полностью избежать таких противоречий невозможно, в силу наличия причин, обозначенных выше В.Т. Томиным, состоящих в стремлении каждого принципа к максимальному воплощению в процессуальных нормах.

6. Неприемлемость соприкосновения в системе процессуальных принципов взаимоисключающих предписаний. Не могут быть принципами уголовного процесса, к примеру, публичность и диспозитивность, законность и целесообразность и т.п. Допуская возможность отдельных ограничений действия принципов, мы не можем согласиться с подходом, когда исключения сами становятся принципом.

С учетом изложенного, система принципов уголовного процесса представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих требований, необходимых и достаточных для построения оптимального порядка уголовного судопроизводства.

Следует оговорить и то обстоятельство, что выделяемые признаки отдельных принципов и требования к построению их системы, тем не менее, оставляют достаточно широкий простор для усмотрения законодателя. Полностью исключить субъективный фактор при построении системы принципов уголовного процесса, равно как и любой другой отрасли права, любого другого вида человеческой деятельности, наверное, невозможно.

-
1. Захаров А. Л. Межотраслевые принципы права. Самара, 2004. С. 32; Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 65-82.
 2. Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса. М., 1983. С. 21.
 3. Тарнавский О. А. Теоретическое определение системы принципов уголовного судопроизводства // Эволюция российского государства и права: Сборник научных статей. Смоленск, 2012. С. 172-175.
 4. Томин В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции // Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебное пособие / Науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014. С. 25-30.
 5. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса // Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебное пособие / Науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014. С. 115-116.
 6. Агутин А. В., Ерашов С. С. Понятие, структура и свойства системы принципов российского уголовного процесса // Адвокатская практика. 2000. № 3. С. 58-60.
 7. Агутин А. В. Законодательная и доктринальная системы принципов отечественного уголовного процесса // Современные проблемы государства и права. Сборник научных трудов. Вып. 7. Н.Новгород, 2004. С. 120-148.
 8. Якупов Р. Х. Принципы уголовного процесса: Лекция. М., 1997. С. 21-22.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; принципы уголовного процесса; система принципов уголовного процесса.

УДК 343.13

ВИДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ КЛАССИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВ (СТ. 159 УК РФ)

Белицкий Владислав Юрьевич,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса,

Барнаульский юридический институт МВД России,

656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49,

кандидат юридических наук, доцент

Виды мошенничеств многообразны, что обусловлено разнообразием критериев, которые могут быть положены в основу их классификации.

В данной статье предложим несколько из возможных критериев классификации, на основе которых выделим виды мошенничеств состава преступления, регламентированного ст. 159 УК РФ.

I. В зависимости от способа можно выделить мошенничества, совершенные путем обмана или путем злоупотребления доверием.

Безусловно, в определенных случаях указанные два способа могут иметь место в совокупности. В этом случае органы предварительного расследования абсолютно правильно описывают и обман, и злоупотребление доверием в качестве способа совершения преступления.

Однако, если по материалам уголовного дела особых доверительных отношений между виновным и потерпевшим нет (например, они впервые встречаются либо между ними неприязненные отношения), необходимо устанавливать только один способ – обман.

II. В зависимости от вида мошеннического обмана:

1) *обман в отношении личности («обман в лице»)*, состоит в том, что мошенник сообщает ложные сведения о самом себе или о своем соучастнике. Обман может касаться и третьих лиц, особенно если речь идет о факте существования того или иного лица. Например, когда мошенник выдает себя за сотрудника того или иного государственного учреждения или правоохранительного органа, уполномоченного на проведение проверок. В процессе такой проверки выявляются «нарушения» действующего законодательства и инсценируется ситуация готовности проверяющего получить «взятку» и не заметить выявленные «нарушения».

Разновидностью этого вида обмана могут быть: «обман в тождестве» – преступник выдает себя или своего соучастника за другого; «обман в личных качествах», когда субъект приписывает себе или своему соучастнику свойства, которых он в действительности не имеет;

2) *обман в отношении предметов*, заключается в предоставлении ложных сведений о существовании различных предметов, их тождестве, качестве, количестве, цене и т.д.

К числу мошенничеств данного вида относятся: продажа вещевой или товарной куклы; «фармазонство», то есть изготовление и продажа изделий из цветного металла и стекла под видом изделий из драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней; подмена купюр на купюры более мелкого достоинства при обмене банкнот или продаже иностранной валюты и другие [1, С. 116-117];

3) *обман относительно событий и действий, которые служат основанием для передачи имущества*.

Например, в Омске 32-летняя домохозяйка приобрела в кредит трехкомнатную квартиру, застраховав при этом свою жизнь. В случае её смерти страховая компания должна полностью погасить ипотеку. В дальнейшем, вступив в сговор со своим братом, мошенница изготовила справку о своей смерти и иные необходимые документы, на основании которых брат мошенницы получил свидетельство об её смерти. Полученный документ он предъявил в страховую компанию, которая, выполняя свои обязательства, полностью погасила ипотеку и, кроме того, выплатила 40 тысяч рублей брату «умершей» [2];

4) *обман в отношении намерений* состоит в том, что виновный вводит в заблуждение потерпевшего относительно своих действительных намерений. Например, таким обманом считаются действия, когда лицо получает от потерпевшего деньги, обещая оказать определенную услугу, выполнить работу, берёт имущество в прокат, заверяя, что вернет в условленное время, в долг, при получении кредита и т.п., хотя фактически не имеет намерения ни выполнить работу или услугу, ни возвращать вещь, ни погашать долг [3].

К числу мошенничеств данного вида относится также:

- мнимое посредничество;
- способ мошенничества «два хозяина», при котором объекты недвижимого имущества реализуются или сдаются в аренду, наем нескольким добросовестным приобретателям, нанимателям, арендаторам;
- мошенничество «суррогатной мамы», при котором заключается договор о вынашивании физиологически здоровой женщиной ребенка, зачатого с использованием репродуктивных компонентов. В дальнейшем «суррогатная мама», получив и потратив деньги заказчика, не выполняет взятых на себя обязательств: не является на репродуктивное оплодотворение или в дальнейшем делает аборт и заявляет о выкидыше;
- мошенничество лжеработодателя, при котором мошенники получают от потерпевших деньги за оказание услуг по поиску работы и трудоустройство за рубежом, оформлению связанных с этим документов и пр.

III. В зависимости от сферы совершения мошеннических действий можно выделить мошенничества в сфере: страхования; кредитования; здравоохранения; финансового рынка; потребительского рынка; оборота недвижи-

мости (купли-продажи, в том числе на вторичном рынке жилья; в сфере строительства и пр.); оборота товарно-материальных ценностей; оборота ценных бумаг; возмещения НДС; бытовое мошенничество и др.

IV. В зависимости от объекта преступного посягательства можно выделить следующие виды мошенничеств: мошенничество в отношении физических лиц – граждане; мошенничество в отношении предпринимателей; мошенничество в отношении юридических лиц.

Возможно и более конкретная детализация личности потерпевшего – объекта мошеннических действий:

- 1) физические лица, в том числе иностранные;
- юридические лица: предприятия связи и провайдеры сети Интернет; банки и другие кредитные организации; магазины электронной торговли; другие коммерческие и некоммерческие организации; другие иностранные юридические лица.

V. В зависимости от места совершения мошеннических действий: мошенничество, совершенное в общественных местах; мошенничество, совершенное на объектах железнодорожного транспорта; мошенничества, совершенные в уголовно-исполнительной системе; мошенничество в сети Интернет и др.

VI. В зависимости от механизма преступной деятельности выделяют мошенничества, совершенные: путем фальсификации обстоятельств дорожно-транспортных происшествий; с использованием результатов автоматизированной обработки данных (мошенничество в сфере высоких технологий); с применением средств сотовой связи; с использованием платежных карт; по принципу «финансовых пирамид»; с целью незаконного захвата в собственность имущества юридического лица и др.

VII. В зависимости от предмета преступного посягательства мошенничество может быть направлено на завладение: денежными средствами; товарно-материальными ценностями и другим движимым имуществом; недвижимым имуществом; правом на имущество.

VIII. В зависимости от количественного состава лиц, совершивших мошеннические действия, можно выделить мошенничество, совершенное: одним лицом; группой лиц по предварительному сговору; организованной преступной группой; преступным сообществом (преступной организацией).

Предложенная классификация является базовой и не исчерпывает всех возможных критериев для классификации.

В практической правоприменительной деятельности мошенничества отдельного вида в чистом виде встречаются редко. Как правило, имеет место сочетание нескольких классификационных критериев. Например, в последнее время на территории Алтайского края получил распространение следующий вид мошенничества: мошенник, позвонив на сотовый телефон гражданина и представившись сотрудником одной из организаций здравоохранения, заявляет, что гражданину положена денежная компенсация в крупном размере. После этого звонивший сообщает, что для получения этих средств необходимо иметь деньги на банковской карте и просит назвать её номер и код актива-

ции, чтобы проверить наличие на ней денежных средств. Получив требуемые сведения, мошенник производит хищение денежных средств с банковской карты гражданина [4]. В приведенном примере имеет место объединение таких классификационных критериев, как вид мошеннического обмана – обман в отношении личности («обман в лице») и обман в отношении намерений; механизм преступной деятельности – с применением средств сотовой связи, а также с использованием платежных карт; объект преступного посягательства – гражданин.

Отметим, что в рамках названных видов мошенничеств могут быть выделены и более частные их виды или подвиды.

Например, мошенничество, совершенное по принципу «финансовой пирамиды», в зависимости от времени и вида деятельности, под предлогом осуществления которого привлекались финансовые средства, можно условно разделить на «финансовые пирамиды» первого и второго поколений. [5]

«Финансовые пирамиды» первого поколения активно действовали в России в период с 1991 по 1997 гг. и продолжили её в 2007-2008 гг. – это «пирамиды» первого поколения или «пирамиды» в чистом виде. Они включали две разновидности: денежные и товарные.

«Финансовые пирамиды» второго поколения начали свою деятельность в конце 90-х годов XX века – начале XXI века и стали позиционировать себя как: организации многоуровневого или сетевого маркетинга; «финансовые пирамиды», действующие под видом различных клубов, организаций социальных новаций; «строительные пирамиды»; «кредитные пирамиды» и другие.

О каком бы критерии для классификации не шла речь, важно понимать, какова цель данной классификации, какова её роль в выявлении раскрытии и расследовании мошенничеств.

Считаем, что основной целью классификации мошенничеств должно выступать выявление особенностей мошенничеств того или иного вида, знание которых необходимо сотрудникам правоохранительных органов, для организации успешной деятельности по доказыванию факта совершения мошеннических действий конкретным лицом и его умысла на их совершение.

1. Журавлев С. Ю. Расследование экономических преступлений. М. Издательство «Юрлитинформ», 2005. С. 116-117.
2. Граф Н. Умру, но не заплачу. Чтобы не платить ипотеку, омичка организовала собственные похороны // Российская газета. 03.10.2012. № 5900 (227). Электрон. ресурс. [Электрон. дан]. Режим доступа: URL://www.rg.ru/2012/10/03/svidetelstvo.html.
3. Волженкин Б. В. Мошенничество. Санкт-Петербург, 1998. 36 с.
4. Жителей Алтая предупреждают о новом виде мошенничества // ИА Амтел. 03.03.2016. Электрон. ресурс. [Электрон. дан]. Режим доступа: URL://old.amic.ru/news/322343/.
5. Белицкий В. Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2008. 239 с.

Ключевые слова: мошенничества, виды мошенничеств.

УДК 343.72

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ

Беляев Андрей Викторович,

*заместитель начальника отдела №6 СУ УМВД России по г. Белгороду,
308002, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, 133ж;*

Овсянников Евгений Михайлович,

*преподаватель кафедры уголовного процесса,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, 71*

Статья посвящена отдельным проблемам проведения осмотра и расследования уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях.

Предотвращение дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), несмотря на принимаемые меры, по-прежнему остается одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации, поскольку непосредственно связано с национальной безопасностью. Так, за 8 месяцев 2016 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 108028 ДТП с пострадавшими, в которых погибло 12446 и ранено 138048 человек. Наиболее распространенные – ДТП, связанные со столкновением транспортных средств (далее – ТС) – 44893, наездом на пешеходов – 30355.

В 11496 случаях водители скрылись с места происшествия, по 4789 фактам транспортные средства, совершившие ДТП, не установлены [1].

В этих условиях осмотр места происшествия (далее – ОМП) при установлении обстоятельств дорожно-транспортного происшествия занимает ключевое место, так как все последующие проводимые следственные действия, экспертные исследования основываются на данных, полученных прежде всего, в результате именно осмотра [2,3,4].

Основными задачами ОМП являются:

- установление факта ДТП, точного места и времени его совершения;
- предположительная классификация ДТП;
- направленность движения, местонахождение и действия участников событий в момент возникновения опасной ситуации;
- местонахождение и действия участников в момент самого ДТП;
- положение и состояние участников в конечной (завершающей) стадии ДТП;
- состояние груза, дорожных сооружений и местных предметов в связи с ДТП.

Однако следует помнить, что до прибытия сотрудника, осуществляющего осмотр, на месте происшествия могут быть проведены изменения причем на законных основаниях (госпитализация пострадавших, повреждение и

перемещение автомобиля для извлечения водителя и пассажиров, необходимость возобновления движения или проезда экстренных служб и т.д.) [5].

Важно детально зафиксировать сложившиеся дорожные условия, особенно при осмотре в зимний период времени или после прошедшего дождя.

Наиболее значимым и трудоемким в доказывании обстоятельств произошедшего остается такой вид ДТП, как столкновение нескольких транспортных средств, в результате которого причинен тяжкий вред здоровью или погибли люди.

В процессе ОМП особое внимание уделяется фиксации деталей, обломков ТС на проезжей части, осыпям, их началу и окончанию, центру и видам этих осыпей. Как правило, на месте происшествия после столкновения образуется множество различного рода следов от разброса осколков, осыпей, отдельных фрагментов автомобилей (двигатели, элементы кузова и т.п.). Невзирая на большой объем фиксируемых следов, их необходимо детально осмотреть и зафиксировать, поскольку самым важным моментом при последующем расследовании, как уже отмечалось ранее, служит установление места столкновения (особенно в случаях, когда имеет место выезд на полосу встречного движения или столкновение произошло поблизости от границы проезжих частей). При этом необходимо обращать внимание в том числе и на наличие царапин на проезжей части, оставленных отдельными деталями автомобилей (в частности, дисками колес, картеров двигателей и прочими выступающими деталями), поскольку дальнейшее исследование обнаруженных частиц позволит идентифицировать транспортное средство, их оставившее. Так, следователем при осмотре ДТП были обнаружены серебристые следы. При сравнительном исследовании диска одного из автомобилей, участвовавших в ДТП, была установлена тождественность с обнаруженными следами. Это позволило установить место столкновения и опровергнуть версию водителя, нарушившего Правила дорожного движения Российской Федерации, указывавшего на другое место столкновения [7].

После осмотра самого места происшествия немаловажным следственным действием является осмотр транспортных средств и отыскание на них следов лакокрасочного покрытия автомобиля «друг от друга», их характер, форму, направление. Их наличие может указать на факт и последовательность столкновения, что особенно необходимо при наличии нескольких автомобилей.

Подлежит выяснению факт оборудования автомобилей видеорегистраторами, дата последнего прохождения технического обслуживания (далее – ТО), наличие дополнительного оборудования, в том числе перевес, и т.п. Так, следователем после обращения в сервисный центр и получения сведений о дате и результатах последнего ТО была опровергнута версия водителя о возможных неисправностях тормозной системы, что позволило в короткие сроки направить в суд уголовное дело о ДТП, имевшем широкий общественный резонанс и многочисленные обращения граждан [7].

Следующим этапом при установлении виновности водителя, совершившего столкновение с несколькими автомобилями, является назначение и

проведение комплекса технических экспертиз от транспортно-трасологической до комплексной автовидеотехнической (при наличии видеосъемки момента ДТП) экспертиз, в рамках проведения которых основными вопросами, подлежащими выяснению, является место столкновения и наличие у «невиновных» водителей технической возможности избежать столкновения, для последующей квалификации их действий.

С ростом транспортной инфраструктуры, особенно в крупных городах, нередко происходят ДТП с участием общественного транспорта, как правило, вызывающие большой резонанс в обществе.

В целом особенности расследования таких уголовных дел ничем не отличаются от расследования аналогичных дел с автомобилями, однако имеются некоторые особенности.

Так, уже при ОМП необходимо устанавливать ряд обстоятельств. Кроме прочих, подлежат установлению, в первую очередь, исправность транспортного средства, наличие документов, подтверждающих право управления ТС, и установление лиц, ответственных за выпуск транспорта в эксплуатацию.

В случае установления факта эксплуатации транспорта, имеющего технические неисправности, необходимо устанавливать причину и время возникновения неисправности (до, в момент или после ДТП) и в зависимости от результатов принимать решение о выделении материала по ст.238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) («Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности») или же по ст.266 УК РФ («Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями»), в зависимости от наступивших последствий.

Так, при расследовании ДТП с участием маршрутного автобуса, в результате которого погибли два пешехода, одновременно с водителем автобуса, привлеченного к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств») по ст. 266 УК РФ был привлечен механик организации [7].

После установления названных обстоятельств выясняется, имеет ли транспорт устройства контроля (тахограф, ГЛОНАСС и т.п.), и если да, то необходимо принять меры к изъятию интересующей информации. Например, благодаря установленной на автобусе системе ГЛОНАСС следователь установил скорость и перерывы в движении автобуса, а также время и режим работы светофора [7].

Далее необходимо установить трудовые и правовые отношения между собственником автобуса и водителем. Как показывает практика, в последнее время участились случаи эксплуатации автобусов без разрешительных документов на основании договоров аренды, что предусматривает ответственность по ст.14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях («Осуществление предпринимательской деятельности без го-

сударственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)») или ст.171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»).

При наличии исковых требований со стороны пострадавших в соответствии со ст.648 Гражданского кодекса Российской Федерации необходимо признавать ответчиками, помимо водителей и собственников транспортных средств, арендодателей, накладывая арест на автобусы.

Расследование уголовных дел о ДТП, совершенных в городских условиях с наличием в них многополосных перекрестков, большого количества светофоров представляет собой определенную сложность. В таких случаях нельзя подходить к ОМП шаблонно. Каждое ДТП – это отдельно взятая ситуация, при которой необходим индивидуальный подход при оформлении.

Свои особенности расследования существуют при столкновении ТС в городских условиях. Мало установить наличие всех следов, важно еще не запутаться в них. Как правило, если имеется возможность, осмотр лучше проводить по направлению движения предполагаемого виновника, лишь в этом случае протокол будет доступен и понятен всем участникам. Необходимо фиксировать наличие осыпей и потеков на проезжей части, царапин, устанавливать расстояния от них до края проезжей части, устанавливать величину уклона, дорожные условия и т.п.

«Привязка» следов (установление расстояния до неподвижных постоянных объектов) должна осуществляться с помощью рулеток до постоянных объектов, бордюров, углов домов и т.п., но даже в этих случаях нередко ситуации, когда при последующем сносе зданий и сооружений, к которым осуществлялась привязка, уже в ходе производства следственного эксперимента приходится детально воссоздавать по сути всю дорожную обстановку, чтобы достичь целей, поставленных проводимым экспериментом.

На перекрестках города могут быть установлены камеры наблюдения, видеозаписи с которых могут служить важным источником при доказывании вины. В этом случае необходимо внимательно осмотреться перед началом проведения осмотра. В момент ДТП на балконах домов находятся люди, которые могут являться очевидцами.

Одним из главных вопросов при ОМП является установление лица, управлявшего автомобилем в момент ДТП. Так, с этой целью помимо проведения однотипных действий (опросы и т.п.) следует прибегать к помощи специалистов [1] и изымать из салона автомобиля следующие объекты: кровь, потожировые следы, подушки безопасности с биологическими следами, чехлы с волокнами, возможно, обувь, оставшуюся на месте водителя, следы рук и др.). К тому же у водителя могут остаться характерные следы от рулевого колеса на теле, поэтому измерение диаметра рулевого колеса будет способствовать проведению исследования при производстве медицинской судебной экспертизы.

Отдельно стоит остановиться на ДТП, связанных с наездами на пешеходов. Так, за 8 месяцев 2016 года на территории России в таких происшествиях погибло 3277 и ранено 28777 человек [1].

В большинстве случаев наезды на пешеходов происходят на пешеходных переходах. При осмотре важно не упустить такие детали, как: обнаружение и фиксация следов автомобиля (юза, торможения, бокового скольжения и т.п.), их направление и протяженность с «привязкой» на схеме ДТП начала и конца следа, а также определение ширины колеи ТС.

Как правило, на территории города пешеходные переходы обозначены разметкой либо дорожными знаками. Поэтому важно «привязать» обнаруженные следы именно к переходу, чтобы впоследствии иметь возможность для себя и эксперта установить удаление от пешехода в момент применения торможения, что позволит в последующем проверить показания водителя, так как восприятие им дорожной обстановки субъективно, и в момент наезда любому кажется, что пешеход появляется внезапно и набегает на автомобиль.

В случае фиксации дорожной обстановки на регулируемых пешеходных переходах необходимо правильно отражать сведения о режиме работы светофора: работал ли он в момент ДТП, в каком режиме работает в разное время суток.

Также очень важно зафиксировать различного рода осыпи: деталей автомобиля, грязи и иные, которые в случае проведения транспортно-трассологической экспертизы позволяют достоверно установить место наезда. В условиях города место ДТП зачастую охватывается обзором камер наружного наблюдения различных объектов, важно не «потерять» записи и изъять их еще в ходе ОМП, поскольку в разных системах видеонаблюдения существуют различные периоды хранения таких записей. Следует, по-возможности, незамедлительно установить всех свидетелей, которых не может не быть на многолюдных улицах города. Порой возникает абсурдная ситуация, когда в центре города днем нет свидетелей. Все это может свидетельствовать лишь об упущениях сотрудников ОВД, первыми прибывших к месту ДТП. Для этого целесообразно проводить регулярные инструктажи сотрудников строевых подразделений о правильном алгоритме действий в случае прибытия на место ДТП ранее следователя.

Таким образом, своевременность и полнота проводимых сотрудниками ОВД первоначальных действий по обнаружению и закреплению следов на месте дорожно-транспортного происшествия, установление очевидцев, производство иных процессуальных и следственных действий позволит совершенствовать деятельность по установлению обстоятельств произошедшего, сократить сроки проведения расследования и повысить уровень доверия граждан к правоохранительным органам.

1. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>.

2. Хрепков А. Н. Особенности осмотра места происшествия и трупа при дорожно-транспортных происшествиях. Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 2. С. 123-125.

3. Батыщева Е. В. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при дорожно-транспортных происшествиях. Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 6-2 (87). С. 172-176.
4. Деревягин Е. В., Пупцева А. В. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // В сборнике: Юридическая наука и практика: традиции и новации. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 44-45.
5. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Б. Корухов, Е. Р. Росинская. – 4 изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М России, 2014. С. 809.
6. Семенов Е. А. Особенности применения технических средств специалистами при расследовании преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. – Вып. 6. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. С. 193.
7. Архив СУ УМВД России по г. Белгороду.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; осмотр места происшествия; транспортное средство; столкновение; водитель; пешеход; обнаружение следов.

УДК 343.3

ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Бободжонов Нуриддин Мухитдинович,
*старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2,
Академия МВД Республики Таджикистан,
Республика Таджикистан, г. Душанбе*

В статье рассматриваются формы производства по уголовным делам в соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан. Выявляются несоответствия закона, предлагается их авторская классификация.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан основными формами досудебного производства по уголовным делам являются предварительное следствие и дознание (гл. 19 и 20 УПК Республики Таджикистан). Ко всему этому еще и добавилось ускоренное производство (гл. 46).

Ускоренное производство как форма уголовного преследования заменила существовавшую до этого протокольную форму досудебной подготовки материалов, которая была закреплена в нормах предшествующего УПК Республики Таджикистан (гл. 34, ст. 406–412 в ред. 1961 г.). Этому институту уголовно-процессуального права посвящена отдельная глава (ст. 453–460 УПК Республики Таджикистан). Действие ст. 453 распространяется на 17 со-

ставов преступлений, предусмотренных в нормах Особенной части УК Республики Таджикистан.

Основной формой предварительного расследования в Таджикистане является предварительное следствие. В настоящее время правом производства предварительного следствия в Таджикистане наделены следующие государственные органы: Генеральная прокуратура Республики Таджикистан, МВД Республики Таджикистан, Государственный комитет национальной безопасности Республики Таджикистан, Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 159 УПК Республики Таджикистан).

Предварительное следствие по уголовным делам производится в соответствии с определенной УПК Республики Таджикистан подследственностью. Принадлежность следователей к тому или иному ведомству не сокращает их полномочий, а скорее, способствует наиболее полному, быстрому и объективному расследованию уголовных дел. Такое построение следственных органов должно носить организационно-целенаправленный характер.

В соответствии со ст. 160 УПК Республики Таджикистан производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам, за исключением дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих психофизиологических недостатков не могут самостоятельно защищать свои права.

Таким образом, предварительное следствие, являясь одной из форм досудебного производства, представляет собой подготовку материалов, обеспечивающих возможность рассмотрения уголовного дела в суде. В ходе предварительного следствия, как известно, не решается вопрос о виновности лица. Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу (ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан). Однако это не умаляет его значения, на предварительном следствии вполне возможно окончательное разрешение уголовного дела в форме прекращения производства по основаниям, предусмотренным ст. 27–32 и ч. 1 ст. 234 УПК Республики Таджикистан. Данные основания аморфно закрепляют процесс прекращения уголовного дела в отношении лица по аналогии со ст. 27 УПК Российской Федерации.

Правом на производство отдельных следственных действий или предварительного следствия в полном объеме наделен прокурор через призму осуществления функции уголовного преследования (ч. 1 ст. 36 УПК Республики Таджикистан) и начальник следственного подразделения, которые в специально предусмотренных случаях пользуются правами следователя (ч. 1 ст. 38).

Расследование преступлений для органов предварительного следствия является главной функцией, основной задачей, содержание которой состоит в быстром и полном раскрытии преступлений, всестороннем, беспристрастном и объективном расследовании уголовных дел, своевременном привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, выявлении об-

стоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятии мер к их устранению (ст. 178 УПК Республики Таджикистан). Аналогичная норма была закреплена в ст. 16 УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) и ст. 21 УПК РСФСР.

Предварительное следствие, как и судебное, состоит во всестороннем, не связанном никакой предустановленной позицией исследования обстоятельств, имеющих значение для дела, для того чтобы на основе собранного полного и достоверного доказательственного материала сделать правильные выводы.

Дознание как форма предварительного расследования является процессуальной деятельностью и состоит из производства дознанием под руководством и контролем начальника органа дознания, прокурора следственных действий и принятия процессуальных решений в порядке, определенном УПК Республики Таджикистан, для выявления и раскрытия преступлений, изобличения этих лиц, привлечения данных лиц к уголовной ответственности в качестве обвиняемых и подготовки материалов для судебного рассмотрения уголовных дел. Дознание осуществляется дознавателями до полного исследования обстоятельств совершенных преступлений, отнесенных к подследственности органов дознания.

Следует в этом аспекте проанализировать и правовое регулирование порядка осуществления дознания по тем или иным уголовным делам в соответствии с УПК Республики Таджикистан. Так, ч. 2 ст. 40 «Орган дознания» на органы дознания возлагает:

- дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно;
- выполнение неотложных действий по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;
- производство предварительного следствия в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Деятельность органа дознания различается в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно или же по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно (ст. 152 УПК Республики Таджикистан).

Часть 1 и 2 ст. 157 УПК Республики Таджикистан определяет порядок окончания и приостановления дознания и опирается на две общепризнанные формы дознания, т.е. дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, и дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно.

Лишь только в ч. 1 и 3 ст. 153 УПК Республики Таджикистан указывается частично на выполнение дознавателем безотлагательных следственных и иных процессуальных действий (ч. 1) и выполнение неотложных следственных действий в отношении тех дел, по которым производство предварительного следствия обязательно. Получается все странно, в некоторых нормах УПК Республики Таджикистан указывает на три формы производства по уго-

ловным делам в порядке дознания (ст. 40), а в главе 19 указывает и ссылается на две традиционные формы. Здесь явно усматривается разнбой при определении форм производства в порядке дознания. Во время лепки УПК Республики Таджикистан произошло смешение вышеприведенных форм и в итоге получилось как обычно.

Для сравнения приведу пример производства по уголовным делам в Российской Федерации. В Российском уголовном судопроизводстве существуют такие формы:

- дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно;
- дознание в сокращенной форме;
- производство неотложных следственных действий и
- предварительное следствие.

По нашему мнению, для устранения разногласий в тексте УПК Республики Таджикистан, целесообразно сформулировать и закрепить следующую структуру форм производства по уголовным делам:

- дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;
- дознание по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно;
- ускоренное производство и
- предварительное следствие.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, уголовно-процессуальное законодательство, формы, производство, уголовное дело.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ СО СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Большаков Сергей Иванович,

*начальник отделения ЦПЭ УМВД России по Орловской области,
302028, Орел, ул. Тургенева, д.15*

В статье рассмотрены отдельные формы взаимодействия подразделений по противодействию экстремизму ОВД со следователями при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности.

На современном этапе противодействие экстремистской деятельности (далее – экстремизм) считается одним из важнейших направлений деятельно-

сти правоохранительных органов Российской Федерации, поэтому органы внутренних дел (далее – ОВД) должны применять все имеющиеся полномочия с целью недопущения пропаганды фашизма, возбуждения социальной, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, иных проявлений экстремизма, а также привлечения к ответственности виновных лиц.

В соответствии со ст.29 Конституции Российской Федерации [1] каждому гарантируется свобода мысли и слова. В то же время не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду.

Несмотря на данные конституционные запреты, проявления ксенофобии, ненависти и вражды, национальной, религиозной, социальной нетерпимости стали одними из самых острых проблем, угрожающих основам Российской Федерации. В связи с этим в уголовном законодательстве содержится довольно широкий перечень преступлений экстремистской направленности [2].

В научной и учебной литературе [3] в качестве субъектов взаимодействия при расследовании преступлений данного вида рассматриваются, как правило, следователи и органы дознания, так как именно они являются участниками уголовного судопроизводства в соответствии с положениями УПК РФ. Однако согласно п.1 ч.1 ст.40 УПК РФ к органам дознания относятся, в том числе и органы внутренних дел Российской Федерации [4]. Подразделения по противодействию экстремизму являются составной частью органов внутренних дел, поэтому именно с ними должны взаимодействовать следователи при расследовании преступлений экстремистской направленности.

Задачами взаимодействия следователя с подразделениями по противодействию экстремизму при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности являются:

- защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод (ст.6 УПК РФ);

- обеспечение согласованного выполнения следственных действий, оперативно – розыскных и организационных мероприятий;

- оптимальное сочетание сил, средств и методов при раскрытии и расследовании преступлений в целях изобличения и привлечения к уголовной ответственности в возможно короткие сроки, совершивших преступление;

- эффективное осуществление мероприятий по розыску скрывшихся подозреваемых (обвиняемых).

При расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности взаимодействие следователя с подразделениями по противодействию экстремизму осуществляется в следующих процессуальных формах:

- исполнение поручений следователя о производстве оперативно – розыскных мероприятий;

- исполнение поручений следователя о производстве следственных действий;
- исполнение поручений следователя об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий;
- содействие следователю при производстве процессуальных действий;
- исполнение поручения следователя о розыске обвиняемого (подозреваемого).

Выполнение поручений следователя о производстве оперативно – розыскных мероприятий по уголовному делу экстремистской направленности. Данная процессуальная форма взаимодействия основывается на следующей уголовно – процессуальной норме – следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, необходимые для исполнения письменные поручения о проведении оперативно – розыскных мероприятий (п.4 ч.2 ст.38 УПК РФ).

Данная форма взаимодействия регламентируется также Федеральным Законом РФ «Об оперативно – розыскной деятельности». В соответствии с п.2 ст.14 данного Закона при решении задач оперативно – розыскной деятельности органы, уполномоченные осуществлять данную деятельность, обязаны в пределах своих полномочий исполнять письменные поручения следователя о проведении оперативно – розыскных мероприятий по уголовным делам, принятым им к своему производству [5].

Согласно п.1 межведомственной инструкции [6] о порядке предоставления результатов оперативно – розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, предоставление результатов ОРД при выполнении поручения следователя о производстве оперативно – розыскных мероприятий по находящимся в их производстве уголовным делам экстремистской направленности осуществляется в соответствии с данной межведомственной Инструкцией.

В соответствии с положениями ст.11 Закона об ОРД в ходе расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности результаты оперативно – розыскной деятельности, полученные при выполнении поручения следователя о производстве оперативно – розыскных мероприятий могут использоваться последним:

- для подготовки и осуществления следственных действий,
- для розыска лиц, скрывшихся от органов следствия,
- для розыска имущества, подлежащего конфискации,
- в доказывании по уголовным делам.

В п.2.7 Приказа Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности» [7] указывается, что в письменных поручениях и информациях, направляемых в органы, осуществляющие оперативно – розыскную деятельность, следует указывать на

необходимость проведения всего комплекса оперативно – розыскных мероприятий, в том числе направленных на:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской направленности, а также выявление и установление лиц, их совершивших, подготавливающих или совершающих;

- выявление, нейтрализацию и разоблачение формирующихся и действующих молодежных националистических группировок и иных экстремистских сообществ; предупреждение групповых экстремистских проявлений;

- установление и ликвидацию источников и каналов финансирования экстремизма;

- противодействие использованию сети Интернет в экстремистских целях.

В ходе выполнения поручения следователя о производстве оперативно – розыскных мероприятий (при расследовании уголовных дел экстремистской направленности) сотрудникам подразделений по противодействию экстремизму особое внимание следует уделять установлению:

- организаторов преступлений экстремистской направленности;

- имущества подлежащего конфискации в соответствии со ст.104.1 УК РФ, а также обстоятельств, подтверждающих, что данное имущество, использовалось или предназначалось для использования для финансирования экстремистской деятельности (экстремизма) (п.8 ч.1 ст.73 УПК РФ),

- обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч.2 ст.73 УПК РФ),

Срок исполнения поручения не должен превышать 10 суток. При невозможности выполнения поручения за такой период следователь, по согласованию с руководителем органа по противодействию экстремизму вправе установить другой срок исполнения поручения.

Сотрудник подразделения по противодействию экстремизму вправе знакомиться с разрешением следователя, в производстве которого находится уголовное дело, с его материалами в части, касающейся выполнения поручения следователя.

Если подразделением по противодействию экстремизму в ходе производства оперативно – розыскных мероприятий будет получена информация, относящаяся к расследуемому преступлению, то вне зависимости от того, выполнялись ли данные оперативно – розыскные мероприятия по поручению следователя или без него, данные результаты должны быть также представлены следователю.

Выполнение поручений следователя о производстве следственных действий по уголовному делу экстремистской направленности. Эта процессуальная форма взаимодействия основывается на следующих правовых нормах:

- при осуществлении предварительного следствия по уголовному делу следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий (п.4 ч.2 ст.38 УПК РФ);

-в случае необходимости производства следственных действий в другом месте следователь вправе поручить производство этих действий органу дознания, который обязан исполнить поручение в срок не позднее 10 суток (ч.1 ст.152 УПК РФ).

Следователь вправе давать органу дознания поручения и указания о производстве одного или нескольких следственных действий. Такие поручения даются в письменной форме и обязательны для исполнения. Без поручения следователя сотрудники подразделений по противодействию экстремизму не могут проводить следственные действия по уголовным делам находящимся в производстве у следователя.

К поручениям могут прилагаться документы, которые необходимы для их исполнения. Такими документами могут быть постановления о производстве обыска или выемки, копии документов удостоверяющие личность.

Выполнение поручений следователя об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий. Эта процессуальная форма взаимодействия вытекает из следующей правовой нормы. Следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий (п.4 ч.2 ст.38 УПК РФ).

Процессуальное действие определяется в п.32 ст.5 УПК РФ как следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ.

В данном случае взаимодействие следователя и подразделений по противодействию экстремизму заключается в исполнении последними, по письменному поручению следователя, его постановлений о производстве процессуальных действий не являющихся следственными. При этом в УПК РФ хотя и приводятся конкретные примеры подобных действий, но в то же время говорится, что может поручаться производство и других процессуальных действий предусмотренных данной нормой.

Ключевые усилия в области создания нынешней законодательной и другой нормативно правовой базы, регламентирующей работу органов внутренних дел по противодействию экстремизму, должны быть сконцентрированы в формировании такой правовой основы, которая могла бы давать правоохранительным органам возможность эффективно пресекать функционирование экстремистских объединений и их лидеров, предупреждать продвижение экстремистских течений и групп, в надлежащем степени реализовывать координацию и связь правоохранительных и других муниципальных организаций, а кроме того совместную работу органов внутренних дел с органами регионального самоуправления, общественными и иными организациями по предупреждению и профилактике экстремизма.

Без комплексного применения возможностей оперативно – розыскной работы и уголовного судопроизводства активно осуществлять борьбу с экстремизмом почти нельзя. Таким образом, одним из основных направлений улучшения оперативно – розыскной работы и уголовного судопроизводства в

борьбе с преступностью является усовершенствование уровня взаимодействия оперативно – розыскных и следственных подразделений.

Необходимость взаимодействия следователей с сотрудниками подразделений по противодействию экстремизму при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности обусловливается следующими основными причинами:

- общей трудоемкостью расследования преступлений экстремистской направленности, в частности, выражающейся в обязательном установлении мотива совершения преступления (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, либо ненависть или вражда в отношении какой – либо социальной группы);

- необходимостью проведения по уголовным делам большого количества следственных, розыскных и иных процессуальных действий;

- необходимостью проведения оперативно – розыскных мероприятий;

- оказанием преступникам противодействия предварительному следствию.

Для улучшения качества взаимодействия подразделений по противодействию экстремизму со следователями при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, необходимо:

- использовать все предусмотренные нормативными правовыми актами и выработанные практикой формы взаимодействия;

- создавать следственно – оперативные группы во всех случаях, когда возникают сложности с привлечением лиц совершивших рассматриваемые преступления к уголовной ответственности;

- обеспечить квалификацию следователей по расследованию уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности.

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237.

2. Белякович В.С., Бойкова Н.Г. Законодательные и организационные меры, направленные на борьбу с распространением экстремистских материалов в интернете // Материалы VIII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]: Режим доступа www.scienceforum.ru/2016/1441/20293

3. Ковтун Ю.А., Шевцов Р.М., Новикова Е.А., Винокуров Э.А., Жукова Н.А. Психологические и организационные аспекты взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел// Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 707.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. 174-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) //Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I) ст. 4921; Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июля 2016 г. N 13 ст. 1806.

5. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г.

6. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Феде-

ральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" // Российская газета от 13 декабря 2013 г. № 282.

7. Приказ Следственного комитета России от 12 июля 2011 г. N 109 "О мерах по противодействию экстремистской деятельности" (с изменениями от 27 марта 2013 г.) [Электронный ресурс]//Режим доступа: сайт Следственного комитета Российской Федерации в Internet - <http://www.sledcom.ru>.

Ключевые слова: экстремизм, следователь, орган дознания, подразделения по противодействию экстремизму, поручения следователя, преступления экстремистской направленности.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ С ПОСТРАДАВШИМИ

Булыжкин Александр Викторович,

*начальник кафедры криминалистики и предварительного ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье анализируются отдельные проблемы, возникающие в деятельности сотрудников, осуществляющих контроль за дорожным движением или распорядительно-регулирующие действия Госавтоинспекции на месте дорожно-транспортного происшествия с пострадавшими. При этом обосновывается вывод о необходимости обязательной фиксации дополнительных обстоятельств обстановки дорожно-транспортных происшествий.

Не секрет, что проблемам дорожно-транспортного травматизма в нашей стране в последние годы уделяется достаточно серьезное внимание на государственном уровне. Не вызывает сомнения сегодня и тот факт, что решение данной проблемы требует разработки и внедрения системных мер, к числу которых можно отнести и повышение уровня раскрываемости дорожно-транспортных происшествий.

Анализ практики расследования дорожно-транспортных происшествий свидетельствует о прямой зависимости успеха расследования от качества осмотра места происшествия. В первую очередь это объясняется тем, что именно осмотр места происшествия дает возможность решить главные задачи - составить точную картину события и определить механизм происшествия. В свою очередь успех в решении задачи всестороннего, полного, объективного

и быстрого исследования обстоятельств каждого дорожно-транспортного происшествия во многом зависит от того, насколько правильно и своевременно произведен осмотр места происшествия.

Согласно ст. ст. 12.24, 12.30 КоАП РФ по факту дорожно-транспортного происшествия возбуждается дело об административном правонарушении, если в результате данного события нанесен легкий или средней тяжести вред здоровью человека [1]. Если в результате дорожно-транспортного происшествия был причинён тяжкий вред здоровью или оно привело к гибели человека, то возбуждается уголовное дело.

Осмотр места дорожно-транспортного происшествия весьма специфичен и выражается в определенных целях, задачах, типичных следах на месте происшествия, что накладывает свой отпечаток на организацию и тактику его проведения, особенности фиксации обстановки места происшествия и т.д. Как правило, осмотр места дорожно-транспортного происшествия проводится оперативно, без расчета на повторный осмотр, так как очевидно, что после восстановления движения все следы правонарушения и вещественные доказательства, не попавшие в поле зрения при первом осмотре, будут уничтожены потоком транспорта и пешеходов [2].

Анализ правоприменительной практики в деятельности правоохранительных органов по расследованию дорожно-транспортных происшествий позволяет констатировать, что наибольшее количество ошибок при расследовании данной категории дел, допускается именно по причине проведения некачественного и неполного осмотра места дорожно-транспортного происшествия [3], что в свою очередь в дальнейшем, в случае переквалификации административного правонарушения в уголовное преступление, может привести к возврату экспертом предоставленных для проведения автотехнической экспертизы материалов с мотивировкой об их недостаточности для соответствующего экспертного исследования.

На наш взгляд одной из причин сложившейся ситуации может выступать и отсутствие в административном производстве детальных разъяснений относительно порядка проведения осмотра места происшествия (в том числе и места дорожно-транспортного происшествия). Так, например, ст. 28.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях недостаточно четко регулирует порядок производства осмотра. Более того, в ней не содержится указаний на необходимость фиксации следов и сбора вещественных доказательств в процессе осмотра места происшествия. Законодатель в ч. 5 ст. 28.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях ограничился лишь требованием о необходимости описания в протоколе осмотра места административного правонарушения наряду с характеристикой состояния и качества дорожного полотна, наличия или отсутствия дорожной разметки, степени освещенности участка дороги, типа перекрестка, исправности или неисправности светофора, наличии знаков приоритета, других существенных для данного дела обстоятельств [4]. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что восполнить данный пробел был призван приказе МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 «Об утверждении Административ-

ного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения». Согласно данному приказу протокол осмотра места совершения административного правонарушения должен содержать исчерпывающий перечень данных, подлежащих установлению на месте дорожно-транспортного происшествия. Следовательно, качественное заполнение перечисленных в приказе обязательных пунктов при составлении протокола осмотра места дорожно-транспортного происшествия позволит (в том числе и в дальнейшем, в случаях переквалификации деяния) детально рассмотреть механизм дорожно-транспортного происшествия и установить виновных в нём лиц [5].

Закреплённый в п.п. 210-214 Приказа алгоритм действий сотрудника, осуществляющего контроль за дорожным движением или распорядительно-регулирующие действия по осмотру места дорожно-транспортного происшествия, безусловно, имеет свои особенности, однако в целом, процедура его производства схожа с процедурой осмотра, предусмотренной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Следовательно, для эффективного проведения осмотра места ДТП и решения упомянутых задач полезно использовать тактические приемы (рекомендации) осмотра, разработанные в криминалистике и направленные на его оптимизацию. Изучение результатов правоприменительной деятельности органов предварительного расследования по делам данной категории позволяет высказать предположение о необходимости дополнения алгоритма для сотрудников осуществляющего контроль за дорожным движением или распорядительно-регулирующие действия по осмотру места дорожно-транспортного происшествия следующими действиями:

- при необходимости обеспечить производство дополнительного осмотра места совершения административного правонарушения в светлое время суток (в случае совершения дорожно-транспортного происшествия в тёмное время суток) в целях более детального осмотра и фиксации имеющихся следов;

- при проведении осмотра в тёмное время суток (или в сложных погодных условиях) фиксировать в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения информацию о включённых фонарях уличного освещения в районе места происшествия (с обязательным указанием номеров световых опор с каждой стороны дороги и указанием световых опор, на которых освещение отсутствует);

- установление на месте дорожно-транспортного происшествия, произошедшего в тёмное время суток (либо в сложных погодных условиях) общей и конкретной видимости (в том числе, при необходимости с привлечением транспортных средств, аналогичным, поврежденным в результате дорожно-транспортного происшествия);

- изъятие одежды лиц, пострадавших в результате дорожно-транспортного происшествия, после совершения, которого водитель скрылся

с места происшествия, и своевременное назначение химических судебных экспертиз;

- принять меры к обнаружению и изъятию видеорегистраторов иных автомобилей, водители которых явились очевидцами дорожно-транспортного происшествия, а также камер видеонаблюдения с близлежащих к месту происшествия зданий, на которых установлена и осуществляется видеозапись;

- принятие мер к изъятию информации с фиксирующих электронных устройств, обеспечивающих режим труда и отдыха водителей-участников дорожно-транспортного происшествия.

Завершая свои размышления по заявленной в названии данной статьи проблематике, отметим, что реализация рассмотренных нами мер, должна привести к повышению эффективности и качества производства осмотров мест дорожно-транспортных происшествий. А, использование в сфере административного процесса достижений криминалистики может повысить качество производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. В силу с 01.09.2016) [электронный ресурс] //СПС КонсультантПлюс.
2. Безруков Ю.И. Правовые и тактические проблемы осмотра места ДТП при производстве по делам об административных правонарушениях [электронный ресурс] //СПС КонсультантПлюс.
3. Елфимова Е.В., Никонова Ю.Ш. О некоторых проблемах, возникающих при расследовании дорожно-транспортных происшествий [электронный ресурс] //СПС КонсультантПлюс.
4. Васюков В.Ф. К вопросу о производстве следственных действий //Наука и практика. 2014. № 3 (60) С. 21-23.
5. Приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 (ред. От 22.12.2014) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» [электронный ресурс] //СПС КонсультантПлюс.

Ключевые слова: осмотр места дорожно-транспортного происшествия, производство по делу об административном правонарушении по факту дорожно-транспортного происшествия, способы фиксации места дорожно-транспортного происшествия.

УДК 343.98

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Варданян Акоп Вараздатович,

*начальник кафедры криминалистики и ОРД,
Ростовский юридический институт МВД России,
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83,
доктор юридических наук, профессор*

Статья посвящена актуальным проблемам обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения. На примере конкретных вопросов реализации предусмотренных в УПК РФ мер безопасности, автор приходит к выводу о необходимости в разработке поднятой проблемы на более глубоком научном уровне – формировании самостоятельного уголовно-процессуального принципа, который обозначен им как «гарантии обеспечения безопасности участников уголовного процесса».

Современный этап развития российского уголовного процесса олицетворяет принятие и закрепление ряда общепризнанных гарантий защиты прав и законных интересов личности [1; 2; 3], вовлеченной в уголовно-процессуальные правоотношения, в структуре которых особое место занимают меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Воплощение идеи о применении к участникам уголовного процесса различных мер, обеспечивающих их безопасность, является долгожданным и поистине выстраданным шагом [4], поскольку в так называемый переходный период развития нашего государства, уровень противодействия расследованию, на фоне других неблагоприятных тенденций преступности, ее количественного и качественного роста, эскалации социальной агрессии существенно трансформировался [5]. Это способствовало массовому отказу или уклонению потерпевших и свидетелей от дачи показаний по причине опасения физической расправы со стороны заинтересованных лиц [6]. Не обеспеченные конкретными действенными мерами безопасности призывы должностных лиц правоохранительных органов к потерпевшим или свидетелям об осуществлении ими гражданского долга, и даже предупреждения об уголовной ответственности, оказались недостаточно эффективными. Например, на судебном процессе по обвинению одного из лидеров сепаратистского движения в Чеченской республике С. Радуева, из трех тысяч заявленных свидетелей лишь более ста согласились выступить в судебном заседании.

Действующий УПК РФ регламентирует возможность обеспечения безопасности в отношении потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного процесса, а также их близких родственников, родственников, близких лиц, в качестве структурного элемента одного из руководящих положений

ний (принципов) уголовного судопроизводства – охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Такая позиция имеет право на существование. В то же время, на наш взгляд, обеспечение безопасности личности, вовлеченной в уголовный процесс, имеет самостоятельную специфическую процессуальную сущность, отличающую ее от, собственно, признания, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина как участника уголовного процесса (в частности, от прав потерпевшего давать показания, прав гражданского истца заявлять и поддерживать гражданский иск, прав различных участников заявлять отводы, знакомиться в том или ином объеме с материалами уголовного дела и т.д.) [7] Дело в том, что в данном случае речь идет о лицах, которые вследствие осуществляемого в публичном порядке уголовного судопроизводства вынужденно утрачивают ощущение собственной защищенности как личности. Применение мер безопасности связано с необходимостью изменения против их желания привычного для них образа жизни, рода занятий, взаимоотношений с людьми, отказа от реализации различных социальных и психологических потребностей, вероятностью невольного выявления какой-либо информации, связанной с их частной жизнью. Кроме того, применение мер безопасности допускается не только в отношении собственно участников процесса, но и лиц, изначально не имеющих отношения к уголовному процессу: членов семей потерпевших и свидетелей, близких лиц, наиболее уязвимых с точки зрения преступных интересов субъектов противодействия расследованию.

В соответствии с действующей редакцией ч. 3 ст. 11 УПК РФ, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные следующими нормами УПК РФ: ч. 9 ст. 166 (сокрытие в протоколе следственного действия сведений о личности потерпевшего или свидетеля, участвующего в следственном действии), ч. 2 ст. 186 (проведение контроля и записи переговоров потерпевшего, свидетеля, их родственников или близких лиц в целях обеспечения безопасности), ч. 8 ст. 193 (предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальный контакт опознаваемого с опознающим), п. 4 ч. 2 ст. 241 (закрытое судебное разбирательство в целях обеспечения безопасности участников судебного разбирательства), ч. 5 ст. 278 (допрос свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства), а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Названная норма указывает на возможность применения иных мер, предусмотренных отечественным законодательством. Вместе с тем, в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ единственным нормативным актом, устанавливающим порядок

уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, является уголовно-процессуальный кодекс. Поэтому альтернативные меры безопасности, разрабатываемые в рамках иных нормативных актов, должны быть согласованы с уголовно-процессуальными нормами, регулирующими механизм их реализации в уголовном процессе.

Анализируя содержание конкретных норм, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного процесса, отметим, что они не являются неуязвимыми. В рамках одного сообщения невозможно рассмотреть все нюансы и «подводные камни» представленных в УПК РФ мер обеспечения безопасности, поэтому проанализируем проблемы данного института на примере следственного действия, имеющего сложную не только организационно-тактическую, но и психологическую природу, а именно – предъявление для опознания лица в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Итак, несмотря на многолетний зарубежный опыт предъявления для опознания без визуального контакта опознаваемого с опознающим, в России данное следственное действие до вступления в силу УПК РФ 2001 г. проводилось не только без применения каких-либо мер безопасности, но и порой в той или иной степени смешивалось с элементами других следственных действий, например, частично переходя в очную ставку после узнавания опознающим опознаваемого. Последнее, разумеется, было недопустимо с точки зрения процессуальной формы производства следственных действий [8].

Итак, в соответствии с ч. 8 ст. 193 УПК РФ в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Проведение опознания в анализируемом режиме не требует обязательной корреляции с иной мерой обеспечения безопасности – сокрытием в протоколе данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166). Но при невыполнении требований ч. 9 ст. 166 в большинстве случаев проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, фактически утрачивает статус меры безопасности. Законодатель не возлагает специальные обязанности на защитника, представляющего интересы опознаваемого – ни в плане его местонахождения, ни в плане неразглашения подзащитному данных об опознающем. Общее предупреждение защитника о неразглашении данных предварительного следствия не оказывает высокого мотивационного воздействия, поскольку его предназначение как профессионального представителя стороны защиты [9], по определению, заключается в осуществлении квалифицированной защиты от уголовного преследования. Предъявление для опознания как правило производится по месту проведения предварительного расследования. Соответственно, оставшиеся на свободе соучастники способны осуществлять наблюдение за тем, кто именно прибыл для участия в следственном действии в качестве опознающего. В результате подобных моментов следователи зачастую отказываются от предъявления для опознания в режиме ч. 8 ст. 193 УПК РФ, предпочитая предъявление по фотографии. Однако, несмотря на

существенную безопасность и простоту предъявления по фотографии по сравнению с предъявлением для опознания живого лица, такой подход не менее уязвим, поскольку законодатель допускает предъявление для опознания лица по фото лишь при невозможности, а не при нежелательности, предъявления лица для опознания в натуре. Следует отметить, что защитники периодически подвергают сомнению допустимость и достоверность полученного таким путем доказательства, именно по мотивам регламентации ограниченных оснований предъявления для опознания по фото.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что существующие в уголовном процессе меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса нуждаются в дальнейшем совершенствовании; говорить о создании действенной системы гарантий обеспечения безопасности преждевременно. Применительно к опознанию живых лиц возможно разработать и регламентировать такую форму, как дистанционное опознание с помощью средств видеоконференц-связи (подобно тому, как это успешно действует в отношении допроса свидетеля в суде – ст. 278.1 УПК РФ), - с исключением возможности восприятия опознаваемым опознающего, но в то же время с гарантиями достоверности результатов опознания. Основания для предъявления для опознания живых лиц по фото следует расширить, введя такое основание, как обеспечение безопасности опознающего. Однако необходимым условием успешной реализации названных и других не менее актуальных мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства является дальнейшая разработка поднятой проблемы на более глубоком научном уровне – формировании самостоятельного уголовно-процессуального принципа, который мы обозначили как «гарантии обеспечения безопасности участников уголовного процесса», - разумеется, в сочетании с обеспечением его детализирующими нормами, раскрывающими конкретные действенные меры уголовно-процессуального характера.

-
1. Николюк В. В. Уголовное судопроизводство и криминалистика: взаимодействие, сближение, отчуждение в условиях реформирования УПК РФ и модернизации научных стандартов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 2 (77). – С. 14 – 24.
 2. Николюк В. В. Уголовный процесс и криминалистика: состояние и направления взаимодействия в условиях реформирования УПК РФ // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сб. матер. XXI междунар. научно-практич. конф. Иркутск, 2016. – С. 252 – 257.
 3. Варданян А.В., Варданян Г.А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6 (73). – С. 5 - 10
 4. Синенко С.А. Тенденции развития уголовно-процессуального статуса потерпевшего // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. 2015. – С. 293 – 301.
 5. Кулешов Р. В., Варданян А. В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном

этапе развития общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). – С. 151 – 154.

6. Варданян А.А. Особенности производства следственных действий, осуществляемых с участием потерпевших, по делам о торговле людьми // Юрист-Правоведь. 2009. № 6. – С. 114 – 117.

7. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

8. Синенко С. А. Некоторые проблемы предъявления для опознания живого лица // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сб. материалов Всероссийской конференции. Орел, 2015. – С. 308 – 315

9. Коновалов С. И., Айвазова О. В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. – С. 11 – 16.

Ключевые слова: уголовный процесс, защита, гарантии, права, личность, безопасность, меры, уголовно-процессуальные нормы

УДК 343.143

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Васюков Виталий Фёдорович,

*старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного
расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,*

кандидат юридических наук

В статье рассматриваются тактические вопросы проведения осмотра места происшествия при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в уголовное законодательство была введена ст. 159.6 УК РФ, предусматривающая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации [1]. Данное мошенничество является хищением чужого имущества или приобретением права на чужое имущество посредством вмешательства в функционирование средств, которыми обеспечивается хранение, обработка или передача компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, используя ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации [2].

Расследование любого преступления сопряжено с производством осмотра места происшествия, данное следственное действия является неотъемлемой частью процесса доказывания и зачастую является его первоначальным этапом.

Производство осмотра места происшествия по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации сопряжено с наличием определенных тактических проблем, которые обусловлены как отсутствием соответствующих методических рекомендаций в связи тем, что данная уголовно-правовая норма является относительно новой, так и со спецификой самого рассматриваемого преступления.

Среди таких тактических проблем, безусловно, следует назвать установление самого места совершения преступления.

Применительно к расследованию указанного преступления, в качестве места происшествия возможно рассмотрение участка местности или помещения, где было осуществлено обнаружение следов события, которое требует расследования.

При рассмотрении характерных особенностей функционирования компьютерной сети, можно прийти к выводу о том, что, с одной стороны, в качестве места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации выступает сама информационно-телекоммуникационная сеть, в которой происходит ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. А с другой стороны, в качестве места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации возможно рассмотрение местонахождения конкретного компьютера, посредством которого был осуществлен не правомерный доступ. Следует обратить внимание, что именно данное место характеризуется наличием основного объема информации, который характеризует процесс совершения преступления (способ, орудия и средства и т. п.), т.е. его следы. Помимо этого, компьютерным мошенничеством предусматривается наличие еще как минимум одного или нескольких устройств, которые необходимо будет вовлечь в процесс обмена информацией при извлечении сведений. К тому же, реальное расстояние между такими устройствами может быть достаточно большим [3].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что при рассмотрении такого преступного деяния в качестве места совершения преступления выступает местонахождение компьютерно-технических средств, с которых происходит отправление команд. Однако данное определение места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации не является окончательным. Специфика установления признаков рассматриваемого преступного деяния обусловлена его двойственным объектом. «Окончание преступного деяния, — как отмечается в этой связи Н.А Колоколовым., связано с моментом получения виновным суммы денег (чужого имущества), а равно приобретения им юридического права на распоряжение такими деньгами (имуществом). Сами по себе ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, об-

работки или передачи компьютерной информации, или информационно-телекоммуникационных сетей в зависимости от обстоятельств дела могут содержать признаки приготовления к мошенничеству в сфере компьютерной информации или покушения на совершение такого преступления» [4].

Следует отметить, что помимо телекоммуникационной сети, в качестве места совершения мошенничества выступают места, где обналичиваются денежные средства, полученные путем обмана. Исходя из того, какие приемы и способы совершения мошенничества были использованы, в качестве таковых возможно рассмотрение банкоматов, магазинов, операционных залов банков и др.

Приведем пример из судебной практики. В 19 час. 12 мин., находясь по адресу: г. Х, путем вмешательства в функционирование средств обработки компьютерной информации, используя принадлежащий ему мобильный телефон, а также ранее найденную им сим-карту с абонентским номером, посредством направления смс-сообщения на единый абонентский номер по услуге денежных переводов, действуя умышленно, незаконно перевел со счета банковской карты ОАО «Сбербанк России», принадлежащие Беккер Л.Г. денежные средства, на счет своей банковской карты банка ОАО «Сбербанк России», тем самым похитил денежные средства в размере (сумма обезличена), принадлежащие Б.[5]. В данной ситуации необходимо установить место обнаружения найденной сим-карты, место совершения противоправного действия. Также необходимо изъять телефон подозреваемого и сим-карту потерпевшего.

Среди наиболее значимых для формирования криминалистического знания о мошенничестве в сфере компьютерной информации, следует отметить местонахождения компьютерно-технических средства потерпевшего, которые подверглись преступному воздействию. В данной ситуации интерес представляет именно компьютер потерпевшего, который выступает в качестве и источника информации и следов преступного воздействия. Обусловленность такой особенности вызвана существованием определенной зависимости места совершения компьютерного мошенничества с техническими средствами, посредством которых оно совершается. Так, например, при осмотре места нахождения лица, которым осуществляется неправомерный доступ к компьютерной информации в целях мошенничества, возможно обнаружение всего спектра следов подозреваемого (следов пальцев рук на клавиатуре и других объектах, запаховых следов, иных выделений человека и т. п.), то при осмотре места нахождения потерпевшего только его компьютерно-технические средства [6].

Подготовка к проведению осмотра места происшествия также сопряжена с определенными тактическими проблемами. Это также обусловлено спецификой расследования рассматриваемого состава преступления, и связано с нецелесообразностью, а в ряде случаев и незаконностью производства названного следственного действия без осуществления соответствующих подготовительных мероприятий.

Необходимость обеспечения участия специалистов в области компьютерной техники и технологий при проведении осмотра места происшествия по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации выступает в качестве аксиомы [7]. В необходимых случаях можно привлекать специалистов-инженеров по средствам связи или сетевому обслуживанию [8]. Если объектом осмотра выступают несколько ЭВМ (локальная сеть ЭВМ) целесообразно привлекать нескольких специалистов в этой области.

В свое время Ю.Г. Гавриловым было высказано мнение о том, что следователю перед началом следственного действия, связанного с осмотром компьютерного оборудования всякий раз необходимо убедиться в компетентности специалиста [9]. Эта рекомендация представляется обоснованной, однако ее соблюдение является весьма затруднительным. Наилучшим решением данной проблемы было бы приглашение в качестве специалистов штатных экспертов, занимающихся проведением компьютерно-технических экспертиз, чей профессионализм не вызывает сомнения. Однако, не смотря на наличие таких экспертов в штатах многих криминалистических управлений региональных МВД, УВД, они имеются далеко не в каждом территориальном подразделении, что влечет за собой их излишнюю востребованность и, тем самым, не возможность их привлечения к производству всех необходимых следственных действий.

Согласно ч. 9.1. ст. 182 УПК РФ, при производстве обыска электронные носители информации могут быть изъяты только с участием специалиста, представляется, что аналогичные требования предъявляются и к их изъятию при проведении осмотра места происшествия [10]. Это порождает необходимость отыскания и привлечения соответствующего специалиста в условиях, когда любая задержка с копированием информации, ее изъятием, может повлечь за собой ее утрату в результате действий иных лиц, а равно иные вредные последствия.

Среди тактических особенностей проведения инструктажа членов следственно-оперативной группы следует назвать не только разъяснение основных задач предстоящего следственного действия, но и особенностей его производства по рассматриваемому виду преступлений. Безусловно, целесообразно включать в следственно-оперативную группу лиц, деятельность которых направлена именно на раскрытие и расследование мошенничества в сфере компьютерной информации, однако, такая возможность в территориальном подразделении есть далеко не всегда. Это порождает незнание у отдельных ее участников алгоритма их действий, связанного со специфическим характером данного преступления. По данной причине руководителю следственно-оперативной группы целесообразно указать на характер действий каждого лица в процессе инструктажа. Целесообразной является, и консультация специалиста для других членов следственно-оперативной группы по вопросам обращения с компьютерным оборудованием на месте происшествия, а также обеспечение участия при осмотре представителей органа дознания, которые занимаются борьбой с преступлениями в сфере высоких технологий (к

числу которых, в том числе, относятся сотрудники управлений (отделов) «К», «Р» МВД РФ).

В качестве другого важного подготовительного действия к осмотру места происшествия следует отметить необходимость обеспечения участия понятых и решение тактической проблемы их выбора. Криминалистическая литература справедливо содержит указание на необходимость обладания понятыми познаний в области компьютерной техники и технологий [11]. Однако их отыскание является проблемой, что связано, зачастую, с внезапностью появления необходимости в проведение соответствующего осмотра. Данная рекомендация выступает в качестве гарантии достоверности, получаемой в ходе следственных действий информации, и следование ей, прежде всего, относится к интересам следователя, так как присутствие в ходе осмотра дополнительных незаинтересованных лиц может предоставить в последствие возможность их привлечения в качестве свидетелей со стороны обвинения. Тогда как понятые, не обладающие специальными познаниями, скорее могут поддержать сторону защиты, охарактеризовав свое участие в данном следственном действии, абсолютным непониманием происходящего. Необходимых для участия лиц можно обнаружить в компьютерных клубах, в фирмах по продаже компьютерной техники, как среди персонала, так и выбрать из числа их клиентов.

Криминалистическая литература характеризуется наличием рекомендаций о выборе понятых среди сотрудников организации, помещение которой является местом соответствующего осмотра, при их незаинтересованности в исходе дела [12]. Однако данная рекомендация является весьма сомнительной в связи с тем, что на момент его производства говорить категорично о чьей-либо незаинтересованности нельзя. В связи с чем, привлечение таких понятых должно скорее характеризоваться вынужденным характером, а не выступать в качестве рекомендации.

С поисковой точки зрения следственный осмотр направлен на обнаружение объектов, могущих выступать вещественными доказательствами по делу, особую сложность вызывает обнаружение и изъятие информации, находящейся в электронном поле.

Компьютерная информация хранится на носителях в определенной форме. Она может подлежать обработке и преобразованию в форму, которая понятна для человека, только посредством специальных средств компьютерной техники. В таком аспекте она является неотделимой от своего носителя. Соответственно, следы в сфере компьютерной информации можно разделить на два типа: традиционные следы (следы-отображения, рассматриваемые традиционной, а также следы-вещества и следы-предметы) и нетрадиционные – информационные следы.

К первому типу относятся материальные следы, к числу которых можно отнести рукописные записи, распечатки и т. п., которые свидетельствуют о приготовлении и совершении преступления. Материальные следы можно обнаружить и на самой вычислительной технике (следы пальцев рук, микрочас-

тицы на клавиатуре, дисководах, принтере и т. д.), а также на магнитных носителях и CD дисках.

Местонахождение информационных следов обусловлено местом совершения преступления. В этой связи, можно выделить следующие места возможного обнаружения следов:

- Носители компьютерной информации в том месте, где преступником использовались технические средства в целях совершения мошенничества. Обнаруженные в таком месте следы обычно представляют собой записи, занесенные в журналы посредством операционной системы. Их существование возможно в виде текстовых файлов или баз данных, совместимых с ODBC. В результате анализа данных следов (записей) возможно получение информации о регистрации доступа и работе пользователей, сервера, прикладных программ.

- Промежуточные носители компьютерной информации, с использованием которых преступником осуществлялась связь с компьютерной системой, которая подверглась совершению преступления (они могут быть представлены в виде сетевых кабелей, промежуточных серверов и т. п.). Здесь следы выступают в виде специальных технических файлов регистрации сообщений, полиформатных записей журналов регистрации сетевых устройств, доступ и чтение которых требуют специального программного обеспечения.

- Носители компьютерной информации, где непосредственно наступил результат неправомерного доступа в виде хищения чужого имущества. Обычно представляют собой внештатные изменения компьютерной информации, запуска посторонних программ и процессов и т. п. [13].

Осмотр места происшествия по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации сопряжен также с проблемами обнаружения, изъятия и фиксации даже материальных следов. Причина данных проблем кроется в весьма распространенном использовании одного персонального компьютера посредством неограниченного числа пользователей. В связи с этим на различных частях компьютера остается большое количество отпечатков пальцев, которые принадлежат нескольким людям.

Следы указывают на факт нахождения на том или ином машинном (техническом) носителе искомой информации. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе «при современном развитии вычислительной техники и информационных технологий компьютерные следы преступной деятельности получили широкое распространение» [14]. Это должно учитываться следователями и оперативными работниками в их деятельности по собиранию доказательств в ходе осмотра места происшествия наряду с поиском уже ставших традиционными следами [15].

Среди тактических проблем осмотра места происшествия по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации также следует назвать изъятие обнаруженных следов, так как оно должно осуществляться способом, который исключает их повреждение. Изъятие компьютерных носителей информации и их упаковка должны обеспечивать возможность пра-

вильного и точного соединения аппаратуры в лабораторных условиях или в месте производства следствия с участием специалистов, которое бы соответствовало ее расположению на месте обнаружения. Хранение изъятых объектов должно быть сопряжено с принятием всех необходимых мер, направленных на сохранение изъятых объектов и находящейся на них информации (например, должна быть исключена вероятность расположения изъятых дискет вблизи источника электромагнитного излучения, тепловых приборов) [16].

На данном этапе компьютерная преступность является серьезной проблемой, что обуславливает необходимость поиска методов борьбы с нею. Несмотря на то, что информационной безопасности уделяется много внимания, количество компьютерных преступлений и их модификации все увеличивает, в том числе число совершенных мошенничеств в сфере компьютерной информации. Пренебрежение необходимостью плановой переподготовки сотрудников, обусловленной изменениями в действующем законодательстве, а также пренебрежение изданием соответствующих методических рекомендаций и дополнением имеющейся учебной литературы информацией о тактических приемах расследования данного вида мошенничества, в результате приводит к тому, что правоприменители, даже напрямую сталкиваясь с такими преступлениями, не могут собрать урегулированными законом средствами доказательственную базу в подкрепление предъявленного обвинения. Что в последствие приводит к пренебрежению принципом неотвратимости наказания, по причине не возможности вынесения обвинительного приговора на основании тех доказательств, которые предоставляются предварительным следствием.

1. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/>. - Загл. с экрана.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/>. - Загл. с экрана.
3. Коломинов В.В. Установление места совершения преступления в процессе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП»; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 264-268.
4. Колоколов Н. А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. - 2013. - № 1. - С. 6-15.
5. Решение по делу 1-544/2015. [Электронный ресурс] // РосПравосудие URL: <https://rospravosudie.com/court-rudnichnyj-rajonnyj-sud-g-kemerovo-kemerovskaya-oblast-s/act-515306913> (дата обращения: 10.09.2016).
6. Коломинов В.В. Установление места совершения преступления в процессе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП»; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 264-268.
7. Васюков В.Ф., Клевцов В.В. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения

- ния «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. под ред. А.Л. Осипенко; Воронежский институт МВД России. 2015. С. 80-84.
8. Комиссаров В., Гаврилов М., Иванов А. Обыск с извлечением компьютерной информации // Законность. – 1999. - № 3. С. 12-15.
9. Гаврилин Ю.В. Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание: Учеб. пособие / Под ред. Ю.В. Гаврилина. - М.: ЮИ МВД РФ, 2003. – С. 57-61.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2016). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>. - Загл. с экрана.
11. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 3-8.
12. Шурухнов Н.Г. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации. Научно-практическое пособие / Гаврилин Ю.В., Пушкин А.В., Соцков Е.А., Шурухнов Н.Г.; Под ред.: Шурухнов Н.Г. - М.: Щит-М, 1999. – С. 128-136.
13. Иванова И.Г. Выявление и расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Иванова. – Красноярск, 2007. – С. 16.
14. Мещеряков В.А. Механизм слеодообразования при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Известия Тульского государственного университета. Серия: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Вып. 3. Тула, 2000. - с. 170-172.
15. Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики. Уголовный процесс. 2016. № 2 (134). С. 54-57.
16. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Планирование расследования преступлений: содержание, понятие и проблемы организации УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 129-132.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следователь, расследование, мошенничество, компьютерная информация.

УДК 343.122

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ И ПОЛНОМОЧИЯХ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Ветрова Оксана Александровна,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена правовым основам статуса и полномочиям руководителя следственного органа.

В 2007 г. в уголовном судопроизводстве появился новый участник стороны обвинения - руководитель следственного органа, который пришел на место начальника следственного отдела. Это событие повлекло за собой изменение уголовно-процессуального статуса последнего.

В переводе с латинского «status» означает состояние, положение [1]. В самом общем виде правовой статус личности определяется как юридически закрепленное положение личности в государстве и обществе.

Правовому статусу и полномочиям руководителя следственного органа в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отведена ст. 39. Согласно закрепленным в ней и некоторых иных статьях УПК РФ правовым положениям руководителя следственного органа уполномочен:

1) по ходатайству подчиненного ему следователя продлевать срок производимой последним проверки заявления (сообщения) о преступлении до 10 суток, а при необходимости проведения документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий - до 30 суток с обязательным указанием на конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления (ч. 3 ст. 144 УПК РФ);

2) поручать производство предварительного следствия подчиненному следователю либо нескольким, входящим в штат возглавляемого им следственного подразделения следователям, а также изымать уголовное дело у такого следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству;

3) проверять материалы уголовного дела или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления подчиненного ему по службе следователя;

4) отменять по находящимся в производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознавателя и др.) другого органа предварительного расследования;

5) давать соответствующему следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении

лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении;

6) давать согласие подчиненному ему следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанного ходатайства;

7) разрешать отводы, заявленные такому следователю, а также его самоотводы;

8) отстранять подчиненного ему по службе следователя от дальнейшего производства предварительного расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ;

9) отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего руководителя следственного органа в порядке, установленном УПК РФ;

10) продлевать срок предварительного расследования;

11) утверждать постановление подчиненного ему следователя о прекращении производства по уголовному делу, а также об осуществлении государственной защиты;

12) давать согласие указанному следователю, производившему предварительное следствие по уголовному делу, на обжалование в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК, решения надзирающего прокурора, вынесенного в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ;

13) поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству (ч. 1 ст. 39 УПК РФ);

14) при наличии к тому фактических оснований давать письменное указание руководству определенного средства массовой информации сделать сообщение о реабилитации (ч. 3 ст. 136 УПК РФ);

15) осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ [2].

Осуществляя контроль за правильностью составления обвинительного заключения, постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, постановления о прекращении уголовного дела, а также при передаче дела другому органу предварительного следствия или в орган дознания, руководитель следственного органа обязан проверить наличие в уголовном деле документов, в которых отражено место нахождения вещественных доказательств, предметов и ценностей, изъятых по делу, сверить их с записями в книге учета вещественных доказательств [3].

Обширный объем процессуальных полномочий руководителя следственного органа в сочетании с его организационными (управленческими) возможностями предполагает и его ответственность за качество следствия. Поэтому поступившее к прокурору дело представляет собой результат работы не только следователя, но и руководителя следственного органа. Другое дело, в какой пропорции распределяются их усилия по расследованию преступления и чье внутреннее убеждение возобладавало [4].

Руководитель следственного органа обладает и контрольными полномочиями, которые заключаются в возможности проверки материалов и процессуальных действий по сообщению о преступлении или материалов уголовного дела; отмены незаконных или необоснованных постановлений следователя; отмены по находящимся в производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконных или необоснованных постановлений руководителя, следователя (дознателя) другого органа предварительного расследования; отстранения следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований закона; отмены незаконных или необоснованных постановлений нижестоящего руководителя следственного органа [5].

Наиболее действенным инструментом контроля руководителя следственного органа за расследованием уголовных дел является право проверять уголовные дела, находящиеся в производстве у следователя. Данное полномочие руководителя следственного органа, сформулированное в п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ в общей форме, в специальной литературе пытаются наполнить определенным содержанием, выработать предпосылки его реализации. Так, Н.А. Моругина пишет, что «проверка дел может осуществляться как в плановом, так и в срочном порядке. Важно, чтобы она носила систематический характер, то есть проводилась не от случая к случаю, а регулярно. Не менее важное значение приобретает своевременность проверки, поскольку запоздалое изучение дел приводит к тому, что не принимаются необходимые меры, устраняющие нарушение процессуальных норм и обеспечивающие расследование дела в установленные сроки. Порядок проверки дел зависит от инициативы руководителя, квалификации и опыта следователей и других обстоятельств». К обстоятельствам, требующим проверки материалов уголовных дел, в специальной литературе относят достоверные сведения, свидетельствующие о предвзятости следователя или его неопытности, об односторонности расследования [6].

Помимо прямо определенных в ст. 124 УПК РФ, в постановлении, принимаемом по результатам рассмотрения жалобы, законодатель требует от правоприменителя приведения мотивов отклонения обращения либо его удовлетворения [7].

Ст. 124 УПК РФ предусматривает лишь два вида решения, которые может принимать руководитель следственного органа по результатам рассмотрения жалобы:

- об удовлетворении жалобы (полностью или в части);
- об отказе в ее удовлетворении.

Целесообразно отметить, что при осуществлении своих уголовно-процессуальных полномочий руководитель следственного органа должен исходить из того, что любые меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые в отношении обвиняемого и ограничивающие его права и свободы, должны быть обусловлены конкретными обстоятельствами уголовного дела [8].

Помимо однозначных запретов, уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд положений, которые также связаны с необходимостью обеспечения прав и законных интересов обвиняемого при выполнении следственных действий и подлежат неукоснительному исполнению следователем в ходе производства по уголовному делу.

В этой связи в целях обеспечения охраны личных интересов обвиняемого руководитель следственного органа должен обратить внимание следователя на необходимость заблаговременного принятия мер по недопущению разглашения выявленных в ходе обыска (выемки) в жилище обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого проводился обыск, его личной или семейной тайны, а также обстоятельств частной жизни других лиц (ч. 7 ст. 182 УПК РФ).

Таким образом, руководитель следственного органа обладает широким кругом полномочий, которые ни в коей мере не ограничивают процессуальную самостоятельность подчиненных ему лиц. Указания, которые дает руководитель следственного органа, обязательны для исполнения, но его решения и действия можно обжаловать. Также руководитель следственного органа является центральным звеном в механизме обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина.

-
1. Советский энциклопедический словарь // гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1985. С. 1263.
 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
 3. Рыжаков А.П. Правоохранительные органы. Учебник для вузов. 4-е изд., перераб. М.: Издательство «Дело и сервис», 2015.
 4. Михайловская И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Мировой судья. 2015. № 4. С.10 - 14.
 5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, Е.А. Артамонова, Д.П. Великий и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция Российской газеты. 2015. Вып. III - IV. 912 с.
 6. Моругина Н.А. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа по проверке законности принимаемых следователем решений // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 2.
 7. Тарабан Н.А. К вопросу о реализации руководителем следственного органа процессуальных полномочий в рамках статьи 124 УПК РФ // Российский следователь. 2014. № 6. С. 16 – 19.

8. Олейник П.М. Обеспечение руководителем следственного органа прав и законных интересов обвиняемого в ходе производства следственных действий // Российский следователь. 2013. № 16. С. 17 - 20.

Ключевые слова: статус, полномочия, руководитель следственного органа.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

Вехов Виталий Борисович,

*профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной
собственности и судебной экспертизы,*

*Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки и образования РАЕ*

Статья посвящена исследованию актуальных теоретических и прикладных проблем, которые возникли в деятельности органов предварительного расследования и судов при работе с электронными доказательствами в связи с изменившимся уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Для их решения предлагается систематизировать знания, имеющиеся по данной проблематике в уголовно-процессуальной науке, и начать разработку новой гипотезы – теории электронных доказательств.

Анализ юридической литературы, материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что электронные доказательства – электронные носители и содержащаяся в их памяти компьютерная информация стали все чаще использоваться в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях различных видов [1]. В настоящее время по поводу определения их содержания, тактики получения, оценки и использования в уголовном судопроизводстве ведутся активные научные дискуссии.

Согласно части 1 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (от 18.12.2001 № 174-ФЗ, далее – УПК РФ) доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном УПК РФ порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Данные сведения могут быть зафиксированы на любом материальном носителе как человеком – являться продуктом мыслительной деятельности конкретного лица, так и автоматом (без участия человека по установленному алгоритму) – быть результатом работы программы для электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ) и других компьютерных устройств. При

этом в обоих из указанных случаев рассматриваемые сведения могут быть представлены в виде компьютерной информации, которая в соответствии с примечанием 1 к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (от 13.06.1996 № 63-ФЗ) определяется как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Объективно эта информация может существовать только на электронных носителях информации – на технических устройствах или в технологических системах, предназначенных для фиксации, хранения, накопления, преобразования и (или) передачи компьютерной информации. К ним относятся: машинные носители информации (ферромагнитная полимерная лента (полоса) или металлическая нить, гибкий полимерный или жесткий магнитный диск, жесткий оптический или магнитооптический диск и др.); интегральные микросхемы (идентификационные карты на интегральных микросхемах типа «sim-карта» и др.); микроконтроллеры (так называемые электронные проездные документы, USB-драйверы, flash-карты и др.); электронные вычислительные машины (компьютеры, активное серверное оборудование, банкоматы, терминалы, контрольно-кассовые машины, сотовые радиотелефоны, ресиверы, видеорегистраторы и др.); комбинированные носители информации (платежная карта с магнитной полосой и интегральной микросхемой и т. п.); информационные системы; информационно-телекоммуникационные сети, например, сеть Интернет [2].

Анализ части 2 статьи 74 УПК РФ и смежных статей показывает, что документированная компьютерная информация допускается в качестве доказательств лишь как вещественное доказательство (статья 81 УПК РФ) и иной документ (статья 84 УПК РФ). Таким образом, она будет признаваться доказательством по уголовному делу при наличии хотя бы одного из следующих условий, а именно, если использовалась в качестве орудия преступления; сохранила на себе следы преступления; является предметом преступления; может служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела; если содержащиеся в ней сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [3].

В современном уголовно-процессуальном законодательстве указанные положения реализуются с помощью соответствующих действий, например: осмотра места происшествия, предметов, документов; получения письменного заключения специалиста в сфере компьютерной информации и ее защиты; назначения судебной компьютерно-технической экспертизы; допроса специалиста, эксперта; обыска; выемки; истребования документов и предметов. При этом в материалах и документах уголовного судопроизводства компьютерная информация чаще всего используется в следующих объективных формах представления, каждый из которых имеет оригинальное юридическое определение в соответствии с действующим отечественным законодательством, а именно: в виде сетевого адреса, доменного имени, файла, электронного сообщения, электронного документа, электронной подписи, электронного жур-

нала, электронных денежных средств, базы данных, программы для ЭВМ, сайта в сети Интернет, страницы сайта в сети Интернет [4].

В связи с массовым использованием в уголовном судопроизводстве материальных носителей рассматриваемой категории и содержащейся в их памяти информации УПК РФ был дополнен нормами, регламентирующими порядок работы с ними. Так, часть 4 статьи 81 УПК РФ предусматривает возможность возврата электронных носителей информации, изъятых в ходе судебного производства, но не признанных вещественными доказательствами, лицам, у которых они были изъяты.

В статье 82 УПК РФ указаны условия хранения электронных носителей информации как вещественных доказательств и основание возврата их законному владельцу после осмотра и производства других неотложных следственных действий. Помимо этого, изложены основание и порядок производства нового процессуального действия, состоящего в копировании информации с изъятых в ходе производства неотложных следственных действий электронных носителей, являющихся вещественными доказательствами, на другие электронные носители, предоставленные их законным владельцем или обладателем копируемой информации. В соответствии с частью 2.1. статьи 82 УПК РФ данное действие производится в присутствии понятых в подразделении органа предварительного расследования или в суде с обязательным участием специалиста.

При производстве обыска (часть 9.1. статьи 182 УПК РФ) и выемки (часть 3.1. статьи 183 УПК РФ) электронные носители информации изымаются только с участием специалиста. По ходатайству их законного владельца или обладателя содержащейся на них информации специалистом в присутствии понятых с них осуществляется копирование информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей, ее содержащих, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю информации в протоколе следственного действия делается соответствующая запись.

Изложенные новеллы отечественного уголовно-процессуального законодательства обусловили возникновение в правоприменительной практике ряда проблем, из которых представляется возможным выделить следующие.

1. Отсутствие законодательного определения понятия «электронный носитель информации», что позволяет с позиций формальной юридической логики отнести к этой категории достаточно широкий круг предметов и документов, например, стиральную или кофемашину, микроволновую печь, телевизор, паспорт гражданина Российской Федерации, электронный полис обязательного медицинского страхования, электронный ключ от домофона.

2. Недостаточная обеспеченность сотрудников органов предварительного расследования, специалистов и экспертов современными методическими рекомендациями по обнаружению, фиксации, изъятию, предварительному и судебно-экспертному исследованию, оценке и последующему использованию электронных доказательств.

По нашему мнению, одним из вариантов выхода из сложившейся негативной ситуации является систематизация имеющихся знаний по данной проблематике в уголовно-процессуальной науке и выработка общих точек зрения на один и тот же предмет в рамках разработки новой гипотезы – теории электронных доказательств.

1. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 8.
2. Вехов В. Б. Электронные следы в системе криминалистики / В. Б. Вехов, Б. П. Смагоринский, С. А. Ковалев // Судебная экспертиза. Выпуск 2 (46) 2016: науч.-практ. журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 16-17.
3. Вехов В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства / В. Б. Вехов // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22-23.
4. Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств / В. Б. Вехов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. № 1. С. 156-158.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронные носители информации, вещественные доказательства.

УДК 343.146

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА, ВЫНЕСЕННЫХ В ИНТЕРЕСАХ ПОТЕРПЕВШЕГО В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Виноградова Варсеник Артуровна,
преподаватель,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

В статье проанализированы и обобщены определенные факты судебной практики, а также научные публикации, затрагивающие проблемные вопросы исполнения постановлений суда, вынесенных в порядке статьи 125 УПК РФ в интересах потерпевшего.

Различным аспектам судебного производства по рассмотрению и разрешению жалоб, поданных в соответствии со ст. 125 УПК РФ, посвящено большое число научных публикаций и проведено диссертационных исследований. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» дал

ряд конкретных разъяснений, которые сформулированы на основе масштабного обобщения судебной практики.

Комплекс мер в этом направлении разработал В. В. Осин. Во-первых, считает автор, фактически вступившее в законную силу постановление судьи делает юридически ничтожным, например, постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. В соответствии с положениями ст. 392 УПК РФ вступившее в законную силу постановление суда обязательно для всех органов государственной власти и должностных лиц и подлежит неукоснительному исполнению. Неисполнение постановления суда влечет за собой ответственность, предусмотренную ст. 315 УК РФ. В связи с этим, полагает В. В. Осин, из п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ следует исключить слова «и о его обязанности устранить допущенные нарушения».

Во-вторых, учитывая, что ст. 8 Федерального закона от 14 декабря 1995 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» предусмотрено обязательное сообщение суду об исполнении его решения, а также гражданину – не позднее месячного срока со дня получения решения суда, иначе суд принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации, автор предложил ст. ст. 125 и 148 УПК РФ дополнить текстом следующего содержания: «Об исполнении постановления суда должно быть сообщено суду и заявителю не позднее чем в месячный срок со дня получения постановления. В случае неисполнения постановления суд принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

В-третьих, рассуждает В. В. Осин, в отношении государственных служащих и иных должностных лиц, совершивших действия (бездействие) или принявших решения, признанные незаконными и необоснованными, суд определяет меру предусмотренной Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации», другими федеральными законами ответственности государственного служащего или должностного лица, вплоть до представления об увольнении. В связи с этим автор полагает целесообразным ст. 125 УПК РФ дополнить нормой следующего содержания: «Установив обоснованность жалобы, суд определяет ответственность государственного органа или должностного лица, государственного служащего за действия (решения), приведшие к незаконному возбуждению уголовного дела, отказу в возбуждении уголовного дела, незаконному прекращению уголовного дела, иным нарушениям, которые были способны причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан. В отношении государственных служащих и иных должностных лиц, совершивших действия (бездействие) или принявших решения, признанные незаконными и необоснованными, суд определяет меру предусмотренной Федеральным законом “Об основах государственной службы Российской Федерации”, другими федеральными законами ответственности государственного служащего или должностного лица, вплоть до представления об увольнении» [1].

В целом поддерживая стремление В. В. Осина за счет дополнения уголовно-процессуального закона новыми правилами, которые, с одной стороны,

способствовали бы оперативному исполнению судебных решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, а с другой – не оставляли безнаказанными должностных лиц, нарушающих закон, все же отметим незавершенность предлагаемых автором доктринальных норм.

Так, в разработанном В. В. Осиным нормативном правиле, предназначенном для закрепления в ст. 125 УПК РФ, акцент сделан на три процессуальные решения: отказ в возбуждении или возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела. Все остальные виды действий, бездействия, решения, которые имеют место в досудебном уголовном производстве и способны либо реально причиняют ущерб конституционным правам и свободам граждан и юридических лиц, объединены термином «иные».

Изучение судебной практики показывает, что, например, в стадии возбуждения уголовного дела в числе нарушений УПК РФ, подпадающих под предмет обжалования, определенный в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, распространены, наряду с возбуждением и отказом в возбуждении уголовного дела, также бездействие дознавателя, следователя, прокурора по поступившему от потерпевшего заявлению о совершенном в отношении него преступлении, а именно:

- а) отказ в приеме заявления (сообщения) о преступлении;
- б) отказ в регистрации заявления (сообщения) о преступлении;
- в) задержки при проверке заявления (сообщения) о преступлении, что влечет неоднократные отказы в возбуждении уголовного дела;
- г) неуведомление заявителя о возбуждении уголовного дела;
- д) неисполнение в части направления заявителю копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или направление копии данного процессуального документа, с которой не представляется возможным ознакомиться из-за плохого качества ее изготовления;
- е) отказ прокурора в предоставлении копии постановления об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;
- ж) непроведение дополнительной проверки по сообщению о преступлении после отмены прокурором, руководителем следственного органа постановления дознавателя, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела [2].

Весьма значимым, с точки зрения обеспечения конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию, являются законность и обоснованность приостановления расследования уголовного дела.

В связи с этим принципиально важно определить направление: либо расширять предложенный В. В. Осиным перечень незаконных действий и решений, либо ограничиться общей формулой «нарушения, способные причинить...» Следует обратить внимание и на то, что от незаконных действий в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования одинаково могут пострадать как граждане, так и юридические лица. Они выступают в уголовном процессе в роли фигуры потерпевшего. В анализируемом тексте разработанного В. В. Осиным нормативного правила речь идет

только о гражданах, что оставляет за пределами предлагаемого правового регулирования юридических лиц.

Близким к приведенному является и предложение Д. С. Кроткова, который сформулировал его следующим образом: «Руководитель следственного органа и прокурор не позднее 3 суток со дня поступления к нему постановления судьи о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным принимает меры к устранению нарушений закона, о чем незамедлительно извещает судью, вынесшего постановление» [3].

Специально обратила внимание на серьезность положения с исполнением судебных решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, Е. А. Маркина. Она отмечает, что судами Российской Федерации в 2011 г. рассмотрено 1196 повторных жалоб на бездействие должностных лиц органов расследования, что составляет 2% от общего числа рассмотренных по существу жалоб (56 617). При этом суды все еще недостаточно используют предоставленные им законом полномочия и реагируют на подобные факты вынесением частного постановления только примерно в 5% случаев. Исследователь подчеркивает, что у судов отсутствуют сведения об исполнении принятых решений и предпринятом контроле за их исполнением. Из 12 630 решений об удовлетворении жалобы в отношении 10 990 решений, или в 87% случаев, сведения об их исполнении от органов предварительного расследования и прокурора в суды не поступали. «Таким образом, – пишет Е. А. Маркина, – отсутствие правового механизма контроля со стороны суда за исполнением судебных решений, включающего обязанность предоставления суду информации об исполнении его решения, принятого в порядке ст. 125 УПК РФ, является существенным пробелом, влияющим на эффективность указанной нормы. О том, каким образом и в какие сроки будет исполнено решение суда, не знает ни сам заявитель, ни суд, вынесший решение» [4].

Выход из данного положения автор видит в следующем: 1) ст. 125 УПК РФ нуждается в дополнении новым положением о том, что в случае признания действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и возложения на него обязанности устранить допущенное нарушение это лицо обязано не позднее определенного срока со дня получения копии постановления сообщить суду о его исполнении; 2) в Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде следует указать, что материал по жалобе, рассмотренный в порядке ст. 125 УПК РФ, оформляется и сдается в архив только после поступления в суд сообщения об исполнении постановления суда; 3) в ст. 125 УПК РФ ввести норму, согласно которой в случае умышленного неисполнения вступившего в силу судебного решения должностным лицом, на которое судом в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ, возложена обязанность устранить допущенное нарушение, такое лицо может быть привлечено к установленной законом ответственности; 4) дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нормой,

предусматривающей ответственность за умышленное неисполнение постановления судьи, принятого в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ.

Судья Верховного Суда РФ А. С. Червоткин также обратил внимание на ряд факторов, снижающих эффективность применения ст. 125 УПК РФ, среди которых он выделил отсутствие указания четких сроков для устранения нарушений, выявленных судом. «В соответствии с действующим законодательством, – пишет А. С. Червоткин, – суд не вправе сам отменять признанные им незаконные и необоснованные решения органов предварительного расследования. В связи с этим некоторые суды считают, что правовой институт, закрепленный в ст. 125 УПК РФ, не оказывает реального влияния на эффективное рассмотрение уголовных дел, так как имеются факты неоднократного рассмотрения жалоб на аналогичные по содержанию решения органов предварительного следствия, принимаемые по одному и тому же вопросу, которые уже неоднократно признавались судом незаконными и необоснованными... В большинстве судов контроль за исполнением решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, фактически не осуществляется» [5].

В качестве мер, способных исправить указанную ситуацию в следственно-судебной практике, А. С. Червоткин называет, во-первых, целесообразность закрепления в законе обязанности должностных лиц сообщать об исполнении постановления суда в этот суд и заявителю не позднее чем в месячный срок со дня получения постановления; во-вторых, более активное использование судами права вынесения частных определений в адрес руководства соответствующего должностного лица в случаях неисполнения судебного решения или поступления повторных жалоб от заявителей.

Высказана и точка зрения о целесообразности наделения судей правом «при рассмотрении жалобы выносить прямое решение, которым бы, например, отменялись постановления об отказе в возбуждении или прекращении уголовных дел и материалы дела (проверки) направлялись в прокуратуру для дополнительной проверки» [6].

Приведенное мнение было критически воспринято Н. С. Курышевой, считающей, что судья ни при каких условиях не должен отменять решение дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора. По ныне действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации судья – это арбитр, он не является органом уголовного преследования (ст. 15 УПК РФ). Наделение его подобными полномочиями, считает автор, не соответствует реалиям существующего уголовного процесса. Однако считаем утверждение исследователя о том, что судья ни при каких условиях не должен отменять решение органа расследования, прокурора со ссылкой на то, что судья не орган расследования, вряд ли корректно. Во многих случаях судья, рассматривая жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, принимает решение в интересах подозреваемого, обвиняемого. По логике Н. С. Курышевой, в этом случае действия судьи трансформируются в сторону защиты. Однако этот аргумент поверхностен. Например, при отмене

приговора по жалобе осужденного, его защитника либо представлению прокурора суд не становится, соответственно, на сторону защиты или обвинения.

Надлежит отметить, что на практике отдельные судьи, в случае удовлетворения жалобы заявителя, принимают решения об отмене признанных незаконными и необоснованными постановлений органов предварительного расследования.

Так, постановлением судьи Истринского городского суда Московской области от 6 февраля 2012 г. удовлетворена жалоба заявителя Б., просившего признать незаконным постановление дознавателя от 1 сентября 2011 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении неустановленного лица, от которого поступали телефонные звонки с угрозами физической расправы. Суд первой инстанции не только признал незаконным и необоснованным постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, но и постановил отменить его. Рассматривая кассационное представление прокурора, Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда изменила постановление суда первой инстанции, исключив из резолютивной части указание об отмене постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела [7].

Таким образом, не только в теории уголовного процесса, но и практикующими юристами, в том числе на уровне судов субъектов Федерации и Верховного Суда РФ, однозначно признается, что контроль за исполнением судебных решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, осуществляется судами неэффективно, а закон, в свою очередь, не предусматривает надежного механизма для обеспечения своевременного и надлежащего исполнения указанных судебных актов соответствующими должностными лицами органов предварительного расследования, прокурором.

-
1. Осин В. В. Решения суда, принимаемые по правилам ст. 125 УПК РФ, не обеспечивают защиту от произвола должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство // Адвокат. 2008. № 8. С. 21–22.
 2. Волынский В. В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 28.
 3. Кротков Д. С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 162.
 4. Маркина Е. А. К вопросу об исполнении судебных решений, принятых в порядке статьи 125 УПК РФ // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н. В. Радутной) : мат-лы 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 95–97.
 5. Червоткин А. С. Как повысить эффективность судебного контроля за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 22–23.
 6. Трунов И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М., 2005. С. 44.
 7. Архив Московского областного суда за 2012 г. Дело № 22к-2307.

Ключевые слова: потерпевший, постановление суда, судебная практика, судопроизводство, исполнение судебных решений.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Волеводз Александр Григорьевич,

*заместитель декана по науке Международно-правового факультета,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО МИД России,
доктор юридических наук*

На протяжении ряда последних лет автором проводятся социологические исследования и изучение практики международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по уголовным делам, что позволило выявить особенности деятельности следователей на различных этапах такого сотрудничества.

Одним из наиболее уязвимых аспектов этой деятельности является планирование, недостатки которого в значительной мере определяют низкую эффективность международного сотрудничества при расследовании конкретных уголовных дел.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального права большинства стран мира и широкого круга международных договоров в настоящее время основной уголовно-процессуальной формой международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является направление и исполнение запросов о правовой помощи по уголовному делу. В зависимости от реализуемого вида международного сотрудничества это может быть запрос об оказании взаимной правовой помощи, запрос о выдаче, запрос об осуществлении уголовного преследования и т.д.

Данное обстоятельство во многом предопределяет две проблемы, сопутствующие этому направлению уголовно-процессуальной деятельности.

Первой из них является длительность исполнения запросов о правовой помощи, которая в зависимости от конкретных условий взаимодействия и участвующих может составлять: для стран-членов СНГ и государств Балтии – до 2,5 месяцев; для стран Европы – от 6 (Швейцария и Германия); до 10 – 12 месяцев (Великобритания); для США и других государств, расположенных на американском континенте – от 12 – 14 до 20 и более месяцев [3.4].

Второй проблемой является неполнота исполнения запросов о правовой помощи. В значительной мере она обусловлена тем, что должностные лица компетентных органов иностранных государств четко основывают и ограни-

чивают свою деятельность по таким запросам пределами и информацией, обозначенными в них, но руководствуются при этом внутригосударственным законодательством собственного государства.

Между тем, как показывает изучение автором материалов конкретных уголовных дел и анализ следственной практики, правильная реализация норм УПК РФ и международных договоров, обеспечение надлежащего порядка оформления запросов, соблюдение установленного порядка сношений с компетентными органами иностранных государств и использования полученных в результате этого доказательств отнюдь не являются достаточными для повышения оперативности и качества международного сотрудничества по конкретным уголовным делам. Это лишь обеспечивает надлежащую процессуальную форму.

Отмеченные выше проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства во многом предопределяются отсутствием оптимальной организации деятельности следователя, направленной на установление фактических оснований для направления запросов о правовой помощи, по его надлежащей подготовке и организации исполнения с тем, чтобы эффективно решить задачи и достичь целей уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу.

Согласно широко известным криминалистическим рекомендациям оптимизации предварительного расследования служат тактические приемы, называемые планированием, которое в процессе расследования применяется в виде:

- планирования расследования уголовного дела;
- планирования расследования по отдельному эпизоду уголовного дела;
- планирования производства отдельного следственного действия;
- использования «вспомогательных» видов планирования;
- планирования расследования по группе уголовных дел («календарное планирование»).

Нам представляется, что и связанные с международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства действия и решения следователя также подлежат обязательному самостоятельному планированию.

Необходимость такого планирования определяется сложностью этой деятельности, большим объемом подготовительной работы, а также тем, что запросы должны содержать конкретные просьбы о выполнении розыскных и следственных действий. Прежде чем запрос о их выполнении будет оформлен и направлен зарубежным правоохранительным органам, их перечень, порядок выполнения и круг подлежащих разрешению вопросов должны быть детально определены органами предварительного следствия.

Игнорирование этого правила предопределяет направление за границу запросов, в которых не определены перечень и объем розыскных и процессуальных действий для решения интересующих предварительное расследование задач, что влечет за собой представление компетентными органами иностранных государств материалов, которые не имеют доказательственного значения при расследовании уголовного дела.

В отдельных запросах о правовой помощи по той же причине просьбы о выполнении каких-либо следственных действий не излагаются вообще или указываются с нарушением норм уголовно-процессуального права. Так, по ряду изученных автором уголовных дел, расследуемых в связи с совершением преступлений экономической направленности, в результате которых на счета заграничных банков перечислялись полученные преступным путем денежные средства, в запросах о правовой помощи (целью которых являлось установление доказательств о принадлежности или подконтрольности этих счетов конкретным подозреваемым и обвиняемым, а также о перечислении с них денежных средств) вместо просьб о проведении выемок всего комплекса необходимых банковских документов, характеризующих операции по конкретным клиентским счетам в иностранных банках, инициаторами запросов о правовой помощи предлагалось «проверить принадлежность счета и законность проводимых по нему операций с денежными средствами, поступающими из запрашивающего государства». При этом следователями явно не было учтено то обстоятельство, что ни УПК РФ, ни уголовно-процессуальным законодательством запрашиваемых государств и международными договорами в перечни следственных действий не включены подобные проверки [2]. Кроме того, подразумеваемая под этим необходимость принятия иностранными правоохранительными органами конкретных процессуальных решений является формой недопустимого вмешательства в деятельность органов предварительного следствия и, соответственно, в государственный суверенитет и внутренние дела запрашивающего государства.

В соответствии с формальным характером просьб ответы носили столь же формальный характер, не имеющий значения для расследования конкретных уголовных дел.

Существо планирования рассматриваемой деятельности состоит в определении задач, которые предстоит решать при международном сотрудничестве по конкретному уголовному делу, и в выработке системы действий, совокупность которых обеспечит их решение и достижение целей такого сотрудничества. Это планирование должно вестись с соблюдением разработанных криминалистической тактикой принципов индивидуальности, динамичности, конкретности, реальности и оптимальности.

Как свидетельствует практика, нет и не может быть двух одинаковых следственных ситуаций, предопределяющих необходимость обращения за правовой помощью к компетентным органам иностранного государства. Каждая такая следственная ситуация уникальна, имеет свои особенности, круг субъектов взаимодействия, индивидуальный характер запрашиваемой правовой помощи и неповторимость полученных результатов.

Однако с высокой степенью достоверности можно отметить, что при организации международного сотрудничества по конкретному уголовному делу изначально подлежат выдвижению версии о наличии или отсутствии за пределами Российской Федерации уголовно – релевантной информации и доказательств об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве

по уголовному делу, а также иных обстоятельствах, имеющих значение для его расследования и надлежащего разрешения по существу.

Для выдвижения версий в рамках международного сотрудничества по конкретному уголовному делу необходимо использовать информацию, полученную не только из процессуальных источников, но и непроцессуальных, поскольку все эти источники «находятся в связи и взаимно дополняются. Это вполне нормально потому, что выдвижение версий является познавательной деятельностью, а не деятельностью по доказыванию» [5].

Учитывая уникальный характер каждого обращения за правовой помощью при выдвижении версий, следует исходить из того, что при всем широком разнообразии возможных ситуаций, складывающихся в процессе расследования, организация международного сотрудничества всегда является проблемной ситуацией, что вызывает большие трудности, в силу чего выдвижение версий серьезно усложнено.

Проведенными исследованиями выявлено, что «следственным версиям, возникающим в ситуациях семантической неопределённости (проблемных ситуациях), присущи следующие особенности: изначально низкий объем исходной информации, её крайняя противоречивость; невозможность мгновенной практической проверки принятых решений, что приводит к комбинаторной осложнённости в процессах как выдвижения версионных предположений, так и их проверки; невозможность мгновенной практической проверки принятых решений, что приводит к комбинаторной осложнённости в процессах как выдвижения версионных предположений, так и их проверки; если в случаях простой (непроблемной) ситуации для целей расследования достаточно логических средств поиска необходимой информации, для выдвижения версий в условиях информационной неопределённости (проблемной ситуации) зачастую задействуется технология т.н. "случайного поиска", представляющего собой внелогический, интуитивно-обусловленный механизм определения направлений информационного поиска по делу» [1].

С учетом этого на первом этапе организации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства версионная деятельность следователя сводится, прежде всего, к осуществлению поиска и систематизации исходной информации:

- *о сведениях*, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель могут достоверно предположить наличие или отсутствие за пределами Российской Федерации обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и его надлежащего разрешения по существу;

- *о механизме совершения преступления*, что является необходимым условием для определения на этой основе четкого круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по расследуемому уголовному делу в ходе частичной передачи компетенции должностным лицам правоохранительных органов иностранного государства путем направления соответствующего запроса о правовой помощи;

- *об особенностях организации, функционирования и возможностях действующих на территории иностранного государства институтов*, в распоряжении которых могут находиться те или иные источники доказательств, иной информации ориентирующего характера;

- *правового характера (правовой информации)*, представляющей собой нормативные акты, сведения, которые содержатся в нормах различных отраслей отечественного, зарубежного и международного права, а также сведения о различных юридических событиях, фактах, явлениях и связанных с ними процессах (например, сведения о результатах правоприменительной практики, судебных решениях, прецедентах), использование которой необходимо для правильного процессуального формирования запроса о правовой помощи.

При этом целесообразно расчленять указанные основные задачи на отдельные (несовместимые полностью или частично) следственные версии и осуществлять их поэтапную проверку, что является главным и наиболее существенным аспектом деятельности следователя в условиях проблемных ситуаций организации международного сотрудничества. Проверка таких версий позволит определить алгоритм дальнейших действий следователя и составит содержание дальнейших этапов выдвижения и проверки необходимых версий, что, в конечном итоге, должно обеспечить качественную подготовку и направление соответствующего запроса о правовой помощи.

Выдвижение версий всегда должно предшествовать планированию, поскольку составляет его логическую основу. Версии и логические следствия из них обязательно должны включаться в план проведения мероприятий, необходимых для их проверки.

Изначально самым ответственным моментом планирования расследования является выбор основных направлений расследования – круга обстоятельств, на *первоочередном* установлении которых должны быть сосредоточены следственные действия, оперативно-розыскные и организационные мероприятия, а также средства установления этих обстоятельств. Имеющаяся практика свидетельствует, что при наличии минимальных сведений о возможном наличии «иностранного элемента» - планирование подготовки к международному сотрудничеству должно осуществляться в первоочередном порядке.

На основе выдвигаемых для проверки версий при международном сотрудничестве по конкретному уголовному делу непосредственному планированию подлежат:

- порядок получения данных об особенностях организации, функционирования и возможностях действующих на территории иностранного государства институтов, в распоряжении которых могут находиться те или иные источники доказательств;
- установление круга информации о применимом иностранном законодательстве и источниках международного права, деятельность по их получению, изучение;
- получение консультативной помощи сведущих лиц;

- порядок получения необходимой ориентирующей информации;
- информация обо всех вопросах, подлежащих разрешению в порядке получения правовой помощи, перечень допустимых по условиям международных договоров и намечаемых к выполнению следственных действий для этого;
- порядок и сроки подготовки запроса о правовой помощи, обеспечения его перевода;
- порядок и сроки установления связи, ведения переписки и иного взаимодействия с представителями запрашиваемой стороны;
- порядок, привлекаемые силы и средства для перевода поступивших в ответ на запрос о правовой помощи исполненных материалов;
- иные мероприятия и действия по мере необходимости.

Лишь такой подход к планированию позволяет обеспечить должную эффективность международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и сокращение сроков получения правовой помощи, о чем свидетельствуют и полученные нами результаты социологического исследования. В ходе проведенного интервьюирования 100% респондентов утвердительно ответили на вопрос о том, планируют ли они расследование по находящимся у них в производстве делам, но лишь 15 % указали, что в ходе расследования ими осуществлялось конкретное планирование необходимого международного сотрудничества по расследуемым делам. На вопросы о том, в какие сроки было осуществлено направление запросов о правовой помощи, 85% респондентов ответили, что запросы были направлены на 11 – 22 месяца следствия, а 15% указали сроки в пределах 4 – 6 месяцев. Данные результаты косвенно свидетельствуют о том, что сокращение сроков подготовки и направления запросов о правовой помощи коррелирует с планированием или отсутствием такового при их подготовке.

Изучение уголовных дел дало несколько иные результаты: лишь по 10% из них запросы о правовой помощи были направлены в первые 6 месяцев расследования, по остальным делам – на 16 – 28 месяцев расследования. По мнению автора, сложившемуся в результате изучения массива уголовных дел, более чем по половине из них (28 из 40) достаточные данные о необходимости организации международного сотрудничества имелись уже к исходу 2 месяцев следствия, что при надлежащем планировании расследования позволяло обеспечить направление запросов о правовой помощи в первые 6 месяцев расследования. В результате именно отсутствие своевременного и динамичного планирования международного сотрудничества, которое и само по себе характеризуется длительными сроками получения результатов, привело к тому, что в материалах 35 % изученных дел на момент их представления с обвинительным заключением прокурору отсутствовали исполненные материалы запросов о правовой помощи.

Планирование расследования является организующим началом в деятельности следователя, а отдельное планирование международного сотрудничества по конкретному уголовному делу, логически правильно построен-

ное, динамично и последовательно осуществляемое, может способствовать высокой эффективности, позволит обеспечить его результативность и разумные сроки.

1. Бахтеев Д.В. Характеристика некоторых особенностей версионного процесса в проблемных ситуациях расследования // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3(37). С. 109-112.
2. Волеводз А.Г. Правовые и методические основы деятельности органов предварительного следствия России по розыску, аресту и обеспечению конфискации за рубежом денежных средств и имущества, полученных преступным путем: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
3. Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / Науч. редактор проф. А.Б. Соловьев. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000.
4. Волеводз А.Г., Соловьев А.Б. Международный розыск, арест, конфискация и передача иностранным государствам денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также вещественных доказательств по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2007.
5. Павлов Х. Характеристика процесса мышления, связанного с выдвижением и проверкой следственных версий // Российский следователь. 2012. № 6. С. 43-46.

УДК 343.1

МИФЫ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ КАК БАРЬЕРЫ НА ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Волынский Александр Фомич,

профессор кафедры криминалистики,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,

Заслуженный юрист РФ

1. Анализ исторического опыта формирования системы отечественного судопроизводства, а соответственно, теории и практики раскрытия и расследования преступлений свидетельствует о том, что не только отдельные его предписания, но и в основе своей его концепция формировались под влиянием мифов и предубеждений. Кстати, в этом году исполняется 15 лет, как был принят ныне действующий УПК РФ. За это время, по данным некоторых ученых, в него внесено не то полторы, не то две тысячи поправок, что дает основание говорить о несовершенстве не только отдельных предписаний этого основополагающего для организации раскрытия и расследования преступлений Закона, но и в целом его концепции [1].

Еще при подготовке проекта УПК РФ в дискуссиях о его концепции активно эксплуатировались два, по существу взаимоисключающих, мифа: а) о традициях отечественного (читай советского) уголовно-процессуального законодательства и необходимости его сохранения; б) о важности заимствования многовекового опыта борьбы с преступностью в странах Западной Европы и США, нашедшего отражение в их уголовно-процессуальном законодательстве. В конечном итоге, как там у них, в нашем УПК были обозначены принципы уголовного судопроизводства, позаимствованы подходы к его демократизации, либерализации, гуманизации, но оставлена без изменений (какой была в УПК РСФСР) система доказательств и средств доказывания, то что как раз и определяет возможности правоохранительных органов раскрывать и расследовать преступления. Более того, под влиянием мифов несколько иного порядка и при старании адвокатского лобби эта система оказалась еще более извращенной.

Об этом приходилось говорить автору статьи еще в 2004 г., в частности, отмечая, что наша страна стала на путь демократических преобразований много позже других индустриально развитых стран, причем с тяжким грузом в общественном сознании последствий тоталитаризма, что объективно предопределило борьбу прошлого с будущим. Так невероятным образом переплелись противоречия, характерные для современного состояния нашего общества и государства. В поиске возможностей их разрешения опять же широко, и не только инерционно, но и осмысленно конъюктурно использовались мифы и предубеждения.

Мы отмечали, что «наши реформаторы уголовного судопроизводства демагогически эксплуатируют память народа о трагическом прошлом в истории нашей страны, представляя правоохранительные органы в качестве некоего пугала, основного виновника этого прошлого и неисправимого врага демократии». А по существу мы имеем один из классических примеров, когда мифы и предубеждения прошлого повлияли на настоящее и предопределяют будущее [2].

2. Не без связи с этими обстоятельствами само понятие организации раскрытия и расследования преступлений в нашей криминалистической и уголовно-процессуальной литературе представляется теоретико-философски с акцентом на деятельность следователя без учета реалий следственной практики. Некоторые ученые определяют её как «рациональный выбор расстановки и приложения сил, орудий и средств [3]. Другие утверждают, что это процесс «создания умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности» [4] или «процессуальное руководство следователя ходом расследования и его участниками» [5].

Каждое из приведенных и им подобные определения организации раскрытия и расследования преступлений имеют право на существование, тем более, что их авторы дают, в их понимании, предметное толкование таких понятий, как «умственная модель», «силы, орудия и средства», «рациональный выбор». Однако при этом остается неопределенной структурно-содержательная характеристика данного явления как вида деятельности. Соз-

дается впечатление некой осторожности в освещении данного вопроса, поскольку при этом неизбежно приходится вступать в противоречие с предписаниями в УПК РФ, касающимися организации деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений и правовой оценки её результатов.

Между тем структурно-содержательную характеристику организации раскрытия и расследования преступлений, по нашему мнению, следует давать, исходя из научно осмысленного, методологически выдержанного определения «организации» в энциклопедических изданиях, где она представляется как «внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением» [6].

Очевидно, что применительно к организации раскрытия и расследования преступлений как целого в качестве «автономных частей» выступают такие виды деятельности, как процессуальная, оперативно-розыскная, технико-криминалистическая, судебно-экспертная, а в определенной мере – административная. В этом же перечне следует обозначить деятельность органов, осуществляющих функции надзора и контроля за предварительным следствием. Объединяет эти виды деятельности конечная цель – раскрытие и расследование преступлений, поэтому взаимодействие осуществляющих их служб, аппаратов учреждений представляется как основа организации в целом [7].

Такое понимание организации раскрытия и расследования преступлений неизбежно ведёт к выводу, что её совершенствование с учетом современных вызовов преступности по существу «меганаучная проблема». В рамках любой отдельно взятой науки уголовно-правового цикла, в том числе криминалистики, она не решаема.

Предметами таких наук, как известно, определяются рамки их исследований, линии их разграничения, что важно для их самоопределения и самоутверждения в системе себе подобных, для совершенствования присущих им методов, средств и форм деятельности. Но организация раскрытия и расследования преступлений, как целое, характеризуется своим общим для названных наук предметом деятельности и, соответственно, присущими ему комплексными, межнаучными проблемами, несомненно, более сложными (по сравнению с узкопредметными), а вместе с тем чрезвычайно актуальными, по сути своей прорывными.

Нам всем необходимо осознать, что исторически сложившаяся мифологизированная межнаучная чересполосица в сфере указанных наук отрицательно сказывается на подготовке кадров следователей и оперативных работников в учебных учреждениях правоохранительных министерств и ведомств, а следовательно, на эффективности их практической деятельности. Такое положение выгодно в уголовном процессе стороне защиты, но противоречит интересам стороны обвинения.

По этой причине следует признать, что представители наук уголовно-правового цикла и видов деятельности, определяющих содержание «частей» организации раскрытия и расследования преступлений как целого, не смогли консолидированно противостоять принятию крайне противоречивого УПК

РФ и ничего не смогли предложить, кроме огромного множества зачастую не согласованных между собой и с основным текстом этого Закона поправок в него.

3. Напомним, что ключевым словом в определении организации расследования преступлений является «взаимодействие». Ясно, что эффективность «целого» предопределяется эффективностью деятельности каждой из его «частей», но только при их должном взаимодействии «целое» приобретает качественно иное состояние. При этом очень важно, как понимать взаимодействие следователя с оперативным работником: либо это совместные действия, как оно осуществляется в странах ЕС, где оперативно-розыскные мероприятия в виде отдельной главы о специальных следственных действиях включены в их УПК; либо это переписка, как предписывает УПК РФ в ст. 38, п. 4, определяющая право следователя «давать органу дознания... обязательные для исполнения письменные поручения с проведением оперативно-розыскных мероприятий».

Отсутствие такой переписки в уголовном деле рассматривается лицами, осуществляющими процессуальный надзор за его расследованием, как серьезное упущение, влекущее порой дисциплинарное наказание. Во избежание подобных последствий следователи (дознаватели) нередко пишут поручение, а вместе с тем и ответ на него. В результате, по данным различных исследований, до 80% ответов представляют собой формальные отписки. Можно ли говорить при этом об объединении сил, средств и методов, т. е. о взаимодействии, это большой вопрос.

Такое отношение к взаимодействию следователя с оперативными работниками сформировалось у нас под влиянием мифа о «зловредной роли» оперативно-розыскной деятельности во время культа личности. При этом меньше всего обращается внимание, что это регламентированная законом деятельность государственных органов, что она не имеет никакого отношения к «доносительству» и «стукачеству» как способам расправы над политическими противниками – «врагами» господствовавшей в то время власти.

Влияние этого мифа сказалось на содержании ст. 89 УПК РФ, фактически запрещающей использование данных ОРД в процессе доказывания, и ст. 163, ч. 2 УПК РФ, в которой как-то стыдливо и противоречиво отмечается, что «к работе следственной группы могут быть привлечены (а могут быть не привлечены? - А.В.) должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность». И это при том, что без ОРД не раскрывается ни одно тяжкое и особо тяжкое преступление, что на практике для этого по-прежнему создаются следственно-оперативные, а нередко и постоянно действующие группы [8].

Впрочем, эта проблема настолько же сложна, насколько злободневна. Она требует самостоятельного межнаучного исследования с позиций политологии, социологии, криминологии и иных наук уголовно-правового цикла. И, как ни странно кому-то покажется, с позиций экономики. «Нельзя же признать нормальным положение, - пишет по этому поводу В.Ф. Статкус, - когда на аппараты, осуществляющие ОРД, государство тратит денег больше, чем на

гласные следственные органы, а результаты их деятельности не находят отражения и должного признания в процессе доказывания и в приговорах судов по уголовным делам», «Деньги на ветер», - заключает ученый [9].

4. Своеобразные мифы и предубеждения проявляются в решении проблем организации и правового регулирования использования в раскрытии и расследовании преступлений современных достижений науки и техники, трансформируемых через криминалистику и судебную экспертизу. Под их влиянием до сих пор сохраняется почти 100 лет назад сформировавшаяся организация деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел (ЭКП ОВД), которая сегодня оказалась в жестком противоречии с уровнем развития используемой ими техники собирания следов преступления – источников розыскной и доказательной информации, ее исследования и использования, прежде всего, в форме современных информационно-поисковых систем криминалистического назначения типа «Папилон», «Автопоиск», «Опознание», «Оружие» и др. Потенциальные возможности таких систем сегодня не раскрываются в полной мере, поскольку они не обслуживаются должным образом подготовленными специалистами в текущем режиме времени (без чего система лишена достоинств системы). Соответственно, явно усложнились и возросли по объему задачи, связанные с обслуживанием такой техники, с содержанием ее в состоянии готовности к практическому применению. Очевидна необходимость специальной подготовки и более основательной специализации экспертов и особенно специалистов, которые должны уметь пользоваться этой техникой. Но это невозможно при совмещении их функций в одном лице.

Иначе говоря, экстенсивный путь развития ЭКП ОВД (расширение их сети, увеличение их штатной численности, выделение дополнительных денежных средств на их техническое оснащение и т.п.) себя окончательно исчерпал. Как ни странно, но при этом бытует и широко используется в дискуссии на эту тему миф, что лучше эксперта-криминалиста функцию специалиста никто не исполнит. Согласиться с таким мнением можно лишь в том смысле, что специалист-криминалист должен иметь профессиональную подготовку по собиранию и экспресс-исследованию следов преступлений на уровне эксперта. Но при этом, в отличие от эксперта, он должен иметь навыки работы не только с отдельными, различными по природе и механизму образования следами, но и с их «картиной», помогая следователю в установлении механизма и иных обстоятельств преступления, а оперативному работнику – в его раскрытии по горячим следам. Именно в этом смысле не без оснований утверждается, что самая сложная, комплексная и самая важная для раскрытия и расследования преступлений «экспертиза» - это исследование места происшествия.

Отсюда возникает далеко не риторический вопрос, а готовы ли в общей массе эксперты ЭКП ОВД профессионально выполнять такую «экспертизу», если сегодня почти половина из них не имеет системной криминалистической подготовки – это эксперты-химики, бухгалтеры, биологи, автотехники и т.п. Справедливости ради, заметим, что в основе своей они великолепные, но уз-

копрофильные судебные эксперты, а на месте происшествия необходимы специалисты-универсалы, обладающие навыками работы с функционально разнообразной поисковой техникой, конструктивно отличающейся от той, которая используется в лабораторных условиях при производстве экспертиз. Этим, по нашему мнению, объясняется крайне низкая результативность работы экспертов ЭКП ОВД в качестве специалистов – с их участием в этом следственном действии изымается в среднем немногим более одного следа преступления (данные ЭКЦ МВД за 2009 г.). В зарубежных странах, где функции экспертов (научная полиция) и специалистов (техническая полиция) организационно разделены, этот показатель выше в 3-4 раза.

В этой связи уместно напомнить, что судебно-экспертные учреждения и экспертно-криминалистические подразделения уже реформированы даже в союзных с Россией государствах – в Республике Беларусь и в Казахстане.

5. В части взаимодействия следователя с оперативными работниками, с экспертами и специалистами-криминалистами положение еще более сложно во вновь созданных правоохранительных министерствах и ведомствах. Показательна в этом отношении ситуация в Следственном комитете России, призванном раскрывать и расследовать тяжкие и особо тяжкие преступления. Однако непосредственно в его распоряжении для этого ничего нет, разумеется, кроме «мозгов» следователей, которым остается только одно, надеяться на помощь соответствующих служб других министерств и ведомств. Но надо ли доказывать, что межведомственное взаимодействие еще более сложно, противоречиво и менее эффективно, чем внутриведомственное.

Имея в виду данное обстоятельство, три года назад (в 2013 г.) на научно-практической конференции в Академии МВД России мы задали вопрос выступавшему с сообщением референту правового управления администрации Президента России (фамилию не называем по соображениям корректности): «Не считаете ли Вы, по крайней мере, небесспорным формирование в нашей стране полисистемы организационно разобщенных правоохранительных министерств и ведомств, в то время как преступность глобализируется, расширяет географию своей деятельности, выходя на международный уровень, демонстрирует все более высокую организованность, мобильность, техническую оснащенность и вооруженность?»

«Нет, - категорически ответил он и добавил, - в США автономно действует полтора десятка различных правоохранительных служб и ведомств...» Ответ довольно наглядно свидетельствует о формальной оценке зарубежного опыта и его явно неудачного механического переноса на почву российских реалий борьбы с преступностью. При этом не учитывалась сушая «мелочь». В США полицейское расследование, в отличие от нашего предварительного, предполагает реализацию в полном объеме всего арсенала гласных и негласных методов и средств, имеющихся в распоряжении полиции, вне зависимости от ее ведомственной принадлежности, а получаемые при этом доказательства оцениваются судом. Следует учитывать и то, что наша страна окружена не только океанами, но и множеством не всегда дружественных стран.

Судя по тому, что в систему МВД РФ возвращены службы по контролю за миграционным процессом и за незаконным оборотом наркотических средств, ошибочность таких решений осознается и нашим правительством.

Между тем Следственный комитет РФ, стремясь хоть как-то поправить положение, начал формировать свою систему ЭКП. Но при этом он пошел по пути формального клонирования организации деятельности этих подразделений, по образу и подобию, действующей в МВД РФ, включая совмещение функций экспертов и специалистов-криминалистов, не придавая значения выше отмеченному концептуальному недостатку этой системы и не учитывая различия технико-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности [10].

Уже сегодня МВД РФ и Минюст РФ не могут согласовать единую классификацию судебных экспертиз, обеспечить стандартизацию методик их проведения. Можно представить, что будет, если «свои» судебно-экспертные учреждения или экспертно-криминалистические подразделения создадут другие правоохранительные министерства и ведомства. Это неизбежно повлечет возрастающее количество повторных экспертиз и, как следствие, увеличение сроков расследования. При этом можно с уверенностью прогнозировать многократное увеличение расходов на весьма дорогостоящую экспертно-исследовательскую технику и крайне низкий коэффициент её использования. А рынок обязывает учитывать и этот фактор.

Очень важно, чтобы организационно-структурные изменения в системе судебно-экспертных учреждений, включая ЭКП ОВД, сопровождались соответствующими изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, специалистов, организационно обособленных от экспертов, следует наделить правом производства исследований, результаты которых должны иметь доказательственное значение. Такая практика получила всеобщее признание и широкое распространение в странах ЕС. В некоторых из них соотношение судебных экспертиз и исследований определяется как один к девяти. Экспертизы назначаются только в случаях, когда заключение специалиста вызывает сомнение.

Таким образом, возможно сокращение значительного объема работы, формально дублируемой в настоящее время специалистами и экспертами, так решается актуализировавшаяся в последнее время проблема процессуальной независимости судебных экспертов [11].

Очевидно, что и эта «часть целого» – деятельности по раскрытию и расследованию преступлений - нуждается в целевом межнаучном исследовании и реформировании, в том числе с учетом опыта Республики Беларусь и Казахстана.

6. Серьезное влияние на организацию раскрытия и расследования преступлений в нашей стране оказывают органы прокуратуры и суды, осуществляющие функции процессуального надзора и контроля. Необходимость такой деятельности как «части» в системе «целого» сама по себе не вызывает сомнения, однако в условиях формирования рыночных социально-экономических отношений и реформирования нашего уголовного судопроиз-

водства под влиянием тех же мифов и предубеждений, а также не всегда критически оцениваемого опыта зарубежных стран система процессуального надзора и контроля за следствием приобрела чрезвычайно сложный, а вместе с тем малоэффективный характер.

Эту систему можно представить в виде пирамиды, в основании которой – следователи и оперативные работники, а над ними их начальники, начальники начальников, прокуроры по надзору за следствием, их руководители, наконец, суды, не говоря уже о службе собственной безопасности, об адвокатах и т.д. В основе этой системы – системное недоверие и формирование по этой причине многоступенчатого механизма «контроля за контролерами». Но хорошо известно, чем сложнее такая система, тем больше она подвержена коррупции, и при этом оказывается, что «у семи нянек дитя без глазу», не говоря уже о принципе её экономичности.

И при этом, вот уж сокрушающее влияние мифов, высказываются предположения о необходимости создания еще одного элемента с контрольно-надзорными функциями – института следственных судей без замены основанных на мифах и предрассудках упомянутых выше положений УПК РФ о доказательствах и процессе доказывания. Такой институт имеется в ряде зарубежных стран, но основная его функция заключается в обеспечении законности и конспиративности в осуществлении специальных (негласных) следственных действий, включая санкционирование их проведения.

Очевидно, что эту систему также следует, если не реформировать, то упорядочить, преследуя цель сокращения надзорно-контрольных инстанций и наделения следователей, возможно, широкой процессуальной самостоятельностью и независимостью с одновременным определением комплекса мер, направленных на совершенствование их профессиональной подготовки, на стимулирование их труда и, конечно, на повышение их ответственности.

1. Ищенко Е. П. Реформой правит криминал. М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2013. С. 18-60; его же. О концептуальных недостатках уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // О криминалистике и не только. Избранные труды. М.: «Прспект». 2016. С. 90-98.
2. Волынский А. Ф. Социальные функции и задачи наук уголовно-правового цикла в условиях реформирования уголовного судопроизводства // Наука и практика. «Актуальные проблемы юридической науки и практики». Материалы международной научно-практической конференции 26 февраля 2004 г. – Орел: ОрЮИ, 4(20). 2004. С. 8-11.
3. Ларин А. М. Я следователь. М.: Издательский дом «Автограф». 2008. С. 343.
4. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Проблемы организации расследования преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 21-22 сентября 2006 г.) Краснодар, 2006. С. 21.
5. Ищенко Е.П. Об организации предварительного расследования преступлений // Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация. Материалы межвузовского научно-практического семинара. (Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014. С. 18-19.
6. БСЭ. 3-е изд. Т. 18. М., 1974. С. 1407; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 463.

7. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. № 1. 2016. С. 7-11.
8. Приказ Следственного комитета Прокуратуры РФ от 02.09.2008 г. № 79.
9. Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам. М.: Интеркрим-пресс. 2007. С. 43.
10. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. № 2. 2013 С. 18-20.
11. О состоянии законности в деятельности государственных экспертных учреждений (подразделений) и негосударственных экспертов // Информационно-аналитический бюллетень Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 1 (5). М. 2014. С. 50.

УДК 343.1

ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Володина Людмила Мильтоновна,

*профессор кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
123995 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9,
доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ*

В статье анализируются вопросы взаимообусловленности уголовного судопроизводства и политико-идеологических процессов, происходящих в разные периоды развития российской государственности.

Осмысление политико-идеологической составляющей как элемента за-рождающейся и развивающейся российской государственности важно для понимания взаимосвязи и взаимодействия институтов власти и уголовного судопроизводства на этапе их становления и последующего развития. Исто-рия свидетельствует: становление и развитие уголовного процесса связано с изменениями социально-экономического и политического характера, проис-ходящими в обществе. И это не просто зависимость, это - взаимообусловлен-ность.

Анализируя вопросы истории становления и развития уголовного судопроизводства России, Т.Ю. Амплеева замечает: «Российский уголовный про-цесс с момента своего зарождения и на протяжении многих веков испытывал в своем развитии постоянное давление государственной идеологии. В России сложилась своеобразная правовая традиция - приоритета государственной идеологии и политики в создании и функционировании системы судебных учреждений и уголовного судопроизводства. Будучи своеобразной правовой

формой государственной власти, уголовное судопроизводство всегда осуществлялось в русле уголовной политики государства» [1].

Понимая идеологию как систему определенных воззрений, концептуальных идей, конечно, сложно говорить о четкой выраженности мировоззренческих установок государственной власти в Древней Руси, однако, осознавая казуальный характер первых правовых установок, регулирующих порядки осуществления правосудия, назначения наказания за содеянное, можно говорить о взаимосвязи этих предписаний (правил) с некоторыми устоявшимися представлениями, взглядами, сложившимися в древнерусском обществе, имея в виду их как предпосылки возникновения определенной идеологии.

Анализируя становление и развитие форм возмездия (воздаяния), институтов древнего правосудия, Г.В. Мальцев обращает внимание на «исторический парадокс», состоящий в том, «что после «отмены кровной мести для народа» единственным носителем и хранителем ее традиций остается самый верхний слой общества, активно вовлеченный в борьбу за политическую власть. «В Древней Руси, пишет автор, - четко прослеживается тенденция, которая характерна для большинства европейских стран в эпоху раннего Средневековья: идея «праведной мести» активно используется для шельмования и подавления политических врагов» [4].

Принято считать, что политическая идеология власти в Древней Руси, осознаваемая как потребность, наиболее четко отражена в «Поучении» Владимира Мономаха. «Поучение» касалось нравственного, трудового и военного воспитания князей, где в качестве образца для подражания Владимир Мономах пишет о своих достижениях и в заключении своего труда, как завет последующим поколениям, выражает пожелание *«добра братии и Русской земле»* [2]. Но можно ли с позиций современного понимания идеологии как «системы концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики» оценить содержание «Поучения» как развернутую идеологическую концепцию Владимира Мономаха? Конечно, следует сделать некоторую оговорку относительно понимания идеологии в рамках тех наивно-образных представлений, содержащихся в летописаниях и других произведениях древнерусской письменности. Исходя из того, что в основе любой идеологии лежат определенные интересы, вырастающие из потребностей общества, то, безусловно, «Поучения» Владимира Мономаха содержат в качестве основного стержня заботу о независимости, сохранении территории, единении и благоденствии Руси, и потому князь собирает братьев своих вокруг себя, призывает их отказаться от вражды, сражается с врагами Земли Русской.

Совершенно понятно, что княжеская власть с самого начала своего существования строилась на определенных взглядах на взаимоотношения между властью и населением и действовала на их основе. В качестве примера достаточно ярко выраженного неравенства следует привести положения Русской Правды, в соответствии с которыми ответственность за преступления различается в зависимости от социального положения потерпевшего: за убийство свободных людей платится вира в 40 гривен, жизнь представителей вер-

хушки феодалов оценивается двойной вирой в 80 гривен; жизнь зависимых людей оценивается в 12 и 5 гривен [7].

Сравнивая деятельность князей X и XI - XII вв., И.Я. Фроянов отмечает, что личный суд князя на Руси XI - XII вв. играл важнейшую роль в судопроизводстве. И.Я. Фроянов убежден: «Личное судебное разбирательство князя отвечало прежде всего желаниям народных масс», что проистекает из «первобытного сознания, отличавшегося глубоким уважением и доверием к родоплеменным властям». Ученый делает вывод: «Личное участие князя в суде, гласность княжеского суда, выражавшаяся в присутствии на нем народных представителей, активность в судебном разбирательстве истца и ответчика, а также «послухов» - свидетельства определенной демократичности княжеского суда на Руси XI - XII в.в.» [10].

Отдавая дань глубине исследований Т.Ю. Амплеевой, следует все же заметить, что существует более глубокая взаимозависимость рассматриваемых явлений, имея в виду обратную связь, мы говорим не только о влиянии политико-идеологических воззрений на судопроизводство, но и о возможности обратного воздействия, когда правовые реформы, в том числе и реформы уголовно-правовой направленности, могут так и ли иначе влиять на государственно-политические взгляды и даже способствовать их изменениям.

В частности, следует обратить внимание на то обстоятельство, что истории известны ситуации, когда неверно избранный властью инструментарий уголовной политики приводил не только к недовольству народа, но и к кризису в решении внутренних вопросов развития государства. Так, в исторических трудах прошлых лет и в трудах современных историков, анализирующих вопросы рецепции Римского права на Востоке, обращено внимание на неудачную попытку судебно-правовой реформы, предпринятую князем Владимиром Святославовичем [11]. Епископы предложили Владимиру отказаться от взимания вирных платежей и ввести в действие византийские законы, предусматривающие систему жестоких наказаний за преступления, что означало попытку повлиять на судебные решения в духе «византийских норм». Реформа по введению византийских норм уголовного права оценивается рядом ученых как явно опрометчивая. Л.В. Милов замечает: отмена «вир» (и возможно, предполагает ученый, и «продаж») привела к опустошению княжеской казны. В последующем князь «проявил незаурядное мужество и государственную мудрость, сумев отказаться от новаций. «Создание Правды Ярослава знаменовало иной этап в попытках рецепции византийского права. Отныне древнерусские юристы почти навсегда отказались от буквального копирования чужеземных законов и правил» [5].

Еще один пример. Судебные функции в Древнерусском государстве князя осуществляли с помощью так называемых «введенных бояр». Звание введенного боярина считалось высшей должностью. Существование особых бояр, назначаемых для производства суда, дало начало особому термину для обозначения этого суда: «боярский суд». Бояре-судьи не составляли коллегии, каждый из них мог решить всякое дело, о котором ему докладывали. Русский историк права В.И. Сергеевич пишет: «Великий князь Иван Василье-

вич первый нарушает начало единоличности боярского суда. Его Судебник предписывает, чтобы на суде бояр были дьяки (I). Мы считаем это новшеством. Но Судебник не определяет точно, что должны делать дьяки на суде бояр. Надо думать, они должны были судить вместе с боярами... Едва ли роль их была исключительно служебная и подчиненная. Дьяки великого князя - первые товарищи, приданные боярам» [9]. По мнению ученого, «сопоставление худородного дьяка с благородным боярином в одном и том же суде и необходимость единогласия таких разнородных элементов представляет реформу великой важности. Московская Русь наследовала бояр Руси домосковской; в состав этого высшего класса вошла масса княжеских фамилий, лишенных московскою властью своих старинных верховных прав. Московские государи продолжают пользоваться услугами бояр и дают им звание «введенных», но, чтобы ослабить их значение, они ставят рядом с ними дьяков. Побежденные московскими государями владельцы князья нисходят в разряд бояр; этих именитых бояр тоже надо принизить, и вот к ним подмешивают дьяков. Великий князь Иван Васильевич в делах внутреннего управления является столь же тонким политиком, каким он был и в делах внешних», - делает заключение В.И. Сергеевич [9]. И это ли не пример того, что реформа суда используется как инструмент государственной политики.

Избранным на трон представителем новой царской династии Романовых Михаилом Федоровичем было начато составление нового свода законов. «Необходимость улучшений в деле суда и законодательства», по свидетельству историков, приводит в 1648 году к созданию Уложения, по сути «бывшего не только сводом законов», по оценке, данной С.Ф. Платоновым, но и «общественной реформой, давшей ответ на нужды и запросы того времени» [6]. В.О. Ключевский писал: «Но при общем охранительном своем характере Уложение не могло воздержаться от двух преобразовательных стремлений, указывающих, в каком направлении пойдет или уже шла дальнейшая стройка общества. Одно из этих стремлений в приговоре 16 июля прямо поставлено как задача кодификационной комиссии: ей поручено было составить проект такого Уложения, чтобы «всяких чинов людям от большого до меньшего чину суд и расправа была во всех делах всем равна» [3].

Известные в области управления и реорганизации всей судебной системы реформы Петра I приводят к усилению государственной власти. Безусловна оценка Судебной реформы 1864 года, положившей начало новой организации судебной системы и коренного преобразования уголовного судопроизводства как ее современниками, так и последующими исследователями как важнейшего фактора изменения российского общества и, соответственно, ряда государственно-правовых институтов.

Некоторый анализ истории развития государства свидетельствует о взаимообусловленности уголовного судопроизводства и политико-идеологических процессов, происходящих в разные периоды развития российской государственности. На пути своего становления и развития уголовный процесс всегда представлял особый вид государственной деятельности, отражавшей как в зеркале соответствующую эпоху. И это не случайно.

1. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX-XIX в.в.): автореф. дисс. ... докт. юридич. наук. М.: 2009. С. 26.
2. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). Сер. «Библиотека всемирной литературы». Подготовка текста «Поучения», перевод и примечания Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит. 1969. С. 146 - 171.
3. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга вторая. М.: «Мысль». 1993. С. 253.
4. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма: ИНФРА – М. 2015. С. 391.
5. Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава). //Древнее право. Ivs antiquum. № 1. 1996. М.: Изд. «Спарк», 1996. С.209, 217.
6. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С. 368 – 370.
7. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С. 518 – 519.
8. Русская Правда. Краткая и Пространная редакции / Подготовка текста, перевод и вступительная статья М.Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. 1997. Т. 4.
9. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало. 2004. С. 290 – 292.
10. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд. ЛГУ. 1980. С. 38 – 40.
11. Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIXвв.) / Серия «Учебники, учебные пособия». Ростов н/Д: «Феникс», 2003. С. 359 – 360.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, политическая идеология, правовые реформы.

УДК 343.1

ГЕНЕЗИС, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КОНЦЕПЦИЯ РЕОРГАНИЗАЦИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Гаврилов Борис Яковлевич,

профессор кафедры управления органами расследования преступлений,

Академия управления МВД России,

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

В статье рассмотрены проблемы, обусловленные наличием в уголовно-процессуальном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела, что влечет за собой ограничение прав граждан на их доступ к правосудию, нарушения законности при отказе в возбуждении уголовного дела, а также способствует искажению статистики о состоянии преступности.

Реалии современной правоприменительной практики возбуждения уголовного дела свидетельствуют о том, что, несмотря на произошедшие в Рос-

сии за последние десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное уголовное судопроизводство, в первую очередь, его досудебная часть остаются чрезвычайно забюрократизированными и сущностно затратными при недостаточной эффективности, в силу чего оно не способно в полной мере обеспечить реализацию задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ, как назначение уголовного судопроизводства, основной из которых является борьба с преступностью.

Усилия законодателя и научной общественности по выработке концепции дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, включая предложения автора по реформированию стадии возбуждения уголовного дела, предпринятые 18 ноября 2013 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации ФС РФ и в ходе последующего обсуждения данных вопросов 24 июня и 23 сентября 2014 г. там же на заседаниях круглых столов, завершились безрезультатно.

1. Научная составляющая исследуемой проблемы заключается в том, что как в дореволюционной России, так и в период после Октябрьской (1917 г.) революции в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела не существовало. С принятием УПК РСФСР 1960 г. развитие учения о стадиях уголовного судопроизводства пошло по пути общепризнанности возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии.

Как результат, значительная часть ученых-процессуалистов [1] ратует за сохранение данной стадии в УПК РФ, обосновывая свою позицию возможностью нарушений прав и свобод участников уголовного процесса.

Однако сегодня в научной среде [2] и среди практикующих юристов [3] усиливается позиция о необходимости исключения из российского уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела. Одновременно ряд авторов занимает более нейтральную позицию [4].

2. Говоря еще об одном факторе, обуславливающем актуальность проблемы стадии возбуждения уголовного дела, автор обращается, во-первых, к положениям Концепции судебной реформы в Российской Федерации в той части, что: «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела» [5] и, во-вторых, к позиции российского законодателя о постоянном, начиная с момента вступления в действие УПК РФ, расширении, в первую очередь, под воздействием практикующих юристов и ряда ученых, перечня процессуальных действий и решений, допускаемых в ходе проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Особо в этом плане следует выделить федеральный закон от 04.03.2013 г. №23-ФЗ [6].

3. При исследовании третьей составляющей рассматриваемой в публикации проблемы автор исходит из того, что в последние годы судебная практика под непосредственным воздействием позиции Верховного Суда РФ и, еще в большей степени, Конституционного Суда РФ пошла по пути обяза-

тельного возбуждения уголовного дела при установлении в ходе расследования новых эпизодов преступной деятельности лица, привлеченного к уголовной ответственности, или при установлении новых лиц, совершивших преступления совместно с лицом (лицами), в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело. И это несмотря на практическую неизменность в течение более 55 лет процессуальных норм, регламентирующих данную стадию уголовного процесса, и достаточную дискуссионность, о чем весьма наглядно свидетельствуют публикации К.Б. Калиновского [7], Гаврилова Б.Я. [8] и др.

При изложении позиции Верховного Суда РФ автор отмечает, что как в период действия УПК РСФСР, так и УПК РФ суд последовательно в своих решениях утверждал, что нормы уголовно-процессуального законодательства не предусматривают обязанность органов предварительного расследования и органов дознания выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлено, что к совершенному преступлению причастно и другое лицо [9] или в процессе предварительного расследования выявлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело [10]. С указанной выше судебной практикой Верховного Суда РФ вполне сочеталась и позиция Конституционного Суда РФ [11].

При принятии УПК РФ позиция законодателя в части порядка возбуждения уголовного дела и проведения расследования в указанных выше случаях принципиально не изменилась, что подтверждается содержанием ч.1 ст. 448 УПК РФ, устанавливающей процессуальное правило о возможности привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Однако по истечении определенного периода времени в ряде решений Конституционного Суда РФ его позицию возможно оценить как противоположную. Так, из определения Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 №343-О [12] следует, что правовое содержание норм ч.1 ст. 46, ч.1 ст. 108 и ст. 171, 172 УПК РФ не предполагает наделение лица статусом подозреваемого и привлечения его в качестве обвиняемого, а также применение в отношении него меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуждено. О необходимости вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела Конституционный Суд РФ высказал свою позицию и в определении от 21.12.2006 № 533-О [13]. Представляется, что изменение позиции высших судебных инстанций связано с конституционно-правовым смыслом возбуждения уголовного дела, на чем, начиная с конца 90-х гг. XX века, настаивает Т.Г. Морщакова.

Соответственно, принципиально изменилась и складывающаяся судебная практика. Так, из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 60-Д-13-3 по обвинению «Г.» следует, что уголовное дело было возбуждено по п. «б» ч.4 ст. 132 УК РФ, однако в постановлении о возбуждении следователь указал только гражданина «З». По

мнению Верховного Суда РФ, в отношении «Г» в силу положений ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела [14], что противоречит не только сложившейся многолетней практике самого Верховного Суда РФ по этому вопросу, но и здравому смыслу об отсутствии необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела в отношении соучастника преступления.

Относительно целесообразности возбуждения самостоятельного уголовного дела по дополнительно выявленному эпизоду преступной деятельности автор обращается к апелляционному определению Московского областного суда от 26.06.2014 г. по делу №22-3724/2014, по которому Д. привлечен к уголовной ответственности за совершение 5 краж чужого имущества, в т. ч. за два преступления, уголовные дела о которых были возбуждены в отношении других лиц, входящих, как и Д., в состав организованной группы. Таким образом, Судебная коллегия пришла к выводу о незаконности осуждения Д. по этим двум эпизодам, поскольку уголовные дела в отношении Д. по ним не возбуждались [15]. Данное требование вряд ли является разумным особенно при расследовании многоэпизодных (до нескольких тысяч) мошеннических действий в виде «финансовой пирамиды», обманутых вкладчиков, по фактам чего уголовное дело возбуждается, как правило, в отношении организаторов мошеннической схемы изъятия у граждан денежных средств.

4. Наличие в российском уголовно-процессуальном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела оказывает влияние и на складывающуюся криминогенную обстановку, осложнение которой обусловлено, в числе других причин, значительным увеличением (с 19,3 млн. в 2006 г. до 30,7 млн. в 2015 г.) количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, административных правонарушений и иных происшествий и, соответственно, возрастанием в 2015 г. объема процессуальной деятельности органов внутренних дел до 2,2 млн. расследованных уголовных дел и 6,9 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего 9,1 млн. указанных решений (для сравнения, в 1992 г. количество «отказных» материалов составляло всего 1,3 млн. и возбужденных уголовных дел – 2,8 млн., а всего 4,1 млн. процессуальных производств). Данное обстоятельство, наряду с изложенными выше факторами, обуславливает изменение порядка начала производства по поступившему заявлению, сообщению о преступлении, в том числе *исключение из УПК РФ его ст.148*, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела. Наличие данной нормы влечет за собой ряд негативных последствий. Так, решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2015 г. – 6,9 млн. заявлений, сообщений о преступлениях) не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию, но и зачастую нарушают закон. Ежегодно от 20% до 30% таких решений прокурорами признаются незаконными или необоснованными и отменяются. Отмечается и нерациональность затрат, связанных с их принятием. В 2015 г. количество процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела вместе с отмененными (повторно вынесено 575 тыс. «отказных» материалов и отменено два и более раз более 465

тыс. таких решений) составило порядка 10 млн., что эквивалентно затратам (на государственном уровне нигде не учитываемым) труда более 20 тыс. сотрудников правоохранительных органов, не считая десятков млн. руб. на бумагу, почтовые расходы и т.д.

Хотя количество возбужденных уголовных дел после отмены процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела остается незначительным (менее 10%), однако за 20 лет оно возросло почти в 7 раз (с 32,5 тыс. в 1991 г. до 210,1 тыс. в 2015 г.), а в целом соотношение удельного веса процессуальных решений о возбуждении уголовного дела к числу решений об отказе в возбуждении уголовного дела за последние 20 лет сократилось в 8 раз. Так, если в 1992 г. возбуждено 2,8 млн. уголовных дел, а отказано в возбуждении по 1,3 млн. сообщений о преступлениях, то в 2015 г. при 2,2 млн. возбужденных уголовных дел количество «отказных» материалов составило 6,9 млн.

Последствия отказа в возбуждении уголовного дела заключается и в том, что ежегодно официальная статистика фиксирует, как отмечено выше, сотни тысяч нарушений учетно-регистрационной дисциплины, за что только в 2015 г. привлечено к дисциплинарной ответственности более 46 тыс. сотрудников ОВД.

Следует также учитывать то обстоятельство, что обусловленность по УПК РФ начала расследования по заявлению, сообщению о преступлении вынесением постановления о возбуждении уголовного дела заведомо влечет за собой ограничение доступа граждан к правосудию. Об этом наглядно говорит сокращение почти в три раза (с 16,9% в 2006 г. до 6,2% за 2015 г.) количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания таких решений. Данное обстоятельство является, по мнению автора, одной из причин того, что показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины (от +32,7% в 1989 г. до -14,9% в 2002 г.), на что автор в последние 15 лет обращал особое внимание [16]. Для сравнения, в Германии ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,5 млн. в год не превышают 1-1,5%.

5. Порочность процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела и в существенных препятствиях при собирании доказательств на первоначальном этапе расследования [17], в ограничении возможностей использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности [18] и др. Не содержит в себе данной нормы, как и об отказе в возбуждении уголовного дела, уголовно-процессуальное законодательство европейских государств и ряда стран бывшего СССР – Грузии, Казахстана, Молдовы, Украины, стран Балтии.

Указанные предложения (*по инициативе автора – выделено Б.Я.*) включены в Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (п. 4.5) и предложены автором, входящим в рабочую группу МВД России, созданную по распоряжению Министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева, в проект соответ-

ствующего федерального закона, а также ранее неоднократно озвучивались, в том числе в материалах конференций, проводимых в Академии управления МВД России [19]. Необходимы и другие изменения, учитывающие предложения профессора А.С. Александрова и его коллег по Нижегородской школе уголовного процесса, представивших доктринальную модель уголовно-процессуального доказывания в РФ [20], многие положения которой, в том числе отказ от стадии возбуждения уголовного дела, созвучны с предложениями, изложенными в настоящей статье.

1. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / Журнал Российского права. 2006. № 7. С. 54; Хитрова О.В. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: Материалы всероссийской научно-практической конференции. В. 3 ч. М., 2012. Ч. 2. С. 10-15; Шадрин В.С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 719-721 и др.
2. Володина Л.М. Стадия возбуждения уголовного дела: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы расследования преступлений» / Следственный комитет РФ. 2013. С. 212-217; Вицин С.Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18-21; Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16; Кожокар В.В. Роль федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ в реформировании института возбуждения уголовного дела: материалы международной научно-практической конференции / Следственный комитет Российской Федерации. – М., 2013. Ч. 1. С. 211-215.
3. Гордиенко В.В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 6. С. 5 и др.
4. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе. Монография. М., Проспект, 2016. – 80 с.
5. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 88-89.
6. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ // Собрании законодательства РФ 2013 N 9. Ст. 875.
7. Калиновский К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. 2009. № 6, С. 5-8; он же. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10-14.
8. Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 33-40.
9. Определение Верховного Суда РФ от 25.11.1998 по делу Б., осужденного по ч.1 ст.228, п. «в» ч.3 ст. 228 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3; Кассационное определение Военной коллегии Верховного суда РФ от 20.01.2004 по делу №6-о73/03 // СПС КонсультантПлюс.

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.09.2006 по делу 14-о06-29 // СПС КонсультантПлюс. 2008.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 № 79-0 // СПС КонсультантПлюс.
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 343-О // СПС КонсультантПлюс.
13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 № 533-О // СПС КонсультантПлюс.
14. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.
15. Апелляционное определение Московского областного суда по уголовному делу №22-3724/2014 от 26.06.2014 г. // Архив Московского областного суда за 2014 г.
16. Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. Монография. – М.: Проспект, 2007. С. 20-35; он же. Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. №3. С. 28-32 и др.
17. Гаврилов Б.Я. Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права; 2014. №5. С. 897-905 и др.
18. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Монография. М.: Проспект.2009-374с.; он же. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе//Государство и право. 2013. №5. С. 24-39.
19. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования в России следственного аппарата), 28-29 мая 2010 г. // Российский следователь. 2010. №15. С.2-48. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений», 26 мая 2011 г. // Российский следователь. 2011. №16. С. 2-39.
20. Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. – М., 2015.- 304 с.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, право на доступ к правосудию.

УДК 343.13

СТАБИЛЬНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Гладышева Ольга Владимировна,
*заведующая кафедрой уголовного процесса,
Кубанский государственный университет,
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43,
доктор юридических наук, профессор*

Развитие уголовного судопроизводства приводит к появлению не только новых видов процессуальных решений, но и формированию новых к ним требований. Введение принципа разумного срока привело к появлению идеи о соответствии процессуального решения требованию своевременности их принятия и исполнения. Все более актуальными становятся проблемы стабильности процессуальных решений, приоритета судебных решений над решениями иных участников уголовного судопроизводства, исключение конкуренции между процессуальными решениями различных участников уголовного судопроизводства. В статье предлагается авторское видение разрешения отмеченных вопросов.

Выполнить обозначенные в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предписания о назначении уголовного судопроизводства можно только при условии, что принятые по результатам проверки сообщения о преступлении или уголовному делу решения соответствуют установленным законом требованиям. Такие требования сформулированы в ч. 4 ст. 7 УПК РФ: законность, обоснованность и мотивированность, которые адресованы судьям, прокурорам, следователям, органам дознания, начальникам органов дознания, начальникам подразделений дознания, дознавателям, принимающих различные процессуальные решения. Помимо этого в ст. 297 УПК РФ содержатся требования к приговору суда: законность, обоснованность и справедливость.

Указанные требования являются традиционными и многократно становились предметом исследования в науке уголовного процесса, как на монографическом уровне, так и в прикладных аспектах. Основой для современных научных изысканий в сфере процессуальных решений стали работы известного ученого-процессуалиста П. А. Лупинской [1], которая за многие годы создала теоретическую основу для данного научного направления. Ею были раскрыты основные признаки процессуальных решений, их свойства, дано развернутое определение, сформирован механизм принятия процессуальных решений, получены иные актуальные в современных условиях научные результаты.

В настоящее время продолжается исследование вопроса о процессуальных решениях, в том числе применительно к тем требованиям, которые к ним предъявляются. Например, В.А. Семенцов пишет о своевременности принятия и исполнения процессуальных решений в досудебном производстве [2], а

О.В. Грабар выдвигает идею об установлении справедливости как общего для всех процессуальных решений требования [3].

Появилась еще одна категория требований, упоминаемая в связи с процессуальными решениями – это стабильность. Так, председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в своем выступлении на VII Всероссийском съезде судей в 2008 г. сказал: «**стабильность решений** областных и равных судов составляет..., по уголовным – 88%» [4, с. 19]. Продолжая эту тему несколькими годами позже В.М. Лебедев в интервью одному из печатных изданий отметил: «стабильность судебных решений превысила 97%» [5]. Этот термин стал использоваться в отчетных документах как статистический показатель: «Стабильность судебных решений районных судов к числу окончанных дел в 2014 г. составила 97,6 % (в 2013 г. – 98,8 %)» [6].

В одном из постановлений Конституционного Суда РФ сказано: «пределы действия преюдициальной силы судебных решений, обеспечивающей их общеобязательность, стабильность и непротиворечивость» [7]. Причем правовая позиция Конституционного суда РФ сконструирована таким образом, что стабильность попала в число обязательных требований, предъявляемых к судебным решениям.

Категория «стабильность» упоминается в научных источниках. Например, В.Б. Калмыков пишет: «Институт кассации в уголовном судопроизводстве призван обеспечивать стабильность судебных решений, быстрое исправление ошибок, допущенных судами и органами предварительного расследования, защиту прав и свобод лиц, чьи права и интересы затронуты решениями указанных органов» [8, с. 165]. И.С. Дикарев отмечает: «в судебной практике и юридической литературе принцип правовой определенности связывается, прежде всего, с требованием стабильности окончательных судебных решений» [9, с. 22]. Т.М. Алексеева приводит другой термин: «Правовая определенность судебных решений в современном уголовном процессе означает устойчивость (курсив наш. – О.Г.), незыблемость, непоколебимость судебного решения, вступившего в законную силу» [10, с. 7].

Появление и широкое применение стабильности в отношении процессуальных решений требует ее подробного исследования.

Во-первых, привлекает внимание контекст использования стабильности. В одних случаях речь идет о статистическом показателе, а в другом – требовании, которое может встать в один ряд с законностью, мотивированностью, обоснованностью.

Во-вторых, стабильность характеризует исключительно судебные решения, принятые в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Особенный научный интерес и практическую значимость приобретает второе из приведенных обстоятельств. Ознакомление с практикой выявило случаи, когда должностными лицами следственных органов принимаются решения, прямо противоположные сути ранее принятого судебного акта.

Например, суд отказал в удовлетворении жалобы обвиняемого о признании незаконным постановления следователя о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Однако впоследствии руководи-

тель следственного органа своим постановлением признал данное решение следователя незаконным, отменил его и производство по уголовному делу было возобновлено. И это при наличии судебного решения, де-юре признавшего постановление следователя законным.

Отметим, что уголовно-процессуальный закон не содержит никаких препятствий к принятию следственными органами или органами дознания решений, которые могут противоречить судебным решениям, принятым по тем же процессуальным вопросам. Отсутствуют в уголовно-процессуальном законе и препятствия для отказа органов предварительного расследования от исполнения процессуальных решений, принятых судом (например, о производстве следственного действия или применении соответствующей меры пресечения).

В таких условиях говорить о стабильности, как об обязательном требовании к судебным решениям, принятым в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, не имеет смысла. Как нецелесообразно и формировать различную совокупность требований, предъявляемых к судебным решениям, принятым на различных этапах уголовного судопроизводства.

Решение возникшей, как представляется, существенной, проблемы заключается в разработке общего требования стабильности процессуальных решений, распространяющегося на все их категории на протяжении всего уголовного судопроизводства. Если в судебных стадиях вопрос стабильности более или менее ясен, то для стабильности судебных решений в досудебном производстве необходимо ответить на ряд вопросов:

1. Возможно ли принятие органом предварительного расследования процессуального решения, если имеется неотмененное судебное решение по тому же вопросу?

2. Имеет ли судебное решение, принятое в досудебном производстве, приоритет перед решением органов предварительного расследования?

3. Является ли факт, установленный судебным решением (в конкретной ситуации – законность решения следователя о прекращении уголовного дела) процессуальной презумпцией и опровержима ли она?

4. Обладает ли судебное решение, принятое в досудебном производстве, по отношению к решениям органов предварительного расследования, преюдициальным значением? Если – да, то можно ли обжаловать решение руководителя следственного органа об отмене решения следователя, законность которого подтверждена судебным решением, со ссылкой на факт, установленный (признанный) этим судебным решением?

Применительно к преюдициальной силе в науке уголовного процесса отмечается: «Идея, заложенная законодателем в ст. 90 УПК РФ, заключается в том, чтобы придать устойчивость судебным решениям, принятым в любом виде судопроизводства, исключив, таким образом, конкуренцию между ними и сэкономив бюджетные средства» [11, с. 110].

Вновь отметим, что речь идет только об обеспечении устойчивости (стабильности) судебных решений и исключении противоречий между ними. При этом никоим образом не затрагивается вопрос об урегулировании проти-

воречий, возникающих между решениями суда и органов предварительного расследования. Отсюда можно заключить, что преюдиция не может рассматриваться как способ разрешения рассматриваемой проблемной ситуации. Во всяком случае в том виде, как ее определяет действующий уголовно-процессуальный закон.

На наш взгляд, судебное решение в досудебном производстве должно обладать презюмирующим значением. В то же время вряд ли это должна быть неопровержимая презумпция. В досудебном производстве судебные решения основываются на предположительных данных (как правило), поэтому изменение процессуальной ситуации (получение новых данных, уточнение и иная корректировка имеющихся сведений и др.) должна влечь изменение и сущности судебного решения. Однако порядок опровержения должен соответствовать правилам обжалования и отмены, изменения судебного решения и не допускать произвольного игнорирования мнения суда.

На основе сказанного считаем, что судебное решение в досудебном производстве должно иметь приоритет перед решениями органов предварительного расследования. Не должны допускаться противоречия между судебными решениями и решениями органов предварительного расследования. При возникновении же спорной ситуации необходимо корректировать судебное решение и лишь после этого допустимо принятие иного по сути процессуального решения, в том числе и органами предварительного расследования.

1. Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М.: ВЮЗИ, 1972; Она же. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист, 2006; Она же. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Норма Инфра-М, 2010.
2. Семенцов В.А. Своевременность процессуальных решений по уголовному делу // Lex Russica. 2011. № 6.
3. Грабар О.В. Справедливость процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 9–10.
4. Цит. по работе: Воронов А.А. К вопросу о профессиональной компетентности судей, адвокатов, прокуроров в российском уголовном судопроизводстве // Юридические записки. 2013. № 1.
5. Цит. по: Калмыков В. Б. Кассационное производство в уголовном процессе: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.
6. Аналитическая справка о работе судов Пензенской области в 2014 г. // <http://www.oblsud.penza.ru/item/966/>
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П. СПС «КонсультантПлюс».
8. Калмыков В. Б. Кассационное производство в уголовном процессе: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Казань 2010.
9. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10.

10. Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
11. Азаренок Н.В. Обусловленность преюдиции в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2013. № 8 (200).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальное решение, требование, свойства, законность, стабильность.

УДК 343.13

НАЗНАЧЕНИЕ И РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Гороховский Олег Александрович,
*старший преподаватель кафедры юриспруденции,
Воронежский экономико-правовой институт,
Филиал в городе Орле, 302038, г. Орёл, ул. Раздольная, 105*

Статья посвящена назначению и разумному сроку уголовного судопроизводства.

В соответствии со статьёй шестой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (в дальнейшем УПК РФ) назначение уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Часть 1 статьи 6.1. УПК РФ обязывает осуществлять уголовное судопроизводство в разумный срок.

Качество предварительного следствия является одним из приоритетных направлений органов предварительного следствия, в том числе из основных параметров оценки деятельности органов предварительного следствия Орловской области.

Уголовное дело № 13... возбуждено 25.12.2013 ст. следователем Р. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ в отношении Ключенковой. 09.01.2013 уголовное дело изъято из производства ст. следователя Р. и передано следователю Н., которая 14.01.2013 приняла его к производству. Первое следственное действие проведено следователем Н. 01.02.2013, то есть спустя месяц после возбуждения уголовного дела. Сроки предварительного следствия беспричинно затянулись.

Уголовное дело № 13... возбуждено 26.12.2012 по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. 14.01.2013 данное уголовное дело принято к производству следователем Н. Первые следственные

действия по уголовному делу ею проведены только в феврале 2013 года, спустя месяц после возбуждения уголовного дела.

При расследовании уголовного дела № 13... по обвинению Рожнова в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ (СО МО МВД РФ «Кромской»), следователь Т. допустила ряд нарушений, послуживших основанием возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, в частности, были допущены многочисленные ошибки и опечатки. Так, фамилия потерпевшего была искажена, и вместо «Коряка» указано «Коряка», а в протоколе допроса в графе «перед началом, в ходе либо по окончании допроса потерпевшего», а также «от участвующих лиц, потерпевшего заявления не поступили» вообще значится «Лаврусевич А.С.».

Предварительное следствие по уголовному делу № 11... проведено следователем СО ОП №1 (по Железнодорожному району) СУ УМВД РФ по г. Орлу Е. Обвинительное заключение утверждено руководителем следственного органа Н. При судебном рассмотрении уголовного дела в качестве доказательства вины подсудимого Новикова Д.И. по инкриминируемому ему преступлению судом признан недопустимым доказательством протокол предъявления лица для опознания от 28.02.2013, согласно которому Сорокина Е.О. опознала Новикова Д.И. по внешним признакам: «по глазам», взгляду», поскольку при производстве опознания было нарушено право подозреваемого на защиту, а именно, не было обеспечено участие адвоката. Кроме того, указанные приметы не сообщались потерпевшей в качестве признаков на допросе, предшествующем опознанию, что является нарушением требования ч.2 ст.193 УПК РФ, согласно которому опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Из материалов уголовного дела следует, что преступление совершено в зимнее время около 9 часов утра, а потерпевшая, имеющая плохое зрение, находилась в состоянии волнения, а ее очки лежали в сумке, которую похитили. При допросе потерпевшая сообщила, что нападавший находился в куртке темно-серого цвета с красными вставками. Вместе с тем следователь мер по изъятию куртки у Новикова Д.И. не предприняла, для опознания потерпевшей одежда не предъявлялась.

В телевизионной передаче «Человек и закон» от 10 июня 2016 года [2] на всю страну рассказали о расследовании факта обмана доктора юридических наук, первого ведущего телевизионной передачи «Человек и закон», бывшего прокурора уголовно-судебного отдела Генпрокуратуры СССР Анатолия Алексеевича Безуглова.

Следователь МУ МВД России «Мытищенское» в течение месяца не допросил потерпевшего А.А. Безуглова, а в протоколе допроса дословно переписал заявление потерпевшего. А.А. Безуглов в первые дни расследования ходатайствовал о немедленном изъятии видеозаписей с видеокамер Мытищенской регистрационной палаты. Ходатайство было удовлетворено только через несколько месяцев, когда видеозаписи уже были стёрты, и проверить, был ли потерпевший Безуглов А.А. в регистрационной палате при сделке с

имуществом, нет возможности. Из пяти свидетелей, адреса и телефоны которых предоставил А.А. Безуглов, оперативным сотрудником был опрошен один свидетель. Подозреваемый, некий бизнесмен Дружинин Сергей Вячеславович, был в больнице, Безуглов А.А. уведомил об этом следователя, но следователь никаких мер не принял, в результате в настоящее время подозреваемый скрылся.

О какой защите прав и законных интересов лица (потерпевшего) и о разумном сроке уголовного судопроизводства может идти речь?

В чём причина такой работы?

1. Так привыкли работать. Чтобы повысить ответственность следователей за результаты своей работы, предлагаем внести изменения в ч.1.1 ст. 170 УПК РФ “В случаях, предусмотренных статьями 115, 177, 178, 181, статьей 183 (за исключением случаев, предусмотренных частью третьей.1), частью пятой статьи 185, частью седьмой статьи 186 и статьей 194 настоящего Кодекса, понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя. Если в указанных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение видеозаписи хода и результатов следственного действия является обязательным. Если в ходе следственного действия применение видеозаписи невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись, участие понятых в следственном действии обязательно”.

В дальнейшем (через год – два) обязать следователей и дознавателей проводить все следственные действия с применением видеозаписи.

2. Вторая причина плохой работы – подготовка кадров. Необходимо вернуться к тем временам, когда в учебные заведения МВД принимали только после службы в армии, когда некоторые абитуриенты, поступая на очную форму обучения, уже начали служить в ОВД. Абитуриенты шли учиться осознано, знали, что им нужно в жизни.

Мы думаем, что тогда будут исключены такие ответы курсантов 3 курса:

1. С. “Очная ставка – это мера уголовно-процессуального принуждения.
2. Н. “Также приёмом допроса является давление на обвиняемого, его запугивание...”

3. С. “Следователь уточняет детали об интересующих его событиях путём задавания наводящих вопросов.”

4. М. “Для допроса используются такие тактические приёмы, как ложь, введение в заблуждение...”

5. Б. “Пуль в канале ствола и магазине не обнаружено”.

6. К. Вопрос эксперту “Сколько имеется нарезков на пуле и гильзе?”

7. С. “...предъявил Строганову Михаилу Сергеевичу по уголовному делу №... для опознания Иванова Илью Геннадьевича вместе с другими лицами:

1. Тимофеевым Романом Николаевичем...
2. Рускиной Мариной Юрьевной...”
8. К. Постановление о назначении экспертизы.

“Постановил:

1. “Шапка”

.....

4. Утверждаю

- ответ эксперта

- результат экспертизы”

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в редакции 03.07.2016 года).

2. Передача “Человек и закон” от 10 июня 2016 года. Сайт www.chelovekizakon.ru.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, назначение уголовного судопроизводства, следователь, уголовное дело, видеозапись.

УДК 343,13

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СОБСТВЕННИК КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРОЙ ПРИЧИНЯЕТСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД В РЕЗУЛЬТАТЕ ХИЩЕНИЯ

Грибунов Олег Павлович,

*Начальник кафедры криминалистики,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
667074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110,
кандидат юридических наук, доцент;*

Пермяков Андрей Леонидович,

*преподаватель кафедры уголовного процесса,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
667074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110*

В статье поднимается проблема обеспечения законных интересов юридических лиц, в капитале которых участвует Российская Федерация на примере ОАО «РЖД». Рассмотрена следственная ситуация, возникающая при необходимости подтверждения факта причинения вреда таким организациям в результате совершения хищения их имущества. Приводятся доводы о причинении такими преступлениями вреда законным интересам Российской Федерации, а также аргументы целесообразности и объективной необходимости законного закрепления права государственных обвинителей выступать по таким уголовным делам в качестве представителей Российской Федерации как потерпевшей стороны.

До настоящего времени окончательно не устранены противоречия в правовом регулировании вопросов, касающихся защиты интересов государства при решении вопроса о причинении вреда юридическому лицу, в капитале которого оно участвует. Одной из весьма важных проблем, с которыми зачастую сталкиваются следователи при расследовании имущественных преступлений в сфере транспорта, является проблема конфликтного поведения представителя потерпевшего, детерминированная особенностями правового регулирования вопросов собственности железнодорожного транспорта и отношения государства Российской Федерации как отдельного самостоятельного субъекта правоотношений к вреду, причиняемому деятельности ОАО «РЖД» и его дочерних предприятий. Об этом пишет в своей работе О.П. Грибунов [1].

Железнодорожный транспорт - это важнейший компонент транспортной системы России, являющийся с одной стороны объектом государственного регулирования, а с другой – коммерческой структурой, функционирующей на условиях самофинансирования и самоокупаемости [3]. Из пункта 1 Устава ОАО «РЖД» следует, что открытое акционерное общество "Российские железные дороги" является коммерческой организацией. Единственным акционером общества является Российская Федерация [4]. От её имени полномочия акционера осуществляются Правительством Российской Федерации. В этом положении устава, совмещающем такие категории, как коммерческая организация и Российская Федерация, как единственный акционер и по сути – собственник данной коммерческой организации, уже заложено существенное противоречие, которое, думается, требует дополнительного правового регулирования в области уголовного и уголовно-процессуального права.

ОАО «РЖД» является самостоятельным юридическим лицом и по закону может и должно самостоятельно выступать как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве. Однако железнодорожный транспорт не только является объектом государственного регулирования, но и принадлежит государству, которому при этом принадлежат не сами объекты транспорта, а хозяева этих объектов – юридические лица, крупнейшим из которых является ОАО «РЖД». Не смотря на строго регламентированную организацию государственных органов и четкое разделение полномочий, все же государство, как собственник, понятие, в некоторой степени, абстрактное. В случае причинения ОАО «РЖД» какого-либо вреда, Российская Федерация не может выступить потерпевшей стороной. Хотя, если рассматривать само юридическое лицо как имущество, полностью принадлежащее государству, вполне обоснованно и логично считать, что вред, причиняемый такому имуществу будет причинен в конечном итоге именно государству.

Лица, правомочные выступать от имени такого потерпевшего - юридического лица (чаще всего ими являются работники юридической службы или подобного подразделения), не являются собственниками даже части его имущества, и вред, причиненный данному юридическому лицу, ни коим образом прямо не отражается на их физическом, психическом или материальном состоянии. Учитывая отсутствие обязанности поддерживать сторону об-

винения, они не имеют заинтересованности в привлечении виновных лиц к уголовной ответственности и даже могут не относиться негативно и нетерпимо к факту хищения, что также встречается довольно часто на практике. Отсутствие или недостаточность мер государственного муниципального и корпоративного контроля, позволяющих своевременно предупреждать или выявлять совершенное хищение [2], является одним из важнейших побудительных факторов совершения мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта.

Некоторые авторы предлагают считать основными причинами латентности экономической преступности боязнь нанесения вреда имиджу предприятия в глазах конкурентов и клиентов и стремление вступить в определенные сделки с преступным миром [5], однако в силу специфики предприятий с государственным участием в капитале, когда ни один сотрудник данного предприятия не относится к числу его собственников или учредителей, а также монополистический характер железнодорожного транспорта в России, думается, что данные причины можно принять весьма условно. Однако существуют причины, которые имеют сходство с причинами поведения, о которых говорят в своей работе профессор А.В. Варданян и К.В. Гончаров при исследовании проблем, с которыми сталкиваются следственные органы при расследовании злоупотреблений управленческими полномочиями в коммерческих и иных организациях [4]. Одной из таких причин, к примеру, может являться причастность самого руководителя организации к выявленному нарушению. При этом далеко не всегда такой руководитель принимает участие в совершении расследуемого преступления. Мотивом оказываемого с его стороны противодействия может являться, к примеру, желание скрыть допущенные хозяйственные нарушения, создавшие условия для совершения хищения. Нарушения эти могут быть допущены по неосторожности, при халатном попустительстве и недостаточности принимаемых мер контроля. В прямом подчинении такого руководителя при этом зачастую находится работник юридической службы, представляющий интересы ОАО «РЖД» при расследовании уголовного дела.

Так в 2010 году на выезде с территории одного из подразделения ВСЖД – филиала ОАО «РЖД» сотрудниками транспортной полиции был задержан Х., у которого в кузове автомобиля были обнаружены и изъяты емкости с дизельным топливом в количестве 978 кг. В ходе расследования было установлено, что Х., работая на тепловозе, сокращал требуемое инструкциями время прогрева тепловоза и сэкономил таким образом некоторое количество топлива, ежесменно занижая в журнале показатели остатков топлива в баке. Дождавшись удобного момента, он перелил образовавшиеся излишки в бочки и попытался вывезти. Все это подтверждалось собранными документами и иными доказательствами. Однако, руководство подразделения, на балансе которого находилось похищаемое топливо, отказалось признавать факт хищения и причинения материального вреда, мотивируя это отсутствием недостачи и оправдывая действия Х. экономным расходом дизельного топлива [6].

В связи с изложенными обстоятельствами, думается, было бы целесообразно закрепить на законодательном уровне возможность представлять интересы Российской Федерации как субъекта, которому причинен вред при хищении имущества, юридического лица в капитале которого она участвует сотрудниками правоохранительных органов (например – прокуратуры).

1. См. Грибунов О.П. Расследование преступлений, совершаемых на транспорте: Учебное пособие. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2013.
2. Карпович О.Г. Детерминанты преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере, и личность финансового мошенника // Российский следователь. № 7. 2010. С. 31.
3. Моргунова Н.В. Административно-правовая организация механизма управления железнодорожным транспортом: Автореферат...канд.ю.н. Хабаровск, 2003. С. 17
4. Постановление Правительства РФ от 18.09.2003 N 585 (ред. от 05.02.2016) "О создании открытого акционерного общества "Российские железные дороги" // СЗ РФ, 29.09.2003, № 39. Ст. 3766.
5. Рожков И.И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: Дис. ... к.ю.н. Ижевск, 2001. - С. 61
6. Уголовное дело № 121030. Архив ВС ЛУ МВД России на транспорте.

Ключевые слова: Вред, материальный ущерб, потерпевшее юридическое лицо, Российская Федерация как собственник юридического лица, представитель потерпевшего юридического лица.

УДК 343.9.02

ДОКАЗЫВАНИЕ ФАКТА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ПУТЕМ СЛОВЕСНОЙ ЭКВИЛИБРИСТИКИ

Григорьев Виктор Николаевич,

*профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков,
Международный межведомственный центр подготовки сотрудников
оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции
А.Н. Сергеева, 142008, Московская область, г. Домодедово,
мкр. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3,
доктор юридических наук, профессор*

Европейский Суд в Постановлении от 12 марта 2015 г. по делу «Лялякин против Российской Федерации» допустил искажение фактических обстоятельств произошедшего. Чтобы «подтянуть» обращение с заявителем до минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, он заменил недостающие факты словесной эквилибристикой. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 16-03-00413.

4 июня 2007 г. военнослужащий младший сержант Лялякин и младший сержант В. бежали из войсковой части, где проходили срочную службу. Командование части начало операцию по розыску беглецов. Утром 5 июня заместитель командира части майор А. и капитан К. нашли и задержали беглецов у близлежащего поселка Степной.

На обратном пути в часть Лялякин во время остановки снова сбежал. Вскоре после этого он был пойман на находящемся рядом болоте. Сопровождавшие офицеры приказали беглецам снять одежду и посадили в кузов военного грузовика, который доставил их обратно в часть.

6 июня 2007 г. Лялякин и В. во время построения батальона были поставлены раздетыми перед строем военнослужащих. Командир батальона публично осудил их и объявил им выговор.

7 июня 2007 г. Лялякин, когда надзор за ним был ослаблен, вновь сбежал и в этот раз добрался до своей семьи в г. Нижнем Новгороде.

26 июня 2007 г. он подал жалобу на жестокое обращение в Нижегородский областной комитет солдатских матерей, 27 июня 2007 г. – в военную прокуратуру. По результатам проведенной проверки было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях офицеров поисковой группы, поймавших и доставивших беглецов в расположение войсковой части, состава преступления.

В последующем из-за обострённой общественной реакции на это происшествие данное решение неоднократно отменялось, но в ходе дополнительных проверок вновь подтверждалось.

29 мая 2009 г. Лялякин пожаловался в Европейский Суд по правам человека на то, что военнослужащие его войсковой части подвергли его жестокому обращению и что власти не провели эффективного расследования по его жалобам на жестокое обращение.

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), рассмотрев дело, 12 марта 2015 г. вынес Постановление по делу «Лялякин против Российской Федерации» [1], в котором пришел к выводу об обоснованности жалобы и постановил, в частности, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию») в части раздевания заявителя 5 и 6 июня 2007 г. (п. 2 Резолютивной части Постановления Суда).

В Постановлении Европейского Суда со ссылками на предыдущие его решения (§ 67-71) отмечается, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы. Для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости.

Оценка указанного минимального уровня, отмечает Суд, является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых слу-

чаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Кроме того, оценивая, является ли обращение «унижающим достоинство» в значении статьи 3 Конвенции, Европейский Суд должен учитывать, являлось ли его целью оскорбление и унижение потерпевшего и оказывало ли оно с точки зрения последствий отрицательное влияние на его личность способом, несовместимым со статьей 3 Конвенции (§ 68 Постановления).

Как показал предпринятый мной анализ соответствия Постановления Европейского Суда в части жестокого обращения с Заявителем действительным обстоятельствам в эпизоде с раздеванием, не все утверждения Европейского Суда, содержащиеся в § 80-82 Постановления, соответствуют фактам, установленным самим же Европейским Судом и изложенным в его Постановлении от 12 марта 2015 г. Суд порой заменяет действительные обстоятельства произошедшего некими домыслами, которым с помощью словесной эквилибристики придает «нужную» эмоциональную окраску.

Такой прием становится очевидным, если разложить всю ситуацию на отдельные элементы, существенные для оценки ситуации с точки зрения предмета разбирательства.

1. Было ли «раздевание»? Сам факт раздевания является, бесспорно, установленным. Это утверждает заявитель, это признается властями Российской Федерации. Этот факт лежит в основе позиции Европейского Суда (§ 72-79). В связи со сказанным следует лишь обратить внимание на то, что категория «раздевание» в данном контексте отражает только объективный факт снятия одежды и не включает субъективную сторону – по чьей инициативе, чьими руками и в каком словесном или физическом сопровождении снималась одежда. Эти существенные детали произошедшего проясняются при ответах на последующие вопросы.

2. Какова степень и форма раздевания? Заявитель утверждал, что был раздет донага, а власти Российской Федерации настаивали на том, что он оставался в трусах.

Европейский Суд отмечает, что с учетом субсидиарного характера своей функции он признает, что должен с осторожностью принимать обязанности суда первой инстанции, устанавливающего факты в тех случаях, когда это не является неизбежным при обстоятельствах конкретного дела. В настоящем деле он не склонен принимать утверждение заявителя о том, что на обратном пути в войсковую часть в июне 2007 года он был раздет донага (см. § 13 и 14 Постановления), поскольку эта версия опровергнута результатами расследования (см. § 33 и 34 Постановления), и заявитель не предоставил доказательств противоположного, которые отвечали бы стандарту доказывания «вне всякого разумного сомнения» (§ 73).

В целом по данному вопросу позиция Европейского Суда представляется объективной и обоснованной. Следует, однако, обратить внимание на такие, бесспорно, установленные факты, что Заявителю предложено было самому снять с себя одежду, и сделано это было не в сексуально-оскорбительной форме, а путем подачи одной из заурядных уставных команд по определению формы одежды, которая каждое утро звучит при построении

военнослужащих на физическую зарядку: «Форма одежды номер один» (§ 34). Такая форма одежды предусмотрена в наставлениях по физической подготовке войсковых подразделений Российской Федерации (Министерства обороны, МВД, ФСБ и др.) и предполагает обычно в качестве одежды плавки, трусы, майку, спортивную обувь, по решению командира воинской части при соответствующих условиях разрешается заниматься без майки и обуви [2; 3].

Сексуальный подтекст приведенной в Постановлении формулировки поданной Заявителю команды «занять "позицию № 1"» (§ 33) может быть развеян следующим за ней комментарием «то есть снять всю одежду и оставаться в одних трусах» (§ 33) и обусловлен, скорее всего, издержками многократного перевода узкоспециального текста с русского на английский, а потом опять на русский.

Европейский Суд не придал значения тому факту, что раздевание задержанного происходило путем приведения его формы одежды в один из уставных вариантов, несмотря на то, что этот факт отражен в имевшихся в его распоряжении материалах и никем не был опровергнут. Причина такой позиции видится в стремлении априори выстроить ряд фактов (в данном случае путем умолчания об одном из них), которые в совокупности дали бы основание для вывода о том, что обращение с Заявителем достигло минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

3. *Сколько раз раздевали Заявителя?* Европейский Суд занял по этому вопросу однозначную позицию: заявитель оставался в трусах два раза, после безуспешной попытки бегства 5 июня 2007 г. и на следующий день во время построения батальона (§ 76). В качестве обоснования такой позиции Суд сослался на обстоятельства, описанные в § 13, 14, 33 и 34 Постановления. Между тем обращение к текстам указанных §§ свидетельствует о несоответствии позиции Европейского Суда действительным обстоятельствам: заявителю после повторной попытки убежать действительно было предложено снять верхнюю одежду и в таком виде («форма номер один») он был доставлен в войсковую часть и после построения личного состава выведен перед строем, однако никто его специально для выставления голым перед строем не раздевал, он просто оставался все это время одетым по форме номер один.

При обращении к содержанию параграфов Постановления, на которые Суд сослался в обоснование своей позиции, выясняется, что, в частности, в § 13 Постановления приводятся лишь обстоятельства раздевания при поимке после повторного побега во время доставления Заявителя в войсковую часть, откуда он сбежал. В § 14 Постановления записано, что «Заявитель и В., предположительно раздетые догола, были поставлены перед другими военнослужащими». Но, во-первых, предположение о раздетости «догола» опроверг сам же Европейский Суд (см. § 73). Что же касается смысла в целом, то данную фразу надо понимать не так, что Заявителя еще раз раздели перед построением, а что перед построением он не был одет и был поставлен перед строем в том, в чем оказался после задержания и доставления – в привычной для воен-

нослужащих уставной «форме номер один». В § 33 и 34 Постановления воспроизводятся показания военнослужащих, в которых упоминается только один факт раздевания – после задержания при попытке повторного побега во время конвоирования Заявителя в войсковую часть. О других фактах раздевания, в частности перед выставлением беглецов перед строем военнослужащих, там нет ни слова.

Таким образом, позиция Европейского Суда по вопросу о количестве раздеваний Заявителя во время его задержания, доставления в войсковую часть и представления наутро личному составу военнослужащих не соответствует установленным им же обстоятельствам, которые изложены в Постановлении Суда. Легким передергиванием фактов Суд слегка усилил отрицательное эмоциональное восприятие действий военнослужащих, отлавливавших беглеца. Для чего это потребовалось? Дело в том, что без такого факта явно недостаточно оснований для вывода, что обращение с Заявителем достигло минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции (§ 67) и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

4. Для чего раздевали Заявителя? К раздеванию беглецов (применению к ним уставной формы одежды номер один) сопровождавшие офицеры прибегли после повторной (во время конвоирования) попытки Заявителя убежать. И объяснения военнослужащих, и объективные обстоятельства свидетельствуют об одной цели данной меры – воспрепятствовать их побегу в третий раз (§ 33, 34).

Следует обратить внимание, что Европейский Суд в своих положениях о цели раздевания напрочь проигнорировал юридическую сущность действий, лежащую в основе всей рассматриваемой ситуации. Суть эта заключается в том, что Заявитель вместе с младшим сержантом В. совершили самовольное оставление части в целях уклонения от прохождения военной службы, совершенное группой лиц по предварительному сговору, то есть дезертирство при отягчающих обстоятельствах. В Российской Федерации такие действия признаются тяжким преступлением, за которое в соответствии с ч. 2 ст. 338 УК РФ предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Стало быть, к военнослужащему, совершившему побег во время конвоирования, при задержании за совершение подобных действий вполне правомерно применение мер, исключающих третью попытку сбежать. Не искушенные в полицейских приемах пресечения попыток побега (средства ограничения подвижности, средства сковывания движения и т.п.), военнослужащие прибегли к одному из строевых приемов – предложили беглецу привести одежду в соответствие с уставной формой номер один, то есть раздеться до трусов.

В этой связи неудивительно, что примененная к совершившим тяжкое преступление мера пресечения возможной попытки в третий раз сбежать в виде раздевания до трусов не вызвала замечаний ни с точки зрения правомерности, ни с точки зрения возможной чрезмерности.

Но при таком стечении обстоятельств ситуация явно «уплывает» из желаемого русла: обращение с Заявителем здесь, очевидно, не достигает минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции. Вот тогда Европейский Суд и вводит в оборот «второе раздевание» (§ 76), на котором и строится все обвинение в бесчеловечном или унижающем достоинство обращении.

Чтобы это «второе раздевание» воспринималось как реально существовавшее, Суд сопровождает его безосновательными предположениями («предположительно раздетые догола», «по-видимому, женщины там отсутствовали» – § 14) и иллюстрациями пыток с раздеванием в присутствии лиц противоположного пола по другим рассмотренным в разное время Судом делам (§ 75), а также утверждением, «что требование о том, чтобы заявитель стоял перед строем в одних трусах, было выдвинуто после того, как заявитель был взят под контроль после нескольких попыток скрыться» (§ 77). Однако существование подобных требований материалами дела не установлено – просто задержанный был выведен перед строем в том виде, в каком был доставлен.

Приведенная словестная эквилибристика, обнаруженная в Постановлении Европейского Суда, преследует, на наш взгляд, еще одну, главную цель – повысить «уровень суровости» обращения, чтобы дотянуть его до минимального уровня, позволяющего квалифицировать действия по статье 3 Конвенции как жестокое обращение.

Таким образом, предпринятый анализ текста Постановления от 12 марта 2015 г. убеждает, что Европейский Суд прибегает к искажению фактических обстоятельств происшедшего, установленных им же самим и изложенных в его Постановлении, а порой и замене действительных обстоятельств происшедшего своими домыслами с приданием им с помощью словесной эквилибристики «нужной» эмоциональной окраски, чтобы «подтянуть» обращение с Заявителем до минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции (§ 67) и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

-
1. Постановление ЕСПЧ от 12.03.2015 «Дело «Лялякин (Lyalyakin) против Российской Федерации» (жалоба № 31305/09) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 7. С. 108-120 // КонсультантПлюс.
 2. Приказ МВД РФ от 29.07.1996 № 412 (ред. от 20.05.2003) «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел» // КонсультантПлюс.
 3. Приказ Министра обороны РФ от 21.04.2009 № 200 (ред. от 31.07.2013) «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Российская газета. № 126, 10.07.2009.

Ключевые слова: Европейский Суд, дело «Лялякин против Российской Федерации», статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Гришин Андрей Владимирович,

начальник кафедры уголовного процесса,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,

кандидат юридических наук, доцент

В данной статье автор исследует отдельные проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; в статье анализируются современное состояние и перспективы развития законодательства, регламентирующего производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Для многих представителей российской общественности характерно неприятие ювенальной юстиции как судебной системы «западного» образца, осуществляющей правосудие по делам несовершеннолетних. В 2000-х годах данный процесс встретил существенное сопротивление со стороны общественности разных стран [4], таких как Финляндия [5], Франция [6] и другие страны Евросоюза [7] (куда, к слову сказать, сейчас стремится попасть Украина [8], как и некоторых политических деятелей России).

В статье попробуем рассмотреть обозначенную проблему, в том числе учитывая сформировавшееся правосознание сотрудников органов внутренних дел, которое, «...традиционно рассматривается как профессиональное правосознание, отличное от обыденного, т.е. акцентируется внимание на тех моментах, которые приобретают принципиальное значение для правильного определения места и роли правосознания в правоприменительной деятельности органов внутренних дел» [38].

Одной из наиболее острых социальных проблем современной Европы является демографический кризис. В европейских странах этот кризис в значительной мере связан с сексуальной революцией, приведшей к существенному изменению социально одобряемого сексуального поведения вследствие признания в качестве ведущей функции сексуальных отношений гедонистической (получение удовольствия), а не репродуктивной (рождение детей) [40].

Немногочисленная реакция сторонников ювенальной юстиции на её критику сводится в лучшем случае к софистике и подмене понятий. Так, д.ю.н. Крестовская Н. Н. вопросы обоснованности обвинений в адрес ювенальной юстиции переводит в область существования, на её взгляд, *непримимых противоречий* между защитой прав ребёнка и системой христианских норм, между ювенальной юстицией и церковью [9]. Д. ф. н. Шилова И. [10] подвергает необоснованной критике утверждения противников введения ювенальной юстиции в России и предпринимает попытку анализа некоторых

культурных понятий (приём софистики, из числа «доказательства» того, что, например, «движения не существует» на примере стрелы, которая в определённый момент занимает своё положение в пространстве, а следовательно, по их мнению, всегда покоится), на которых построены их аргументы [11, 12]. На деле, если анализировать мнения сторонников и противников ювенальной юстиции, ярко прослеживается закономерность в том, что доводы противников ювенальной юстиции вполне обоснованы и подтверждены многочисленными примерами. «Доводы» же сторонников ювенальной юстиции в пользу её введения опровергаются самой жизнью и многочисленными отрицательными примерами. В транслируемых в нашей стране телевизионных передачах, посвящённых данной проблематике довольно чётко видно, что так называемые сторонники «ювенальной юстиции» вообще не понимают её сущность и слабо ориентируются в понятиях и вопросах права. «Доводы» сторонников ювенальной юстиции нелогичны и малоаргументированны. Сводятся они примерно к следующему: что, мол, всё, что есть на Западе - это хорошо.

Публицист Т. Шишова уверена, что применение ювенальной юстиции приведёт к растлению детей [13], так как родители и учителя юридически потеряют рычаги воздействия на них, что подтверждается опытом, полученным на Западе [14]. Примечателен случай, произошедший во Франции, описанный [15] писателем Анатолием Гладилиным, в котором полиция долго ждала, пока одному малолетнему преступнику исполнится 18 лет (во Франции по достижению человеком 18 лет на него перестает распространяться действие ювенальной юстиции), когда же его арестовали, то оказалось, что *за свою несовершеннолетнюю жизнь он* совершил несколько сот тяжких преступлений, причем иногда совершал 5-7 преступлений в день. Писатель отмечает, что такая «мощь» мало кому из взрослых преступников могла присниться [16]. В то же время, по словам д.ю.н., профессора Даниила Корецкого, сегодняшние разговоры о ювенальной юстиции сводятся к бесконечной «гуманизации» наказания, по существу, к безнаказанности преступников [17]. Это высказывание юриста и писателя подтверждается современной практикой.

Теперь отметим негативные результаты в рамках ювенальной юстиции. По словам адвоката Л. Павловой [18], практика ювенальной юстиции в странах Запады, опыт работы пилотных проектов в РФ демонстрируют повсеместно крайне отрицательные результаты: возрастание преступности среди несовершеннолетних; распад семейных связей (считается, что более всего от ювенальной юстиции пострадают молодые семьи, поскольку именно они ввиду материального неблагополучия оказываются в зоне риска и могут лишиться детей); попираание прав родителей; распространение порочных привычек среди молодёжи; активный протест родителей; увеличение количества дел по лишению родительских прав.

Другие противники введения в России ювенальной юстиции обращают внимание на частые случаи самоубийств среди родителей, у которых были изъяты дети [19]. Считается [20], что с введением ювенальной юстиции социальные работники ювенальных служб будут наделены широкими полномочиями на вмешательство в процесс воспитания и образования [21] любого ре-

бёнка, однако при этом не будут нести должностной ответственности за свои действия. В результате существенного расширения полномочий работников ювенальных структур (судов и особенно социальных служб) [22], а также весьма широкой трактовки прав ребёнка [23] возрастает вероятность неконтролируемого вмешательства данных структур в дела отдельных семей [24, 25, 26, 27, 28, 29].

Как показывает опыт зарубежных стран, в основе ювенальной юстиции лежит презумпция виновности родителей [30]. С начала 2010 г. всё большую популярность приобретает идея «перекладывания» бремени доказывания с государственных органов на конкретного гражданина, что является игнорированием общих положений о презумпции невиновности и основах состязательности судебного процесса. Так, можно уже смело констатировать наличие презумпции в административном законодательстве (КоАП РФ: в случае фиксации правонарушения приборами видеофиксации действует презумпция вины владельца транспортного средства; ЖК РФ: в квитанции об оплате услуг ЖКХ обслуживающие организации включают «спорные суммы», а если собственник жилого помещения не согласен, должен обратиться в суд и доказать свою невиновность). Думается, что дальнейшие комментарии в отношении потенциальной возможности появления презумпции виновности родителей здесь излишни... Как следствие -простор для злоупотреблений с имуществом неблагополучной семьи и т.д.

Помимо того, существует неопределённость терминологии в ювенальном законодательстве [31], а законодательные инициативы, направленные на устранение неопределённостей, к примеру, в некоторых положениях Семейного кодекса РФ, по словам Е.Б. Мизулиной, «автоматически получают отрицательные отзывы» [32]. Так, например, в российское законодательство внесено понятие «ребёнок в опасной ситуации», широкая трактовка которого позволяет подогнать под него положение практически всех российских детей [33].

На рабочей встрече Дмитрия Медведева во время его пребывания на посту Президента России правозащитник Павел Астахов, касаясь вопросов жесткого обращения с детьми, отметил следующее: «...в Семейном кодексе...сама по себе формула непосредственной угрозы жизни и здоровью слишком лаконична. Надо, конечно, более детально прописывать этот механизм» [34]. Подробный перечень причин критики юридических инструментов ювенальной юстиции и ювенальных технологий в России изложили участники круглого стола «Ювенальная юстиция: опасные последствия и неразрешимые проблемы» [35].

Сегодня Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы РФ содержат отдельные главы, относящиеся к несовершеннолетним. Формулировки данных норм вполне соответствуют международным стандартам «детского» правосудия. Поправки от 8 декабря 2003 г., введенные в Уголовный кодекс РФ, существенно снизили карательный потенциал уголовных санкций. В формулировке статьи об уголовной ответственности (ч. 2 ст. 87 УК РФ) на первое место были поставлены меры воспитательного воздействия и лишь затем —

наказание. «К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием» (ч. 2 ст. 87). В прежней редакции Кодекса: «Несовершеннолетним, совершившим преступления, может быть назначено наказание либо к ним могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия». О снижении карательного потенциала свидетельствует статистика, показывающая изменения, последовавшие вслед за внесением поправок в правоприменительную практику: сокращение числа осужденных, увеличение удельного веса освобожденных от уголовной ответственности [43].

Исходя из положения, что гл. 50 УПК РФ не заменяет, а дополняет общие правила судопроизводства предварительного расследования в отношении несовершеннолетних необходимо рассмотреть особенности, предусмотренные законодателем для данного производства. Они касаются, в первую очередь, предмета доказывания, представительства интересов несовершеннолетнего, проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего, избрания меры пресечения, прекращения уголовного дела.

Предмет доказывания по делам в отношении несовершеннолетних представляет собой обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ (обстоятельств, устанавливаемых по всем уголовным делам) и обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам несовершеннолетних (ст. 421 УПК РФ).

К особенностям, определяющим, например, специфику допроса несовершеннолетних, относятся: меньший, чем у взрослых, объем знаний и опыта; меньшая способность к сосредоточенному вниманию; повышенная внушаемость; меньшее развитие аналитических способностей при восприятии и оценке воспринятого; тенденции к смешению реально воспринятого и воображаемого; эмоциональность суждений и действий. Несовершеннолетние быстрее забывают воспринятые события (факты, явления) и в то же время исключительно точно воспринимают и прочно удерживают в памяти те события (факты, явления), которые их заинтересовали [39].

С другой стороны, поведение несовершеннолетнего во время допроса нередко обусловлено стремлением к демонстрации и отстаиванию своей зрелости и самостоятельности, гипертрофированным представлением о дружбе, боязнью отрицательной оценки со стороны ближайшего окружения [39].

Поэтому пути решения имеющихся проблем мы видим в следующем:

1. Свести идею ювенальной юстиции только к созданию уголовных судов для несовершеннолетних, систематизировав и более подробно регламентировав существующие в разделе XVI главы 50 и др. статьях УПК РФ [2] положения и обобщив в отдельной главе или главах УПК РФ «особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в контексте ювенальной юстиции». В поддержку такого вывода говорит Постановление пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной

практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», утверждённое в феврале 2011 года [3], в котором, в частности, разъяснены особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, приведён перечень международных актов, которые должны учитываться судами при рассмотрении подобного рода дел [36]. С позиции ювенальной юстиции большое значение придаётся [37] п. 44 настоящего Постановления, в соответствии с которым «судам следует повышать воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию: по каждому делу устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступления, не оставлять без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организаций, выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств».

2. Ввести цензуру в средствах массовой информации, сводящуюся к повышению ответственности (вплоть до уголовной!) владельцев средств массовой информации, редакторов, главных редакторов и т.п. «Свобода слова» должна ограничиваться, когда это противоречит интересам общества и государства, влечёт негативные последствия для граждан РФ, что в целом соответствует смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ [1].

3. В Семейном кодексе РФ необходимо закрепить безусловное положение, согласно которому «не допускается изъятие ребёнка из семьи при реальной возможности воспитываться ребёнку в семье..., прописав перечень обоснованных исключений».

4. Полагаем, что проблему правильного понимания и использования понятия «несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый)» целесообразно решать следующим образом. Такие обстоятельства, как возраст несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, уровень его психического развития и иные особенности его личности, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (ч. 1 ст. 421 УПК РФ), а также возможность несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 2 ст. 421 УПК РФ), важны и должны определяться либо для момента совершения преступления, либо для периода, предшествующего этому моменту. Это создает дополнительные гарантии обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), причем независимо от того, достиг ли он совершеннолетия на текущий момент уголовного судопроизводства. Поэтому в частях 1 и 2 ст. 421 УПК РФ под несовершеннолетним следует понимать любое лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет к моменту совершения преступления [41].

5. Если же обвиняемому (подозреваемому) уже исполнилось 18 лет, то вряд ли логично, например, вызывать его к следователю, дознавателю или в суд через его законных представителей (ст. 424 УПК РФ), вряд ли есть смысл в дополнительных ограничениях длительности допроса (ч. 1 ст. 425 УПК РФ)

только потому, что он не достиг возраста восемнадцати лет к моменту совершения преступления [41,42].

6. Необходимо внести поправки в УК РФ, снижающие возраст уголовной ответственности несовершеннолетних. Примером может послужить норма Уголовного уложения 1903 года, предусматривавшего возраст наступления уголовной ответственности в десять лет, где также одним из оснований освобождения от уголовной ответственности была признана неспособность несовершеннолетнего «понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками». Одновременно следует регламентировать и порядок отбывания несовершеннолетними наказания, а для малолетних преступников предусмотреть возможность отбывания наказания в специализированном детском исправительном учреждении.

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Российская газета. – 25 декабря 1993. (с изм., внесёнными Указами Президента РФ и Федеральными конституционными законами РФ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.03.2015) // Российская газ. 2001. 22 декабря. .
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ».
4. Ювенальная юстиция - отрывок из передачи «Церковь и мир» с Митрополитом Иларионом на канале «Вести». А. И. Осипов Ювенальная юстиция — инструмент уничтожения. Православный видеоканал «Духовное образование».
5. «Ювенальная юстиция в Финляндии». //Электронный ресурс. Википедия. Инсайд <http://inside-vrn.ru/index.php/vse-novosti/49-vlast/185-yuvenalnaya-yusticiya-opit-reform>.
6. Сергей Спиридонов. Ювенальная отравка. Сегодня.ru. 14.10.2009.
7. Ольга Чупаненко Европейская бомба // ИРА «Биржа Плюс», № 20 от 1 июня 2010 года. RUSSIAN FEDERATION: Children's Ombudsman Fired After 4 Months // Child Rights Information Network, 14.01.2010 г. Г. В. Гордеева. Обзор обращений граждан в Государственную Думу // Государственная Дума. Ольга Липич. Общественные организации призвали ОП не лоббировать ювенальную юстицию // РИА «Новости», 18.06.2010 г.
8. Игорь Друзь. Провал введения ювенальной юстиции на Украине: как это было // Народный Собор.
9. Крестовская Н.Н. Ювенальная юстиция: столкновение права и религии // Международная ассоциация содействия правосудию, 20.09.2010 г.
10. Шилова И. Диалог о ювенальной юстиции в России // UNDP Ювенальная юстиция в России.
11. Н. Л. Хананашвили. Ювенальная юстиция — «Против» и «За» doc, html // Эксперты для гражданского общества, 18.08.2009г.
12. Сторонники ювенальной юстиции опровергают аргументы ее противников // Агентство социальной информации, 25.02.2010 г.
13. Константин Шестаков. Геноцид семьи под личиной защиты прав ребенка // Демография.ру. 10.05.2010 г.
14. Татьяна Шишова, Татьяна Шишова. Насаждение ювенальной юстиции выгодно силам, заинтересованным в развале России // Русская линия. 11.07.2007 г.
15. Гладили А. Т. Жулики, добро пожаловать в Париж // Глагол, 2007 г.

16. Ирина Медведева. Я надеюсь, что наш Патриарх проявит стойкость // Русская линия, 10.07.2009 г.
17. Юлия Кривошапко. Наказывать нельзя воспитывать. Нужен ли подросткам специальный суд // Российская газета, 18.11.2005 г.
18. Ювенальная юстиция: благо или разрушение? Мнения экспертов // Демография.ру, 20.12.2009 г.
19. Серийные самоубийства матерей в Полтавской области — плоды ювенальной юстиции на Украине // Православный родительский комитет, 01.10.2010 г.
20. Татьяна Смольякова. Воспитание с пристрастием // Российская газета, Федеральный выпуск № 5198 (119) от 3 июня 2010 г.
21. Ирина Медведева, Татьяна Шишова Механизм разрушения семьи и государства // Молодая гвардия, № 11, Декабрь 2010 г., С. 16-21.
22. Йохан Бекман. Ювенальная юстиция: путь к фашизму // Демография.ру, 02.06.2010 г. Галина Яшина. Нужна ли России ювенальная юстиция? // «Капитал страны», 06.07.2010 г.
23. Антон Купрач. Ребенка заберут из семьи за царапину. Интервью с общественным деятелем психологом Т. Л. Шишовой // Сайт консалтинговой группы юридических компаний «Финансы. Право. Менеджмент», 13.01.2010 г.
24. . Николай Троицкий. Дети и жилищный вопрос // РИА «Новости». 01.11.2010 г.
25. Антифашистский комитет Финляндии: Суоми шантажирует Россию детьми-заложниками // ИА REGNUM, 08.08.2010 г.
26. Елена Ковачич, Андрей Смирнов. "Удушающая забота" французского закона // РГРК «Голос России», 27.10.2010 г. Алеся Лонская. Неестественный отбор // Новые известия, 03.12.2009 г. Ювенальная юстиция - мощнейший инструмент контроля за семьей и детьми со стороны государства (лента событий). Евгений Шипилов, Михаил Лобачев. За статью заплатили дети // Газета.ru, 26.05.2010 г.
27. Людмила Громова. Антиювенальный ликбез: Общая картина введения ювенальной юстиции в России // Русская линия, 29.06.2010 г.
28. Елена Мизулина: Ювенальная юстиция противоречит традиционным российским семейным ценностям (Стенограмма) // Пресс-служба фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе, 08.10.2010 г. Татьяна Милимко. Ювенальная юстиция: пока взрослые судятся, дети живут без родителей // ТК «АТВ», 10.07.2010 г.
29. Дело Агеевых – допрос свидетелей 21 апреля 2010 года // Всероссийское родительское собрание.
30. Анатолий Антонов "Это чума на наши дома" // Журнал «Коммерсантъ Власть», №16 (920), 25.04.2011г. А.И. Овчинников Традиционные ценности России и вызовы ювенальной юстиции // Философия права. Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. № 2. С. 11—13. Презумпция вины // Интернет-портал Сретенского монастыря, 14.09.2010г.
31. Шишова Т.Л. «Ювенальные проблемы сегодня» (видеолекция) // Русская народная линия, 04.02.2011г.
32. Елена Мизулина: Ювенальная юстиция противоречит традиционным российским семейным ценностям (Стенограмма) // Пресс-служба фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе, 08.10.2010г. Елена Мизулина выступила на XIV Всемирном Русском Народном Соборе // Информационный портал политической партии Справедливая Россия, 28.05.2010г.
33. Ольга Чупаненко Европейская бомба // ИРА «Биржа Плюс», № 20 от 1 июня 2010 года.
34. Дмитрий Медведев: В большинстве стран нет института лишения родительских прав // Русская народная линия, 08.04.2011 г.

35. «Ювенальная юстиция: опасные последствия и неразрешимые проблемы». Обращение к Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву, Председателю правительства России В. В. Путину и всем жителям Республики Коми // Русская линия, 01.07.2010 г.
36. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Верховный Суд Российской Федерации.
37. Пленум Верховного суда России принял "исторический" документ о ювенальной юстиции // АСИ, 11.02.2011.
38. Ветрова О.А. Роль правосознания сотрудников ОВД в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2014. №. 12. С. 196.
39. Ветрова О.А. Некоторые особенности проведения допроса и очной ставки с участием несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве. // Наука и практика №3. Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2015 год. С.23.
40. Жилыева С.К. Проблемы и перспективы развития института однополного брака в России и за рубежом// Наука и практика №3. Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2015 год. С.48.
41. Ветрова О.А. Особенности современной российской модели ювенального уголовного судопроизводства // «Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Всероссийская конф. (2015; Орёл). Всероссийская конференция «Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 15-16 октября 2015 года : [сборник материалов] / редкол. : С. А. Синенко [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. – С.101-102.
42. Загорский Г. И., Орлова Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Российский судья. 2012. № 10. С. 8.
43. Карнозова Л. М. Уголовное правосудие в отношении несовершеннолетних в России [Электронный ресурс] // Российские инициативы в области правосудия в отношении несовершеннолетних. URL: <http://www.sprc.ru/library.html> (дата обращения: 08.11.2014).

Ключевые слова: ювенальная юстиция, уголовное законодательство об ответственности несовершеннолетних, уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних, малолетний и несовершеннолетний нарушитель, ювенальный суд, ювенальные технологии, воспитательные учреждения для несовершеннолетних, тенденции формирования ювенальной юстиции в России.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЗАКОН И ЗАКОННОСТЬ В ПРАВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гуляев Анатолий Петрович,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Начнем с того, что, скорее всего, общеизвестно. Положение дел в стране и ближайшие перспективы развития весьма тревожны, причем по всем основным направлениям жизнедеятельности общества и государства. Экономика, например, давно уже сидит на нефтегазовой игле, и эта зависимость все больше усугубляется. Коррупция, наркомания, насилие стали уже явлениями повседневной жизни общества. Нельзя сказать, что государство ничего не делает для того, чтобы остановить такое развитие событий, но сам государственный аппарат во многом поражен общими недугами, и эффективность его деятельности низка. Более того, многие его чиновники причастны к негативным явлениям, происходящим в стране.

Одной из важнейших причин отрицательных явлений, происходящих в стране, по нашему убеждению, стало то, что государственный аппарат резко отступил от нравственных и гуманных форм управления и подсел на «силовую иглу» решения текущих и стратегических проблем устройства жизни людей и общественных отношений: малообоснованные или вообще необоснованные запреты, чрезмерная криминализация в сфере административной и уголовной политики, репрессии, преследования, разные формы ограничения естественных и правовых свобод, заказное и несправедливое правосудие (подмятое под себя исполнительной властью), жестокие формы и сроки предварительного расследования, несправедливые приговоры и антигуманные условия исполнения наказаний. Всё это потребовало расширения и укрепления силового блока государственных органов, начиная с ОМОН, полиции и кончая национальной гвардией и ФСБ.

Явный и довольно большой перекосяк в использовании силовых методов управления обществом в ущерб гуманитарно-нравственным, духовным, образовательным, просветительским – это огромная стратегическая ошибка действующего уже много лет государственного аппарата России. Это по существу отказ от использования государством нравственных постулатов, которые коренным образом влияют на поведение людей, их жизненные позиции и образ жизни. Недооценка общечеловеческих духовных ценностей и ставка государства на принудительные силовые методы воздействия на людей крайне отрицательно повлияла на всю атмосферу человеческих отношений в обществе, вызвало падение нравственного уровня населения страны, частичную утрату самих нравственных ценностей в современном российском обществе, в том числе таких, как справедливость, гуманность, честность, порядочность, милосердие, вызвало неверие в справедливость и добросовестность чиновничества. Такое отношение огромной массы населения к нравственным нормам межчеловеческих и общественных отношений усугубляется весьма резким

разочарованием людей в справедливости текущего правосудия и деятельности правоохранительных органов государства.

Спасти общество от такого падения нравов в стране пытаются общественные правозащитные организации, фонды милосердия, волонтерские движения. По сути, они делают то, что по Конституции обязано делать государство. Но делать это им приходится потому, что государство не справляется с выполнением своих обязанностей.

С учётом тематики нашей конференции хотелось бы подчеркнуть особую роль правозащитных организаций по разного рода делам, по которым произошло нарушение государством прав граждан на справедливое разбирательство и справедливое правосудие. В разбирательство по уголовным и административным делам входит и соответствующее предварительное расследование. От того, насколько оно справедливо, во многом зависит и справедливость правосудия. Так вот востребованность правозащитных организаций определяется, прежде всего, количеством нарушений и ошибок, совершенных правоохранительными органами (и предварительного, и судебного производства), причинивших существенный вред гражданам и организациям.

Жизнь показывает, что правозащитные организации в современный период весьма востребованы, но государство они раздражают тем, что выявляют и показывают порочность деятельности его органов и тем самым проявляют истинную картину выполнения государством правоохранительной функции и подрывают его репутацию. Это раздражение побудило государство скомпрометировать эти самые НКО ярлыком «иностранные агенты». А это уже высшая степень несправедливости (в быту такие поступки и дела называют подлыми). В России ярлык «иностранный агент» имеет особо негативное звучание с печально известных советских времен, когда таким ярлыком в массовом порядке клеймили ни в чем неповинных людей, представляя их населению как изменников, предателей, шпионов.

Мягко говоря, недооценка государственными органами власти нравственных норм пронизывает в той или иной степени все ветви государственной власти (исполнительную, законодательную и судебную), все сферы деятельности и все этажи чиновничества, а также во многом зависимые от них местные органы власти. Эта проблема выходит за рамки тематики нашей конференции, но все-таки об этом необходимо было сказать, чтобы было ясно, что проблема значения и роли нравственных норм в формировании уголовно-процессуального законодательства и практики его применения – это составная часть глобальной проблемы российского права, всех его отраслей, в том числе проблема соотношения принципа справедливости, закона, и принципа законности. Размышления над этой проблемой позволили нам сделать концептуальный вывод о том, что в обозначенной триаде главным и определяющим является принцип справедливости. Его верховенство в системе правовых мер, определяющих содержание законов, режим законности и качество правоприменительной практики основывается на следующих положениях (аргументах).

Идея справедливости изначально, по природе и логике вещей, является определяющей для законотворческой деятельности: смысл и цель правового регулирования общественных отношений в гуманитарной сфере заключается в построении справедливых отношений. Но законотворчество, законы и правоприменительная практика, во-первых, не всегда в полной мере соответствует принципу справедливости, а иногда и совсем не соответствует (когда закон воспринимается в обществе как несправедливый), во-вторых, законы иногда перестают быть справедливыми в связи с изменением ситуации (закон устарел полностью или частично), в-третьих, в законе имеются недостаточно определенные или совсем неопределенные, неоднозначные нормы, которые дают возможность применять их по личному усмотрению правоприменителя, в том числе несовместимому с принципом справедливости.

Приведенные выше виды несовершенства законотворчества и законов в той или иной мере свойственны и другим нормативно-правовым актам, что позволяет утверждать о возможности проявления несправедливости в регулируемых ими общественных отношениях. Такие акты распространяются на значительные пласты общественных отношений и тем самым снижают значение принципа законности и уровень правопорядка.

Изложенные суждения приводят к выводу о необходимости разработки в рамках общей теории права и законотворчества правового механизма максимального обеспечения справедливости в общественных отношениях и в правосудии. В этом механизме закон и законность должны выполнять весьма важную и действенную роль, но первостепенную и решающую - принцип справедливости. Именно он должен стать главным критерием эффективности закона и законности. Может возникнуть вопрос: а почему именно он, а не все нравственные нормы или какая-то совокупность их из наиболее важных? Дело в том, что принцип справедливости является кумулятивным, он в той или иной мере синтезирует и обобществляет другие нравственные положения и понятия: в частности, такие как истина (правда), честность, объективность, гуманность, принципиальность, порядочность. Неслучайно в Декларации ООН о правах человека, да и в других международных актах из многочисленных нравственных норм фигурирует преимущественно принцип справедливости.

Признание принципа справедливости главенствующим принципом права, правовых актов и правоприменительной практики не умаляет значение принципа законности, не компрометирует законодательство и режим законности как способы и условия обеспечения правопорядка в обществе. Наоборот, принцип справедливости, если он оптимально реализуется в законодательстве, увеличивает действенность и регулирующую силу законов, в значительной мере обеспечивает их понимание, полезность и необходимость исполнения. В свете этого уместно вспомнить расхожее мнение, что в России много плохих законов, но это компенсируется их неисполнением. Так или иначе надо признать, что чем справедливее законы, тем больше пользы от их исполнения, то есть режима законности. Здесь уместно также заметить, что одним из главных компонентов понятия «справедливость» является здравый

смысл, а вторым – совесть. Оптимальное проявление в законах того и другого делает их, а вместе с тем и режим законности, наиболее полезным для общества.

Теперь пора перейти ко второму вопросу рассматриваемой проблемы: как обеспечить реализацию принципа справедливости, во-первых, в законотворческом процессе, а во-вторых, в практической деятельности правоприменителей. На первый вопрос общий ответ очевиден: необходимо обеспечить качественный с профессиональной точки зрения состав нормотворцев – как в части законов, так и в части подзаконных актов. Это, как нами уже сказано, общий ответ, даже самый общий. На самом деле – это весьма важная и сложная задача. В современной российской действительности она решена далеко не лучшим образом, а потому требуются определенные усилия для ее решения – теоретические, политические и организационные. Способы решения данной проблемы – это тема для отдельного разговора и исследования, поэтому я ограничусь лишь обозначением этой задачи как актуальной.

Второй вопрос – о реализации принципа справедливости в правоприменительной практике и выработке для этого соответствующих правовых механизмов – тоже заслуживает специальной проработки.

В условиях бурного развития Интернета, электронных информационных технологий необходимо адекватно использовать их для широкого привлечения активных слоев населения к отправлению правосудия по сложным и резонансным уголовным, арбитражным и административным делам. Суды присяжных – это прошлый и даже позапрошлый век, к тому же они используются только по уголовным делам, тогда как в наше время весьма актуальными стали многие экономические и административные дела.

Правосудие зарождалось на народных сходах. В современной же действительности есть большие возможности использовать «голос народа» и общественное мнение для разрешения сложных и спорных юридических вопросов, особенно по уголовным, административным и арбитражным делам, причем использовать общественное мнение именно с позиции справедливости. В интернет-сети нередко стихийно возникает такое обсуждение острых и резонансных вопросов, в том числе связанных с признанием человека виновным в совершении преступления или административного правонарушения, а организации – в совершении административного правонарушения. Возникают обсуждения и по вопросу применения к обвиняемому или подозреваемому жесткой меры пресечения, причем на длительный срок до рассмотрения дела в суде и в ходе судебного разбирательства. В таких обсуждениях обычно преобладают возражения и протесты в связи с несправедливыми решениями органов предварительного расследования и судов. Такое мнение людей обычно игнорируется органами предварительного расследования и судами, хотя одно из положений конституционного принципа презумпции невиновности гласит, что неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Если же сомнения не опровергнуты, то выносить обвинительный приговор и несправедливо, и незаконно. А чтобы этого не было, необходимо выработать четкий

правовой и технологический механизм массового участия граждан в осуществлении правосудия.

И еще. Целесообразно силами общественности создать в интернет-сети мощные независимые региональные и федеральные этические центры с аналитической, экспертной и просветительской функцией. Человеческий потенциал для создания таких центров – добровольцы – энтузиасты: социологи, философы, юристы разных профилей от адвокатов до судей, журналисты, преподаватели средних и высших гуманитарных образовательных учреждений, представители правозащитных организаций и общественных палат, профессиональных союзов и саморегулируемых организаций. В финансировании создания и поддержки этических центров могут участвовать общественные палаты, физические и юридические лица, правозащитные организации и профессиональные союзы.

Общие радикальные меры по демократизации и либерализации законодательства и правоприменительной практики не снимают задачу совершенствования отраслевого законодательства и соответствующей практики. В настоящее время эта задача особенно актуальна для уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства (материального и процессуального). Пристальный взгляд на действующее законодательство указанных отраслей права с точки зрения принципа справедливости, целенаправленный анализ его важнейших положений и институтов показывает, что его по многим позициям целесообразно совершенствовать. Назовем лишь несколько таких позиций. УПК не содержит принципа справедливости, не декларирует идею объективной истины и объективности. И это не случайно. Главный акцент в Кодексе сделан на состязательность, которой, мягко говоря, не всегда обеспечивается справедливое разрешение дела. Идея состязательности выражена в УПК гипертрофированно: с распространением ее на предварительное расследование и даже на стадию возбуждения уголовного дела. Под идею состязательности жестко разграничены функции должностных лиц с преобладанием и расширенным обеспечением функции уголовного преследования. В результате обе стадии во многом сводятся именно к уголовному преследованию, а функция защиты оказалась в положении падчерицы – второстепенной и ущемленной в правовых средствах и гарантиях. Недостаточно справедливо выстроен институт возмещения вреда, причиненного незаконными действиями должностного лица, и институт реабилитации лиц, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. Перечень можно продолжить. Но мы хотим завершить эту часть рассуждений констатацией того, что в уголовном и уголовно-процессуальном профилях есть много частных проблем, на которые учёным уголовного и уголовно-процессуального права целесообразно посмотреть именно с точки зрения принципа справедливости и других нравственных принципов. То же самое можно сказать и о «родственной» отрасли права – административной, в той части, которая посвящена административной ответственности.

В заключение я хочу связать сегодняшнюю конференцию и моё выступление со знаменательным событием – 60-летним юбилеем нашего коллеги –

Заслуженного деятеля науки РФ доктора юридических наук, профессора генерала Николюка Вячеслава Владимировича. Немного у нас в среде современных ученых людей, столь продуктивно и полезно работающих в сфере уголовно-процессуального права, причем с акцентом на **справедливое** правовое регулирование столь важной и вечно актуальной отрасли правоохранительной деятельности. Я не буду говорить о его коренном научном увлечении – проблеме уголовно-процессуальной части исполнения приговора. Тут он корифей. И это признал даже Верховный Суд Российской Федерации, включив его в свой научно-консультативный совет. Но Вячеслав Владимирович не ограничивается узкой специализацией и имеет много научных разработок, которые акцентированы на справедливость. Одна из них оказалась совместной – статья в журнале «Государство и право» по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Он сделал статью достаточно актуальной и острой, но в какой-то мере оставался в сомнении по некоторым позициям и предложил мне включиться в эту проблему и стать соавтором. Эта проблема была мне близка, и я согласился на соавторство лишь при условии, если мне удастся внести в статью свою лепту, которая оправдывала бы мое соавторство. Вячеслав Владимирович признал мою лепту достаточной. Так мы с ним стали соавторами. Кстати сказать, статья была принята в журнал не только благосклонно, но и с хвалебным отзывом его редактора.

Но больше всего мне хочется сегодня сказать об юбиляре как о человеке. Он незаурядный, принципиальный, дружелюбный, внимательный к своим друзьям и близким, принимает участие в их жизни, добрый словом, и добрый делом.

Я был научным консультантом по докторской диссертации Вячеслава Владимировича, которую он защитил с блеском в 36 лет. Но наши краткосрочные отношения учителя и ученика быстро переросли в дружбу. И вот мы уже четверть века являемся друзьями, чему я несказанно рад.

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Давыдов Максим Вячеславович,

*преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орёл, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук;*

Харыбин Александр Юрьевич,

*заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-
издательского отдела – начальник отделения организации научно-
исследовательской работы,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орёл, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена вопросам производства проверки показаний на месте.

Анализ правоприменительной практики показывает, что, хотя проверка показаний на месте в системе следственных действий российского уголовного судопроизводства существует уже несколько десятилетий, ряд проблем в ее производстве до сих пор продолжают оставаться нерешенным. Так, в теории и практике особняком стоит вопрос относительно возможности одновременной проверки на месте по одному и тому же событию показаний нескольких лиц. Несмотря на то, что такое положение напрямую противоречит ч. 3 ст. 194 УПК РФ, все же дискуссионность в решении данного вопроса отчетливее приобретает очертания на современном этапе. Связано это с тем, что устоявшаяся практика проведения проверки показаний на месте, разрабатывая механизм его производства, одновременно способствовала и определению оптимальных путей повышения ее эффективности.

Исследуя особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества, О.Д. Жук пришел к выводу о возможности при производстве по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ, и связанных с ними преступлениях, использовать так называемую «очную ставку на месте» в случае, если устранение противоречий в ходе ранее проведенной очной ставки следователем будет признано менее целесообразным, нежели в ходе одновременной проверки показаний на месте [1]. Аналогичную точку зрения высказывает Е.И. Овчаренко, который считает, что при доказывании хулиганства наилучший результат может быть получен в тех случаях, когда будут проверяться показания нескольких лиц одновременно [2].

Тот факт, что противоречия в показаниях участников отдельной проверки показаний на месте возникают неизбежно по причине различной степени избирательности или субъективности каждого, успех совместного проведения анализируемого следственного действия с несколькими из них приобретает большее значение. Сказанное отнюдь не означает прямое указание на упразднение либо исключение ч. 3 ст. 194 УПК РФ, однако, учитывая приведенные соображения, в случае если ранее проведенные проверки показаний на месте нескольких лиц по одним и тем же обстоятельствам выявили противоречия, одновременное производство названного следственного действия в отношении них может устранить возникшие противоречия.

Не исключено, что одновременная проверка показаний на месте нескольких лиц может оказать в той или иной мере влияние друг на друга, поскольку в большинстве случаев возможно поступление информации либо оказание давления от одного участника следственного действия другому. Подобной точки зрения придерживаются многие представители отечественной криминалистики [3]. Справедливости ради стоит отметить, что подобная ситуация характерна и для очной ставки, однако в юридической литературе при исследовании вопросов о предотвращении неконтролируемого общения между допрашиваемыми, их сговора либо пресечении давления одного из участника на другого особое внимание обращается к лицу, производящему следственное действие, поскольку благодаря ему пресекаются все вышеперечисленные действия [4]. В свою очередь аналогичные функции могут быть успешно возложены и на лицо, производящее проверку показаний на месте. Исходя из этого, представляется спорным вопрос о недопустимости одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц. Полагаем, что одновременная проверка показаний на месте нескольких лиц возможна, но только в случае, если после производства названного следственного действия в показаниях нескольких лиц относительного одного и того же события имеются противоречия.

Принимая решение о проведении данного следственного действия в отношении нескольких лиц, важно заранее проработать план действий на месте преступления. Прежде всего, следует определить, кто из участвующих в проверке показаний на месте лиц будет первым воспроизводить на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, полностью или частично, где будет находиться второй участник следственного действия. Как правило, решение подобных вопросов позволит определить механизм предстоящего следственного действия.

В первую очередь проверяются показания лица, соответствующие обстановке преступления. За следователем сохраняется право, исходя из степени противоречий, самостоятельно решать, в каком объеме будет воспроизводиться проверяемое событие. Следовательно, лицо, в показаниях которого имеются противоречия относительно материальной обстановки преступления, участвует в одновременной проверке показаний на месте вторым. Целесообразным представляется его размещение позади лица, чьи показания уже проверяются, с тем, чтобы он имел возможность наблюдать за происходя-

щим. Аналогичные действия выполняет второй участник следственного действия. Далее участникам одновременной проверки показаний на месте задаются вопросы по тем обстоятельствам, относительно которых ранее ими давались противоречивые показания.

Преимущество одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц перед отдельной заключается в том, что устранение противоречий в показаниях одного из участников следственного действия достигается благодаря эффекту присутствия того участника, показания которого соответствуют обстановке совершенного преступления. Кроме того, спорность по тем или иным обстоятельствам проверяемого события устраняется за счет приводимых доводов относительно занимаемой позиции, подкрепленной соответствующими действиями.

Причем даже различный процессуальный статус лиц, одновременно участвующих в производстве данного следственного действия, не является препятствием на пути совместного проведения проверки показаний на месте (например, обвиняемый и потерпевший или обвиняемый и свидетель и т.д.), поскольку всевозможные угрозы в адрес одного из участников по аналогии с производством очной ставки своевременно должны пресекаться лицом, производящим следственное действие. Поэтому необходимой предпосылкой успешного проведения одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц является недопущение негативного воздействия одного участника следственного действия на другого. Между тем, в случае если у следователя имеются предположения, что позиция одного из участника следственного действия в ходе одновременной проверки показаний на месте изменится вопреки истине и в угоду лицу, показания которого противоречивы, целесообразнее такую проверку показаний на месте не проводить.

Одним из проблемных вопросов производства на практике рассматриваемого следственного действия является вопрос о правильности и объективности повторной проверки показаний на месте с одним и тем же лицом. Безусловно, вероятность того, что лицо после производства проверки показаний на месте вспомнит некоторые моменты преступления, не вошедшие первоначально в его показания, велика. И дело не только в том, что лицо могло волноваться при проверке своих показаний на месте, бывают ситуации, когда пребывание на месте, связанном с преступлением, не активизирует память, не вызывает ассоциативные связи, а наоборот, тормозит все психические и умственные процессы, связанные с пребыванием в психотравмирующей обстановке совершенного преступного деяния.

По логике вещей в таких случаях обязательным является назначение повторной проверки показаний на месте, однако при этом теряется смысл данного следственного действия, поскольку значение проводимого следственного действия помимо установления новых обстоятельств дела, проверке либо уточнения ранее данных показаний обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля, одновременно сводится и к возникновению убежденности в возможности исполнения конкретным лицом действий на месте

преступления, его умению быстро ориентироваться на месте проверяемого события.

Анализ норм уголовно-процессуального закона показывает, что каких-либо ограничений на производство повторной проверки показаний на месте с одним и тем же лицом в действующем УПК РФ не содержится, при этом нет в нем и указания на невозможность повторного производства анализируемого следственного действия. В связи с этим на страницах юридической литературы данный вопрос решается неоднозначно. По мнению В.Н. Жадан, любое следственное действие, предусмотренное УПК РФ, может проводиться повторно [5]. При этом автор считает, что повторная проверка показаний на месте возможна в случаях, если:

были допущены процессуальные и тактические нарушения (ошибки) при проведении первичной проверки показаний на месте;

когда (в ходе расследования) появились новые данные, относящиеся к предмету предыдущей проверки показаний на месте;

если в силу изменившейся обстановки или других причин, лицо, чьи показания проверялись, не смогло вспомнить и показать место соответствующего события [5].

Несомненно, указанные обстоятельства являются весьма весомыми аргументами при принятии решения о повторном производстве проверки показаний на месте. Однако подобного рода повторы могут изменить доказательственное значение данного следственного действия, поскольку результаты проверки показаний на месте могут быть объективны только тогда, когда отсутствует промежуточная осведомленность участвующих в следственном действии лиц об обстоятельствах произошедшего события. Полагаем, что повторная проверка показаний на месте в отношении одного и того же лица и по тем же обстоятельствам невозможна. В данном случае речь можно вести лишь о дополнительном проведении следственного действия, поскольку дополнительная проверка показаний на месте в отличие от повторной не дублирует весь механизм события, а лишь служит для отражения каких-либо действий проверяемого лица, не получивших должного внимания в ходе первой проверки показаний на месте.

Несколько сложнее решить вопрос о том, возможно ли повторное производство проверки показаний на месте с одним и тем же лицом и в отношении того же события. На наш взгляд, это недопустимо, так как, совершая повторно те же действия, что и при первой проверке показаний на месте, лицо может спланировать ход следственного действия так, как ему представляется целесообразным, например, в целях противодействия расследованию.

Помимо этого повторное проведение проверки показаний на месте может способствовать искажению проверяемой информации вследствие того, что повторное пребывание на месте проведения анализируемого следственного действия формирует у лица некое представление о проверяемом событии и тем самым позволяет лицу, чьи показания проверяются, сформировать определенную модель своего поведения. В результате возникает возможность за-

путать следствие либо закрепить ложность своих показаний в случаях самоговора или лжесвидетельствования.

Согласно ч. 1 ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте проводится в целях «установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Таким образом, повторное проведение указанного следственного действия в отношении того же лица и по обстоятельствам в той или иной мере исследовавшимся в ходе первой проверки показаний на месте не может быть рассмотрено как составная часть получения новых доказательств по делу.

1. Жук О.Д. Особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) // Законодательство и экономика. 2012. № 11. С. 33-35.
2. Овчаренко Е.И. Доказывание по делам о хулиганстве (досудебное производство): Научно-практическое пособие / Под ред. д-ра.юрид. наук, проф. А.В. Гриненко. М.: Юрлитинформ. 2013. С. 99.
3. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учебник / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТАКТ»: ИНФРА-М, 2015. С. 468; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: Учебное пособие: СПбГИЭУ, 2011. С. 46 и др.
4. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология: Учебное пособие. Издание 4-е, стереотипное / Под общей ред. А.Н. Ерыгина. М.: ЦОКР МВД России, 2015. С. 191; Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2015. С. 308 и др.
5. Жадан В.Н. Повторные следственные действия: процессуальная форма, организация и тактика их производства при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 14-15.

Ключевые слова: производство, проверка показаний на месте, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НОВЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ ЧЕРЕЗ ПОЧТОВЫЕ, ЛОГИСТИЧЕСКИЕ И ТРАНСПОРТНЫЕ КОМПАНИИ

Дикарев Вячеслав Геннадиевич,

*начальник кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков,
Международный межведомственный центр подготовки сотрудников
оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева,
142008, Московская область, г. Домодедово, мкр. Авиационный,
ул. Пихтовая, д. 3*

Рассматривается деятельность сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по пресечению распространения наркотических средств, психотропных и психоактивных веществ бесконтактным способом, а также представлены предложения по оптимизации этой деятельности.

Лидеры преступных группировок организуют контрабандные поставки синтетических каннабиноидов в Россию, затем осуществляется их дальнейшее распространение так называемым «сетевым менеджерам», сбывающим эти вещества оптовым покупателям через Интернет.

После этого наркотики доставляются заказчикам или посредникам с использованием возможностей фирм, специализирующихся на международной экспресс-доставке грузов (DHL, EMS, UPS, TNT), а также внутрироссийских компаний («Курьер экспресс сервис», «Экспресс.ги», «Пони-экспресс» и другие) или «Почтой России», что обусловлено отсутствием первичного контроля за вложениями в почтовые отправления и проверки документов отправителя. Как показывает практика, выявить наркотические средства в потоке экспресс-грузов возможно лишь при наличии оперативной информации о конкретной поставке.

Кроме того, наркотики передаются бесконтактным способом с использованием тайников и закладок (обезличенно), местонахождение которых сообщается после поступления денег на счета наркосбытчиков с помощью SMS и программных продуктов «ICQ» и «Skype». Условия и способ передачи наркотиков оговариваются в социальных сетях, на форумах развлекательных порталов, а также сайтах, специально созданных для рекламы и сбыта наркотических средств.

Организаторы поставок синтетических каннабиноидов в Россию, являющиеся гражданами России, зачастую проживают за пределами Российской Федерации, что крайне затрудняет проведение в отношении них мероприятий по документированию фактов их преступной деятельности.

Так, сотрудниками УУР ГУ МВД России по Новосибирской области с марта 2012 года проведен комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленный на документирование фактов преступной деятельности международного преступного сообщества, участники которого наладили устойчивый канал контрабанды синтетических каннабиноидов из Китая в Россию, а также

организовали межрегиональную (Смоленская, Псковская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Кемеровская области, Алтайский и Приморский край) оптовую и розничную (сетевую) сеть их сбыта тайниково-закладочным способом с использованием возможностей сети Интернет. Установлено, что руководители ПС, постоянно проживающие в Таиланде, используя коррумпированные связи среди сотрудников ФТС, организовали контрабандный ввоз на территорию Новосибирской области различных видов психоактивных веществ в особо крупном размере. В другие регионы России доставка наркотиков осуществляется курьерами с использованием автомобильного транспорта, денежные расчеты осуществляются безналичными переводами через электронные системы оплаты «Киви», «Кукуруза», «Яндекс-деньги». Всего по задокументированным фактам сбыта синтетических каннабиноидов (метилendioксипировалерон, производное N-метилэфедрона) возбуждено 48 уголовных дел, которые в феврале 2013 года ГСУ ГУ МВД России по Новосибирской области объединены в одно производство по признакам совершения преступлений, предусмотренных ч.1 и ч. 2 ст. 210 УК РФ. В ходе дальнейших мероприятий удалось перекрыть основной канал поступления наркотиков из Китая в Россию, изъято 2 партии по 105 и 130 кг наркотиков соответственно. Всего в результате проведенных мероприятий установлены 25 активных участников группировки, 20 из них задержаны и арестованы. Из незаконного оборота изъято свыше 300 кг синтетических наркотических средств на общую сумму более 50 млн рублей по ценам черного рынка [1].

В последнее время отмечается тенденция активного использования наркогруппировками каналов международной почтовой связи для организации контрабандных поставок наркотиков и новых психоактивных веществ. Анализ информации свидетельствует о том, что наркотики в международных почтовых отправлениях поступают из Нидерландов, Великобритании, Германии, Беларуси, Украины, Польши, Канады, Испании, Казахстана, США, Хорватии, Израиля, Вьетнама, Мексики, Венгрии, Чехии, Южной Африки, Швеции, Филиппин, Молдовы, Индии, Дании, Португалии, Латвии.

Синтетические каннабиноиды и производные N-метилэфедрона в основном поступают с территории Китайской Народной Республики. Так, 12.05.2014 г. сотрудниками ОБНОН УУР ГУ МВД России по Ростовской области при взаимодействии с Южным таможенным управлением пресечена контрабандная поставка 535 г синтетических каннабиноидов, поступившая посредством почтового отправления из КНР, задержано 2 лица.

30 июля 2014 г. в г. Сургуте задержан гр. Н, у которого изъята посылка с 989,6 г 1-фенил-2-(пирролидин-1-ил)гептан-1-она, полученная им в логистической компании ООО «Энергия».

По данным ФГУП «Почта России», на территории Российской Федерации расположено 506 операторов почтовой связи и 21 место международного почтового обмена (ММПО), осуществляющие таможенное оформление входящих международных почтовых отправлений в таких городах, как Благовещенск, Брянск, Владивосток, Владикавказ, Екатеринбург, Калининград, Москва, Новосибирск, Оренбург, Петрозаводск, Самара, Санкт-

Петербург, Сочи, в т. ч. 7 магистральных сортировочных центров, 7 отделений почты при аэропортах, почтамт Владикавказа и почтамт при Казанском вокзале. Почта в основном поступает из-за границы авиационным транспортом (16 мест ММПО).

Деятельность по доставке грузов в Россию (аналогично почтовой связи) осуществляют 40 различных компаний, как российских, так и зарубежных. Наиболее крупными из них являются: иностранные – DHL, UPS, FedEX, TNT; российские – «Гарантпост», «СПСР-Экспресс», ЕМEX, «PonyExpress», «City-Express», «Курьер сервис экспресс», «ЖелДорЭкспедиция», «Первая экспедиционная компания», «ICDcargo», «Деловые линии», «Freelines», «EMS», «Энергия».

Так, 19 марта 2015 г. в г. Озерске Челябинской области задержан получатель посылки с 184 г марихуаны, отправленной EMS «Почта России» из Чешской Республики.

21 января 2016 г. сотрудниками ОУР УТ МВД России по УРФО на платформе железнодорожного вокзала станции Екатеринбург-пассажирский задержан наркокурьер, у которого изъято 5 пакетов с производным N-метилэфедрона массой 8,1 кг. В ходе обыска в арендуемом гараже изъято более 70 кг синтетических наркотиков, которые наркокурьер получил из города Москвы через компанию «Деловые линии».

Практика показывает, что на этом направлении имеется ряд недостатков организационного, технического и правового характера, не препятствующих контрабанде наркотиков в Российскую Федерацию данным способом, например, отсутствие практики досмотра грузов во многих транспортных и логистических компаниях, не являющихся операторами почтовой связи, необязательность регистрации полных паспортных данных физических лиц, отправляющих и получающих грузы в логистических компаниях, недостаточная техническая оснащенность мест международного почтового обмена.

С учетом изложенного решение может быть принято законодательным путем, например:

- законодательно обязать транспортные и логистические компании проводить предварительный предтаможенный досмотр отправляемых ими грузов через границу;
- лицензировать коммерческую деятельность, связанную с транспортной логистикой, на основе требований Всемирной почтовой конвенции 1994 г.;
- ввести обязательность регистрации полных персональных данных физических лиц, являющихся отправителями и получателями грузов, а также длительного срока хранения данной информации, порядка ее оперативного предоставления правоохранительным органам;
- предусмотреть меры административной ответственности и возможность отзыва лицензии у компании, осуществляющей международную транспортную логистику и почтовые услуги, в случаях выявления фактов отсутствия регистрации персональных данных отправителей и получателей

грузов или других нарушений правил, связанных с выявленными фактами контрабанды наркотиков.

Руководителям УР ТО МВД России провести мониторинг транспортно-логистических компаний, осуществляющих доставку грузовых и экспресс-курьерских отправок в регион. Организовать взаимодействие с сотрудниками данных организаций, а также ФГУП «Почта России» по выявлению наркотических средств, сокрытых в грузовых отправлениях, изобличению их получателей и отправителей. В местах международного почтового обмена проводить досмотровые мероприятия с привлечением кинологов. В случаях получения информации о предполагаемой отправке и получении наркотиков осуществлять оперативно-розыскное мероприятие «контролируемая поставка», практическую помощь в организации и проведении которого может оказать ГУУР МВД России.

Так, в ходе разработки ГУУР МВД России и УУР ГУ МВД России по Свердловской области участников межрегиональной преступной группы, занимающихся поставкой синтетических наркотических средств, в том числе новых видов психоактивных веществ китайского производства, в различные регионы РФ с использованием сети Интернет, поступили сведения, что в июле – августе 2015 года фигуранты намереваются осуществить поставку из Приморского края очередной партии синтетических наркотиков для последующей реализации на территории Свердловской области и других субъектов РФ. В ходе дальнейших мероприятий проведена «контролируемая поставка» наркотического средства (20 фольгированных полимерных пакетов с концентрированным производным N-метилэфедрона (PVP) общим весом 19,3 кг) из г. Уссурийска Приморского края в Екатеринбург Свердловской области через территорию 16 субъектов Российской Федерации с полной заменой изъятого наркотика на муляж. В г. Екатеринбурге с целью задержания получателей наркотиков с поличным проведено ОРМ «оперативный эксперимент», в ходе которого 12.08.2015 г. при получении муляжа наркотического средства задержаны организатор и активный участник преступной группы [2].

1. По материалам уголовного дела № 38014, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 210 и ст. 228.1 УК РФ, находящегося в производстве ГСУ ГУ МВД России по Новосибирской области.

2. Выявление и пресечение наркопреступлений, совершаемых с использованием каналов почтовой связи: методические рекомендации. – М.: ГУУР МВД России, 2014.

Ключевые слова: преступные группировки, преступления, оперативно-розыскная деятельность, бесконтактный способ, наркотики, оптовые покупатели, распространение.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Дмитриева Анна Александровна,
*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
454080 Челябинск, проспект Ленина, 76,
кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена отдельным проблемам оглашения показаний субъектов уголовно-процессуальных отношений в ходе производства судебного разбирательства по уголовному делу. Автор анализирует нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, а также решения Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

По общему правилу, как потерпевший, так и свидетель должны явиться в судебное заседание и дать показания по рассматриваемому судом уголовному делу на основании такого общего условия как непосредственность и устность (ст. 240 УПК РФ). В случае их неявки нормы УПК устанавливают условие возможности оглашения данных на предварительном расследовании или в судебном заседании показаний (ст. 281 УПК РФ). В таком случае они могут быть использованы в дальнейшем процессе, как сторонами при ссылках на них в прениях, так и самим судом при постановлении приговора в совещательной комнате.

В этой связи, Пленум Верховного Суда РФ рекомендует судам ссылаться в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные при производстве предварительного расследования или в ином судебном заседании, признавать допустимой только при оглашении судом этих показаний в порядке, предусмотренном ст.ст. 276, 281 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что фактические данные, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным ст.ст. 87, 88 УПК РФ.

Федеральный закон от 02.03.2016 № 40-ФЗ внес изменения в перечень оснований такого оглашения показаний свидетеля в судебном заседании. В частности, ч. 2 ст. 281 УПК РФ дополнена новым пунктом 5 следующего содержания: «5) если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным».

Кроме того, содержание ст. 281 УПК РФ дополнено новой частью 2.1: «В случаях, предусмотренных пунктами 2 - 5 части второй настоящей статьи, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых

с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами».

Актуальность внесенных в ст. 281 УПК РФ новелл обусловлена еще и тем, что неявка свидетелей в суд может нередко служить основанием для отложения судебного разбирательства в виду невозможности рассмотрения дела по существу [1]. Кроме того, изменения и дополнения содержания ст. 281 УПК РФ предоставляют суду дополнительные возможности реализации принципа разумности рассмотрения дела (ст. 6.1 УПК РФ).

Данная новелла представляет интерес в связи с возможностью ее использования судом для необходимости обеспечения безопасности защищаемого потерпевшего или свидетеля. С позиций государственной защиты и безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству участников процесса, такие правила оглашения показаний следует расценивать как процессуальную гарантию защиты его прав и законных интересов.

В литературе в достаточной степени изучены проблемы правового регулирования допроса свидетеля [2], обеспечение его и иных лиц [3], в том числе безопасности потерпевшего [4].

Обратим внимание на то, что оглашение относится к двум видам показаний: 1) данным в ходе проведения предварительного расследования и 2) в судебном заседании. Вместе с тем, в судебном заседании могут быть оглашены показания, ранее данные, уже в ходе судебного разбирательства, лицом, ранее не допрошенным в досудебном производстве и впервые дающим показания суду.

Соответствие конституционным положениям содержания ст.ст. 281 и 285 УПК РФ проверялось Конституционным Судом Российской Федерации, который в п. 2.1 своего Определения от 23.12.2014 № 2978-О отметил, что «в случае принятия судом решения об оглашении показаний свидетеля обвиняемому в соответствии с принципами состязательности и равноправия сторон судопроизводства должна предоставляться возможность защиты своих интересов в суде всеми предусмотренными законом способами, включая оспаривание оглашенных показаний путем заявления ходатайств об исключении недопустимых доказательств или об истребовании дополнительных доказательств в целях проверки допустимости и достоверности оглашенных показаний, а также с помощью иных средств, способствующих предупреждению, выявлению и устранению ошибок при принятии судебных решений». В данном разъяснении указывается на обязательность реализации судом принципа состязательности, который в судебном заседании находит свое наиболее яркое выражение. Оглашение показаний участников процесса, в случае их отсутствия, ограничивает сторону защиту возможности задавать вопросы, однако, не запрещает ей использовать иные способы доказывания по уголовному делу. Следовательно, подобное оглашение ранее данных показаний не может ограничивать принцип права обвиняемого на защиту.

По мнению Т.Г.Кудрявцевой и Д.Н.Кожухарика, которые, ссылаясь на ч. 1 ст. 281 УПК РФ, отмечают, что оглашение показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля возможно по ходатайству гособвинителя, если подсудимый и защитник не возражают. На практике согласия подсудимого и защитника для оглашения показаний свидетельствующего лица суд никогда не получает, поэтому возможность оглашения показаний отпадает [5]. Обратим внимание, на точность употребления уголовно-процессуальных формулировок: содержание ч. 1 ст. 281 УПК РФ не указывает обязательность заявления ходатайства со стороны государственного обвинителя об оглашении показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля, она отмечает, что такое оглашение «допускается с согласия сторон».

На наш взгляд, следует определить следующие критерии, при которых возможно оглашение показаний и последующее признание их допустимости доказательства по уголовному делу:

- невозможность обеспечить безопасность;
- предварительный допрос в досудебном производстве;
- проведение очной ставки в досудебном производстве по делу;
- видеозапись допроса;
- возможность применения видеоконференц-связи;
- подтверждение оглашенных показаний иными доказательствами по делу, то есть, чтобы оглашенные показания не были в единственном числе объема, сформулированного органами уголовного преследования обвинения.

Новые основания оглашения показаний в судебном заседании являются дополнительной гарантией безопасности свидетеля или потерпевшего со следующих позиций. В случае противоправного воздействия на свидетеля или потерпевшего с целью воспрепятствования его явке в суд для дачи показаний, его показанию могут быть оглашены. Отсутствие препятствий к оглашению показаний судом будет однозначным и в случае смерти потерпевшего, свидетеля. Следовательно, становится бессмысленным физическое устранение защищаемых лиц в целях противодействия расследованию уголовного дела и его последующего рассмотрения в судебном заседании.

Таким образом, расширение оснований оглашения показаний участников процесса в судебном заседании направлено, не только на повышение эффективности уголовного судопроизводства, но и, в том числе, – усиление состояния защищенности лиц, содействующих уголовному правосудию.

-
1. Быков В.М., Епихин А.Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 46 – 50.
 2. Зайцев О.А., Джагаев У.Ф. К вопросу о свидетельствовании в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 133 – 136; Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: дисс...канд.юрид.наук. Москва, 1995 и др.
 3. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар: Сыктывк.гос.ун-т, 2004
 4. Епихин А.Ю., Тетерина Т.В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. Сыктывкар: Сыктывкар.гос.ун-т, 2004

5. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. Очная ставка и вопросы ее процессуального проведения // Российский следователь. 2015. № 20. С. 46 - 48.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, судебное разбирательство, оглашение показаний, безопасность участников уголовного процесса.

УДК 343.139

МЕТОДЫ ЗАПЕЧАТЛЕВАЮЩЕЙ ФОТОГРАФИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Егоров Николай Николаевич,
*профессор кафедры криминалистики,
юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова,
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13,
доктор юридических наук, профессор*

В статье рассматривается перечень методов запечатлевающей фотографии, их содержание и значение для решения задач уголовного судопроизводства.

Фотография, бесспорно, является одним из величайших изобретений человечества, оказавшим существенное влияние на развитие науки, техники и искусства. Особенно значительное влияние фотография оказала на становление и развитие криминалистики, поскольку принципиально изменила деятельность правоохранительных органов. Она позволила не только объективно фиксировать доказательственную информацию, но и накапливать ее, исследовать и использовать в доказывании.

Деление системы криминалистической фотографии на два раздела, судебно-следственную и исследовательскую фотографии, уже достаточно устоялось в криминалистике и споров среди криминалистов не вызывает. Но среди криминалистов имеются расхождения при отнесении отдельных методов к группе запечатлевающих или исследовательских, а также вообще на включение отдельных методов в криминалистическую фотографию. И хотя криминалистическая фотография является одной из старейших отраслей криминалистической техники, но, как это ни парадоксально, в последнее время в открытой печати нет ни одной монографической работы научно-исследовательского плана, специально ей посвященной. Положения криминалистической фотографии рассматриваются в учебной, учебно-практической и методической литературе.

Бесспорно, к методам запечатлевающей фотографии относят панорамирование, измерительную и опознавательную фотосъемки.

Спор вызывают макросъемка, репродукционная съемка, стереофото-съемка, телесъемка и съемка со сменными объективами.

Одни относят макросъемку и репродукционную съемку к запечатлевающим методам [1], другие – к исследовательским [2].

Ряд криминалистов включают стереофотосъемку [3], телесъемку [4] и съемку со сменными объективами [5] в методы запечатлевающей фотографии, другие про них вообще не упоминают [6].

Поэтому, чтобы разобраться с содержанием методов криминалистической фотографии, мы будем исходить из того, что под фотографическими методами понимают систему правил и рекомендации по использованию фотографических средств для получения видимого изображения с заданными характеристиками и параметрами [7].

Макрофотосъемку определяют как фотосъемку небольших предметов и следов в увеличенном масштабе без использования микроскопа с целью получения снимков, позволяющих выявить их рельеф и детали [8].

Макросъёмка фотоаппаратом с несменяемым объективом возможна только с применением насадочных линз. Многие цифровые фотоаппараты с несъёмным объективом имеют режим «макросъёмка», применение насадочных линз в этом случае становится необязательным. При фотосъемке фотоаппаратом со съёмным объективом макросъёмку можно произвести с использованием насадочных линз, удлинительных колец, фотографических мехов и специализированных макрообъективов. Возможно и совместное использование нескольких аксессуаров для макросъёмки [9].

Репродукционная съемка служит для воспроизведения фотографическим способом плоских оригиналов: чертежей, тестов, схем, рисунков, фотоснимков и т.д. В следственной практике она, в основном, применялась для получения копий различного рода документов, имеющих доказательственное значение. В настоящее время она заменена более простыми способами скоростного копирования с помощью множительных аппаратов различной конструкции. Но она остается незаменимой при запечатлении внешнего вида вышеуказанных объектов в ходе следственных действий [10]. Репродукция может осуществляться обычными аналоговыми и цифровыми фотоаппаратами, специальными репродукционными установками, а также рефлексным способом без применения фотоаппарата.

Поэтому, с нашей точки зрения, макросъемка и репродукционная съемка могут быть отнесены к методам запечатлевающей фотографии, т.к. не требуют сложного оборудования и могут быть проведены на месте любого следственного действия обычными фотоаппаратами.

Стереоскопическая фотосъемка позволяет получить объемные изображения объектов. Она производится как специальными, так и обычными аналоговыми фотоаппаратами, снабженными стереонасадкой или стереопленкой. Для воспроизведения объема требуется получить два снимка одного и того же объекта, сделанных с двух точек, расстояние между которыми, как правило, равно 65 мм, т.е. среднему расстоянию между центрами глаз человека. Эти два снимка, сделанные в одном масштабе, называются стереопарой и при одновременном рассматривании их в стереоскопе дают объемное изображение. Проведенное нами обобщение специальной литературы, опрос следователей

и экспертов не выявили ни одного случая применения стереофотосъемки на практике. Да и сейчас она уже является историей, поскольку в цифровой фотографии это уже другие технологии.

Что касается фотосъемки со сменными объективами, то могут использоваться обычные (среднефокусные), длиннофокусные (телеобъективы) и короткофокусные (широкоугольные) объективы.

Телеобъективы (длиннофокусные) используются тогда, когда нет возможности приблизиться к объекту съемки. При съемке так называемой «скрытой камерой» в оперативно-розыскной деятельности телеобъективы просто незаменимы, но в следственной практике они не применяются.

Широкоугольные объективы используют при съемке в небольших помещениях, когда обычный объектив не позволяет охватить относительно значительные по протяженности детали обстановки. При этом изображение получается с существенными перспективными искажениями, что противоречит принципам криминалистической фотографии.

Поэтому смена объектива, с нашей точки зрения, является чисто технической операцией, с помощью которой достигается переход от одного метода к другому [11].

Таким образом, к методам запечатлевающей фотографии следует отнести панорамирование, измерительную, репродукционную, опознавательную фотосъемку и макрофотосъемку.

В настоящее время значение методов запечатлевающей фотографии при расследовании преступлений состоит в том, что они:

- в некоторых случаях являются обязательными способами фиксации (например, ч. 2 ст. 178 УПК РФ);
- позволяют объективно, полно и наглядно, отображать объекты и обстановку события преступления, в отличие от других способов фиксации (протоколы, схемы и пр.);
- дополняют не зафиксированные описательным или иным способом признаки объектов и следов и др.

Появление цифровой фотографии, развитие программ для редактирования фотоизображений чрезвычайно усложнили определение подлинности фотографий. Поэтому, по умалчиванию, компромиссным, на сегодняшний день, является признание подлинности аналогового или цифрового фотоснимков, выполненных в контролируемых условиях, т.е. при производстве следственных действий, что находит отражение в их протоколах.

-
1. Криминалистика. Учебное пособие в схемах / Под ред. проф. А.Г. Филиппова. М.: Новый Юрист, 1998. С. 25.
 2. Силкин П.Ф. Судебно-исследовательская фотография. Учебник. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. С. 9-82.
 3. Криминалистика. Учебник / Под ред. Р.С.Белкина. М.: Юрид.лит., 1986. С. 61.
 4. Криминалистика. Учебное пособие в схемах / Под ред. проф. А.Г. Филиппова. – М.: Новый Юрист, 1998. С. 25.

5. Криминалистика. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп./ Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 1999. С. 369.
6. Криминалистика. Учебник/ Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М.: Юрид.лит., 1984. С. 100-117.
7. Вагурина М. В., Волобуев Е. А., Н.Н Егоров. Криминалистическая фотография, кино съемка и видеозапись: Учебное пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С.5.
8. Криминалистическая экспертиза. Выпуск VIII. Раздел 10. Методика проведения отдельных видов криминалистических исследований М.: ВШ МВД СССР, 1973. С. 10-12.
9. Макросъемка. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // <https://ru.wikipedia.org/wiki/макросъемка>.
10. Колмаков В.П. Следственный осмотр. – М.: Юрид.лит., 1969. С. 116-117.
11. Фотографические и графические методы фиксации следственных действий. Выпуск 2, 3. Ленинград: Инст усов. следст. раб., 1973. С. 42-45.

Ключевые слова: методы запечатлевающей фотографии, панорамирование, измерительная фотосъемка, репродукционная фотосъемка, опознавательная фотосъемка, макrofотосъемка.

УДК 343.1

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАСТИКОВЫХ КАРТ

Екимцев Сергей Валерьевич,
преподаватель кафедры ОРД ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются современные способы хищений с использованием банковских карт.

В настоящее время рынок платежных карт в Российской Федерации активно развивается и широкое распространение среди населения получили безналичные способы платежей, особое место среди которых занимают операции, осуществляемые с помощью банковских карт [1].

В настоящее время в мире насчитывается около миллиарда банковских пластиковых карточек. Внедрение банковских карточек является важнейшей тенденцией развития технологии безналичных расчетов в банковской деятельности. Это средство расчетов предоставляет всем использующим ее лицам и организациям множество преимуществ. Для клиентов - удобство, надежность, практичность, экономия времени, отсутствие необходимости иметь при себе крупные суммы наличных денег. Для кредитных организаций - повышение конкурентоспособности и престижа, наличие гарантий платежа, снижение издержек на изготовление, учет и обработку бумажно-денежной

массы, минимальные временные затраты и экономия живого труда. Карточки как финансовый инструмент постоянно совершенствуются, растет сфера их применения, расширяется комплекс оказываемых услуг с их использованием. Это лишь неполный перечень качеств пластиковых денег, обусловивших их признание на мировом рынке [2].

Как и всякий высокодоходный бизнес, а в особенности в сфере денежного оборота, банковские пластиковые карточки давно стали мишенью для преступных посягательств.

Существуют различные способы хищения с использованием банковских карт. Рассмотрим некоторые из них [3].

1. Хищение денежных средств из банкоматов с использованием скиммингового оборудования. Преступники устанавливают на банкоматы считывающие устройства - скиммеры. На картридер устанавливают рамки с магнитной головкой, считывающей информацию с магнитной полосы и записывающую дампы карт на встроенную микросхему памяти и / или на клавиатуру приклеивают накладку, очень похожую на настоящую клавиатуру, которая запоминает нажатия клавиш и также записывает их на встроенную микросхему.

2. На сегодняшний день «лидирует» подделка карточек. Как правило, на их заготовки наносится логотип эмитента, поле для проставления подписи и в точности воспроизводятся все признаки защиты (используются подлинные реквизиты реально существующих карточек). На международном рынке в изготовлении поддельных карточек первенство держат представители Юго-Восточной Азии, откуда осуществляется большинство «пластиковых» афер. Выявлены и филиалы преступных сообществ в Испании, Италии и Великобритании.

3. Другой распространенный вид преступлений - незаконное использование подлинных карточек. Сюда относятся операции с украденной или утерянной карточкой, изготовление продавцом дополнительных копий платежных квитанций, которые в дальнейшем используются для снятия денег со счетов.

4. Распространена схема преступлений, получившая название «белого пластика». Такие карточки не имеют опознавательных знаков банка эмитента, платежной системы и голограммы. На совершенно чистый пластиковый бланк наносятся данные уже существующих карточек и предъявляются для оплаты. Правда, такими карточками могут в сговоре воспользоваться только их владельцы и служащие предприятий торговли или сервиса, поскольку фальшивку можно определить на глаз. Далее производится «замывание» ложных квитанций среди подлинных. В результате невозможно установить, какая карточка была предъявлена настоящая или поддельная. Для совершения преступных действий с «белым пластиком» нередко создаются целые фирмы.

5. Превышение счета. Данное злоупотребление состоит в получении законным владельцем карты денежных сумм или ценностей, по стоимости значительно превышающих размеры предусмотренного договором лимита.

6. Ложное заявление о краже или потере банковской карты. Преступление совершает, как правило, законным владельцем карты. Последний подает в банк соответствующее заявление. Как правило, пока процессинговый центр включит номер соответствующей карточки в стоп-лист и известит торговые точки, проходит несколько дней. За это время ее владелец старается провести максимально возможное число операций, а затем выставляет претензии банку.

7. Временное изъятие карточки у законного владельца для оплаты с ее помощью и присвоения товаров, либо для завышения стоимости фактически оказанных услуг.

8. Фишинг. В переводе «закидывание удочки». Термин появился для обозначения новых схем, в результате которых путем обмана становятся доступны реквизиты банковской карты и ПИН-код. Чаще всего используется в виде рассылки через Интернет писем от имени банка или платежной системы с просьбой подтвердить указанную конфиденциальную информацию на сайте организации.

9. Вишинг - голосовой фишинг, использующий технологию, позволяющую автоматически собирать информацию, такую как номера карт и счетов. Преступники моделируют звонок автоинформатора, получив который держатель получает следующую информацию: автоответчик предупреждает потребителя, что с его картой производятся мошеннические действия, и дает инструкции - перезвонить по определенному номеру немедленно.

10. Вирус, поражающий банкоматы. Новейшим изысканием преступников стал вирус, который отслеживает, производимые операции и копирует информацию с пластиковых карт, передавая ее преступникам.

Характеристика хищений чужого имущества и способов их совершения подчеркивает необходимость и целесообразность активного взаимодействия всех участников раскрытия хищений с использованием банковских карт, эффективного сочетания оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных не только на раскрытие данного вида преступления, но и на работу по устранению причин и условий, способствующих их совершению.

1. Иконников Д. Н. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием банковских карт // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. - 2011. - № 3.

2. Анчабадзе Н. А., Попов Е. С. Отдельные вопросы предупреждения мошенничеств с использованием пластиковых карт на ранней стадии их совершения // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2012. - № 3. - С. 68-71.

3. Гусенко Д. П. Предупреждение преступлений, совершенных с применением технических средств и компьютерных технологий // Вестник Московского университета МВД России. - 2007. - № 2. - С. 81-83).

Ключевые слова: хищение, банковская карта, безналичный расчет, скиммер, банкомат.

УДК 351.745.1

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Журавлева Наталья Михайловна,
*преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66*

Статья посвящена некоторым актуальным проблемам правового регулирования института дознания в сокращенной форме, выявленным в ходе производства предварительного расследования по уголовным делам в указанной форме на практике и возможным перспективам совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства.

Актуальность выбранной темы вызвана малочисленным объемом практики по уголовным делам, расследованным при производстве дознания в сокращенной форме, а также возникновением спорных вопросов и различного понимания исследователей и правоприменителей ряда существующих статей УПК РФ, регламентирующих данную форму предварительного расследования.

Законодатель определил основные задачи указанной формы предварительного расследования, рациональное использование сил и средств, исключение искусственного или необоснованного затягивания сроков, «когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения» [1].

Анализ практического применения дознания в сокращенной форме за непродолжительный период времени с момента возникновения указанного института позволяет выделить ряд спорных вопросов, при этом решение проблем правоприменения возможно посредством внесения поправок и предложений в соответствующие статьи УПК РФ в целях совершенствования правового регулирования указанной формы предварительного расследования.

Так, нередко на практике возникают ситуации при производстве дознания в сокращенной форме, противоречащие смыслу и целям законодателя относительно сокращения сроков производства по делу, так называемые ситуации искусственного продления сроков производства дознания. Речь идет о делах, в которых с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела до принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме истекло почти десять суток. Далее, осознавая невозможность уложиться в отведенное законом время, дознаватель выносит соответствующее постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства, дополнительно просив пять суток (всего до двадцати суток). Таким образом, срок расследования составит тридцать суток, как при производстве дознания по уголовным делам в общем порядке. Следовательно, цель о сокращении сроков предварительного расследования, преследуемая законодателем, лишается смысла.

Решение данного проблемного вопроса возможно посредством внесения соответствующих ограничительных изменений в главу 32.1 УПК РФ, регламентирующих срок принятия решения по уголовному делу при производстве дознания в сокращенной форме, в пределах одних суток с момента возбуждения уголовного дела.

Согласно п. 2 части второй ст. 226.1 УПК РФ одним из обязательных условий производства дознания по уголовному делу в сокращенной форме является признание подозреваемым вины, характера и размера причиненного преступлением вреда. В свою очередь, наличие данного условия не гарантирует фактического возмещения вреда, причиненного преступным деянием, и последующего примирения подозреваемого с потерпевшим [2]. В целях достижения целей уголовного судопроизводства предлагается внести в действующий УПК РФ в качестве обязательного условия при производстве дознания в указанной форме возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

Согласно требованиям ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ дознаватель с момента поступления соответствующего ходатайства от подозреваемого в течение 24 часов должен принять решение об удовлетворении либо отказе в удовлетворении данного ходатайства. При этом принятие последнего решения обязательно в случаях установления обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

В свою очередь, при заявлении хотя бы одним из участников уголовного дела, заинтересованных в его исходе, соответствующего ходатайства о прекращении производства дознания в сокращенной форме, оно должно быть удовлетворено лицом, в чьем производстве находится данное дело. Принятие указанного решения регламентировано УПК РФ следующим образом: в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, после чего предварительное расследование по уголовному делу продолжается в форме дознания в общем порядке. В целях предупреждения возникновения случаев преднамеренного затягивания сроков путем злоупотребления имеющимся и регламентированным УПК РФ правом предлагается на законодательном уровне закрепить условия возможного заявления ходатайства о прекращении дознания в сокращенной форме [3].

При производстве предварительного расследования в указанной форме помимо согласия подозреваемого согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству предусмотрена необходимость наличия «условного согласия» потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме, заключающегося в отсутствии соответствующих возражений относительно его производства. Нельзя не заметить, что роль потерпевшего в принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме чрезмерно преувеличена, как считают некоторые юристы, называя необходимость получения согласия потерпевшего на проведение дознания в сокращенной форме как «изъятие из принципа публичности уголовного процесса. При этом у потерпевшего будет право отлагательного вето на ведение уголовного процесса

по делу публичного обвинения и, при желании, он «ломает» процедуру на любом этапе производства по делу. А это негосударственный подход» [4].

В связи с изложенным следует согласиться с мнением ряда правоведов о внесении в главу 32.1 УПК РФ положения, касающегося получения согласия потерпевшего на стадии предварительного расследования в письменной форме и только один раз. При этом следует отразить в полученном согласии последствия принятия такого решения и невозможность отказаться в будущем - на стадии удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме [5].

Таким образом, предлагаем в статье 226.3 УПК РФ регламентировать процессуальный порядок разъяснения потерпевшему последствий принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме и предупреждения о невозможности его изменения в дальнейшем.

Итак, за сравнительно непродолжительный срок существования в России института дознания в сокращенной форме и немногочисленное применение указанной формы при расследовании уголовных дел небольшой и средней тяжести, производство предварительного следствия по которым необязательно, нельзя прийти к однозначному мнению о его несостоятельности, потому как практика применения указанной формы предварительного расследования продолжает постепенно нарабатываться. Следовательно, требуется некоторое время для получения возможности объективно оценить результаты введения указанного института. В целях совершенствования правового регулирования дознания в сокращенной форме необходимо выявить реальные и возможные проблемы правоприменения дознания в сокращенной форме, влекущие необходимость внесения соответствующих поправок и предложений о корректировке отдельных правовых норм главы 32.1 УПК РФ.

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона Российской Федерации № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»// Российская Газета, 2013, 11 марта.

2. Варпаховская Е. М. Обеспечение прав потерпевшего в сокращенной форме дознания - позитивная тенденция развития современного российского уголовно-процессуального законодательства / Е.М. Варпаховская // Сибирский юридический вестник. - 2014. - № 1. - С. 73-79.

3. Ковтун, Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования / Н.Н. Ковтун. **URL:** <http://of-law.ru/stati/doznanie-v-sokrashchennoj-forme-kollizii-i-lakuny-normativnogo-regulirovaniya.html>

4. Александров А.С. К вопросу о создании сокращенной формы досудебного производства по уголовному делу / А.С. Александров, Р.Р. Сафин, Р.Р. Юнусов // Актуальные проблемы экономики и права. — М., 2012. — № 4. - С. 264-265.

5. Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения / С. И. Гирько // Российский следователь. - 2013. - № 21. - С. 2-5.

Ключевые слова: предварительное расследование, дознание в сокращенной форме, потерпевший, подозреваемый, ходатайство.

УДК 343,13

**РОЛЬ ПРОФЕССОРА В.В. НИКОЛЮКА В РАЗВИТИИ
СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Зайцев Олег Александрович,
*проректор по научной работе,
Московская академия экономики и права,
117105, г. Москва, Варшавское шоссе, 23
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации*

В статье рассматриваются теоретические взгляды Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Вячеслава Владимировича Николюка на концептуальные проблемы уголовно-исполнительного судопроизводства, изложенные в монографиях «Уголовно-исполнительное производство в СССР» (Иркутск, 1989) и «Заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения» (Орел, 2015).

Имя Вячеслава Владимировича Николюка широко известно не только в юридических кругах Российской Федерации, но и далеко за пределами нашей страны. 14 сентября 2016 года ему исполнилось 60 лет – возраст достижения фундаментальности в научных исследованиях. Не стану перечислять всех его заслуженных регалий и наград – это займет много времени у читателя, да и они всем известны, кто интересуется творческими «подвигами» уважаемого профессора.

Сфера научных интересов В.В. Николюка многогранна: от проблем уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности до вопросов уголовно-исполнительного права. Одна из них – «Уголовно-исполнительное производство в СССР» - вышла в свет в далеком 1989 г. в не менее далеком Иркутском университете по представлению Омской высшей школы милиции тиражом 1200 экз. и получила широкий научный резонанс. Я в то время работал преподавателем кафедры уголовного процесса Карагандинской высшей школы МВД СССР и лично не знал Вячеслава Владимировича. Да и проблемы деятельности суда по исполнению уголовных наказаний и других уголовно-правовых мер воздействия на лиц, совершивших преступления, меня тогда мало волновали. Но прочтение сего произведения позволило мне по-иному взглянуть на уголовно-исполнительное судопроизводство, в частности, и на подход к проведению фундаментального научного исследования и опубликования его результатов в целом.

В данной монографии автор впервые в юридической науке подверг глубокой теоретической разработке наиболее важные, сложные в силу своей

специфики проблемы правового регулирования судопроизводства, связанного с решением вопросов исполнения уголовно-правовых мер воздействия на осужденных, перспективных направлений совершенствования этого регулирования. Повышенное внимание было уделено определению места указанного вида судопроизводства в системе уголовного процесса, предмета и этапов уголовно-исполнительного производства, его соотношению с деятельностью суда по осуществлению правосудия. В результате проведенного исследования автор разработал комплекс принципиальных предложений по совершенствованию действующего в то время законодательства, а также предложил возможные варианты объединения в одном законодательном акте правовых норм, регулирующих уголовно-исполнительную судебную деятельность и находящихся в различных отраслях законодательства о борьбе с преступностью.

Важнейшим показателем для ученого при проведении обстоятельного теоретического исследования является опора на правоприменительную практику, собранный эмпирический материал. Впечатлило то, что Вячеслав Владимирович, кроме опубликованной судебной практики по соответствующим вопросам, в период с 1982 по 1998 гг. лично изучил 1050 конкретных дел и опросил 591 практического работника в различных регионах Советского Союза. Безусловный интерес вызвало и обращение к трудам дореволюционных русских процессуалистов, отечественных и зарубежных ученых, национальному опыту других стран. В этой связи я бы особо выделил слова В.В. Николюка, сказанные им во введении к данному изданию и которые являются ключевым напутствием для любого исследователя: «Сопоставляя различные точки зрения и концепции, автор понимал, что каким-либо одним, даже самым радикальным предложением или простым неприятием того или иного ранее представленного варианта, проблемы не решаются. Нужны обстоятельные теоретические исследования, опирающиеся на анализ эмпирических данных, нужна и достаточно развернутая и аргументированная полемика. Лишь на базе этого и возможно установление истины или хотя бы приближение к ней» [1].

И только теперь, спустя многие годы, можно увидеть, насколько глубоко «копал» в своем научном поиске профессор В.В. Николук относительно правового регулирования уголовно-исполнительного производства, насколько дальновидным оказался его прогноз относительно развития судебной деятельности в области исполнения наказаний, и насколько точно нашли реализацию предложенные им научно обоснованные практические рекомендации, а также дополнения и изменения в законодательстве.

Жизнь мне представила возможность лично познакомиться с Вячеславом Владимировичем и поработать с ним более пятнадцати лет сначала во Всероссийском научно-исследовательском институте МВД России, а затем в Московской академии экономики и права. За эти годы нас связало и продолжает связывать очень многое как в науке, так и за ее пределами. За это время я убедился в высочайшей научной квалификации профессора, его образованности и эрудиции, особенных личных человеческих качествах. Не случайно

он подготовил целую плеяду своих последователей, соратников, а проще говоря, учеников, которые продолжают нести его творческие идеи уже в своих собственных научных трудах.

Среди многочисленных работ В.В. Николюка хочу отдельно выделить еще одну монографию - «Заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения». Это фундаментальное исследование было издано в 2015 г., в преддверии шестидесятилетия профессора, в Орловском юридическом институте МВД Российской Федерации им. В.В. Лукьянова. Данное исследование, как отметил сам автор, «стартовало» еще в восьмидесятых годах прошлого столетия, продолжалось все последующие годы и стало определенным рубежом в его научном творчестве [2]. Оно получило новый импульс в связи с принятием 20 декабря 2011 г. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», в подготовке которого В.В. Николук непосредственно участвовал. Впоследствии он опубликовал в ведущих рецензируемых юридических журналах нашей страны целый ряд теоретически и практически значимых научных публикаций по данной проблематике, чем вызвал повышенный интерес к ней со стороны представителей науки и правоприменительной практики [3].

В книге читатель имеет возможность ознакомиться с авторской доктриной уголовно-исполнительного производства, формируемой на протяжении более тридцати лет, а также проследить эволюцию научных взглядов профессора В.В. Николюка относительно сущности и содержания судебной деятельности, связанной с исполнением приговора. В частности, он опять уделяет повышенное внимание определению места в системе российского уголовного процесса судебной деятельности, осуществляемой по правилам ст. 399 УПК РФ, выявлению ее индивидуальности и уникальности. В результате этого профессор приходит к принципиальному выводу, что имеются все необходимые предпосылки к тому, чтобы считать ее с позиций системного построения уголовного процесса дополнительным производством (уголовно-исполнительным судопроизводством).

Автор показал влияние судебной деятельности, связанной с исполнением приговора, на содержание российского уголовного процесса, а также ее роль в механизме обеспечения достижения целей, задач и назначения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. В монографии глубоко исследуются современные проблемы нормативного обеспечения использования мер принуждения в отношении осужденного в связи с судебным производством о замене назначенного наказания другим, более «сильным» его видом, отмене условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, условно-досрочного освобождения от наказания и направлении осужденного в места лишения свободы. В результате В.В. Николук резюмирует, что принятие правосудных судебных решений в этих случаях вряд ли возможно, если задержание и заключение под стражу осужденных будет происходить на основе применения норм УПК РФ по аналогии, которая в

принципе не допускается, если способна ухудшить положение субъекта правоотношений. Функциональное назначение норм УИК РФ и УПК РФ, регулирующих задержание и заключение под стражу осужденных, придает им самобытность, дистанцирует от системы мер государственного принуждения, предусмотренных разделом 4 УПК РФ [4].

В результате проведенного исследования, научного обоснования самобытности и самостоятельности в уголовном процессе заключения под стражу осужденного при исполнении приговора, выявления пробелов его законодательной регламентации и практики применения автор обосновывает необходимость более тщательного законодательного регулирования данного феномена уголовной юстиции, а также формулирует конкретные предложения по включению в российский уголовный процесс дополнительных гарантий законности принятия решений, предусмотренных п. 2, 4.1, 7, 17, 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ.

При этом следует отметить, что профессор В.В. Николук при проведении данного фундаментального исследования продолжает демонстрировать свою отличную «спортивную форму». Сформулированные им в монографии итоговые выводы и предложения основаны на данных и конкретных делах, полученных и изученных в ходе обобщения практики применения судами во всех субъектах Российской Федерации в период с 2013 по 2014 гг. норм УПК РФ и УИК РФ, регулирующих заключение под стражу осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания (проведенного Верховным Судом по инициативе и с участием автора). Также автором использованы статистические данные, отражаемые в отчетах о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2010-2014 гг. (форма № 1, раздел 4).

Тем не менее В.В. Николук несколько изменил свои подходы в своих научных изысканиях. В частности, в книге не представлен сравнительно-правовой аспект исследования проблем заключения под стражу осужденного при исполнении приговора. Данное обстоятельство автор объясняет тем, что «в современных условиях, когда для правовых знаний фактически не существует границ, все же вряд ли найдутся даже две страны с идентичными правовыми системами и обнаружится страна, где бы идеально были бы урегулированы аналогичные общественные отношения» [4]. Не буду спорить с профессором по данному вопросу, тем более с выдающимся отечественным историком Н.М. Карамзиным, чей тезис В.В. Николук приводит в поддержку своей позиции.

К сожалению, как уже было ранее отмечено, объем статьи не позволяет осветить всю глубину теоретических взглядов Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.В. Николука на концептуальные проблемы судебной деятельности в области исполнения уголовных наказаний. Уверен, что солидный ученый и дальше будет эффективно работать в данном направлении, которое незаслуженно недооценивается в структуре уголовного процесса и имеет ограниченный интерес со стороны ученых и практикующих юристов. Фундаментальные исследования профессора В.В. Николука по вышеуказанным проблемам

способствуют как дальнейшему совершенствованию судебного производства по вопросам исполнения приговора, так и развитию российской теории права.

1. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. С. 4.
2. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 8.
3. Николюк В. В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора // Уголовное право. 2012. № 3; Николюк В. В. Особенности отправления правосудия при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовный процесс. 2014. № 4 и др.
4. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 229.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-исполнительное судопроизводство, исполнение приговора, заключение под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания.

УДК 343.152

ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КИТАЕ И ЕГО ВИДЕОФИКСАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Захарова Виктория Константиновна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12

В статье представлен краткий анализ института следственных действий Китая и России. Главным образом в статье подчеркнуты отличительные особенности законодательной регламентации вышеуказанного института, уделено внимание классификации следственных действий. В рамках статьи особо отмечены актуальные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Китая, в частности внедрения видеозаписи в институт следственных действий. Автором выдвинуто предложение отечественному законодателю проанализировать опыт применения видеозаписи и рассмотреть возможность внедрения аналогичных новелл в национальное законодательство.

Институт следственных действий достаточно детально разработан как в отечественном уголовно-процессуальном праве, так и уголовно-процессуальном праве Китая.

Несмотря на то, что в обеих правовых системах отсутствует нормативное определение понятия следственных действий. В уголовно-процессуальной науке России под следственными действиями понимаются регламентированные законом процессуальные действия познавательного характера, производимые субъектом доказывания в целях обнаружения, собирания, проверки, оценки и использования полученных сведений в качестве доказательств по уголовным делам [1]. В перечень следственных действий России принято включать следующие процессуальные мероприятия: допрос подозреваемого (обвиняемого), допрос свидетеля, очную ставку, освидетельствование, предъявление для опознания, обыск, выемку, контроль и запись телефонных и иных переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфное отправление, следственный эксперимент, проверку показаний на месте.

В Китае под следственными действиями понимаются мероприятия, проводимые органами общественной безопасности и народной прокуратурой во время расследования уголовного дела [2]. Отметим, соответствии с ч. 2 ст. 106 УПК КНР предварительное следствие – это специальная следственная работа и меры процессуального принуждения. Именно специальная следственная работа представляет собой совокупность следственных действий:

Следственные действия в Китае условно разделяются на гласные следственные действия, специальные технико-следственные мероприятия и тайные следственные действия. Последние два вида официально были введены в китайский уголовно-процессуальный кодекс во время правовой реформы 2012 года.

Гласные следственные действия по сути своей, повторяя отечественные, включают в себя допрос подозреваемого, допрос свидетеля, освидетельствование, осмотр, обыск, наложение ареста на вещественные доказательства, проведение экспертизы, розыск подозреваемого

Специальные технико-следственные мероприятия закреплены в ст. 148 УПК КНР подробно регламентированы в законе КНР «О полиции» (параграф 16), законе КНР «О безопасности» (ст. 10). В УПК КНР в нет законодательного определения и перечня технико-следственных мероприятий. Внедрение положений, предусматривающих проведение специальных технических мероприятий, в УПК КНР вызвало жаркие споры среди процессуалистов. Так, почетный Председатель Ассоциации юристов КНР Чэнь Шу отметил, что технические мероприятия применялись уже давно, но правовое закрепление получили только 2012 году. Однако и до настоящего времени существует проблемы в использовании в качестве доказательств полученных результатов, а также недоработки процесса контроля над законностью производимых действий» [3].

В настоящее время под данным видом следственных действий принято понимать внедрение и применение в предварительном следствии специфических методик расследования, включающих в себя: компьютерное прослушивание, отслеживание телефонных переговоров, систему электронного мониторинга подконтрольных лиц, секретное фотографирование или видеосъемку, тайное

изъятие вещественных доказательств, почтово-телеграфной корреспонденции их осмотр и видеозапись, иные тайные следственные мероприятия.

Тайные следственные действия регламентированы в 8 параграфе второй главы «Предварительное следствие» УПК КНР, представляя их себя два вида: контролируруемую поставку и «расследования под прикрытием».

Таким образом отметим, что китайский законодатель расширил перечень следственных действий, включив в них обеспечительные процессуальные мероприятия, такие как розыск подозреваемого и арест на вещественные доказательства и тайные следственные действия, являющиеся аналогом отечественных следственных действий. Вышеназванные особенности с одной стороны, облегчают процесс закрепления результатов следственных действий в качестве доказательств, с другой стороны, могут негативно влиять на реализацию конституционных прав как подозреваемого, так и других участников уголовного процесса.

Рассмотрев понятие и классификацию следственных действий в Китае и России необходимо остановиться на новых методиках, применяемых при производстве гласных следственных действий в Китае.

Внедрение видеофиксации в институт следственных действий является приоритетной задачей органов общественной безопасности и народной прокуратуры КНР с 2007 года [4]. Надо сказать, что УПК КНР, ведомственные нормативные акты органов общественной безопасности – Приказ 127 Министерства общественной безопасности КНР «Положение о порядке ведения уголовных дел органами общественной безопасности» от 13.12.2012 года (далее - Приказ 127 Министерства общественной безопасности) [5] и народной прокуратуры - Положение Верховной народной прокуратуры КНР «Правила применения народной прокуратурой норм уголовно-процессуального кодекса» от 16.10.2012 года (далее - Положение Верховной народной прокуратуры) [6] предусматривают проведение видеозаписи ряда следственных действий. В УПК КНР предусмотрено обязательное применение видеосъемки допроса по уголовным делам, в которых подозреваемый может быть приговорен к пожизненному сроку лишения свободы (ст. 121 УПК КНР). Кроме того, Министерство общественной безопасности КНР разработало ведомственный нормативный акт «О применении видео- и аудиозаписи в ходе допроса подозреваемого» 5.09.2015 года, который к 2017 году предусматривает применение видеозаписи допросов подозреваемых по всем расследуемым уголовным делам [7]. Нормативный акт расширил основания применения видеосъемки допроса: 1) если подозреваемый является несовершеннолетним, лицо страдает глухотой, слепотой, лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что он страдает психическим расстройством. 2) если у следователя имеются основания полагать, что подозреваемый может скрыться от следствия; 3) если подозреваемый отрицает причастность к совершенному преступлению и ходатайствует о применении видеосъемки допроса в качестве средства защиты; 4) в случае резонансности уголовного дела в обществе 5) иные сложные ситуации.

Положение Верховной народной прокуратуры предусмотрело обязанность прокурора и Генерального прокурора применять и контролировать при-

менение как видеосъёмки допроса подозреваемого, так и аудиозаписи (ст. 197, ст. 201 Положения Верховной народной прокуратуры) видеосъёмки осмотра места происшествия (ст. 236). В Приказе №127 Министерства общественной безопасности и Положении Верховной Народной прокуратуры установлены обязательные требования к производству видеозаписи и аудиозаписи: 1) обязательность производства видеосъёмки во время проведения допроса подозреваемого; 2) непрерывность съёмки, 3) обязательное протоколирование допроса.

Ведомственные нормативные акты расширили применение видеосъёмки в различных следственных действиях. Так, Приказ 127 предусмотрел возможность проведения видеосъёмки осмотра места происшествия по «крупным уголовным делам». Под последним понятием законодатель понимает причинение тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшему, преступления, связанные с серьёзным нарушением гражданских прав, совершение преступления в составе организованной группы, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ и их сбытом (ч. 2 ст. 203, ст. 211 Приказа 127).

В обоих ведомственных нормативных актах законодатель предусмотрел право следователя или прокурора проводить видеосъёмку следственного эксперимента (ст. 216 Приказа 127, ст. 218 Положения Верховной народной прокуратуры), обыска (выемки) (ст. 221 Приказа 127, ст. 227 Положения Верховной народной прокуратуры) и опознания (ст. 253 Приказа 127, ст. 261 Положения Верховной народной прокуратуры)

Отличительной особенностью китайского института следственных действий в КНР является отсутствие судебного и прокурорского санкционирования. Контроль над производством следственных действий является внутриведомственным. С одной стороны, это определяет самостоятельность следователя при выборе следственных действий, а с другой ограничивает конституционные права граждан.

Однако в рамках надзорной деятельности прокурор по делам, расследуемым органами общественной безопасности, вправе просмотреть видеосъёмку любого следственного действия (ст. 310 Положении Верховной Народной прокуратуры) и поставить под сомнение его результаты, исходя из выявленных недостатков просмотренной видеозаписи процессуального мероприятия (ст. 331 Положении Верховной Народной прокуратуры).

Применение видеосъёмки следственных действий в уголовном процессе имеет цель не только поиск обвинительных доказательств, но и оправдательных доказательств. Так, разъяснения Верховного суда КНР обязали следователя и прокурора передавать копии допросов подозреваемых адвокатам в случае их ходатайства. Высший народный суд провинции Гуандун в положении №238 от 15.10.2013 г. разъяснил, что как прокурор, так и адвокат вправе использовать полученную аудио и видеозапись в качестве доказательств. Выдача подобной информации не может считаться нарушением тайны следствия, поэтому адвокат не может быть ограничен в данном праве» [8].

Вообще вопрос правового статуса видеосъёмки следственных действий как доказательств вызывает споры среди китайских процессуалистов. Исследователь Цзя Цзихун рассматривает применения видеозаписи как способа объек-

тивного отражения доказательственной базы по уголовному делу и первым шагом на пути построения состязательного процесса на этапе предварительного следствия [9].

Результаты следственных действий, произведённых с видеозаписью, могут быть использованы в качестве доказательств с 1997 года. Законодатель КНР закрепил в качестве доказательств использование аудиовизуальных материалов. Однако остаётся открытым вопрос о соблюдении и контроле над соблюдением всех процессуальных требований, в частности, остается вопрос о соблюдении непрерывности видеосъёмки производства следственного действия или внесении каких-либо изменений в видео или аудиозапись.

Необходимость внедрения видеозаписи в институт следственных действий назрела и в отечественном уголовном процессе. Опыт Китая в применении видеозаписи производства допроса подозреваемого, обыска, выемки, предъявления для опознания может быть изучен и применен при совершенствовании национального законодательства. По нашему мнению, процесс внедрения современных технологий в производство следственных действий должен сопровождаться вменением в обязанность следователю, дознавателю, руководителю следственного органа и органу дознания проведения вышеназванных следственных действий, а также проверки показаний на месте с применением цифровой видеокамеры или аудиозаписывающих устройств.

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб.пособ. для студентов вузов / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. – М. ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. С
2. 牛凌峰裴文魁. 试论刑事侦查行为的监督. 中国法院网周口频道 // Нью Линфэн, Пэй-Вэнькуй. Ши лунь синшичжэньчасинвэй дэ цзяньду. Чжунгофаюаньванчжоукоупинь-дао. //Нью Линфэн, ПэйВэнькуй. Некоторые проблемные вопросы контроля над производством следственных действий в КНР.Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.chinacourt.org/article/detail/2010/09/id/429532.shtml>
3. 朱琳. 严格规制技术侦查严防秘密侦查泛滥. 南方都市报. 2012-04 // Чжу Линь. Яньгэгуйчжицзишучжэньчаяньфанмимичжэньчафаньлань. Наньфан души бао // Чжу Линь. Необходимость строгой регламентации техничестких стандартов проведения тайных следственных действий с целью недопущения их расширения во время проиводства предварительного следствия. Газета южного Китая. 2012, №04 Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.legalinfo.gov.cn/zhuant/node_37448.htm (Дата обращения 11.09.2016)
4. В 2005 году состоялась встреча представителей народны прокуратур провинций КНР, на которой рассматривалось поэтапное внедрение видеофиксации допросов подозреваемых. В рамках данного соглашения к 2007 году все допросы по делам, относящимся к подследственности народной прокуратуры, должны записываться на видео или вестись аудиозапись процессуального мероприятия.
5. 中华人民共和国公安部令第 127 号 «公安机关办理刑事案件程序规定» джунхуа-женьминьгунхэгоганбулиндиди 127 хао «Гонандзигуаньбанлисиншиандзенченхугуйдинг». Приказа Министерства общественной безопасности №127 «Положение о порядке ведения уголовных дел органами общественной безопасности» от 13.12.2012 года. Официальный сайт Министерства общественной безопасности Китайской народной республики. Интернет [Электронный ресурс]

Режим доступа: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3493/n3823/n442421/3486957.html> (Дата обращения 07.01.2016).

6. 人民检察院刑事诉讼规则(试行)(1997年1月15日最高人民检察院第八届检察委员会第六十九次会议通过 1998年12月16日最高人民检察院第九届检察委员会第二十一次会议第一次修订 2012年10月16日最高人民检察院第十一届检察委员会第八十次会议第二次修订) // Жень миньдзяньчаюаньсиншисусонгуйцзэшисин. Положение Верховной народной прокуратуры КНР «Правила применения народной прокуратурой норм уголовно-процессуального кодекса» от 16.10.2012 года. Официальный сайт Верховной народной прокуратуры КНР. Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.spp.gov.cn/sscx/201502/t20150217_91463.shtml

7. 公安部关于印发《公安机关讯问犯罪嫌疑人录音录像工作规定》的通知.公通字〔2014〕33号 2014年9月5日 // Гунъяньбугуаньюйиньфа “Гунъяньцзигуаньсюньвэньфаньцзуйсяньжижэньлуиньлусянгунцзогуйдин” дэ тунчжи. гун тун цзы (2014) 33 хао 2014 нянь 9 юэ 5 жи// Приказ Министерства общественной безопасности №33 от 5.09.2014 «Правила допросов подозреваемых с использованием видеозаписи». Официальный сайт полиции г. Нанкин (пров. Цзянсу). Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.njga.gov.cn/www/njga/wsjws/wsgaj/gafj/article.jsp?code=320115000000&bcode=fzxc&aid=1523531395> (Дата обращения 2.08.2016)

8. 广东省高级人民法院. 粤高法[2013]324号.. 广东省高级人民法院关于辩护律师能否复制侦查机关讯问录像有关问题的通知.// Гуандуншэнгаоцзижэньминьфаюань. Юэгаофа [2013]324 хао 2013年10月15日 .. Гуандуншэнгаоцзижэньминьфаюаньгуаньюйбяньхулушинэнфоуфучжичжэньчацзигуаньсюньвэньлусяньюгуаньвэньти дэ тунчжи. // Верховный суд пров. Гуандун Разъяснение №324 от 2013 г. «Разъяснение о возможности копирования адвокатами видеозаписи допроса подозреваемого. Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.360doc.com/content/14/1119/21/12424821_426512603.shtml (Дата обращения: 01.08.2016)

9. 贾纪红. 刑事侦查中同步录音录像的法律地位和规范 // Цзя Цзихун. Синшичжэньчачжунтунбулуиньлусян дэ фалу дивэйхэгуйфань. // Цзя Цзихун. Юридический статус видео и аудиозаписи при расследовании уголовного дела Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.lawtime.cn/article/lll114106461114111555oo385150> (Дата обращения: 01.08.2016)

Ключевые слова: следственные действия, видеофиксация, органы общественной безопасности КНР, народная прокуратура, специальная следственная работа, тайные следственные действия, технико-следственные мероприятия, видеосъемка, использование аудиовизуальных материалов в качестве доказательств.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ

Зозуля Василий Васильевич,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Воронежский институт МВД России,

394065, г. Воронеж, пр-т Патриотов, 53,

кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена проблеме законодательного определения в уголовном судопроизводстве понятия «потерпевший». Дается критический анализ законодательно установленных критериев, необходимых для признания лица потерпевшим, предлагаются рекомендации по совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Традиционно потерпевший считается фигурой уголовно-процессуальной не только потому, что его понятие дается в ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), но и в связи с тем, что уголовно-процессуальный закон гарантирует защиту его прав (ст. 6 УПК РФ).

Согласно опубликованным Федеральной службой государственной статистики данным правоохранительных органов [1], количество зарегистрированных преступлений в России в 2015 году увеличилось после 8 лет устойчивого снижения. С увеличением числа зарегистрированных преступлений в 2015 году увеличилось также число лиц, признанных потерпевшими от преступных посягательств, до 1664 тысяч человек (+6,5%), или до 1155 в расчете на 100 тысяч человек (+6,3%). С учетом Крымского федерального округа число лиц, потерпевших от преступных посягательств, в 2015 году составило 1699 тысяч человек, или 1161 на 100 тысяч человек. При этом, следует учитывать, что ежегодно количество поступающих в органы внутренних дел заявлений и сообщений о происшествиях находится на отметке 26–27 млн. Это указывает на то, что в реальности количество граждан и юридических лиц, которым нанесен вред преступлениями, исчисляется на миллионы, а проблемы обеспечения прав и свобод потерпевших носят масштабный характер [2]. Вполне обоснованно в качестве проблем достоверности статистики называют латентность преступности, селекцию правоохранителей и фальсификацию в зарегистрированных данных [3]. Согласно результатам исследования общественного мнения, проведенного Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России, в 2014 году за помощью в подразделении полиции обратились только 46% потерпевших от преступных посягательств [4].

Таким образом, современное российское уголовное судопроизводство не является для многих жертв преступления действенным механизмом защиты их прав, возмещения причиненного им вреда.

В ряду важных вопросов российского уголовно-процессуального права все еще остается вопрос о самом определении понятия «потерпевший».

Как известно, в России термин «потерпевший» законодательно впервые появился в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года и обозначал «потерпевших от преступления лиц», «потерпевших вред и убытки». По российскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 года под понятием «потерпевший» подразумевалось фактически пострадавшее от преступления лицо, которое уже в качестве стороны вступило в процесс уголовного судопроизводства [5]. Следует заметить, что для участия в уголовном процессе никакого официального признания пострадавшего от преступления лица в качестве потерпевшего дореволюционное российское законодательство не требовало, поскольку такое признание фактически потерпевшего от преступления лица само собой подразумевалось.

Согласно действующим нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Стоит согласиться с авторами [6], критически оценивающими использованием в определении потерпевшего понятий физического, имущественного, морального вреда, который может быть ему причинен. Так, существующим легальным определением потерпевшего не охватываются нарушения трудовых, политических и некоторых других прав, охраняемых уголовным законом. В целях совершенствования определения потерпевшего целесообразным является замена понятия «вред» с перечислением его видов на более широкое «нарушение прав и законных интересов». В этом случае у следователя, дознавателя, суда не будет необходимости уточнять, какой именно вред причинен преступлением и подпадает ли он под предусмотренные законом категории, необходимые для признания потерпевшим.

Не урегулированным с точки зрения законодательного определения потерпевшего остается вопрос о возможности признания потерпевшими лиц при неоконченном преступлении, если фактически вред не был причинен. Исходя из норм действующего законодательства Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [7] сформулировано следующее правило: если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на преступление), при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный ему вред (не исключается возможность причинения такому лицу морального вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица). Другими словами, согласно действующему уголовно-процессуальному закону при неоконченном преступлении участие потерпевшего исключено, если реального причинения вреда удалось избежать. Однако как быть с правом потенциального потерпевшего принимать участие в изобличении виновного в целях исключения повторения подобного посягательства.

Уместно обратиться к содержанию постановлений Конституционного Суда РФ [8; 9]. Так, государство, обеспечивая особое внимание к интересам

и требованиям потерпевшего от преступления, обязано способствовать устранению нарушений его прав и восстановлению достоинства личности. Причем интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда, - они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания.

Считаем необходимым законодательно закрепить правило об обязательном привлечении к участию в уголовном судопроизводстве лиц, в отношении которых было совершено неоконченное преступление.

Также следует отметить несовершенство юридической техники, использованной законодателем. Вполне обосновано в юридической литературе [6] обращается внимание на тот факт, что признание общественно опасного деяния преступлением строго юридически осуществляется исключительно вступившим в законную силу приговором суда. Помимо это, согласно сложившейся судебной практике, отраженной в п.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 [7], вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости.

Возможность признания потерпевшим не только гражданина, но и юридического лица является принципиальной новеллой УПК РФ. Обоснованность закрепленного УПК РФ подхода к решению вопроса о защите прав и законных интересов юридических лиц, которым в результате преступления причинен вред имуществу и деловой репутации, является весьма сомнительной [6]. Никаких «переживаний» от преступного посягательства юридическое лицо испытывать не может. Для защиты же деловой репутации уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность вступления юридического лица в процесс в качестве гражданского истца.

Таким образом, в целях совершенствования процессуального института потерпевшего, предлагаем изложить первое предложение ч.1 ст.42 УПК РФ в новой редакции:

«Потерпевшим является физическое лицо, права и законные интересы которого нарушены или могли быть нарушены запрещенным уголовным законом деянием, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу».

-
1. Число зарегистрированных преступлений по видам; Число лиц, потерпевших от преступных посягательств [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения : 20.06.2016).
 2. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2014.
 3. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет / М. Шкляр, Д. Скугаревский, А. Дмит-

риева [и др.]. – Санкт-Петербург; Москва : Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2015.

4. Ильин П. В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015.

5. Устав уголовного судопроизводства России. – Москва, 1914.

6. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.]; под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016.

7. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 // Российская газета. – 2010. – № 147.

8. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гр-на М. А. Ключева : постановлению Конституционного Суда РФ от 15 января 1999 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 4. – Ст. 602.

9. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

Ключевые слова: потерпевший; права и законные интересы; неоконченное преступление; деловая репутация; Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

УДК 343.122

АДВОКАТ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЛИ ЗАЩИТНИК?

Калуцких Анна Михайловна,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,

Юго-Западный государственный университет,

305040, г. Курск, ул. 50 Лет Октября, д. 94

Статья посвящена одному из важнейших аспектов обеспечения права осужденного на защиту его прав и законных интересов при исполнении приговора. Автором проводится анализ существующих в уголовно-процессуальной доктрине позиций, выдвигаются собственные аргументы, делаются выводы.

Право человека и гражданина на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также право на использование для такой защиты способов, не запрещенных законом, предоставлено Конституцией России в статье 45. Безусловно, данное положение следует считать одним из базовых. Более того, уместно назвать его «правовой аксиомой», которая не только не требует обсуж-

дения в части необходимости ее применения, но и в части круга лиц, в отношении которых норма применима на практике.

Однако Конституция устанавливает еще одно схожее, но не менее важное право – на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ). Непосредственной областью применения правовой нормы является уголовное судопроизводство во всех его стадиях.

С учетом недостаточной правовой регламентации правового статуса участников судопроизводства на стадии исполнения приговора, в среде ученых возникают споры относительно статуса адвоката и круга его правомочий в завершающей стадии уголовного процесса. Защитник или представитель участвует в суде при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, а также оказывает необходимую юридическую помощь осужденному? Два разных участника, два круга прав и обязанностей. Чтобы ответить на данный вопрос, думается, необходимо обратиться к толковому словарю русского языка.

Ефремова Т.Ф. [1] определяет понятие «защита» как «отстаивание на суде интересов обвиняемого». Кажется, что подобное толкование верно только для судебных стадий уголовного судопроизводства: судебное рассмотрение дела завершено и обвиняемого как участника уже не существует. При этом, не следует забывать, что рассмотрение судьей вопросов, связанных с исполнением приговора является центральным этапом завершающей стадии процесса. Кроме того, относимость данного определения к исследуемой части уголовного судопроизводства подтверждается положением ч. 2 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которое гласит, что «обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным».

Второе значение термина «защита», по мнению Т.Ф. Ефремовой [1], заключается в следующем: «Это совокупность приборов, устройств, мероприятий, предохраняющих кого-либо, что-либо от вредных последствий чего-либо».

О каких «вредных последствиях» может идти речь при исполнении приговора? На наш взгляд, к таковым следует отнести злоупотребления со стороны администрации исправительного учреждения, а также случаи, вызывающие необходимость оказания юридической помощи.

В данном случае, налицо расширительное толкование понятия «защита», однако именно такое понимание наиболее уместно для стадии исполнения приговора.

Считая исполнение приговора этапом уголовного судопроизводства, законодатель допустил существенные ошибки, вызывающие трудности не только среди ученых-процессуалистов, но и у правоприменителей, что наиболее важно.

Так, статус адвоката, имеющего право участвовать в стадии исполнения приговора, остается неясным. Согласно ч. 4 ст. 399 УПК РФ, осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката.

В литературе существует позиция, в соответствии с которой, адвокат на стадии исполнения приговора должен быть признан в качестве представителя [2]. Данная точка зрения обосновывается тем, что судебный процесс завершен, приговор вынесен, вступил в законную силу и был обращен к исполнению. Защиты как таковой авторы не усматривают и оснований для признания участвующего на данном этапе адвоката в качестве защитника не видят. Как пишет Б.Т. Безлепкин, функция защиты в стадии исполнения приговора уже не осуществляется, поскольку не осуществляется и функция обвинения [3]. Более того, адвокат не только не может вступить в процесс в заключительной стадии, но и теряет обязанность поддерживать подзащитного. Обязанности государства при необходимости предоставить защитника уже также не существует.

Некоторые авторы в качестве решения проблемы законодательного регулирования статуса адвоката в рамках стадии исполнения приговора рассматривают возможность введения в уголовное судопроизводство нового участника – представителя осужденного, наделенного правами защитника на стадии исполнения приговора [4].

С данной позицией трудно согласиться, поскольку круг прав и обязанностей предполагаемого нового участника судопроизводства будет дублировать права и обязанности уже имеющегося – защитника – что непременно породит путаницу на практике. Найдя выход во внедрении «представителя осужденного», уголовный процесс не только не решит обозначенную выше проблему, но и породит новую: разделение полномочий защитника и представителя осужденного.

На наш взгляд, следует согласиться с авторами, полагающими, что права и интересы осужденного осуществляются защитником. В уголовное судопроизводство в качестве такового допускается только лицо, имеющее статус адвоката. Следовательно, термины «защитник» и «адвокат» можно считать синонимами. Что касается представителя осужденного, то, думается, подобная формулировка ограничит правомочия данного участника уголовного судопроизводства. Более того, закрепление «представителя» на стадии исполнения приговора приведет к пассивному характеру его деятельности, что неблагоприятно скажется на осужденном [5].

Несомненно, вопрос участия защитника в стадии исполнения приговора требует всестороннего рассмотрения. Однако, отступив от доктринальных дискуссий, заметим недостатки правовой регламентации. Обратимся к тексту статьи 49 УПК РФ: «Защитник – лицо осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». Следует отметить, что данная формулировка значительно ограничивает период деятельности адвоката в рамках уголовного судопроизводства, а также сокращает круг лиц, в интересах которых он может действовать. Так, по смыслу нормы деятельность данного участника судопроизводства осуществляется на тех стадиях уголовного процесса, где происходит «производство по уголовному делу». Следовательно, исполнение приговора не

включено в данный промежуток, так как уголовного дела уже не существует. Осужденный также не фигурирует среди субъектов, имеющих право на защиту прав и интересов со стороны защитника, что, считаем, существенным упущением законодателя.

Принимая во внимание все вышесказанное, на наш взгляд, наиболее точной формулировкой части 1 статьи 49 УПК РФ является: «Защитник – лицо осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, защиту прав и интересов осужденного и оказывающее им юридическую помощь при решении вопросов, связанных с исполнением приговора».

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
2. Адаменко В. Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983, С.42.
3. Безлепкин Б. Т. Справочник адвоката по уголовному процессу. М., 2004. С. 543.
4. Синичкин А. А. Проблемы в правовом регулировании участия адвоката на стадии исполнения приговора // URL:<http://zashitnik21.ru/теория-и-практика/интересные-публикации/19-участие-адвоката-doc.html>
5. Чеботарева И. Н. Адвокат-защитник как субъект доказывания по уголовным делам // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 37.

Ключевые слова: защитник, представитель осужденного, исполнение приговора, уголовное судопроизводство, осужденный, статус адвоката.

УДК 343.1

ДАЧА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ: ПОНЯТИЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕОДОЛЕНИЯ

Карпенко Ольга Александровна,

адъюнкт,

Академия управления МВД России,

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8

Статья посвящена вопросам совершенствования уголовно-процессуальных и криминалистических средств и методов выявления и преодоления заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших в современных условиях. Особое внимание уделяется использованию органами расследования специальных знаний, являющихся эффективными средствами проверки, анализа и оценки показаний свидетеля или потерпевшего.

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации подразделяет доказательства на несколько видов: показания подозреваемого,

обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

Показания свидетелей и потерпевших являются одним из самых распространенных средств доказывания в уголовном судопроизводстве: практически не существует уголовных дел, расследование и рассмотрение которых происходит без их участия.

Согласно результатам исследования, проведенного Е.Б. Гришиной, показания участников уголовного судопроизводства составляют 62,3 % от общего числа доказательств (протоколы следственных действий, заключения эксперта, вещественные доказательства и показания участников уголовного процесса), имеющих в уголовном деле. Показания потерпевшего от 62,3 % составляют 15,7 %, показания свидетеля – 33,2 % [1, с. 19].

А. Ю. Федоренко в своей работе отмечает, что «85-90 % доказательственной базы по уголовным делам составляют показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых, четверть которых в процессе следствия и судебного разбирательства изменяется, что порой приводит к «развалу» уголовных дел» [2, с. 3].

В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации определений понятий «ложные» и «заведомо ложные показания свидетелей и потерпевших» не содержится. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации законодательно закрепил лишь определения понятий «свидетель», «показания свидетеля», «потерпевший» и «показания потерпевшего». Уголовная ответственность наступает лишь за те показания, которые заведомо ложны для самого допрашиваемого и сообщаются суду или правоохранительным органам при расследовании уголовных дел. Иные ложные показания не могут считаться дачей заведомо ложных показаний.

В доступной нам литературе отмечаются различные точки зрения на определения понятий «заведомо ложные показания» и «ложные показания».

Прежде всего необходимо отметить определение А.А. Шмидта, который под заведомо ложным показанием понимал, что это «оформленное в установленном законом порядке преднамеренное сообщение сведений, не соответствующих истине, о фактах и обстоятельствах, подлежащих установлению по расследуемому или рассматриваемому в суде делу, с целью дезинформации органов расследования и суда и создания по делу ложного представления о доказательствах» [3, с. 7].

О.М. Ушаков считает, что заведомо ложные показания могут быть определены как «объяснения, в которых основные факты либо все, в целом не соответствуют действительности, так как умышленно, сознательно искажены допрашиваемым лицом» [4, с. 16]. Из приведенного определения следует, что данный автор сужает объем понятия. Даже незначительная вроде бы ложь по расследуемому событию может привести к неизгладимым последствиям, а О.М. Ушаков не берет во внимания данные факты.

Средства преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими могут быть классифицированы по различным основаниям. По

форме применения средства преодоления указанного противодействия органам расследования можно подразделить на процессуальные и непроцессуальные. Процессуальные средства – это средства, принимаемые сотрудником правоохранительных органов на основе определенного процессуального действия или процессуального решения. Например, проведение комплекса следственных действий; избрание меры пресечения в отношении подсудимого, исключающей непосредственные возможности осужденного противодействовать предварительному расследованию; обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства; использование специальных познаний (применение полиграфа) и тому подобное. Непроцессуальные средства преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими принимаются на основе тактического решения следователя (дознателя) или оперативного работника: выбор наиболее оптимальных, с точки зрения сохранения следственной тайны, времени и места проведения следственного действия [5, с. 129 – 130]; подбор наиболее эффективных тактических приемов производства следственных действий; применение видео- или звукозаписывающей аппаратуры и так далее. Применение указанных средств не должно противоречить правовым нормам. Они представляют собой результат умелого использования сотрудником правоохранительных органов практических и теоретических знаний, в том числе профессионального опыта.

Проверка показаний свидетеля или потерпевшего в ситуациях противодействия расследованию преступлений в целом сложна психологически и соответственно требует не только умелого использования имеющихся тактических рекомендаций, но и нового комплекса тактических приемов, комбинаций и рекомендаций, а также иных современных криминалистических средств, необходимых для выявления и разоблачения лжесвидетельства. Мы можем предположить, что комплекс тактических приемов и комбинаций, целенаправленно разработанных для выявления и нейтрализации противодействия со стороны свидетелей и потерпевших, может быть одним из наиболее действенных средств борьбы с противодействием расследованию. Необходимо также учесть, что в первую очередь должны совершенствоваться давно известные приемы, средства и методы деятельности сотрудников правоохранительных органов, расширяться возможности их использования для решения задач уголовного судопроизводства, в том числе на основе более глубокого анализа их природы и сущности.

В преодолении дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими, применительно к каждому из следственных действий, могут быть успешно использованы тактические рекомендации по наиболее рациональному построению систем взаимодействия и взаимоотношений участников процесса расследования, в целях преодоления противодействия расследованию преступлений определенных видов.

Задача преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими не может быть успешно решена без использования следователем, дознавателем специальных знаний, являющихся эффективными средствами проверки, анализа и оценки показаний свидетеля или потерпевшего.

Предстоит обосновать вывод о необходимости более активного, чем в настоящее время, привлечения в ситуациях противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших специалистов в области психологии, а также в сфере компьютерных и иных современных технологий. В конце прошлого столетия использование полиграфа во время проведения допроса вызвало острую дискуссию. В современном мире достоверность приборного метода контроля за психофизиологическими реакциями допрашиваемого сомнений не вызывает. Также отметим важность дальнейшего исследования практики использования психологических знаний и методов активации памяти допрашиваемого на основе трансовых технологий и приемы использования когнитивного метода при допросе. Нельзя не учесть, что в настоящее время правоохранительные органы на районном, а подчас – и на городском территориальном уровне обладают слабым материально-техническим обеспечением, что несомненно оказывает тормозящее действие в процессе внедрения и использования новейших научно-технических средств и методов.

Изобретательность преступников по поиску новых способов и приемов противодействия расследованию с каждым годом приобретает все новые и новые формы. Все чаще правоохранительные органы сталкиваются с противодействием расследованию со стороны свидетелей и потерпевших, которые дают ложные показания по различным мотивам. Исходя из этого, необходимо, по нашему мнению, разрабатывать новые тактические приемы по выявлению и нейтрализации ложности показаний и учитывать результаты этой деятельности на практике ежегодно. Последние разработки в области криминалистической техники не всегда легко пробивают себе дорогу на практике, это еще одна проблема в российском государстве, которую необходимо исследовать и решать предметно.

1. Гришина Е. Б. Показания в системе видов доказательств в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Орел, 2010. С. 19.
2. Федоренко А. Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С.3.
3. Шмидт А. А. Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 20 с.
4. Ушаков О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 7.
5. Лир М. Ю., Шанин М. Г. К вопросу о преодолении противодействия расследованию // Криминалистический семинар. СПб., 2000. Вып. 3. С. 129 – 130.

Ключевые слова: заведомо ложные показания, свидетель, потерпевший, криминалистические методы, уголовно-процессуальные методы.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПРОВОДИМЫХ СПЕЦИАЛИСТОМ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кириченко Юлия Николаевна,

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, 71,
кандидат юридических наук*

В статье раскрывается правовой порядок назначения и проведения специалистами исследований на стадии возбуждения уголовного дела. Раскрывается необходимость изменения формы заключения специалиста, предусматривающей обязанность отражения специалистом в заключение алгоритма своих действий и применяемых методик.

Уголовное дело может быть возбуждено при наличии повода и основания. Поводами к возбуждению уголовного дела являются заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании согласно ч. 1 ст. 140 УПК РФ [1]. Они служат лишь формальной предпосылкой для возбуждения уголовного дела. Для начала производства по уголовному делу требуется наличие, наряду с поводами, и оснований, которыми согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Ст. 140 УПК РФ определяет основание для возбуждения уголовного дела как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Содержание понятия «достаточные данные» в законе не раскрывается, а в литературе остается предметом дискуссий.

В стадии возбуждения уголовного дела во многих случаях невозможно установить и по смыслу закона не требуется устанавливать все признаки состава преступления. Достаточно лишь установить признаки объекта и объективной стороны преступления [2].

В качестве доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, кроме материалов документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и трупов (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ), протоколов осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ), осмотра трупа (ст. 178 УПК РФ) и освидетельствования (ст. 179 УПК РФ), могут быть использованы также справки и иные официальные документы, полученные от должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

При проведении предварительных проверок нередко возникает необходимость в использовании специальных знаний. Анализ практики свидетельствует о необходимости в определенных ситуациях (при ознакомлении с документооборотом, технологическим процессом и др.) привлечения к участию в предварительной проверке специалиста. Данные, полученные с использова-

нием помощи специалиста, зачастую содержат необходимые сведения, указывающие на признаки преступления, либо на их отсутствие, что позволяет принять правильные процессуальные решения по результатам предварительной проверки.

Изучение материалов 157 архивных уголовных дел показало, что к участию в производстве осмотра места происшествия наиболее часто приглашаются специалисты-криминалисты, которые оказывают следователю (дознавателю) техническую и консультационную помощь в обнаружении, фиксации и изъятии следов контактного происхождения: следов рук, обуви, орудий взлома, транспортных средств, а также веществ, в частности наркотических, материалов и предметов, в частности стреляных гильз, применении фотографических и иных технических средств, в частности металлоискателей [3]. Нередко в осмотре места происшествия участвуют специалисты-кинологи, которые оказывают следователю (дознавателю) помощь в обнаружении источников запаховых следов, определении путей подхода к месту происшествия и отхода от него лиц, совершивших преступление, что способствует целеустремленности осмотра и правильному определению границ места происшествия. В ряде случаев для участия в осмотре места происшествия приглашаются и иные специалисты: столяры, плотники, электрики, слесари, монтажники, пожарные, в сельской местности – агрономы, зоотехники, а для содействия в обнаружении, фиксации и изъятии предметов, находящихся в труднодоступных местах, – водолазы, альпинисты, спелеологи.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ правовой регламентации порядка назначения и проведения специалистом исследований на стадии возбуждения уголовного дела, на практике специалисты широко привлекаются на данной стадии уголовного процесса для решения указанных выше вопросов. Кроме того, ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] установил право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч.1 ст. 144 УПК РФ).

Результаты предварительных исследований объектов, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела специалистами по поручению органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, оформляются на практике, как правило, в виде документа, не предусмотренного УПК РФ и именуемого «справка об исследовании», в то время как подобным образом могут быть оформлены и результаты оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», предусмотренного п. 5 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Специалисты – сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел – в соответствии с п. 53 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России проводят исследование представленных им объектов на стадии возбуждения уголовного дела на основании письменных поручений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа. В соответствии с п. 55.4 данного Наставления они оформляют результаты проведенных исследований справкой об исследовании, которая подписывается сотрудником, ее составившим, и руководителем экспертно-криминалистического подразделения [6].

Подобная форма представления результатов исследований, проводимых специалистами на стадии возбуждения уголовного дела, не позволяет использовать составляемые ими документы в качестве самостоятельных источников доказательств на последующих стадиях уголовного процесса в данном виде.

Различия между справкой об исследовании, представленной специалистом, и заключением эксперта в ряде случаев состояли в отсутствии описаний специалистом методики проведенных исследований [7].

Тем не менее это не означает, что в отличие от эксперта, который излагает методику своего исследования, как того требует закон (ч. 1 ст. 204 УПК РФ), специалист не проводит исследования представленных объектов. Причина иной, чем заключение эксперта, формы представления результатов применения знаний специалиста видится в отсутствии конкретной нормы закона, указывающей на необходимость полного описания специалистом исследований с указанием примененных методик.

В этой связи было бы целесообразным предусмотреть в УПК РФ отдельную норму, определяющую форму заключения специалиста, в которой закрепить обязательность отражения специалистом в заключении алгоритма своих действий и применяемых методик.

Таким образом, актуальность решения этой задачи обусловлена необходимостью искоренения практики производства экспертиз по результатам исследований, проведенных специалистом до возбуждения уголовного дела, если закон не требует обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ), причем результаты таких исследований признаются достаточными для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но не являются источниками доказательств по тому же самому уголовному делу.

Действительно, согласно ст. 87 УПК РФ, проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, и получения иных доказательств, а согласно ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Заключение эксперта, полученное на стадии предварительного расследования, также подлежит оценке, а при необходимости – и проверке. Оформление результатов исследований специалиста, проведенных на стадии возбуждения уголовного дела, в виде заключения специалиста придает им статус допустимых доказательств, оцениваемых по общим правилам оценки доказательств, и позволяет избегать их проверки путем назначения экспертизы и получения заключения эксперта в каждом случае.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001, № 174-ФЗ, ред. от 06.07.2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
2. Семенов Е. А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: монография / Е.А. Семенов; Орловский юридический институт МВД России. Орел, 2012.
3. Семенов Е. А. Специалист в уголовном судопроизводстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Семенов Евгений Алексеевич; [Место защиты: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации].- Орел, 2010.
4. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», ред. от 28.12.2013 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ред. от 06.07.2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
6. Приказ МВД РФ от 11.01.2009 № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
7. Семенов Е. А. К вопросу о разграничении правового положения специалиста и эксперта в уголовном процессе России // Наука и практика. 2012. № 2. С. 84.

Ключевые слова: специалист, заключение специалиста, возбуждение уголовного дела, УПК РФ, алгоритм заключения, методика проведения исследования.

ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПО СРЕДСТВАМ СОТОВОЙ СВЯЗИ С ТЕРРИТОРИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Колотушкин Сергей Михайлович,

главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт ФСИН России,

119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1,

доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются вопросы профилактики мошенничества, осуществляемого по средствам сотовой связи с территорий учреждений ФСИН России.

Известно, что в последние годы страну накрыло телефонное мошенничество, организованное с мест лишения свободы. Проведенный анализ показывает, что причиной этого явления стало несанкционированное использование средств сотовой связи с территорий учреждений уголовно-исполнительной системы России. Нелегальные телефонные разговоры осужденных и заключенных под стражу – это давняя проблема Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. Согласно правилам внутреннего распорядка телефоны сотовой связи входят в перечень запрещенных предметов. Следует отметить, что принимаемые меры локальны и не дают результатов полного исключения доступа заключенных к средствам сотовой связи, они как пользовались, так и продолжают пользоваться мобильными телефонами. Ежегодно в учреждениях ФСИН России изымаются тысячи нелегальных мобильных телефонных аппаратов и сим-карт, однако в целом проблема не решается – вместо изъятых появляются новые телефоны.

Следует отметить, что для решения выделенной проблемы принимались и принимаются различные меры как организационного, так и технического характера. По заказу ФСИН России разрабатывались различные средства подавления радиосигналов мобильной связи, радиолокаторы для выявления сотовых телефонов, а также определители номеров телефонов, работающих на территории учреждений ФСИН, однако принимаемые меры по исключению доступа осужденных к средствам мобильной связи проблемы не решили. Лица, отбывающие наказание в колониях и тюрьмах, как пользовались, так и продолжают пользоваться мобильными телефонами.

В данной ситуации вполне логично возникает вопрос: в чем причины столь неэффективного противодействия в рамках выделенной проблемы. Попытаемся провести анализ детерминантов, определяющих суть конфликта.

Прежде всего, разберемся с субъектами, которые в той или иной степени касаются данной проблемы. По нашему мнению, круг таких субъектов входят:

1. Лица, отбывающие наказание и заключенные под стражу.

2. Лица, организующие и осуществляющие забросы средств сотовой связи на территории учреждений ФСИН.

3. Сотрудники организаций – операторов сотовой связи.

4. Сотрудники учреждений ФСИН, непосредственно связанные с обеспечением содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

5. Сотрудники управления (руководство) ФСИН России.

Проведем анализ отношения названных субъектов к проблеме несанкционированного использования средств сотовой связи в учреждениях ФСИН России. Первая группа, а именно лица, отбывающие наказание и заключенные под стражу, прямо заинтересованы в доступе к средствам сотовой связи, комментарии здесь излишни.

Вторая группа – это доставщики средств сотовой связи путем их забросов через охранное ограждение учреждений ФСИН России. Действия этих лиц носят профессиональный и коммерческий характер. Это стало своего рода видом деятельности и бизнеса. Для осуществления забросов данная группа лиц согласует свои действия с осужденными по месту и времени заброса. С этой целью доставщики хорошо изучили местность, прилегающую к системе охраны учреждения, а также расположение объектов на территории самого учреждения. Для осуществления забросов используются различные метательные средства (катапульты, пневматические системы), действия которых основаны на энергии сжатых газов. Дальность забросов достигает 300 метров. В течение суток один доставщик может объехать от 2 до 5 учреждений и произвести до 10 забросов. Экономическая рентабельность такой деятельности обеспечена даже при 10% эффективности заброса. Таким образом, данная группа лиц прямо заинтересована в обеспечении лиц, отбывающих наказание, средствами сотовой связи.

Третья группа объединяет операторов сотовой связи, их отношение к данной проблеме лучше проиллюстрировать примером. В июне 2016 года на территории Липецкой области проводились исследования по данной проблеме, в ходе которых были подключены операторы сотовой связи для оценки возможности блокирования номеров сотовых телефонов, выявленных на территории учреждений ФСИН по Липецкой области с помощью ретрансляционных радаров. На территории одного из учреждений в течение одного часа было выявлено несколько сотен номеров мобильных телефонов. Сотрудники оператора сотовой связи, которые были привлечены к проведению указанных экспериментальных исследований, отказались блокировать выявленные номера телефонов.

Их позиция объяснялась тем, что блокирование такого количества номеров заметно снизит трафик, а значит финансовую составляющую деятельности их компании. В дополнение к данной аргументации представители оператора сотовой связи привели некоторые расчеты. В интересующем нас районе, где располагалась исследуемое нами учреждение ФСИН России, находилось 4 небольших сельских населенных пункта. Объем трафика этих сел составлял около 60 тысяч рублей в месяц, а колонии – не менее 7 миллионов рублей. Отсюда нетрудно определиться с позицией операторов сотовой связи

– они кровно заинтересованы не в блокировании сотовых телефонов на территории учреждений ФСИН России, а в наращивании объемов оказываемых услуг как показателя финансовой стороны их деятельности.

Четвертая группа объединяет сотрудников учреждений ФСИН, непосредственно связанных с обеспечением её содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Отношение их к данной проблеме неоднозначно. Проведенные нами исследования показали, что около 23% средств мобильной связи доставляются на территории колоний через сотрудников УИС [1]. Стоимость такой услуги составляет несколько тысяч рублей. Кроме того, отдельные сотрудники учреждений УИС предоставляют свои сотовые телефоны для осуществления телефонных разговоров заключенным и лицам, содержащимся под стражей. Отработано множество способов передачи денег – от пополнения баланса сотового телефона до перевода средств на электронную карту инспирированного владельца.

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что объем денежного довольствия большей части сотрудников учреждений (рядового и сержантского состава) сопоставим с получением вознаграждений за пронос и передачу заключенным средств сотовой связи. К этому следует добавить и отсутствие серьезных наказаний в случае выявления подобных фактов.

Удивительно, но и оперативные сотрудники учреждений не заинтересованы в полном блокировании средств сотовой связи на территории колоний и тюрем. Свою позицию они аргументируют тем, что полное блокирование сотовой связи закрывает им канал получения оперативной информации.

Пятая группа – это сотрудники аппаратов управления ФСИН России. Какова же их позиция по решению данной проблемы? Отдельно этот вопрос не исследовался, да и вряд ли будет исследован. Можно лишь предположить, из чего формируется общее отношение ФСИН России к данной проблеме.

На протяжении нескольких столетий формировалась уголовно-исполнительная система нашей страны: менялись концепции, цели и задачи, а самое главное – критерии оценки эффективности работы системы в целом и по отдельным направлениям. В данной статье мы не будем приводить систему показателей оценки работы ФСИН России в нынешних условиях, но отметим, что проблемы по организации противодействия доступа заключенных к сотовой связи там нет. Данная проблема не имеет явной остроты для деятельности ФСИН в целом, а выглядит как вялотекущая задача, которая от случая к случаю привлекает к себе внимание то со стороны правозащитников, то людей, пострадавших от телефонных мошенников.

В итоге проведенного исследования вырисовывается интересная картина – в результатах противодействия несанкционированным контактам средств мобильной связи, осуществляемым с территорий учреждений ФСИН России, не заинтересован ни один из выделенных нами субъектов. Другими словами, выделенная проблема теоретически в обозримом будущем обречена остаться нерешенной.

По данным ФСИН России, только в 2014 году в учреждениях УИС было изъято 84738 сотовых телефонов, незаконно хранящихся у осужденных и

лиц, заключенных под стражу [2]. В 2015 году, согласно статистическим данным ФСИН России, было изъято около 68 тысяч сотовых телефонов. И это несмотря на то, что численность заключенных в 2015 году была самой низкой в новейшей истории России.

Таким образом, можно сделать вывод, что желание иметь сотовый телефон как незаменимое средство мобильной связи присуще значительной части подследственных и осужденных к лишению свободы. Их даже не останавливает перспектива получения дисциплинарных наказаний, ухудшения условий содержания, потери возможности быть досрочно освобожденным из мест лишения свободы. Неспособность сотрудников ФСИН перекрыть доступ спецконтингента к запрещенным для пользования в местах заключения средствам мобильной телефонной связи порождает у злоумышленников чувство вседозволенности, безнаказанности, безответственности и стимулирует их к совершению новых преступлений.

Образовался так называемый «порочный круг»: чем больше у осужденных на руках сотовых телефонов, тем эффективней им удастся организовывать доставку этих средств связи на режимные объекты. А это означает, что возникает все большая потребность в ресурсах для противодействия этому негативному явлению.

Ярким подтверждением актуальности рассматриваемых нами проблем со средствами связи в исправительных учреждениях ФСИН стало обсуждение в Государственной думе 21.03.2016 года во время проведения круглого стола темы «Законодательные меры противодействия преступлениям, совершенным с использованием мобильных средств связи лицами, находящимися в местах лишения свободы».

Было отмечено, что в 2015 году на территории России из 38114 зарегистрированных мошенничеств, совершенных с использованием мобильных средств связи, по данным ФСИН, 1238 совершено лицами, содержащимися в местах лишения свободы. Оперативными подразделениями ФСИН выявлено 125 осужденных, причастных к совершению подобных преступлений. Ежегодно от такого мошенничества страдают тысячи россиян [2]. Это означает, что сотрудникам ФСИН не удается в полной мере предотвращать незаконное использование средств мобильной связи осужденными и лицами, заключенными под стражу. Возникла острая необходимость в обосновании новых способов и средствах противодействия подобным правонарушениям.

Попробуем разобраться в эффективности тех или иных мер, применяемых по блокированию нелегальной телефонной сети в учреждениях ФСИН.

Во-первых, это борьба с забросами. Некоторым специалистам видится, что борьба с забросами может быть решена путем наращивания высоты забора и создания противозабросных заграждений. Как показал опыт наших коллег из Казахстана, путь этот малоэффективен. Высота воздвигнутых заборов достигла 9 метров, однако это не спасает от дальнобойных забросов. При использовании мощных рогаток, которые, к слову сказать, продаются в любом рыболовном и охотничьем магазине, скорость метания снаряда достигает 30 м/с, дальность метания снаряда массой 50 граммов составляет более 100 мет-

ров, при этом высота траектории составляет около 20 метров. Никакие заборы не защитят от таких забросов. Уже известны случаи использования для забросов любительских беспилотных аппаратов, высота полета которых может достигать более 100 метров.

Во-вторых, использование специальных средств подавления радиосигналов, так называемых «глушилок». Практика их применения показала ряд проблем, это прежде всего создание помех в телефонных сетях, находящихся в непосредственной близости к периметру территорий учреждений ФСИН. Снижение мощности «глушилок» не позволяет полностью блокировать радиосигналы сотовых телефонов.

В-третьих, изучается вопрос об использовании при строительстве пенитенциарных учреждений технологий стеновых панелей, изготовленных из сталетрубобетона, предназначенные для экранирования радиосигналов. В общем-то подобные технические решения известны и используются военными для защиты от электромагнитного воздействия своих командных пунктов. К «минусам» подобного экранирования следует отнести высокую стоимость данных технологий, а кроме того, их применение не закрывает открытые участки территорий указанных учреждений.

В-четвертых, предлагалось использовать нелинейные радиолокаторы, предназначенные для обнаружения неэкранированных радиоэлектронных устройств, содержащих полупроводниковые приборы (транзисторы, диоды, интегральные микросхемы и т.п.) с нелинейными вольтамперными характеристиками. Основным недостатком применения нелинейных локаторов является ограниченность времени его использования оператором – 15 – 30 минут в зависимости от режима работы. Это связано с опасностью для здоровья человека, находящегося в зоне сверхвысокочастотных электромагнитных волн. Тактика использования таких приборов – точечная, когда обнаружен подозрительный объект, например, взрывное устройство. При осмотре больших территорий, когда требуется значительное время, данный прибор не применяется.

Итак, на сегодняшний день нет единого эффективного технического решения данной проблемы. Следует полагать, что в данной ситуации требуется комплексный подход - разработка системы технических средств, а также правовое регулирование в данной области.

В данной статье автор предлагает создание системы блокирования сим-карт сотовых телефонов, используемых нелегально с территорий учреждений УИС. Эта система строится на том, что операторам сотовой связи передаются географические координаты периметров территорий учреждений ФСИН с точным указанием их границ. Описание периметра в координатах позволит выделить определенную территорию, которая будет иметь особый статус контроля соединений респондентов сотовой связи. Авторизация в сети сотовой связи происходит через сим-карту, которая имеет индивидуальный номер. Если звонок или СМС сообщение прошли с территории или поступили на территорию учреждения, то сим-карта автоматически блокируется оператором сотовой связи.

Для сотрудников учреждения следует создать служебную компаративную сеть – выделенные номера сотовых телефонов с возможностью вести переговоры только между собой. Сделать звонок или ответить на звонок вне компаративной сети невозможно. Это исключит использование служебных телефонов осужденными (заключенными под стражу).

В настоящее время возможности определения биллинга звонка сотового телефона составляет в городе до 15 метров, в сельской местности в зависимости от количества и дальности расположения вышек ретрансляторов - от 30 до 100 метров. Из этого следует, что ширина охранного периметра должна составлять не менее 15 метров. В настоящее время есть ряд технических решений, позволяющих существенно повысить точность биллинга на отдельных территориях, для этого на них следует установить элементы сотовых ретрансляторов. Следует оценить экономическую эффективность данного предложения, по существу предлагается вместо подавителей радиосигналов («глушилок») установить оборудование точной фиксации координат соединения сотовой связи. Это дает возможность сосредоточить усилия не на энергетическом подавлении радиосигналов, а на аналитике их распознавания и обработки: компаративная сеть может действовать с выделенной территории, все остальные соединения должны блокироваться, подобно тому как блокируются сим-карты утерянных телефонов.

Одним из важных вопросов в создании предлагаемой системы будет урегулирование законодательных норм, согласованных с Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. По мнению автора, это позволит полностью лишить заключенных незаконных средств связи.

При введении данной системы обязательно проявятся нюансы, например, при посещении территорий учреждений ФСИН посторонними лицами, включая родственников осужденных, адвокатов, сотрудников ФСИН, не работающих в данном учреждении. Они должны быть предупреждены о работе системы, иначе сим-карты их телефонов могут быть заблокированы. Следует отметить, что предлагаемая система все же не решит отдельных вопросов, связанных с неправомерным использованием мобильных телефонов в учреждениях ФСИН, например, при этапировании осужденных (заключенных).

Таким образом, в решении вопросов профилактики мошенничества, осуществляемого посредством сотовой связи с территорий учреждений ФСИН России, требуется комплексный подход, на фоне предлагаемых технических решений потребуются и обоснование правовых мер в отношении как осужденных, так и сотрудников учреждений ФСИН, незаконно использующих средства сотовой связи.

1. Колотушкин С. М. Современное состояние и тенденции в противодействии несанкционированным контактам при помощи средств мобильной связи, осуществляемым с территорий учреждений УИС России Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-

практической межведомственной конференции (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. С. 311.

2. Информационно-аналитическое обеспечение работы оперативных подразделений УИС по линии профилактики преступлений мошеннического характера с использованием средств мобильной связи, совершенных лицами, находящимися в местах лишения свободы (Аналитические материалы). ФКУ НИИ ФСИН, 2015 г. С. 23. С. 32.

Ключевые слова: профилактика мошенничества, осуществляемого по средствам сотовой связи, ФСИН России.

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кокорева Любовь Владимировна,

доцент кафедры уголовного процесса,

*Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,*

*143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево,
кандидат юридических наук;*

Кузнецова Елена Владимировна,

преподаватель кафедры уголовного процесса,

*Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,*

143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево

В статье рассматриваются особенности обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних нормами уголовно-процессуального законодательства.

Институт обеспечения безопасности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве является одной из гарантий реализации конституционного права на защиту, так как участие несовершеннолетнего при производстве предварительного расследования не должно представлять угрозы для его безопасности [4, с. 33-35].

В утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 761 от 1 июля 2012 г. Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы отмечено, что развитие высоких технологий, открытость страны мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, усугубили проблемы, связанные с торговлей детьми, детской порнографией и проституцией. Развитие электронных технологий и возможность передачи электронных

сообщений посредством телекоммуникационных сетей обусловили возникновение и развитие совершенно нового вида документооборота – электронного [5].

Согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти сведения могут быть представлены и в виде электронного сообщения, переданного по электронной почте, или электронного документа, переданного с помощью телекоммуникационных сетей. Основными вопросами, которые могут возникнуть при использовании подобных сообщений в уголовном процессе, являются формальные условия допустимости такого сообщения как доказательства, факт отправки (получения) такого сообщения другой стороной, неизменность содержания такого сообщения. В отдельную группу доказательств выделяют базы данных, которые могут содержаться в отдельных компьютерах, серверах, локальных сетях. Особая проблема при получении данных доказательств отмечается в регламентации извлечения информации с электронных носителей [2, с. 22-23].

Следует отметить, что в последнее время законодатель стал уделять повышенное внимание таким доказательствам, как электронный документ, электронное сообщение, информация в сети Интернет, в том числе особенностям работы с ними. Так, Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 143-ФЗ от 28 июля 2012 г. [6] были внесены существенные изменения в УПК РФ, а именно в ч. 4 ст. 81 была введена норма, предусматривающая возврат электронных носителей информации и документов, изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами, лицам, у которых они были изъяты. Статья 82 УПК РФ была дополнена положениями, регламентирующими порядок хранения этих доказательств, возврата их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, а также копирования.

Изменения коснулись и ст. 182 УПК РФ, в которую законодатель счел возможным добавить п. 9.1. Из его содержания следует, что при производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что ст. 183 УПК РФ, регламентирующая порядок производства выемки, была дополнена ч. 3.1 аналогичного содержания.

При всем прогрессивном значении приведенных изменений и дополнений УПК РФ необходимо отметить и мнение специалистов о том, что законодателью наряду с подробной регламентацией вопросов изъятия и хранения информации с компьютеров следовало бы электронное копирование информации обозначить как самостоятельное следственное действие [3, с. 25-28].

В настоящее время наиболее простым и логичным способом процессуального получения содержащейся в компьютерной сети информации как источника доказательств является выемка электронного носителя с представляющими интерес для следствия сведениями у провайдера, собственника (владельца) сервера с интернет-ресурсом и т. п., производимая на основании постановления следователя в соответствии со ст. 183 УПК РФ.

В отношении осмотра и выемки сообщений электронной почты в УПК РФ нет специальных норм, но, исходя из принципов обеспечения конституционных прав гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ), проводить указанные действия следует на основании судебного решения (ст. 165 УПК РФ) и в соответствии со ст. 185 УПК РФ «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка». В этом случае собственник (владелец) почтового сервера обязан предоставить пароль доступа к электронному почтовому ящику и саму содержащуюся там информацию.

Поскольку непосредственная выемка электронного носителя может причинить существенный вред его собственнику (владельцу) – потерпевшему или иному лицу, не причастному к совершенному преступлению, а также другим пользователям информационно-телекоммуникационной сети, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ допускает по ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации ее копирование на другие электронные носители. Копирование информации не допускается, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. В соответствии с законом копирование осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации, которые возвращаются предоставившему их лицу.

К сожалению, выемка может быть произведена только в случае, если имеется возможность непосредственного доступа к электронному носителю с интересующей следствие информацией. Однако часто сервер с интернет-ресурсом находится вне зоны доступности отечественных правоохранительных органов (например, за рубежом), поэтому получение доказательственной информации производится в ходе осмотра (ст.ст. 176–177 УПК РФ). В случае физической удаленности местоположения электронного носителя, когда изъять его не представляется возможным, осмотр происходит опосредованно, через информационно-телекоммуникационную сеть. При этом в качестве инструмента осмотра используется оборудование, подключенное к данной сети (рабочая станция), находящейся, как правило, в подразделении органа предварительного следствия (дознания) либо у привлекаемого к расследованию специалиста. Поскольку носитель следовой информации невозможно изъять в натуре, основываясь на общепринятых криминалистических методах, с него снимают копию, максимально отражающую значимые для уголовного дела

признаки, т. е. специалисты записывают компьютерную информацию из Сети на имеющийся у следствия электронный носитель.

Уголовно-процессуальное законодательство не предъявляет специальных требований к изъятию в ходе осмотра электронных носителей и содержащейся на них информации. Разумеется, при копировании информации должны обеспечиваться условия, исключающие возможность ее утраты или изменения.

В протоколе осмотра интернет-ресурса отражается вся последовательность действий: загрузка операционной системы и браузера, трассировка пути к необходимому адресу, последовательный переход по ссылкам, просмотр (прослушивание) аудиовизуальной информации непосредственно из Сети (в режиме онлайн) либо с предварительной загрузкой на жесткий диск компьютера и т. п. Возможно производство видеозаписи всего процесса осмотра. Электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей в ходе производства следственного действия, как и фото- и видеоматериалы, прилагаются к протоколу осмотра (ст. 166 УПК РФ).

Если содержащаяся в Сети информация представляет общественную опасность, после снятия копии она должна быть заблокирована до вступления решения суда по уголовному делу в законную силу, а при невозможности блокирования – удалена в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Представление об уничтожении (блокировании) вредоносного контента следователь направляет компании – владельцу сервера либо в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Предварительно с удаляемой (блокируемой) информации в установленном процессуальном порядке необходимо снять копию. Невыполнение этого условия может привести к утрате доказательственной базы вплоть до прекращения уголовного дела.

-
1. Боннер А. Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12.
 2. Зуев С. В. Электронное копирование информации – регламентация в УПК // Законность. 2013. № 8. С. 22–23.
 3. Зуев С. В. Электронное копирование информации и снятие информации с технических каналов связи как новые следственные действия // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2012. № 1 (1). С. 25–28.
 4. Малахова Ю. В. Меры обеспечения защиты несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 8. С. 33–35.
 5. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 июня 2012 г. № 23. Ст. 2994.
 6. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4332.

Ключевые слова: несовершеннолетние, сеть Интернет, следственные действия, информационная безопасность, электронные доказательства.

УДК 343.85

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ: НОВАЦИИ, КОЛЛИЗИИ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Корж Валентина Павловна,

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Харьковский национальный университет внутренних дел,
61000, Украина, г. Харьков, проспект Л. Ландау, 27,
доктор юридических наук*

Проанализированы отдельные положения Уголовного процессуального кодекса Украины, которые создали межотраслевые коллизии и коллизии в правоприменительной практике, деформировали функцию стороны обвинения; предложены способы их устранения.

Реформирование уголовно – процессуального законодательства сложный процесс. Процессуальные средства защиты основных ценностей человека – жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности – должны соответствовать конституционным нормам и международным правовым актам. К сожалению, новации в отдельных положениях УПК Украины 2012 года создают межотраслевые коллизии в сфере наук уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, беспорядок в правоприменительной практике и коллизии полномочий и статусов (прокурора – процессуального руководителя и прокурора, осуществляющего надзор за расследованием преступлений). Отдельные положения этого Кодекса разрушили отечественные процессуальные традиции, положительный опыт работы органов дознания и следствия, прокуратуры и суда, деформировали функцию стороны обвинения.

Научный анализ норм в разделах I, II, III, IV, V, VI, VII УПК Украины и соотношение их с нормами конституционного, уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что процессуальные нормы вторглись в предмет науки уголовного права, абсолютизировали свое главенствующее положение в правовой системе и обязали следователя, прокурора расследовать «*уголовные правонарушения*», а судей – постановлять приговор за совершение «*уголовного правонарушения*». Законодатель (авторы УПК) проигнорировали правовую аксиому: *нет преступления и нет наказания, если нет закона. В Украине отсутствует Закон «Об уголовной ответственности за уголовные правонарушения».* Научкой уголовного права не разработаны признаки, понятийный аппарат уголовного правонарушения, уголовного про-

ступка. Грубое вторжение норм УПК Украины в предмет науки уголовного права и уголовное законодательство создает коллизии в правоприменительной практике. Так, одни следователи в процессуальных документах используют терминологию «*уголовное правонарушение*» и при этом ссылаются на нормы Уголовного кодекса Украины. Некоторые следователи для регистрации в Едином реестре досудебных расследований используют терминологию «*уголовное правонарушение*», тогда как в сообщении о подозрении используют терминологию «*преступление*». Судьи в приговорах указывают о признании лица виновным в совершении «*уголовного правонарушения*» и при этом ссылаются на соответствующую статью Уголовного кодекса. Изложенное свидетельствует о том, что *в правоприменительной практике имеет место применения аналогии закона, тогда как в сфере уголовного законодательства аналогия полностью не допустима.*

Некоторые депутаты предлагают принять Закон «Об ответственности за уголовные правонарушения и уголовные проступки» (в Верховной Раде зарегистрирован такой законопроект). Полагаем, что такой Закон принимать нельзя, потому что на протяжении 2013-2016 г., лица были неправомерно осуждены судами за совершение *уголовного правонарушения*. После принятия указанного Закона, осужденные за деяния, не предусмотренные Уголовным кодексом, подлежат оправданию, в связи с неправильным применением уголовного закона. На наш взгляд, способом разрешения этой юридической коллизии является внесение изменений в отдельные положения УПК Украины, в которых необходимо предусмотреть единую терминологию Уголовного кодекса – *преступление*, расследование которых должно обеспечиваться процессуальными средствами.

Анализ отдельных положений УПК Украины, изучение практики реализации процессуальных норм позволяет сделать вывод о том, что процессуальные средства защиты интересов потерпевшего, личности в уголовном судопроизводстве от незаконного и необоснованного подозрения, обвинения и осуждения, как правило, формальны. Так, ч.1 ст.214 УПК Украины предусматривает безотлагательную регистрацию информации об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебного расследования и начало расследования без проведения предварительной проверки этой информации. Полагаем, что сообщение следователя о начале расследования, без принятия процессуального решения о расследовании, не создает правовые основания публичного уголовного преследования лица, совершившего преступление. Следует отметить, что упразднение института дознания, практика «автоматического» начала расследования, привели к увеличению фактов сокрытия преступлений от учета, нарушению прав потерпевшего и лишению возможности на правовую защиту лиц, в отношении которых проводится расследование, поскольку они лишены права обжаловать необоснованное уголовное преследование. В соответствии с нормами УПК Украины 1960 года органы дознания принимали 95% решений об отказе в возбуждении уголовного дела, тогда как по действующему УПК (2012г.) досудебное расследование начинается следователем с момента внесения информации в Единый реестр досудебного расследо-

вания. По данным правовой статистики около 40% заявлений и сообщений из числа зарегистрированных в базе единого учета имели признаки преступлений, тогда как 60% – составляли зарегистрированные сообщения и заявления, по которым следователем было начато расследование и впоследствии прекращено за отсутствием события или состава преступления. По нашему мнению, в нормах УПК Украины имеет место процессуальный парадокс: следователь не принимает процессуального решения (постановления) о начале расследования (ст. 219), однако он принимает постановление о закрытии уголовного производства (ст. 284). Упразднение стадии возбуждения уголовного производства, органов дознания создает беспорядок в правоприменительной практике, увеличивает нагрузку на следователей, порождает злоупотребления, новые коррупционные схемы при решении вопроса об избрании меры пресечения, коррупционные откаты за прекращение уголовного производства.

Вызывают сомнение в научности и обоснованности новации изложены в главе 22 УПК Украины о направлении следователем письменного сообщения лицу о подозрении в совершении «уголовного правонарушения». Это сообщение автоматически переносится в обвинительный акт, который прокурор направляет в суд (ст. 291 УПК). Указанная новация нарушает права подозреваемого т.к. подозрение четко не сформулировано в письменном сообщении, процедура допроса подозреваемого нормами УПК не предусмотрена. В правоприменительной практике следователи при допросе подозреваемого руководствуются процессуальной процедурой допроса по аналогии со статьей 107 УПК Украины 1960 года.

Нормы уголовно – процессуального законодательства Украины не предусматривают правовые основания выдвижения обвинения, назначения судебных экспертиз, реабилитации лица, невиновного в совершении преступления.

Необходимо констатировать, что составление обвинительного акта следователем, по согласованию с прокурором, или прокурором в соответствии со ст. 291 УПК Украины без предъявления лицу обвинения и без признания его обвиняемым в совершении преступления, является не только нарушением прав обвиняемого в уголовном процессе, но и дискредитацией института обвинения в уголовном процессе, разрушением функции государственного обвинения в суде. Как правильно указано в юридической литературе, выдвижение обвинения на досудебном следствии – это деятельность уполномоченных органов и лиц по доказыванию обвинения, т.е. утверждения о совершении определенным лицом деяния, предусмотренного уголовным законом. Отсутствие процессуальной регламентации порядка предъявления обвинения на досудебном следствии и допроса обвиняемого по существу обвинения лишают права обвиняемого на защиту, так как ему на досудебном следствии следователь вручил сообщение о подозрении в совершении уголовного правонарушения. В теории уголовно-процессуального права, прокурорского надзора и правоприменительной практике прокурор поддерживает государственное обвинение в суде. Существенным пробелом УПК является отсутствие право-

вых и процессуальных оснований формулирования обвинения на досудебном следствии, процедуры допроса обвиняемого. Прокурор, в этой ситуации, вынужден сообщить следователя о подозрении использовать в качестве обвинения. Такие псевдонаучные новации разрушают конституционную функцию прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде, институт обвинения в уголовном процессе. В связи с этим, если на досудебном следствии обвинение не было предъявлено, то его невозможно изменить, дополнить. Вместе с тем, положения УПК предусматривают право прокурора изменить обвинение в суде (ст. 338 УПК), выдвигать дополнительное обвинение (ст. 339 УПК), отказываться от обвинения (ст. 340 УПК), согласовывать изменения обвинения, выдвижение нового обвинения и отказ от обвинения с вышестоящим прокурором (ст. 341 УПК).

Процесс реформирования уголовно - процессуального законодательства требует научно обоснованных процессуальных средств защиты личности в уголовном судопроизводстве в пределах предмета правового регулирования уголовно-процессуального права, с учетом отечественных процессуальных традиций и положительного опыта работы следственных органов, прокуратуры, суда. Такой подход будет способствовать укреплению правовой системы и претворению принципов и нравственных основ уголовного судопроизводства из декларации в инструмент прямого действия. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно соответствовать как социальным потребностям, так и потребностям практики.

Полагаем, что авторы проекта реформирования УПК РФ будут учитывать, что вышеуказанные новации в УПК Украины создали коллизии в правотворчестве и правоприменительной практике, деформировали институт обвинения в уголовном судопроизводстве. Большинство научных исследований последних лет обосновывают необходимость законодательного регулирования в УПК Украины:

- правовых оснований начала расследования, уголовно-процессуальной формы принятия решения о начале досудебного расследования, проведения проверки информации о преступлении, процедуры обжалования отказа следователя, прокурора внести информацию о преступлении в регистрационный учет;
- процессуальной процедуры выдвижения и предъявления обвинения на досудебном следствии, допроса обвиняемого (подозреваемого);
- процессуальной регламентации порядка назначения судебной экспертизы, в том числе повторной, комиссионной, комплексной; реабилитации лица, невиновного в совершении преступления.

Ключевые слова: «автоматическое» начало досудебного расследования, коллизии, деформация функции, полномочий, статуса прокурора.

Keywords: "auto" the beginning of pre-trial investigation, the collision deformation functions, powers, status of the prosecutor.

К ВОПРОСУ О САНКЦИЯХ В ИНСТИТУТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Красильников Сергей Валерьевич,

*адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8*

В статье рассматривается соотношение регулятивных и штрафных санкций в уголовно-процессуальном законе; пути развития института уголовно-процессуальной ответственности.

Вопрос ответственности вызывает интерес у общества с момента первых попыток правового регулирования социальных отношений. Однако выделять нарушения норм процессуального права в отдельный вид ответственности ученые стали не так давно. Существование процессуальной ответственности еще несколько десятилетий назад некоторыми учеными полностью отрицалось. В частности, И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин считали, что «процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности не существует» [1]. В современной науке факт наличия уголовно-процессуальной ответственности признается [2], однако относительно ее сущности по-прежнему ведутся дискуссии. Понятие уголовно-процессуальной ответственности в нормативных правовых источниках по-прежнему отсутствует и существует исключительно на страницах научных работ.

Не вызывает сомнений, что нарушения норм процессуального права имели место и до момента признания уголовно-процессуальной ответственности, в связи с чем имелаась необходимость в разработке механизма ответственности за указанные деяния. Одним из решений явилось закрепление ответственности за нарушение норм уголовно-процессуального права в иных отраслях права. Однако вследствие указанного решения возникла проблема «размытости» ответственности за нарушения норм уголовно-процессуального права в различных отраслях права, которая остается актуальной и в настоящее время.

Эта проблема не стала единственной. Данное решение, как нам представляется, предопределило специфику процессуального законодательства: в структуре правовой нормы часто отсутствует такой элемент как санкция.

Санкция является необходимым атрибутом каждой правовой нормы. Без санкции, в виде указания на меры государственного принуждения, подлежащие применению к нарушителю нормы, норма не будет правовой, не будет иметь юридического характера [3, с. 12]. Такой подход свидетельствует о том, что этот элемент играет важную роль в структуре нормы права. Санкции являются обязательным элементом ответственности: «обеспеченность (гаран-

тированность) государственным принуждением – необходимое качество каждой правовой нормы и права в целом» [4, с. 7].

В общей теории права существует классификация санкций. Большую часть санкций можно разделить на два основных вида: праввосстановительные санкции и санкции штрафные, карательные [3, с. 106]. Очевидно, что реальное претерпевание неблагоприятных последствий для лица, нарушившего требования законодательства, имеет место только в случае применения штрафных, карательных санкций. В уголовно-процессуальном законе в большей степени преобладают регулятивные и праввосстановительные санкции. Что же касается карательных санкций, то они в основном содержатся в нормах уголовного, административного, а также трудового (в вопросе нарушения дисциплины) права. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в уголовном судопроизводстве санкции в большей степени выполняют функцию регулирования правоотношений и обеспечения стабильного судопроизводства.

Наказание же лиц, нарушивших нормы процессуального права, реализуется путем применения правоохранительных и карательных санкций, которых, на наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе недостаточно. Преобладание в уголовно-процессуальном праве регулятивных санкций, по нашему мнению, привело к столь длительному пути признания уголовно-процессуальной ответственности как отдельного вида юридической ответственности. Считаем, что уголовно-процессуальное право должно содержать достаточное количество собственных штрафных (карательных) санкций. Уголовно-процессуальный кодекс РФ нуждается в их расширении. При нарушении норм, регулирующих уголовное судопроизводство, должна незамедлительно наступать уголовно-процессуальная ответственность. В зависимости от вида нарушения, она может быть выражена как собственным видом наказания, так и возможно применение наказания средствами другой отрасли права. Однако, механизм применения наказания должен регулироваться институтом уголовно-процессуальной ответственности. Аналогичной точки зрения придерживается и А.С. Барабаш, который полагает, что если нарушена норма уголовно-процессуального права, то за этим должна следовать соответственно и уголовно-процессуальная ответственность. Вместе с тем он обращает внимание на то, что действительно имеют место ситуации, когда уголовно-процессуального наказания недостаточно, и «в таких случаях можно прибегнуть к применению санкций, предусмотренных другими отраслями права, - к наказанию, но не к ответственности» [5, с. 93]. В этой связи необходимо отметить, что санкция является элементом правовой нормы, но не видом ответственности. В санкции закрепляется вид наказания, которое в свою очередь выражается конкретными неблагоприятными последствиями. Концепция, предложенная А.С. Барабашем, нами поддерживается. Вместе с тем, считаем, что ситуации, в которых наказание реализуется средствами иных отраслей права, в уголовном процессе целесообразно минимизировать.

О необходимости расширения в уголовном процессе собственных карательных санкций также может свидетельствовать то обстоятельство, что в

правоприменительной практике нередко возникают ситуации, негативно влияющие на выполнение должностных обязанностей представителями государственных органов. В некоторых случаях они связаны с поведением участников уголовного судопроизводства, не отнесенных законодателем к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты. Например, уголовно – процессуальным законом не предусмотрены санкции за несвоевременную отправку секретарём судебного заседания повестки о вызове в судебное заседание свидетеля. Ответственность в этом случае возможна только дисциплинарная.

Также следует обратить внимание на статьи 117 УПК РФ «Денежное взыскание» и 118 УПК РФ «Порядок наложения денежного взыскания и обращения залога в доход государства». Данные статьи введены в кодекс с целью соблюдения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей. Санкция статьи 117 УПК РФ является одной из немногих карательных (штрафных) санкций в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Тем не менее, несмотря на ее исключительность, указанная статья слишком универсальна, что, на наш взгляд, негативно влияет на возможность ее применения. В качестве одного из путей решения предлагаем использование в соответствующих статьях УПК РФ формулировки «... несет ответственность, предусмотренную статьей 117 настоящего кодекса...». Считаем, что это положительно отразится на ходе уголовного судопроизводства. Кроме прямого назначения, наличие предлагаемых изменений положительно повлияет на профилактику процессуальных нарушений. Участник уголовного судопроизводства в большей мере осознает неизбежность и характер наказания. При действующем законодательстве большинство граждан не имеют должного понимания об ответственности за нарушение норм уголовно-процессуального права, что приводит к игнорированию ими процессуальных обязанностей. Кроме того, исходя из анализа судебной практики правоприменители также не в полной мере представляют порядок привлечения к ответственности участников уголовного судопроизводства по вышеуказанной статье.

На основании изложенного, считаем необходимым продолжать научные дискуссии по затронутой в статье тематике, в связи с тем, что любые предложения по внесению изменений в законодательство, требует всестороннего анализа и изучения. Предлагаемые изменения, на наш взгляд позитивно повлияют на уголовное судопроизводство. При этом необходимо отметить, что в данной статье нами обозначены лишь некоторые направления развития уголовно-процессуального права в части ответственности за нарушение уголовно-процессуальных норм.

-
1. Самощенко И.С., Фарукишин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М.: Юрид. лит. 1971. С.187.
 2. Ветрова Г.Н Уголовно-процессуальная ответственность. Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1981. - 176 с., Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности. Дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2006. - 265 с.
 3. Лэйст О.Э. Санкции в советском праве. - М.: Госюриздат, 1962 . - 238 с.

4. Лэйст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 239с.
5. Барабаш А. С. Негативная уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987, № 4.

Ключевые слова: уголовно– процессуальная ответственность, санкции, участники уголовного судопроизводства, процессуальные обязанности, уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

УДК 343.1

ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Крылов Артем Александрович,

*аспирант кафедры уголовно правовых дисциплин,
Московская академия экономики и права,
117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 23*

Статья посвящена основаниям участия адвоката в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов исполнения приговора.

В последние годы судебной деятельности при исполнении приговоров стало уделяться больше внимания на страницах юридической печати. Во-первых, существенно возрос объем дел, рассматриваемых и разрешаемых судами в порядке ст. 399 УПК РФ. Их число достигает ежегодно более полу-миллиона [1]. Во-вторых, в раздел 14 УПК РФ «Исполнение приговора» регулярно вносятся изменения и дополнения (с момента принятия и введения в действие УПК РФ названный раздел кодекса обновлялся 43 раза), нуждающиеся в комментариях и анализе с позиций практического применения соответствующих процессуальных новелл. В-третьих, часть вопросов, входящих в предмет судебного производства в связи с исполнением приговора [2], были предметом обсуждения в Конституционном суде РФ с формулированием последним новых правовых позиций, которые не могли быть незамеченными специалистами. В-четвертых, 20 декабря 2011 г. Пленумом Верховного Суда РФ принято постановление № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [3], где высший судебный орган страны дал целый ряд принципиально новых разъяснений о практике применения норм раздела 14 УПК РФ, требующих научного осмысления.

Одной из актуальных проблем в контексте изучения обозначенной части уголовного судопроизводства является оказание квалифицированной юридической помощи осужденным. Как верно указывает О.Б. Кузнецова [4],

«осужденные - категория граждан, особенно нуждающихся в оказании юридической помощи, поскольку при отбывании наказания в виде лишения свободы они заведомо находятся в зависимом от администрации исполняющего наказание учреждения положении и ограничены в полномочиях лично защищать свои права и законные интересы». Однако данный аспект надлежит признать малоисследованным учеными-процессуалистами в условиях существенного обновления уголовно-процессуального законодательства об исполнении приговора, действия новых правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Принципиально важно также, что в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [5], обращено внимание судов на то, что по смыслу статьи 16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладает, наряду с другими лицами, и осужденный.

В данной статье нами затрагиваются имеющие непосредственное практическое значение вопросы об основаниях оказания правовой помощи и оформления полномочий адвоката в уголовно-исполнительном судопроизводстве, которые не нашли своего освещения в уголовно-процессуальной теории.

Действующим российским законодательством установлено только два основания, предоставляющих адвокату право участия в уголовном процессе.

1. Соглашение с доверителем (п. 1 ст. 25 Закона «Об адвокатской деятельности им адвокатуре в Российской Федерации» (далее - Закон об адвокатуре). В соответствии с п. 2 ст. 25 Закона об адвокатуре соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Представляется, что для участия адвоката в уголовно-исполнительном судопроизводстве на основании соглашения с доверителем необходимо одновременное соблюдение нескольких условий.

Первое - это достаточность времени для выбора адвоката у лица, нуждающегося в получении квалифицированной правовой помощи, получения согласия соответствующего адвоката об оказании такой помощи лицу в разрешении конкретного вопроса, требующего применения специальных знаний, согласования условий работы адвоката,

Второе - фактическое заключение соглашения с доверителем, которое, как правило, составляется в виде единого документа, подписываемого сторонами.

Соблюдение этих условий при разрешении вопросов уголовно-исполнительного судопроизводства, инициируемых осужденным либо реабилитированным, вполне возможно.

Наступление материально правовых оснований, дающих право лицу обратиться в суд за разрешением ряда вопросов при исполнении приговора,

влекущих улучшение положения осужденного или восстановление прав реабилитированного, можно с определенной степенью вероятности предвидеть этим лицам. Возникновение таких оснований в будущем, безусловно, зависит от множества факторов. Однако названные субъекты уголовно-исполнительного производства состояниии заранее подготовиться к возникновению указанных последствий и совершить действия, направленные на получение квалифицированной правовой помощи в случае их наступления: заключить соглашение с адвокатом, предметом которого будет являться оказание правовой помощи доверителю при разрешении определенного вопроса (вопросов) уголовно-исполнительного судопроизводства, либо совершить предварительные действия, направленные на заключение соглашения.

Проиллюстрируем это следующими примерами. С момента провозглашения оправдательного приговора оправданный может обоснованно предположить, что в соответствии с ч. 2 ст. 302 УПК РФ при вступлении такого приговора в законную силу у него возникнет право на реабилитацию. В течение срока, установленного законом для апелляционного обжалования приговора, в период апелляционного рассмотрения дела может провести консультации с адвокатом, осуществлявшим его защиту в ходе производства по уголовному делу, так и с иным адвокатом об оказании помощи при разрешении судом вопросов, связанных с возможным возникновением права на реабилитацию. Тем самым к моменту возникновения такого права юридическая помощь может быть оказана незамедлительно.

Аналогичные выводы о возможности заблаговременного обращения к адвокату и о реализации своего права после наступления соответствующих правовых оснований можно сделать в отношении тех вопросов, которые иницируются перед судом осужденным при исполнении приговора (в случаях оказания правовой помощи по «заявительной» модели).

Сложнее обстоит дело с реализацией осужденным своих прав на получение квалифицированной правовой помощи при заключении соглашения адвокатом в случаях обращения в суд учреждения или органа, исполняющего наказание, в том числе в котором осужденный отбывает наказание.

В таких случаях конкретный момент обращения соответствующего органа в суд с представлением, в результате рассмотрения которого положение осужденного может ухудшиться, предвидеть затруднительно. Вместе с тем осужденный не может не знать о наличии оснований для обращения соответствующего учреждения или органа в суд при исполнении приговора.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 399 УПК РФ осужденный должен быть извещен о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания. Таким образом минимальный срок, в течение которого осужденный может совершить действия, направленные на поиск адвоката и заключение с ним соглашения на предоставление квалифицированной правовой помощи, составляет 14 суток.

Следовательно, заключение соглашения об оказании юридической помощи как формального основания участия адвоката в уголовно-

исполнительном судопроизводстве возможно и при необходимости осуществления такой помощи по модели «защиты».

Однако, как минимум в двух случаях, установленных главой 47 УПК РФ, заключение соглашения на оказание правовой помощи, и оказание такой помощи адвокатом на основании соглашения вряд ли возможно.

Пунктом 18 ч.1 ст. 397 УПК РФ к компетенции суда отнесено разрешение вопроса о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы до рассмотрения вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, но не более чем на 30 суток. А п. 18.1. ч.1. ст. 397 УПК РФ - о заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного с. 1 ст. 75.1. УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, но не более чем на 30 суток, а также о направлении его в колонию-поселение под конвоем в порядке, установленном ст. ст. 75 и 76 УИК РФ, либо об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы.

Рассмотрение этих вопросов судом носит экстренный и неотложный характер. Это обусловлено тем, что основанием для рассмотрения представления органа внутренних дел или учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы является фактическое обнаружение и задержание ими осужденного. В соответствии с ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 22 Конституции России и в целях соблюдения принципа неприкосновенности личности до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Таким образом, представление этих органов должно быть рассмотрено в указанный срок, что исключает практическую возможность заключения осужденным соглашения с адвокатом.

Вместе с тем ни сокращение сроков судебной процедуры, ни ее экстренность не могут являться основанием для ограничения конституционного права на получение квалифицированной правовой помощи осужденным. Значит участие адвоката в уголовно-исполнительном судопроизводстве при рассмотрении таких вопросов должно обеспечиваться по-иному, чем соглашение, основанию.

Пунктами 3 и 4 ст. 25 Закона Об адвокатуре установлено, что одним из существенных условий соглашения на оказание юридической помощи являются условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации". Этим же законом предусмотрено, что отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством.

Соглашение на оказание правовой помощи в уголовно-исполнительном судопроизводстве – это всегда возмездная сделка. Следовательно, препятст-

нием для получения правовой помощи адвоката на основании соглашения может являться не только экстренность и срочность вопроса, связанного с исполнением приговора (п.п. 18 и 18.1 ч. 1 ст. 397 УПК РФ), но и отсутствие финансовых возможностей осужденного и оправданного для заключения соглашения с адвокатом.

2. Следующим основанием, предоставляющим адвокату право участия в уголовном процессе, является его назначение.

В ст. 7 Закона Об адвокатуре установлено, что адвокат обязан исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда (пп. 2 п.1). Из этого следует, что в отсутствии соглашения на оказание правовой помощи адвокат вправе осуществлять свои полномочия только участвуя в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда.

В силу требований ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. П. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предписывает, что участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника. Специальных норм о порядке назначения адвоката осужденному или оправданному в уголовно-исполнительном судопроизводстве действующее законодательство не содержит.

В то же время в научной литературе содержится верная позиция, согласно которой в уголовно-исполнительном судопроизводстве функцию оказания квалифицированной правовой помощи оправданному или осужденному реализует не «защитник», а «адвокат». Так, В.В. Николюк отмечает: «При осуществлении по правилам главы 7 УПК уголовно-исполнительного судопроизводства, когда уголовное дело разрешено и находится в архиве, «появление» вновь процессуальной фигуры защитника труднообъяснимо. Стремление превратить на данном этапе уголовного судопроизводства адвоката в защитника вряд ли диктуется какими-то объективными причинами. Когда нет обвинения, а значит и защиты, закон предпочитает называть «вещи своими именами». Так, например, в ч. 1.1 ст. 144 УПК указано, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, гарантируется право пользоваться услугами адвоката. В п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК предусмотрено, что свидетель вправе являться на допрос с адвокатом. Согласно ч.4 ст. 399 УПК осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката. Логика законодателя здесь очевидна: когда обвинения еще нет или оно уже закончилось, нет и защитника. Интересы лица в этих случаях может обеспечивать адвокат». С этими утверждениями надлежит согласиться [6].

На текущем этапе развития уголовно-процессуального законодательства в целях оказания квалифицированной правовой помощи осужденным в уголовно-исполнительном судопроизводстве необходимо руководствоваться нормами об осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве. Посколь-

ку в противном случае невозможно участие в таком судопроизводстве адвоката по назначению суда. Подтверждением этому является п. 1 Постановления Пленума Верховного суда России от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», содержание которого уже приводилось выше.

Ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитником называет лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Однако п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предоставляет защитнику право участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. Значит применительно к уголовно-исполнительному судопроизводству защитником можно называть лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов осужденных и оправданных, и оказывающее им юридическую помощь при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. В противном случае, в отсутствие соглашения об оказании правовой помощи между адвокатом и осужденным или оправданным, привлечение к участию в деле адвоката, а значит и оказание им квалифицированной правовой помощи, практически невозможно.

В соответствии с ч. 6 ст. 396 УПК РФ вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает единолично в судебном заседании. В соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично, именуется постановлением. Привлечение адвоката по назначению к участию в рассмотрении вопроса при исполнении приговора должно оформляться постановлением судьи.

Кроме того, пунктом 2 ст. 6 Закона Об адвокатуре установлено, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности. Часть 4 ст. 49 УПК РФ устанавливает: адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Применительно уголовно-исполнительному судопроизводству специальной нормы о порядке подтверждения полномочий адвоката в суде в УПК РФ не содержится.

В связи с изложенным представляется, что в целях исключения указанного противоречия в УПК РФ и Закон Об адвокатуре необходимо внести изменения, в соответствии с которыми допускается назначение судом не только защитника в уголовном судопроизводстве, но и адвоката в уголовно-исполнительном судопроизводстве, а полномочия адвоката, участвующего в уголовно-исполнительном судопроизводстве, подтверждаются предъявлением им удостоверения адвоката и ордера.

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2010-2015 гг., форма № 1, раздел 4.

2. Данная часть судебной деятельности именуется В.В. Николуком уголовно-исполнительным судопроизводством. Этот термин был введен в научный оборот в 1989 г. (См.: Николук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989), им стали оперировать другие исследователи и сегодня его можно считать относительно устоявшимся. В настоящей статье он также используется нами.
3. Рос. газета. 2011. 30 дек.
4. Кузнецова О.Б. Право осужденных на бесплатную юридическую помощь, оказываемую адвокатом//Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 34.
5. Рос. газета. 2015. 10 июля.
6. Николук В.В. : Монография.- «Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения» /. Орел, : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. / Сстр. 164.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, основания участия адвоката в судебном заседании, рассмотрение судом вопросов исполнения приговора.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кудряшов Дмитрий Александрович,

*адъюнкт ФПНП и НК по кафедре оружейведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, Москва, ул. Академика Волгина, д.12*

В данной статье рассмотрены основные дискуссионные вопросы и проблемы содержания понятия комплексной судебной экспертизы. Все эти вопросы возникают как в теории судебной экспертизы, так и в следственной и судебной практике.

В результате проведенного исследования выделены признаки комплексной экспертизы, разработано авторское понятие комплексной судебной экспертизы в процессуальном аспекте.

В настоящее время комплексной судебной экспертизе много внимания уделяется в специальной литературе. Ее изучение показывает, что не все авторы однозначно подходят к толкованию понятия комплексной судебной экспертизы. Данный тезис является следствием анализа процессуального законодательства, регулирующего назначение и производство комплексной экспертизы в уголовном судопроизводстве.

Комплексная судебная экспертиза представляет собой многоаспектное (или многосоставное) понятие. В его состав входят процессуальные, криминалистические, организационные, методические и гносеологические аспекты (или основы). С уверенностью определить, какие из них преобладают, практически невозможно. Все они находятся во взаимосвязи и дополняют друг друга. Однако, можно с уверенностью сказать, что т.к. понятие «комплексная судебная экспертиза» законодательно закреплено, что подтверждается ст.23 Федерального закона №73 от 31.05.2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и ст.201 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ, а так же другими ведомственными документами, следовательно, оно является процессуальным. Другой вопрос в том, что содержание этого понятия в перечисленных выше документах имеет некоторое различие, но это не отменяет предыдущего вывода. И нужно исходить именно из этого.

Такой точки зрения придерживается большинство ученых и экспертов. Они считают, что комплексная экспертиза – это понятие правовое, процессуальное, поскольку важным является закрепление в законе оснований и порядка проведения комплексной экспертизы, а также оформление и использование ее результатов в виде заключения эксперта. К таким авторам относятся Е.А. Зайцева [1], В.М. Галкин [2], Ю.К. Орлов [3], Н.П. Майлис [4] и многие другие.

Однако, исходя из того, что комплексная судебная экспертиза является многосоставным понятием, в состав которого, как уже было определено, входят процессуальные, организационные, методические и гносеологические аспекты, необходимо толковать содержание понятия комплексной экспертизы в каждом аспекте отдельно.

Представляется, что для наиболее полного отражения процессуальной и правовой стороны содержания понятия комплексной судебной экспертизы необходимо определить совокупность ее процессуальных признаков обозначенных законодателем в сфере уголовного судопроизводства. К таким признакам относятся:

1. *Комплексная экспертиза является самостоятельным видом судебных экспертиз.* Это подтверждается процессуальной регламентацией, закрепленной в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. №28.

2. *Комплексная экспертиза проводится несколькими экспертами.* Однако мы не исключаем возможность производства такой экспертизы одним экспертом, если он обладает достаточными знаниями в разных областях науки. Данный количественный признак породил существование трех точек зрения.

Первая точка зрения заключается в том, что производство комплексной экспертизы должна осуществлять комиссия экспертов. Например, профессор Ю.К. Орлов пишет, что «...комплексная экспертиза всегда проводится комиссионно и поэтому, в сущности, является разновидностью комиссионной...» [5].

В противоположность выше сказанному другие авторы считают, что комиссионный характер комплексной экспертизы не является основным признаком. Например, К.В. Ярмак пишет: «комиссионность – типичное, но не обязательное свойство комплексной экспертизы» [6].

Третья точка зрения является симбиозом первых двух. Ее авторы считают комиссионный характер основным признаком комплексной экспертизы, однако и не исключают возможность ее производства одним экспертом. Например, Н.П. Майлис и В.Ф. Орлова подчеркивают, что комиссионный характер комплексной экспертизы является типичным и очень важным явлением для определения правомочий членов комиссии, производящих комплексную экспертизу. При этом возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом ими не исключается: «Гносеологическая природа комплексности сохраняется и при производстве комплексной экспертизы одним экспертом, овладевшим несколькими экспертными специальностями» [7].

На наш взгляд последняя точка зрения наиболее полно отражает сущность комплексной экспертизы. Так же данное положение нашло свое отражение в п.12 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. №28, где прямо указано: «Если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам».

Во избежание путаницы, при трактовке содержания данного признака, мы предлагаем использовать следующую терминологию: производство комплексной экспертизы несколькими экспертами считать как *«общий случай производства такой экспертизы»*, а производство комплексной экспертизы единолично – как *«частный случай»*.

3. *Комплексная экспертиза проводится экспертами разных специальностей.* Данный признак является ключевым признаком, отделяющим комплексную экспертизу от других видов судебных экспертиз.

4. *Каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных лично им исследований, и несет за нее ответственность.*

5. *В заключении комплексной судебной экспертизы каждый эксперт лично указывает: какие исследования, и в каком объеме он провел; какие факты он установил; к каким выводам, по поставленным вопросам, он пришел.*

6. *Эксперты формулируют общий вывод и составляют единое заключение.* В ст.23 Федерального закона №73 от 31.05.2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» сказано: «Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода».

На основании выше изложенного, с целью унификации содержания понятия комплексной экспертизы мы предлагаем следующую ее редакцию в процессуальном аспекте: «Комплексная судебная экспертиза – это экспертиза, проводимая одним или несколькими экспертами, обладающими разными

специальностями, подписывающими и отвечающими за ту часть исследования, которую проводили лично, с целью решения задачи, формулирования общего вывода и дачи единого заключения».

В заключении следует подчеркнуть, что необходимость в единообразии действующего законодательства, регулирующего производство и назначение комплексной судебной экспертизы в уголовном процессе, в настоящее время остается на первом месте.

-
1. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 95-96.
 2. Галкин В.М. Соотношение заключения эксперта с другими средствами доказывания в уголовном процессе. – М.: ВНИИ судеб. экспертиз, 1971. – С. 11.
 3. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – №4 (32) – С. 172.
 4. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. – С. 112.
 5. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. – М.: Проспект, 2016 – С.154.
 6. Ярмак К.В. Современные тенденции развития комплексных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №6 – С.8.
 7. Майлис Н.П., Орлова В.Ф. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития. // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – №1 (33). – С. 140-141.

Ключевые слова: комплексная судебная экспертиза, процессуальная регламентация, правовое понятие, комиссионность, уголовное судопроизводство.

УДК 343.13

ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ В ПОРЯДКЕ УПК РФ

Кузьмина Ольга Леонидовна,

доцент кафедры уголовного процесса,

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета

МВД России, 236006, г. Калининград, ул. Галицкого, 30,

кандидат юридических наук;

Маханек Анна Борисовна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета

МВД России, 236006, г. Калининград, ул. Галицкого, 30,

кандидат юридических наук

Статья посвящена проблемам освидетельствования на состояние опьянения в порядке ст. 179 УПК РФ, а также вопросам изъятия образцов для исследования в процессе освидетельствования.

В соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ целью освидетельствования является не только обнаружение особых примет, следов преступления, телесных повреждений на теле человека, иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, но и выявление состояния опьянения. Включение в ст. 179 УПК РФ такой цели освидетельствования, как выявление состояния опьянения, вызвало ряд дискуссий среди ученых. Так, С.А. Шейфер полагает, что следователь путем простого наблюдения не может выявить у освидетельствуемого состояние опьянения [1, с. 92]. В.М. Быков считает, что освидетельствование на выявление состояния опьянения следует исключить из ч. 1 ст. 179 УПК РФ [2, с. 67].

Освидетельствование представляет собой типичное невербальное следственное действие, которое осуществляется с помощью зрения и иных органов чувств, прежде всего, обоняния. Освидетельствование в контексте уголовно-процессуального регулирования не предполагает проведения медицинских или иных исследований, то есть не позволяет точно диагностировать состояние опьянения. Вместе с тем в ходе его осуществления могут быть выявлены отдельные признаки опьянения, подлежащие невербальному способу восприятия – запах алкоголя, неустойчивость позы, нарушение речи, дрожание пальцев рук, покраснение лица и т.п. Таким образом, как полагает С.Б. Россинский, при установлении факта нахождения лица в состоянии опьянения освидетельствование приобретает весьма существенное значение: оно позволяет быстро и оперативно установить отдельные признаки аномального поведения, выдвинуть соответствующую следственную версию и тем самым предопределить дальнейшее назначение требуемой в данном случае судебно-наркологической экспертизы [3, с. 26-29].

Установление состояния опьянения особенно актуально при расследовании дорожно-транспортных преступлений, поскольку управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения – одна из частых причин совершения дорожно-транспортного происшествия, повлекшего тяжкие последствия [4, с. 65]. Однако в данном случае освидетельствование на состояние опьянения в порядке УПК РФ не позволяет доказать факт опьянения, поскольку без проведения лабораторных исследований установить наличие алкоголя в организме в количестве 0,16 мг./л. выдыхаемого воздуха не представляется возможным. В отношении лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения, выявить признаки наркотического опьянения с помощью зрения и обоняния также проблематично, поскольку признаки наркотического опьянения сложны и многообразны. Однако, что касается иных преступлений, не связанных с ДТП или незаконным оборотом наркотических средств, то, как нам представляется, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения вполне допустимо и без проведения лабораторных исследований.

Ряд вопросов связан с допустимостью изъятия в процессе освидетельствовании биологических образцов, которые в дальнейшем будут исследоваться в ходе судебной экспертизы. Изъятие, в том числе биологических образцов, как отмечает профессор А.Р. Белкин, может быть составной частью самых различных следственных действий [5, с. 15-22]. Как представляется, осуществлять такое изъятие более целесообразно в медицинском или экспертном учреждении. Если же изъятие в процессе освидетельствования производится, например, на месте ДТП, то следственно-оперативная группа должна быть оснащена сумкой-холодильником, хирургической ватой, емкостями для отбора образцов. Иначе будут нарушены правила Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 января 2006 г. № 40, который устанавливает порядок отбора, транспортировки и хранения биологических объектов для проведения химико-токсикологических исследований.

Если в ходе освидетельствования изымаются образцы для исследования, то возникает вопрос: не нарушаются ли тем самым требования ст. 179 УПК РФ, в соответствии с которой освидетельствование может быть произведено, если для этого не требуется производство судебной экспертизы? Точки зрения ученых в данном вопросе различны. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский обращают внимание на то, что освидетельствование с участием врача-нарколога, когда установить состояние опьянения невозможно без самостоятельного исследования на основе специальных медицинских знаний, не может заменить экспертизу, а является лишь подготовительным действием к ее проведению [6, с. 527]. Ю.Г. Торбин также полагает, что определение в рамках освидетельствования физиологического состояния лица – это одно из оснований назначения судебной экспертизы [7, с. 20-21]. В.В. Кальницкий указывает, что освидетельствование может предшествовать производству экспертизы [8, с. 22]. Противоположную позицию занимает А.П. Рыжаков [9], который полагает, что во всех без исключения случаях, когда для получения имеющих отношение к уголовному делу сведений путем исследования тела

человека, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков человека, необходимо производство судебной экспертизы, производится судебная экспертиза.

Мы придерживаемся первой точки зрения. Освидетельствование на состояние опьянения направлено на выявление признаков с помощью зрения и обоняния. Последующая химико-токсикологическая экспертиза (полагаем, что здесь необходима именно химико-токсикологическая, а не наркологическая экспертиза) проводится с целью установления количества вызвавшего опьянение вещества. Таким образом, требования ст. 179 УПК РФ не нарушаются.

Освидетельствование в порядке УПК РФ производится с учетом следующих норм:

1) освидетельствование может быть проведено как после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, так и до возбуждения дела в соответствии со ст. 144 УПК РФ;

2) необходимо вынесение мотивированного постановления о проведении освидетельствования;

3) ввиду принципа уважения чести и достоинства граждан (ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ) освидетельствование, связанное с обнажением, производится только в присутствии лиц одного пола со свидетельствуемым лицом, однако это правило не распространяется на врача;

4) при освидетельствовании, связанном с обнажением, технические средства фиксации изображения применяются только при согласии освидетельствуемого;

5) при производстве освидетельствуемого не обязательно участие понятых (ч. 1 ст. 170 УПК РФ), однако в силу использования объективного метода наблюдения их участие целесообразно и может быть обеспечено по ходатайству заинтересованных лиц или по инициативе следователя.

Освидетельствование по выявлению состояния опьянения должно проводиться незамедлительно. Очевидно, что производство освидетельствования на следующие сутки уже не целесообразно. Можно возразить, что следы употребления наркотических веществ сохраняются в организме человека несколько суток. Но при этом следует учитывать, что лица, употребляющие наркотики, зачастую хорошо разбираются в вопросах маскировки наркотического опьянения путем употребления различных лекарственных препаратов, осуществляют деинтоксикацию организма.

При проведении освидетельствования для выявления состояния опьянения до возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 179 УПК РФ следует учесть, что освидетельствование проводится в случаях, не терпящих отлагательства. Поэтому постановление о производстве освидетельствования до возбуждения уголовного дела должно быть мотивировано и содержать данные о том, что производство освидетельствования является срочным и не терпящим отлагательств.

При освидетельствовании не допускаются действия, унижающие достоинство или опасные для жизни и здоровья как освидетельствуемого, так и

всех иных участвующих в производстве следственного действия лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ).

Как представляется, к способам получения биологических образцов, методам, не унижающим достоинство личности, можно отнести получение образцов слюны. Что касается опасности для здоровья, то врач, присутствующий при освидетельствовании, может определить, какие методы получения образцов для исследования опасны для здоровья освидетельствуемого [10, с. 142].

Решение следователя о производстве освидетельствования является обязательным для лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Однако ч. 1 ст. 179 УПК РФ не содержит прямого указания на возможность принудительного проведения освидетельствования. Элементы принуждения при производстве освидетельствования допускают многие ученые [11, с. 27; 12, с. 138; 13, с. 9; 14, с. 13-16]. Однако специфика освидетельствования на состояние опьянения такова, что практически любые методы принуждения, направленные на получение биологических образцов, будут создавать угрозу здоровью.

Лицу, в отношении которого проводится освидетельствование, должны быть обеспечены права в соответствии с ч. 1.1 ст. 144, ч. 1 ст. 11 УПК РФ, ст. 2, ст. 18 Конституции РФ. Чтобы результаты освидетельствования были признаны доказательствами, следует учесть положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления мер процессуального принуждения, а также с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица. Указанному лицу также необходимо разъяснить нормы ст. 51 Конституции РФ, а также иные права, предусмотренные ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ.

Таким образом, исследование проблем производства освидетельствования для выявления состояния опьянения в порядке УПК РФ позволяет сделать следующие выводы.

1. Освидетельствование на выявление состояние опьянения в порядке УПК РФ должно сопровождаться получением биологических образцов для исследования с целью дальнейшего назначения судебной химико-токсикологической экспертизы.

2. При производстве освидетельствования для выявления состояние постановление о производстве освидетельствования должно быть мотивировано и содержать данные о том, что производство освидетельствования является срочным и нетерпящим отлагательств.

3. Лицу, в отношении которого проводится освидетельствование, должны быть обеспечены права в соответствии с ч. 1.1 ст. 144, ч. 1 ст. 11 УПК РФ, ст. 2, ст. 18 Конституции РФ.

4. При изъятии биологических образцов следует учесть требования Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 января 2006 года №40. Нарушение порядка изъятия, упаковки, хранения и перевозки биологических образцов может привести к признанию доказательств недопустимыми. Кроме того, в таких случаях химико-токсикологические лаборатории могут не принять на исследование биологические образцы. Поскольку в органах внутренних дел отсутствует возможность обеспечения условий хранения биологических образцов, полученных на месте освидетельствования, считаем, что освидетельствование на состояние опьянения в порядке УПК РФ следует проводить в медицинской организации с участием специалиста – врача-нарколога.

1. Шейфер С. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3. С. 92.
2. Быков В.М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 67.
3. Россинский С.Б. Освидетельствование как невербальное следственное действие // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 26-29.
4. Мешков В.М., Маханек А.Б., Тарасова В.И. Дорожно-транспортные преступления. Монография / Под общей редакцией В.М. Мешкова. - М., 2014.
5. Белкин А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 15-22.
6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / Ред. А.В. Смирнов. М.: Проспект, 2009.
7. Торбин Ю.Г. Освидетельствование в свете нового УПК РФ // Российский судья. 2002. № 11. С. 16 - 24.
8. Кальницкий В.В. Следственные действия: Учеб.пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 22.
9. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е издание, переработанное. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014.
10. Полищук О.В., Саксин С.В., Яровенко В.В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 142.
11. Виницкий Л.В. Освидетельствование на предварительном следствии. Смоленск, 1997. С. 27.
12. Торбин Ю.Г. Освидетельствование как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования. М., 2005. С. 138.
13. Макарыгин А.А., Ялышев С.А. Проблемы производства освидетельствования при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. № 23. С. 9
14. Журавлева Н.В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за организацию и содержание притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2010. № 2. С. 13-16.

Ключевые слова: освидетельствование на выявление состояния опьянения в порядке ст. 179 УПК РФ; изъятие биологических образцов; судебная экспертиза.

УДК 343.1

ЧАСТНЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Лавров Владимир Петрович,

*Профессор кафедры криминалистики,
Московский университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук профессор*

Статья посвящена современному состоянию системы частных криминалистических теорий и ее роли в обеспечении решения основных задач предварительного расследования, а также в целом – задач Уголовного судопроизводства России.

Криминалистика как юридическая (и как прикладная) наука теснейшим образом связана с уголовно-процессуальной наукой и уголовным судопроизводством. И в первую очередь эта связь состоит в том, что криминалистика разрабатывает научные положения и практические рекомендации по обеспечению норм уголовно-процессуального законодательства. И не случайно вопросам криминалистического обеспечения расследования в последние десятилетия (начиная с 1997 года) в российской юридической науке уделяется пристальное внимание. Мы имеем здесь в виду широко известные труды профессоров Р.С. Белкина, Т.В. Аверьяновой, В.Г. Коломацкого, А.Ф. Волинского и многих других ученых-криминалистов.

При этом под криминалистическим обеспечением применительно к теме статьи, вслед за поименованными учеными, понимается сложная многоаспектная деятельность, направленная на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических приемов и рекомендаций, а вместе с тем – на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений. (А.Ф. Волинский, 2012 г.)

В литературе справедливо подчеркивается, что структура криминалистического обеспечения расследования преступлений состоит из трех основных частей: 1) теоретические основы обеспечения; 2) правовое обеспечение; 3) организационные основы (включая научно-техническое, научно-методическое и учебно-методическое обеспечение) [1].

К научному (теоретическому) обеспечению относятся все четыре раздела криминалистики, и прежде всего – первый, имеющий методологическое значение: общая теория этой науки. В самой же общей теории принято структурно особо выделять прежде всего две части: общие положения (предмет, система, методы и т.п.) и частные криминалистические теории. При этом под частной криминалистической теорией понимается совокупность научных положений, отражающих одну или несколько неразрывно связанных между со-

бой наиболее важных сторон предмета криминалистики. Каждая из этих частных теорий (как и вся их система) отражает результаты познания объективных закономерностей действительности, составляющих предмет науки криминалистики. Профессор А.А. Эксархопуло даже писал, что «криминалистическая теория – это всегда высшая ступень познания в криминалистической науке, разрешающая фундаментальные криминалистические проблемы» [2, с. 69]. Это дало ему некоторые основания утверждать, что частных теорий такого уровня в криминалистике только три: теория идентификации, теория диагностики и теория принятия решения [2, с. 87-140]. С этим нам согласиться трудно. Полагаем, что круг частных криминалистических теорий значительно шире, о чем мы скажем дальше.

Значение этих частных теорий (их еще называют учениями) для всех трех остальных разделов криминалистики, а также для применения норм УК, УПК России и Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» трудно переоценить. Не случайно Р.С. Белкин весь второй том своего трехтомного курса криминалистики посвятил именно частным криминалистическим теориям [3].

Система частных криминалистических теорий, как система знаний, подвижна; ее изменение обуславливается развитием науки, совершенствованием законодательства, потребностями правоохранительной практики в новых теоретических обобщениях и новых средствах и методах борьбы с преступностью. Развитие общей теории криминалистики влечет за собой «возникновение новых частных криминалистических теорий и пересмотр существующих» (Р.С. Белкин).

Приведем перечень сформировавшихся криминалистических теорий, совокупность которых в определенной мере характеризует, по нашему мнению, их систему по содержанию:

1. Теория криминалистической идентификации.
2. Теория криминалистической диагностики.
3. Учение о механизме преступления (включившее в настоящее время учение о способе преступления).
4. Криминалистическое учение о навыках преступника.
5. Учение о фиксации криминалистически значимой (доказательственной и ориентирующей) информации.
6. Учение о криминалистической регистрации.
7. Учение о криминалистических версиях и планировании расследования.
8. Криминалистическая ситуалогия.
9. Криминалистическое учение о розыске.
10. Криминалистическая теория временных связей (отношений) в уголовном судопроизводстве.
11. Учение о противодействии расследованию и мерах по его преодолению.

12. Криминалистическое учение об изучении личности участников судопроизводства.

Приведенный перечень в определенной мере отражает субъективную позицию автора главы. Разумеется, во-первых, что система частных криминалистических теорий – это открытая система. Она постоянно развивается, совершенствуется, приспособляется к переработке и использованию информации, поступающей из практики расследования уголовных дел, а также из смежных наук (судебной медицины, психологии, биологии, физики, химии и т.д. и т.п.). Пополняется он за счет дальнейшей разработки отдельных общих положений остальных трех разделов криминалистики – техники, тактики и методики.

В то же время нельзя не учесть, что и процесс формирования некоторых, казалось бы, активно формировавшихся теорий по ряду объективных и субъективных причин приостанавливается, причем подчас на длительное время. Так произошло, по нашему мнению, по меньшей мере с тремя из названных Р.С. Белкиным в 1978-1997 гг. в числе «спорных» частных теорий: криминалистической теории причинности, теорией криминалистического прогнозирования и теорией криминалистической профилактики.

Действительно, за последние 20 лет специально посвященных этим теориям крупных работ (докторских диссертаций, монографий и т.п.) в криминалистике так и не появилось, а жаль. Приятное исключение составляют лишь две докторские диссертации, посвященные проблемам криминалистического обеспечения предупреждения преступлений (М.Ш. Махтаев – М., 2001) и криминалистической превенции (И.И. Иванов – Спб., 2004).

Зато появились многочисленные предложения отдельных известных ученых-криминалистов о включении в систему частных криминалистических теорий новых ее элементов. Часть из этих предложений обосновываются в монографических трудах и имеют, по нашему мнению, хорошую перспективу. Таковы, например, работы И.М. Комарова «Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства» (М.: Юрлитинформ, 2010); А.А. Эксархопуло – о криминалистической теории принятия решений (Спб.: 2009) [2, с. 125-140].

Вторая группа предложений, скорее, «вызвана массовым увлечением созданием новых частных криминалистических теорий». Об этом увлечении молодых ученых как об опасной тенденции развития криминалистики предупреждал еще Р.С. Белкин в одной из последних своих книг, называя их своеобразными криминалистическими фантомами, игрой ума авторов, пытающихся таким образом оставить свой след в науке [4, с. 219].

К подобным теориям можно отнести, например, идеи о создании «криминалистической эйдологии»; «криминалистической фактологии»; «криминалистической феноменологии» (Г.А. Зорин); «криминалистической гомологии» (В.А. Лукашевич); «кадаврологии» (А.А. Протасевич, С.Н. Богомоллова и др.); «криминалистической теории усложненного непосредственного познания» (В.Е. Корнаухов); «учения о криминалистическом анализе» (М.К. Камин-

ский и др.); «криминалистического учения об организации расследования преступлений» (И.П. Можаяева) и т.п.

Порожденные влиянием таких паранаук, как демонология, хирология, экстрасенсорика, биосенсорика, теософия, указанные выше положения паракриминалистики вряд ли даже в обозримом будущем превратятся в частные криминалистические теории и окажут свое влияние на деятельность по расследованию преступлений.

Между тем значение для уголовного судопроизводства частных теорий (учений), перечисленных в приведенном нами перечне, очень велико. Прежде всего – все они активно способствуют обеспечению установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам и тем самым выполнению требований ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и в целом – решению задач уголовного судопроизводства в России. Второе важное направление, в котором сходятся интересы уголовного процесса и системы частных криминалистических теорий – получение и фиксация ориентирующей информации, без которой в настоящее время особенно трудно получить доказательства по делу и раскрыть преступление.

Третье общее направление – обеспечение превращения сведений, полученных путем проведения оперативно-розыскных мер (как гласных, так и негласных), в доказательства.

В последние годы, особенно после существенного изменения порядка рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ в редакции Федерального закона от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ) можно отметить и еще одно существенное направление – обеспечение проверки таких сообщений в новых условиях, да еще с учетом введения новой формы дознания – дознания в сокращенной форме, введенной тем же Федеральным законом №23-ФЗ.

Особенности методики такого дознания, и прежде всего тактики его планирования и тактики отдельных действий дознавателя при сокращенном дознании, пока в достаточной степени не разработаны. В их разработке должны быть обязательно учтены как указанные выше нормы уголовно-процессуального законодательства, так и положения большинства частных криминалистических теорий, адаптируемых к вышеназванным новеллам уголовного процесса.

Думается, что и процессуалистам, и криминалистам предстоит еще немало сделать также в решении общей задачи по обеспечению профилактики в процессе расследования – как в форме предварительного следствия, так и при дознании.

Отметим, что роль отдельных элементов системы частных криминалистических теорий в решении задач уголовного судопроизводства может различаться в зависимости от характера этих задач, от уровня и содержания частных теорий, входящих в систему, а также степени их сформированности, состояния развития.

Так, большинство из перечисленных выше частных криминалистических теорий имеют прямое отношение к установлению всех (или по крайней мере большинства) обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному

делу и перечисленных в ст. 73 УПК РФ и в теории уголовного процесса. Таковы, например, теории идентификации, диагностики, временных связей (отношений), учения о механизме преступлений, о версиях и планировании расследования, о криминалистическом изучении личности, о противодействии расследованию и мерах по его преодолению, о фиксации криминалистически значимой информации и др.

Более узконаправленное, но также весьма существенное значение имеют в указанном отношении, например, частные криминалистические учения о навыках, розыске, регистрации.

В качестве обобщения можно сказать, что в целом по вопросу о взаимосвязи криминалистики и уголовного процесса ученые-криминалисты в большом долгу. За последние 30 лет после выхода в свет двух капитальных совместных работ А.И. Винберга и Р.С. Белкина о криминалистике и доказывании нам известны лишь докторская диссертация Е.В. Смахтина и несколько его книг по этой проблеме. Надеемся, что в будущем этот пробел будет восполнен. Необходимость и все основания для этого у российских ученых-криминалистов и процессуалистов есть.

-
1. Криминалистика. Учебник для студентов вузов // под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009, глава 3. (автор – А. Ф. Волынский).
 2. Экспархопуло А. А. Криминалистика. Учебник. Спб, 2009. С. 69.
 3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х т.; Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. – 464 с.
 4. Белкин Р.С. Криминалистика. Проблемы сегодняшнего дня. – М.: 2001. С. 219.

УДК 343,13

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА-АВТОТЕХНИКА В ОСМОТРЕ МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Лазаренко Ольга Николаевна,

доцент кафедры криминалистики,

Московский областной филиал Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя,

143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево,

кандидат юридических наук;

Морозова Наталия Владимировна,

*старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного
расследования в ОВД,*

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,

кандидат юридических наук

Статья посвящена рассмотрению вопросов привлечения специалиста-автотехника в целях наиболее эффективного применения автотехнических познаний (специальных знаний) в осуществлении осмотра места дорожно-транспортного происшествия

Одной из особенностей осмотра места ДТП является необходимость изучения на месте всех его элементов «водитель - автомобиль - дорога - среда» (ВАДС), механизма их действия и взаимодействия. Пока механизм этого взаимодействия в полном объёме не исследован в ходе осмотра, последний нельзя считать законченным. Изучение обстановки на месте происшествия позволяет выявить многие его причины и значительно облегчает задачу реконструкции всего произошедшего. В результате автономного действия или взаимодействия элементов системы ВАДС в опасной и аварийной обстановке в момент происшествия на них образуются видоизменения:

- следы качения, юза, торможения;
- следы удара, разрушения, отслаивание;
- следы повреждения одежды, тела и др.

На транспортном средстве могут появиться следы человека, а на человеке - транспортного средства и так далее. Все они могут быть найдены в ходе тщательного исследования, если следователь умело воспользуется помощью специалистов [1].

Место ДТП всегда несёт на себе отпечаток события, обстоятельства, которые следователю необходимо воспроизвести. Решению такой задачи способствует применение приёмов механики и инженерных расчётов, что также требует привлечения специалистов.

На месте ДТП создаётся сложная материальная (вещественная) обстановка, которая несёт самую разнообразную информацию. Эта обстановка сочетает в себе множество динамических следов, образовавшихся нередко в результате сил инерции, центробежных, тормозных, тяговых сил, сил сопротивления движению и так далее, что создаёт определённую специфику в их размещении и отображении внешнего строения слеодообразовывающего объекта.

Чтобы понять упомянутую специфику слеодообразования, для их исследования на месте происшествия необходимо применить познания в трасологии. При этом большое значение имеет внедрение одного из эффективных приёмов познания - моделирование как воображаемого (идеального), так и физического (материального).

Однако моделирование применяется в том случае, если:

1) собрана определённая информация о моделируемом процессе, объекте и т.д.;

2) собранная информация изучена на месте, затем точно и полно отражена в протоколе, на схеме путём фотографирования или видеосъёмки.

Чем более полной и точной будет собрана информация, тем полнее можно будет воспроизвести воображаемую (идеальную) или физическую (материальную) модель изучаемых явлений, процессов. Создавая в ходе осмотра ряд возможных вариантов, специалист проверяет их соответствие реальности.

Привлечение специалиста-автотехника к осмотру места ДТП определяется и тем, что это событие имеет скоростной и динамичный характер. В момент происшествия действуют различные физические законы, которые накладывают своеобразный отпечаток на обстановку и образование следов. Изучение действия этих законов требует применения на месте ДТП весьма точных технических приёмов измерения и специальных знаний.

Участвуя в обзорах места ДТП и транспортного средства, специалист-автотехник может оказать незаменимую помощь следователю в определении последовательности действий при осмотре, установке объектов осмотра, нахождении таких следов на месте происшествия, которые могут быть обнаружены только лицом, обладающим специальными знаниями.

Специалист-автотехник поможет выполнить технически грамотное изъятие деталей, механизмов, отделившихся или разрушенных частей (фрагментов) транспортного средства, лакокрасочных материалов (наслоений, отслоений частиц) и так далее, а также обеспечит их правильную упаковку.

Следователь лично осматривает место ДТП и несёт полную ответственность за качество обзора. В необходимых случаях следователь проводит измерения, составляет план (схему) осмотренного места и отдельных предметов, а также по возможности фотографирует их. Специалисты и оперативные работники, которые принимают участие в осмотре, действуют под руководством следователя и по его указаниям в пределах своей компетенции.

Специалист-автотехник, работая под руководством следователя и проявляя личную инициативу, принимает меры к фиксации обстановки места происшествия, осуществляет поиск, выявление, закрепление следов события. По указанию следователя он проводит обзорную, узловую и детальную съём-

ку. Снимки, содержащиеся в протоколах описания, позволяют наглядно представить и даже дополнить их. В процессе осмотра специалист-автотехник может предлагать следователю свой план проведения осмотра, по поводу начальной точки и наиболее целесообразного направления обзора, а также о научно-технических средствах, которые необходимо использовать.

Специалист-автотехник отвечает за своевременное применение и результативное использование научно-технических знаний, предоставляет следователю помощь в определении отношения к делу выявленных следов, получении других доказательств, проводит предварительное исследование вещественных доказательств.

Практика показывает, что специалисты-автотехники и следователь взаимодействуют на протяжении всех следственных действий, поскольку планирование его работы с использованием специальных знаний, решения следователей, идентификационных, диагностических и ситуационных задач, так же как и процессуальное закрепление результатов следственного действия с использованием специальных познаний, требуют этого [2].

Поэтому под тактикой использования специалиста-автотехника следует понимать систему наработанных в криминалистике специальных рекомендаций по наиболее эффективному применению автотехнических познаний (специальных знаний) в осуществлении конкретного следственного действия - осмотр места ДТП.

1. Демидова Т.В. Участие специалиста в осмотре мест происшествий при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4 (32). С. 166 - 170.

2. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений / Т.В. Демидова. - М.: Юрлитинформ, 2010. С.135.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, осмотр, специалист – автотехник, специальные знания.

УДК 343.98

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лаптев Виктор Иванович,

*старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин,
Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации
сотрудников МВД России,
241050, г. Брянск, пер-к 2-й Советский, 2а*

Статья посвящена актуальным вопросам становления и развития процесса состязательного переустройства уголовного судопроизводства,

которые на данный момент как ничто иное отражают характер индустриальной цивилизации, предпринимательского общества и демократического государства, дух свободной конкуренции и противоборства, где каждому предоставлен его шанс, в том числе и в судебной борьбе с самим государством.

В настоящее время в общественном сознании вершиной эволюции судопроизводства принято считать состязательность в уголовном судопроизводстве. Действительно, что может быть лучше полного равенства в споре, а также беспристрастного и объективного суда? Только здесь индивид может на равных противостоять государству. Все основные международно-правовые акты о суде основаны на принципах состязательно-процессуальной модели. Во-первых это Международный пакт о политических и гражданских правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и др. Основной целью всех происходящих в мире реформ уголовного процесса, начиная со второй половины XX века (Россия, Италия, Испания, Франция), являлось совершенствование состязательности уголовного судопроизводства. Касалось это, прежде всего, его подготовительных стадий, где традиционно наиболее сильны были инквизиционные атавизмы.

В уголовном процессе по Кодексу РСФСР 1960 года в досудебных стадиях отсутствовали правила о состязательности сторон, а в судебных стадиях принцип состязательности носил ограниченный характер. Такое положение объясняется, прежде всего, тем, что согласно тысячелетней традиции в российском правосудии в обязательном порядке в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела должна была быть установлена правда (истина), что предполагало недопущение привлечения к уголовной ответственности невиновного лица.

Полной состязательности не предусматривает и действующий УПК РФ 2002 года. Судья Верховного Суда в отставке доктор юридических наук, профессор В.В. Дорошков писал: «Если объективно взглянуть на сущность уголовного правосудия, то можно убедиться в том, что без стремления суда к достижению в уголовном процессе объективной истины утрачивается смысл правосудия, а действия сторон в уголовном процессе превращаются в фарс, спектакль» [1].

На современном этапе состязательность в процессе не предполагает использование в споре для обоснования своих доводов и позиции ложных, сфабрикованных доказательств. Если же участник уголовного судопроизводства в состязательном процессе использует в обоснование виновности или невиновности обвиняемого ложные, сфабрикованные доказательства, то в таком случае нельзя вести речь о правосудии, скорее, это сделка с правосудием или отказ от правосудия. Лицо, допустившее использование в состязательном процессе такого рода доказательства, подлежит не только моральному порицанию, но и уголовному преследованию.

При таких обстоятельствах напрашивается вывод, что на данном этапе состязательность как ничто иное отражает характер современной цивилиза-

ции, предпринимательского общества и демократического государства, дух свободной конкуренции и противоборства, где каждому предоставлен его шанс, в том числе и в судебной борьбе с самим государством.

Однако возникает вопрос, почему судебные отношения личности и государства на современном этапе носят столь выраженный недоброжелательный характер? Кто инициирует и поощряет на законодательном уровне эту «маленькую войну», в которой государство - «охотник», а обвиняемый - «дичь»? А великий русский писатель А. И. Герцен в свое время писал: «Прокурор, как ловкий тореадор, унижен и оскорблен, если травимый зверь уцелел». Итак, поскольку государство находится в гармонии с обществом и ставит своей первейшей задачей, как это находит свое отражение в современных конституциях, обеспечение прав, свобод и интересов личности, то зачем же ему вооружать против себя своих же собственных граждан целым арсеналом состязательных прав? Ответ на этот вопрос может быть одним: современное гражданское общество все еще опасается государства, не доверяя ему до конца, и потому рассматривает уголовный процесс как гарантию защиты своих прав против административно-бюрократического произвола.

При таких обстоятельствах необходимо констатировать, что за несколько тысячелетий, в течение которых в мире отправляется правосудие, человечество так и не сумело найти альтернативы состязательности, за исключением процесса инквизиционного или, иначе говоря, следственного, розыскного. Что является его главной чертой? Это такой порядок производства, когда задачи уголовного преследования, защиты и принятия решений по делу сливаются воедино в компетенции одного государственного органа. Он сам, без какого-либо особого обвинителя, возбуждает уголовное преследование, расследует обстоятельства дела, собирает доказательства, проявляет заботу о соблюдении законных интересов лиц, участвующих в производстве, и принимает все решения по делу. По сути, функции суда и обвинителя объединяются в одну новую функцию расследования, т. е. инквизиции. Короче говоря, инквизиция - это такой процесс, где суд есть уголовный преследователь, который одновременно является и судьей (как бы он формально ни назывался: судья, следователь, претор и т.д.). Такой орган расследования не равен подследственному, который для него не субъект правоотношений, а лишь объект управления. Орган расследования - единственный и нераздельный «хозяин процесса». Из-за отсутствия сторон не имеет юридического значения и спор о предмете дела - двигателем процесса является не спор сторон, а безличная воля, веление закона, нормативная инструкция. Подобный порядок не содержит достаточных гарантий для защиты интересов подследственного, так как эта задача противоестественным образом возложена на его процессуального противника - уголовного преследователя. Розыскной процесс есть применение к производству по уголовным делам методов управления из арсенала административной (исполнительной) власти (императивный метод власти-подчинения).

Итак, в настоящее время инквизиционный тип процесса в чистом виде почти не встречается в мире, однако отдельные его элементы присутствуют и

используются во многих современных уголовно-процессуальных системах. Они проявляют себя, по меньшей мере, в четырех главных моментах:

1) предъявление первоначального обвинения на досудебных стадиях процесса без участия суда самим уголовным преследователем (полицией, прокуратурой) в ходе допроса подозреваемого (Германия, Франция и т.п.) или с использованием особой квазисостязательной процедуры предъявления обвинения (Россия);

2) легализация всех (Россия, Франция) либо большинства доказательств (Германия), полученных стороной обвинения, в качестве судебных вне состязательной процедуры, т. е. уже в ходе прокурорского или полицейского дознания либо иных квазисостязательных процедур;

3) принятие самим уголовным преследователем некоторых итоговых решений по делу (транзакция, в том числе штраф по соглашению);

4) ревизионный порядок пересмотра вышестоящими судами судебных решений, особенно тех, которые уже вступили в законную силу.

Сегодня можно со всей очевидностью сказать, что, по всей видимости, намечается и некая новая форма конвергенции состязательных и инквизиционных начал, где каждое из них теряет свою собственную сущность. Речь, прежде всего, идет о медиационных процедурах, в которых достигается соглашение и примирение сторон. Появляются медиационные примирительные процедуры в сфере уголовного производства некоторых государств, например, в Великобритании и Германии. «В Японии большинство конфликтов разрешается с помощью примирительных процедур акхон, среди которых различают: ёдан - улаживание конфликтов на досудебных стадиях с помощью посредников; вилай - способ урегулирования, близкий к европейскому примирению сторон самим судом в ходе процесса; и шотей - снятие конфликта путем обращения сторон (с разрешения суда) к альтернативной процедуре переговоров с участием примирительной комиссии, которой поручается помочь сторонам вступить в мировое соглашение» [2]. Шотей практически идентичен западным медиационным процедурам.

Восприятие подобного опыта европейским правом говорит о том, что, возможно, мы являемся свидетелями начала процесса конвергенции правовых культур Запада и Востока, благодаря чему западное право вновь получает непосредственный доступ к моральным нормам, который был долгое время жестко опосредован юридической формой.

Необходимо еще не одно десятилетие, а может и столетие, чтобы процесс состязательности уголовного судопроизводства достиг своего «пика» совершенствования.

Подводя итог исследуемой теме, хочется верить - будущее за восстановительным правосудием. Можно предположить, что под влиянием его идей судебное разбирательство уголовных дел из состязательной процедуры, которая, по существу, является отражением ветхозаветного принципа талиона - возмездия, равного по силе преступлению, со временем преобразится в дискурсивный процесс выработки взаимоприемлемого для всех способа дальнейших действий. Своего рода «дорожной карты» обращения с правонаруши-

телем и потерпевшим, которая с наименьшими потерями ведет к восстановлению общественного мира и предупреждению преступлений.

1. Дорошков В. В. Отдельные доктринальные проблемы отечественного уголовного процесса и перспективы его дальнейшего развития// Материалы 2-й международной научно-практической конференции «Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики», ч. 2. – М: РАП, 2012. – С. 33-41.
2. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве//Правоведение. 1998.№3.С. 103-113.
3. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод»: Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 //Собрание законодательства РФ.-2001-№2 –С.163.
4. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. №6.- С46.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 ноября 2001г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г.
6. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса.-С-Пб:Альфа, 1999.-С.444-570.

Ключевые слова: уголовный процесс, международные правовые акты, инквизиция, квазисостязательная процедура, транзакция, медиационные примирительные процедуры, конвергенция правовых культур.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Латыпов Вадим Сагитьянович,
*заместитель начальника кафедры уголовного процесса,
Уфимский юридический институт МВД России,
450103, г. Уфа, ул. Муксинова 2,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена отдельным проблемам совершенствования института применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве; на основе проведенного правового анализа автор приходит к выводу о несовершенстве действующего процессуального законодательства в области применения специальных знаний сведущих лиц и предлагает дальнейшие пути реформирования с внесением изменений в УПК России.

Вопросам применения специальных знаний в процессе производства по уголовным делам в настоящее время посвящено большое количество научных исследований, в том числе фундаментального характера, это подчеркивает актуальность темы и ее значимость не только для научного мира, но в целом

для правоприменительной практики. Так, в частности отдельные аспекты института специальных знаний являлись предметом исследования видных ученых: Т.В. Аверьяновой, Ф.Г. Аминева, А.М. Баранова, Р.С. Белкина, Л.В. Виницкого, А.Ф. Волынского, С.М. Даровских, О.А. Зайцева, А.М. Зинина, А.Ф. Кони, В.Д. Кормы, Ю.Г. Корухова, А.В. Кудрявцевой, П.А. Lupинской, Н.П. Майлис, М.С. Строговича, А.А. Тарасова, С.В. Тетюева, И.И. Трапезниковой, О.В. Хитровой, С.А. Шейфера и многих других.

Признавая значительный и неоспоримый их вклад в развитие теоретических и правовых основ института применения специальных знаний в уголовном процессе, следует отметить, что проблема не исчерпала себя в теоретическом и практическом плане. Многие вопросы до настоящего времени остаются дискуссионными, в частности вопрос о применении специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела [1].

Так, по официальным данным статистики МВД России в январе - декабре 2015 года зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, или на 8,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 75 субъектах Российской Федерации. Выявлено 1063,03 тыс. лиц, совершивших преступления (+6,3%) [2], что свидетельствует о возрастающей нагрузке на правоохранительные органы, в том числе на первоначальном этапе, итогом которой является принятие решения о возбуждении уголовного дела или же отказе в таковом (ст. 145 УПК РФ).

Действительно, стадия возбуждения уголовного дела является ключевой стадией уголовного процесса. От законности, оперативности, всесторонности и обоснованности, принимаемых на данной стадии решений всех звеньев правоохранительной системы зависит быстрота проводимого расследования и успешность достижения назначения уголовного судопроизводства в условиях соблюдения прав и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в орбиту уголовного процесса.

Период сбора первоначального материала играет в большинстве своих случаев решающую роль, поскольку промедление в сборе доказательств на данном этапе может привести к невозможной потере следов преступления, невозможной утрате доказательств, на которые может сослаться не только сторона обвинения, но и защита.

Сложность данного этапа выражена в отсутствии процессуального положения заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства (пострадавшего, задержанного или заподозренного), а значит, у них нет прав, обязанностей и ответственности, присущих данным участникам.

В ходе сбора первоначального материала лицам, ведущим расследование, приходится иметь дело с заявителями, пострадавшими, а если в деле есть «лицо», то с задержанными по подозрению в совершении преступления или «заподозренными». Указанное обстоятельство вызывает затруднения у правоприменителей в процессе производства допустимых до возбуждения уголовного дела следственных действий, к примеру, назначения и производства судебной экспертизы.

Момент назначения и производства судебной экспертизы претерпевал неоднократные изменения в УПК РФ. Так, принятый в 2001 г. УПК РФ позволял лицу, проводящему расследование, назначать производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ 2001 г.). Позднее, в 2007 г., законодатель внес изменения, согласно которым назначение судебных экспертиз допускалось с момента возбуждения уголовного дела [3].

Процессуальная возможность назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела допущена федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [4] в целях проверки поступившего сообщения о совершенном преступлении.

Сам этап доследственной проверки регламентирован статьями 144-145 УПК РФ. Согласно ч. 1 статьи 144 УПК РФ на лиц, проводящих проверку (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания), закон возложил обязанность в срок, не превышающий трех суток в пределах своей компетенции осуществить проверку сообщения о готовящемся или уже совершенном преступлении.

Примечательно, что в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 195 УПК РФ потерпевший знакомится с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта. Законодатель предусмотрел данное право с той целью, чтобы заинтересованный потерпевший своевременно мог ознакомиться с видом судебной экспертизы; экспертным учреждением, в котором она будет проводиться; с судебным экспертом, которому будет поручена экспертиза; с датой и временем проведения экспертного исследования; с вопросами, поставленными в постановление о назначении судебной экспертизы; лицом, проводящим расследование. Это дает возможность потерпевшему при необходимости процессуально отреагировать (заявить отвод экспертному учреждению либо эксперту, скорректировать либо добавить интересующие его вопросы в рамках уголовного дела в постановление, спланировать свое время для явки в экспертное учреждение).

К сожалению, пострадавший до признания его потерпевшим, такой возможности с юридической точки зрения не имеет.

На наш взгляд, производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела может затронуть права и интересы лиц, не имеющих процессуально определенного статуса (заявителя, очевидца). Такое положение не соответствует назначению уголовного судопроизводства, которое заключается в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В этой связи предлагаем в гл. 27 УПК РФ внести следующие изменения: ч. 1 ст. 198 УПК РФ после слов «его защитник» дополнить словами «лица, участвующие в производстве процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении»; ч. 2 после слова «свидетель» дополнить словами «заявитель, очевидец, потерпевший», представив следующую редакцию статьи:

«Статья 198. Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы

1. При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, лица, участвующие в производстве процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении вправе:

- 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;
- 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;
- 3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;
- 4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;
- 5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;
- 6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

2. Свидетель, заявитель, очевидец, потерпевший в отношении которых производилась судебная экспертиза, вправе знакомиться с заключением эксперта. Потерпевший пользуется также правами, предусмотренными пунктами 1 и 2 части первой настоящей статьи».

-
1. Латыпов В. С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.
 2. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности - январь-декабрь 2015 года // <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения 11.08.2016).
 3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ.
 4. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04 марта 2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

Ключевые слова: уголовный процесс, сведущее лица, специальные знания, производство по уголовному делу, УПК.

УДК 343,13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Леоненко Роман Михайлович,

*доцент кафедры криминалистики, Московский областной филиал
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево,
кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются возможности использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела.

Происходящая криминализация общества повлекла появление новых видов преступлений, более изощренных способов их подготовки, совершения и сокрытия при использовании современных научно-технических устройств, что резко актуализирует проблему эффективности использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений.

Многогранность проблемы возбуждения уголовного дела заключается в том, что следователю (дознавателю), проводящему проверку, приходится в сжатые сроки решать вопрос о том, каких конкретно лиц (сведущих), обладающих специальными знаниями, необходимо привлечь для проведения проверки.

Вопрос о возбуждении уголовного дела решается в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. На данном этапе при необходимости проведения исследования лицо, ведущее проверку первичной информации о преступлении, самостоятельно решает, в какой форме использовать специальные знания.

На стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях применяются следующие формы использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: консультации, которые получают как в устной, так и в письменной формах; предварительное исследование в рамках проверки первоначальных материалов для решения вопросов о возбуждении уголовного дела; привлечение специалистов к осуществлению оперативно-разыскных мероприятий; проведение ревизий, аудиторских проверок до возбуждения уголовного дела [1]. Все указанные выше формы в равной степени (с точки зрения закона) могут быть применены на этапе возбуждения уголовного дела. Специальные знания могут быть применены специалистом (экспертом) самостоятельно либо использованы в рамках проводимых следователем процессуальных действий.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. [2] в ч. 4 ст. 195 УПК РФ внесено существенное дополнение, которое устанавливает, что судебная экспертиза может быть назначена до возбуждения уголовного дела, т.е. на стадии доследственной проверки. Это дополнение, введенное в статью в марте 2013 г., играет важную роль в обоснованности принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении. Следователь должен иметь в виду

положение ст. 144 УПК РФ: если экспертиза назначалась до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Следовательно целесообразно в такой ситуации действовать упреждающе – назначать в обязательном порядке дополнительную экспертизу с целью уточнения сделанных экспертами выводов и выяснения новых обстоятельств по делу. Следует согласиться с А.В. Хмелевой в том, что «законодатель, внося данное дополнение, поступил недостаточно последовательно, т.к. не внес соответствующие дополнения в ст. 207 УПК РФ, устанавливающую основания для дополнительной и повторной экспертизы» [3].

Для возбуждения уголовного дела по некоторым составам преступления целесообразно проведение соответствующих исследований в целях выяснения обстоятельств, которые повлияют на принятие законного и обоснованного решения. В качестве таковых чаще всего называют случаи во время дорожно-транспортных происшествий; причинение телесных повреждений, когда решение зависит от степени их тяжести; обнаружение трупов, когда иным путем нельзя установить причину смерти и характер телесных повреждений; преступления связанные с подделкой денежных знаков, сбытом культурных ценностей, незаконным оборотом наркотиков, оружия или боеприпасов [4].

В настоящее время в связи с внедрением современных научно-технических средств значение специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела существенно возросло. Субъект их применения – специалист, который может принимать участие на всех этапах раскрытия и расследования преступления, не только оказывая содействие в применении научно-технических методов и средств, но и проводя самостоятельные исследования, имеющие как предварительный характер – в ходе оперативно-розыскной деятельности, так и доказательственное значение уже на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении.

Кроме того, на стадии возбуждения уголовных дел широко используется потенциал экспертно-криминалистических учетов. Как известно, криминалистические учеты представляют собой научно разработанные системы регистрации, в которых сосредоточены и систематизированы определенные объекты и (или) сведения о них, имеющие криминалистическое значение, в целях последующего использования этих данных для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также розыска этих объектов [5]. В качестве примера можно привести следующее: по заключению дактилоскопической экспертизы представленные на исследование дактилокарты с отпечатками пальцев рук, составленные на имя А., заполненной в СИЗО-1 МВД Тувинской АССР г. Кызыла, с отпечатками пальцев кистей рук трупа неопознанной женщины, обнаруженной в западном направлении автотрассы, и отпечатки пальцев кистей рук с дактилокарты, хранящейся в электронном виде в системе АДИС «Папилон», являются идентичными, хотя по делу первоначально имелись сведения, что не установлено совпадение отпечатков пальцев обнаруженного трупа по базе автоматизированной дактилоскопической системы

АДИС «Папилон», о чем следователь, проводивший первичные следственные действия, указал в процессуальных документах, однако, согласно поступившей в суд информации сотрудником ЭКЦ МВД по Республике Тыва было проведено непосредственное исследование представленных кистей рук трупа, в результате которого удалось получить отпечатки большого, указательного, среднего пальцев левой руки, а также оттиск ладони правой руки трупа. Указанные отпечатки были помещены в систему АДИС-Папилон, что было отражено в журнале учета медика-криминалиста, то есть до возбуждения уголовного дела [6].

Справки и иные документы справочного характера, выдаваемые специалистом, имеют важное значение, так как информация, содержащаяся в них, может оказаться весьма ценной, или в отдельных случаях незаменимой, для установления обстоятельств совершенного и готовящегося преступления. Следователь(дознатель) вправе получать справки от специалиста по простому запросу. Процессуальный порядок получения данных справок законом не предусмотрен.

Таким образом, при использовании специальных знаний в процессе проверки заявлений, сообщений о преступлениях на стадии возбуждения уголовного дела следует учитывать, что данные, полученные в ходе проверочной деятельности, могут быть использованы в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу.

-
1. Веницкий Л.В., Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. Актуальные вопросы использования помощи специалиста на стадии возбуждения уголовного дела: монография. - М.: Юрлитинформ, 2012. С. 11.
 2. Федеральный закон Российской Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Собрание законодательства Российской Федерации. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.
 3. Хмелева А.В. Вопросы законодательного урегулирования использования следователем специальных знаний «сведущих лиц» // Российский следователь. 2014. № 11. С. 12.
 4. Капранов А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ростов на Дону. 2005 // URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=12039452>. (дата обращения 20.05.2016).
 5. Белов О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений. - М.: Юрлитинформ, 2009. С. 155.
 6. Решение Верховного Суда Республики Тыва от 19.07.2012 по делу 2-3/2012 // Росправосудие: <https://rospravosudie.com>. (дата обращения 23.05.2016).

Ключевые слова: специальные знания, возбуждение уголовного дела, преступление, следователь, специалист.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ОПЕРАТИВНО - РОЗЫСКНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Лукьянчикова Светлана Анатольевна,
*преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2;*

Трусова Юлия Александровна,
*адъюнкт,
Нижегородская академия МВД России,
603950, Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3*

Статья посвящена проблемам организации взаимодействия органов предварительного расследования с оперативно-розыскными подразделениями.

Для достижения результатов в борьбе с преступностью требуется эффективная работа по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, что, в свою очередь, предполагает более высокий уровень взаимодействия органов предварительного расследования с оперативно-розыскными подразделениями, поэтому в современных условиях эта проблема приобрела особую остроту. Как показывает практика, взаимодействие между данными субъектами является слабым звеном в организации борьбы с преступностью. Нередко именно из-за слабой организации взаимодействия преступления остаются нераскрытыми.

Вообще, в русском языке термин «взаимодействие» означает взаимную связь двух явлений, взаимную поддержку.

В словаре В. Даля такого термина нет, однако из смысла его синонимов- «взаимный», «взаимничать», взаимодействие означает соблюдение общности, взаимности действий и отношений [1].

В широком смысле «взаимодействие» выступает как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. При этом взаимодействие выступает как объективная и универсальная форма движения, развития, определяющая существование и структурную организацию любой материальной системы [2].

Несмотря на важность и значимость взаимодействия между субъектами, на практике возникают проблемы, требующие координального решения и усовершенствования путей их преодоления.

Полагаем, что разные критерии оценок этих двух подразделений являются самой острой проблемой во взаимодействии следствия и оперативно-

розыскных подразделений – разные руководители, у которых разные цели и задачи в расследовании дела.

Зачастую на практике это сводится к тому, что оперативные подразделения интересуют дела, относящиеся к категории «тяжкие» и «особо тяжкие», поскольку именно их выявление и направление в суд является одним из основных критериев оценки в работе подразделения.

У органов же следствия все наоборот. Для органов предварительного следствия не имеет значения степень тяжести преступления, каждое расследуемое дело должно быть доведено до суда в любом случае. Поэтому оперативное сопровождение дела до суда заметно ослабевает, или сводится к нулю, когда расследуется дело средней тяжести, в некоторых случаях даже тяжкое.

У органов следствия нет такого оценочного критерия, как выявление преступления, так же как у оперативных подразделений нет такого оценочного критерия, как «разумные сроки производства», которые в некоторых случаях увеличиваются именно по вине оперативных сотрудников. Согласно Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания не определены сроки предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности [3], поэтому на практике возникают случаи предоставления дополнительных результатов оперативно-розыскной деятельности, имеющих доказательственное значение, к окончанию предварительного следствия. При этом предоставленная информация может требовать значительного времени для изучения и приобщения в качестве вещественных доказательств. Путь решения данной проблемы видится во внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и в Инструкцию о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания о сроках предоставления информации на стадии предварительного расследования.

Кроме этого, в целях сбалансирования взаимодействия органов следствия и оперативных работников необходимо с непосредственным руководством обсуждать цели и задачи при расследовании конкретного преступления, пригласить на совместное оперативное совещание оперативный состав, где следует определить, что необходимо органам предварительного следствия, а оперативному подразделению пойти на компромиссы, после этого эффективность расследования дела увеличится. При необходимости повторять указанные совещания, пока не будет достигнут желательный результат при качественном расследовании уголовного дела.

Другой, наиболее распространенной проблемой при взаимодействии выступает выполнение поручений органом дознания. При выполнении поручений отсутствуют четкие сроки выполнения органом дознания поручений следователя в порядке ст. 38 УПК РФ, что приводит к тому, что отдельные поручения следователя органы дознания выполняют по прошествии месяца, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на сроках расследования уголовных дел [4]. Вместе с тем было бы неверно устанавливать одинаковые сроки для выполнения поручений при расследовании разных уголовных дел,

которые отличаются по составу, сложности, объему следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить ФЗ «Об ОРД» [5] положением о том, что в поручении для оперативных подразделений должны быть указан срок исполнения, в случае отсутствия указанного срока оперативные подразделения должны стремиться выполнить такое поручение в кратчайший срок, однако срок не должен превышать 10 суток. Данное положение целесообразно закрепить в ведомственных нормативных правовых актах, в которых также следует предусмотреть административную ответственность лиц, виновных в затягивании или нарушении сроков выполнения таких поручений.

Предлагается дополнить ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» нормой, закрепляющей право следователя давать в ходе рассмотрения сообщений о преступлении поручения органу дознания (субъекту оперативно-розыскной деятельности) о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Для оценки эффективности взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений необходимы объективные критерии, например, результативность, т.е. насколько успешно решены задачи, ради которых объединялись усилия взаимодействующих сторон. Если говорить об эффективности взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений в целом, то критерием будет раскрытие преступлений как результат рассмотрения в суде уголовных дел, возбужденных по материалам оперативно-розыскной деятельности, т.е. оценка по конечному результату оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Нацеленность оперативных работников на конечный результат, рассмотрение в качестве одной из важнейших задач оперативно-розыскной деятельности создание необходимых и достаточных предпосылок для быстрого и полного раскрытия преступлений способами уголовного судопроизводства - это тот ориентир, который позволяет объективно оценить эффективность взаимодействия.

Таким образом, возникающие практические проблемы оперативно-розыскных подразделений со следственными подразделениями в рамках взаимодействия связаны с различием оценочных критериев деятельности, и отсутствием конструктивных диалогов на этапах расследования уголовных дел. Решение данных проблем взаимодействия возможно при внесении законодательных дополнений и изменений, а также при установлении конструктивных диалогов между субъектами взаимодействия.

1. https://ru.wikisource.org/wiki/Толковый_словарь_В._Даля.

2. Пирогов С.Я. Философский словарь / под общ. ред. С.Я. Пирогова, А.С. Подопривогой. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. С.32.

3. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за обо-

ротом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»//СПС Гарант.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016)// СПС Консультант плюс

5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности»// СПС Консультант плюс.

Ключевые слова: взаимодействие, органы предварительного расследования, оперативно-розыскные подразделения.

УДК 343.1

ЭЛЕМЕНТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Марковичева Елена Викторовна,

главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства,

Российский государственный университет правосудия,

117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69,

доктор юридических наук, доцент

В статье анализируются новеллы уголовно-процессуального законодательства, связанные с внедрением в российский уголовный процесс элементов электронного правосудия, обосновывается необходимость дальнейшего реформирования законодательства за счет введения электронных документов в досудебных стадиях производства по уголовному делу.

В последние годы информационные технологии активно проникают в различные сферы жизни общества. Одной из причин их активного использования является необходимость оптимизации как деятельности органов государственной власти, так и взаимодействия граждан с этими органами, в том числе и правоохранительными. Особую актуальность приобретает вопрос использования информационных технологий в государственной деятельности по отправлению правосудия.

Механизм отправления правосудия играет большую роль в защите и восстановлении нарушенных прав, поскольку позволяет реализоваться судебной власти через разрешение правозначимых социальных конфликтов [1]. Вместе с тем, еще в Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 указывалось, что данный механизм нуждается в совершенствовании, в связи с наличием проблем, «связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой судов, неэффектив-

ным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и др.» [2]. В качестве одного из перспективных путей решения указанных проблем рассматривается возможность внедрения в российскую судебную систему технологий электронного правосудия.

Следует отметить, что процесс внедрения в судебную систему электронных технологий идет в России достаточно активно. В последние десять лет была запущена Государственная автоматизированная система «Правосудие», интернет-сервис «Мой арбитр» для подачи в арбитражные суды документов в электронном виде, электронное распределение дел между судьями, видеоконференцсвязь в судебных заседаниях, смс-извещения участников процесса и др.

Однако все эти нововведения затронули уголовное судопроизводство в незначительной степени. Конечно, этому способствует специфика уголовного процесса, в связи с чем проникновение информационных технологий в уголовное судопроизводство многих современных государств затруднено.

В то же время нельзя не согласиться с авторами, которые видят в постепенном переходе от письменной формы уголовного судопроизводства к электронному уголовному делу перспективное направление модернизации российского уголовного процесса, позволяющее сократить сроки уголовного судопроизводства, улучшить доступ участников к процессуальной информации, облегчить проверку материалов уголовного дела [3].

В последнее время в этом направлении законодателем сделаны определенные шаги. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ [4] в Уголовно-процессуальный кодекс РФ был внесен ряд изменений, среди которых принципиальным следует считать дополнение УПК РФ статьей 474.1. Данная статья призвана регламентировать порядок использования в уголовном судопроизводстве электронных документов и вступает в действие с 1 января 2017 г. Предлагаемые законодателем нововведения позволят участникам уголовного судопроизводства подавать в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления в форме электронного документа. Данный документ будет заполняться в специальной форме, размещенной на официальном сайте суда, и подписываться электронной подписью. К такому электронному обращению в суд могут прилагаться иные материалы, облаченные в форму электронного документа. Параллельно предполагается, что большинство судебных решений (за исключением содержащих охраняемую законом тайну, информацию в отношении несовершеннолетних или по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности) будет размещаться на сайте в виде электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Также предусмотрена возможность направления копии такого судебного решения участнику уголовного судопроизводства с использованием сети «Интернет».

В целом такие новеллы можно оценить положительно, однако предлагаемые в ст. 474.1 УПК РФ нормативные конструкции не кажутся безупречными и оставляют без ответа ряд важных вопросов.

Во-первых, российский законодатель использовал свой излюбленный метод законодательной техники и включил в статью значительное количество отсылочных норм, с которыми сложно работать правоприменителю. Причем ст. 474.1 УПК РФ отсылает последнего не только к иным уголовно-процессуальным нормам, но и к нормам других нормативно-правовых актов. В частности, ни для целей указанной статьи, ни для целей всего уголовного судопроизводства не вводится понятие электронного документа. Не ясно, в виде какого электронного документа должны предоставляться материалы, прилагаемые заявителем к форме, заполняемой на официальном сайте суда, и как эти материалы будут заверяться электронной подписью. В статье есть лишь отсылка к необходимости соответствия этих документов и порядка их заверения требованиям законодательства РФ. Вследствие этого приходится ориентироваться на нормы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [5] и Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [6], которые известны своей пробельностью и нечеткостью формулировок. Очевидно, что это сразу же породит массу вопросов у правоприменителя, для разрешения которых необходимо хотя бы принятие соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Во-вторых, вызывает сомнение целесообразность ограничения действия электронного документооборота только судебными стадиями уголовного процесса. Следует сказать о том, что ряд исследователей проблемы внедрения в отечественное уголовное судопроизводство информационных технологий не без оснований полагает, что электронное уголовное дело должно формироваться уже на досудебных стадиях и должно упростить ознакомление с материалами данного дела следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, прокурором или судьей [7].

На наш взгляд, предлагаемые отечественным законодателем полумеры продиктованы опасениями, что внедрение электронного документооборота в досудебные стадии приведет к массовым нарушениям прав участников уголовного процесса, а возможно, и к фальсификации уголовных дел. Подобные опасения понятны, но следует помнить, что и сейчас, когда фактически электронного документооборота в досудебных стадиях нет, предварительное расследование не свободно от вышеобозначенных негативных явлений. Очевидно, что здесь необходим разумный, взвешенный подход. На сегодняшний день речь не должна идти о полной замене «бумажного» уголовного дела на электронное. На такой уровень информатизации не перешло еще ни одно современное государство. Вместе с тем внедрение информационных технологий могло бы оптимизировать решение ряда проблем, именно поэтому целесообразно было бы вводить элементы электронного правосудия, начиная со стадии возбуждения уголовного дела.

1. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 12.
2. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 140 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.
3. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95-101.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
6. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
7. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 41-44.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронное уголовное дело, уголовное судопроизводство, суд, электронный документ.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О НАВЯСТВЕННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Мельник Сергей Васильевич,

*доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена вопросам нравственности в деятельности судебной власти при рассмотрении дел в судах. В работе выявлены наиболее актуальные проблемы деятельности судей по разрешению гражданских споров с точки зрения нравственности. Автором работы предложены рекомендации по поддержанию нравственности при осуществлении судопроизводства.

Одним из основных признаков демократического государства является наличие независимой судебной власти. Суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону. Независимость судей означает также исключение любого воздействия и вмешательства в деятельность судьи по осуществлению правосудия. Кроме того, независимость судебной власти является кон-

ституционным принципом, закрепленным в ст. 120 Конституции РФ. На наш взгляд, принцип подчинения судей только закону работает только тогда, когда судьи по своим жизненным установкам являются людьми честными, порядочными, когда они отдают себе отчет в том, что отступление от принципов закона может повлечь для них отстранение от занимаемой должности и уголовную ответственность. В случаях, если моральные устои судей противоречат общепринятым, а санкции для них недостижимы, решать вопрос о нравственной деятельности судей по осуществлению правосудия по гражданским делам можно полностью в отрицательную сторону.

Как справедливо отметил А.В. Гришин в своей статье «...Устав уголовного судопроизводства 1864 г. 1864 г., являлся важнейшим этапом на пути развития отечественного уголовного судопроизводства. Всего в УУС было 1254 статьи, количество которых значительно большее, чем в действующем УПК РФ. Данный законодательный акт достаточно детально регламентировал основания, условия и порядок задержания (ст. 256, 257 и 430), применение мер пресечения (ст. 416–432). Из иных мер процессуального принуждения в УУС 1864 г. наиболее детально был регламентирован привод (ст. 388–402). В названном Уставе затрагиваются и вопросы, касающиеся мер процессуального принуждения в виде денежного взыскания (ст. 69, 438), отстранения от должности (ст. 1100). Имелись приложения к статье 1124-й Устава уголовного судопроизводства «О делах, предоставленных непосредственному ведению казенного управления» [9]. Таким образом, значение УУС 1864 г., равно как и иных первых принятых в ходе реформы актов Российской империи для современного уголовного процесса очень велико. Благодаря своему возникновению, они заложили первые основы будущего демократического уголовного процесса. Была сформирована единая система судов; введены: институт присяжных заседателей; гласность, публичность, гуманизм судопроизводства; институт адвокатуры, деление доказательств. Судебные уставы даровали полную самостоятельность судебной власти, отделив ее от административной; создали стройную и прочную систему судебных инстанций, способствовавшую быстрому и единообразному отправлению правосудия; обеспечили надлежащий состав судебного персонала, определили его интеллектуальный и нравственный цензы, установили нормы о материальном положении судей и их несменяемости. В итоге сложилось не вполне стройное судоустройство, сочетающее в себе как дореформенные, так и пореформенные элементы. Согласно Судебным уставам к участию в отправлении правосудия привлекались представители народа в качестве присяжных заседателей, сословных представителей и мировых судей. Наконец, было преобразовано судопроизводство. Его превратили из тайного, следственного и письменного в гласное состязательное и устное. Основной задачей уголовного суда было провозглашено «...открытие в каждом деле безусловной истины» [9]. Для достижения торжества истины и справедливости в правосудии в Уставах Российской империи [10] было введено в судопроизводство состязательное начало [11, с.35].

Одной из форм осуществления правосудия является гражданское судопроизводство. Согласно ст. 8 Гражданскому процессуальному кодексу РФ [3]

(далее - ГПК РФ) правосудие в гражданском судопроизводстве осуществляется независимым судом. Ст. 46 Конституции РФ [4] гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Отечественная судебная система далеко не совершенна, так как, несмотря на многочисленные попытки ее реформирования, существуют проблемы, решить которые на сегодняшний день не удастся.

В настоящее время внедряются альтернативные способы урегулирования споров, но судебный порядок разрешения споров остается основным способом защиты гражданских прав. Люди надеются на объективность, всесторонность рассмотрения дела судами, на вынесение справедливого решения. По официальным данным российского негосударственного центра изучения общественного мнения имени Юрия Левады, примерно 1/5 жителей России отмечают нарушения права на справедливый суд (данные приведены по состоянию на май 2015 г.). [1] Это означает, что больше 29 млн. жителей России не удовлетворены отечественной системой правосудия по тем или иным причинам. В частности, отмечается, что страдает качество самого правосудия, нарушаются сроки судопроизводства, также существуют проблемы, связанные с информированием граждан о деятельности судебной системы, с эффективностью исполнения судебных актов. Кроме того, ключевым вопросом остается проблема нравственности при разрешении гражданских дел. На наш взгляд, разрешение гражданских дел можно назвать нравственным только тогда, когда вся гражданско-процессуальная деятельность отвечает критериям нравственности.

Ослабление роли суда по рассмотрению гражданских дел связано с принципом состязательности сторон, которые могут использовать все средства, не противоречащие закону, для доказывания правоты своей позиции. Суд не наделен полномочиями сбора доказательств, каждая сторона доказывает свою позицию. В сущности, суд лишь примыкает к версии стороны, которая наиболее адекватно отразила приведенные обстоятельства в доказательствах. Но вместе с тем, параллельно с усечением круга полномочий судей, идет процесс усиления их позиций, связанный с осуществлением ими правоприменительной функции. Как правило, судьи подчиняются закону и не могут создавать новые нормы права. Однако ч. 4 ст.1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ позволяют суду, при отсутствии подходящей нормы в тексте закона исходить из принципов осуществления правосудия, общих начал и смысла законодательства и принимать решение по принципу аналогии права. По нашему мнению, в действительности большинство вышеназванных принципов подкрепляются нормами морали, поэтому в сущности суд принимает решение на базе общих моральных установок, а также на основе собственного правосознания, что фактически означает возможность суда в исключительных случаях вырабатывать свои нормы и правила.

В данном случае вновь становится вопрос об уровне правосознания судьи и его жизненных ценностях. Но его деятельность мы можем назвать нравственной только тогда, когда она будет соответствовать мнению большинства.

Базовыми нравственными категориями деятельности судьи по осуществлению правосудия по гражданским делам, по нашему мнению, являются: «справедливость, истина, совесть».

Критерий справедливого судебного разбирательства в установлении истины достаточно сложен. Трудность проявляется и в теоретическом осмыслении данного понятия, и в практической работе по его установлению. Закон не дает четкого указания на определение справедливости, а суды, в свою очередь, не имеют четкого понимания содержания процессуальной справедливости. Здесь стоит отметить, что процессуальная справедливость - понятие, которое не должно относиться исключительно к справедливости судебного решения, оно вбирает в себя всю деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских споров. Как правило, люди формируют свои мнения о справедливости судебного разбирательства главным образом на основании объективности и беспристрастности самого судебного процесса, а не конечного результата [6, с.5].

Мы считаем, что судебное разбирательство должно основываться на взаимодействии. Этот критерий имеет важное значение, поскольку качество результата во многом зависит от успешного взаимодействия участников гражданского судопроизводства. Итог взаимодействия консолидируется в судебном решении, где отражается информация, которой владеет судья, и информация, которой владеют стороны. Судебное разбирательство будет справедливым тогда, когда всем участникам была предоставлена возможность взаимодействия с судом [5, с.7]. С участниками процесса нужно обращаться так, чтобы они почувствовали, что они были на самом деле услышаны и поняты.

Таким образом, субъективное восприятие участниками гражданского судопроизводства процессуальной справедливости формируется из уровня построенной коммуникации в зале судебного заседания.

Если же говорить об объективной справедливости, то она будет достигнута в том случае, если итоговое судебное решение будет отражать реальные фактические обстоятельства, подкрепленные доказательствами, если предварительно при этом суд активно взаимодействовал со всеми участниками процесса.

Еще выдающийся российский цивилист XIX века К. И. Малышев говорил: «Истина столь же необходима для суда, как и справедливость». Говоря о категории истины в гражданском процессе, следует отметить, что ученые выделяют объективную (материальную) и формальную истину. Главное отличие их состоит в том, что положения объективной истины адекватно отражают действительно сложившиеся обстоятельства дела; формальная, в свою очередь, «признается таковой, если она соответствует формальным указаниям закона» [8, с.264]. Что же устанавливает суд при рассмотрении гражданских дел?

Качественное отличие гражданского судопроизводства заключается в том, что бремя доказывания лежит на сторонах. Суд принимает решение на основе представленных доказательств и не предполагает о наличии доказательств, не представленных какой-либо из сторон. Сторона защиты и сторона

обвинения в судебном заседании отстаивают собственную версию, подкрепляя ее доказательствами. Сущность деятельности суда сводится к примыканию наиболее непротиворечивой позиции, которая впоследствии ложится в основу итогового решения.

Из правовой регламентации деятельности суда по рассмотрению гражданских дел следует вывод о том, что суд не устанавливает истину, а устанавливает то, что вытекает из доказательств, которые ему были представлены сторонами [2, с.11].

Основным принципом гражданского процесса является его состязательность. По мнению выдающегося российского цивилиста и процессуалиста Е.В. Васьковского, состязательность лучше обеспечивает достижение материальной правды в процессе, так как каждая сторона заинтересована в исходе дела [7, с.79]. Это способствует стремительному поиску сторонами доказательств, подтверждающих их позицию, представлению доказательств в суд, который помогает тяжущимся при установлении фактических обстоятельств дела, но при этом в сборе доказательств он участвовать не может.

По нашему мнению, на сегодняшний день следует твердо различать объективную и формальную истину, поскольку их содержание определяет процесс рассмотрения дела по существу, а также итог познавательной деятельности суда. Мы считаем, что достижение объективной истины не может гарантироваться судебной процедурой, поскольку цель вступает в противоречие с установленной процедурой ее достижения.

Категория совести является одной из ключевых при рассмотрении гражданских дел, поскольку ч. 1 ст. 67 ГПК РФ устанавливает: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Совесть - это способность человека критически оценивать собственные поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие должному. Совесть выполняет функцию внутреннего регулятора, свойственную морали в целом. При оценке доказательств судьи нуждаются во внутреннем регуляторе, поскольку от правильности оценки зависит исход гражданского дела. Но даже несмотря на объективность суда при рассмотрении гражданских дел, каждый судья в той мере субъективен, в которой его собственные убеждения не совпадают с реальными. Выбор суда является верным в той степени, насколько он соответствует уровню его морального сознания.

Таким образом, следует отметить, что нормы процессуального права и моральные нормы имеют тесную взаимосвязь. Деятельность суда по осуществлению судопроизводства можно оценивать как с позиций закона, так и с позиций нравственности. Общество зачастую оценивает деятельность суда исключительно по нравственным критериям. Но не стоит забывать, что при оценке следует учитывать и нормы морали и нормы права, поскольку только комплексный анализ деятельности суда позволяет наиболее объективно говорить о нравственном или безнравственном отправлении правосудия.

1. Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр» [Электронный ресурс]: <http://www.levada.ru>.
2. Бубон К.В. К вопросу о правовой категории "истина" в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. - М.: Законодательство и экономика, 2012, № 5. - С. 10-20.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Российская газета, №220, 20.11.2002.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, №31, ст. 4398.
5. Морхат П.М. Правовая справедливость судебной власти: теоретико-правовой аспект // Российский судья. - М.: Юрист, 2007, № 10. - С. 6-8.
6. Сухорукова О.А. Критерий процессуальной справедливости в оценке эффективности гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс, 2015, № 11. - С. 3-7.
7. Томина А. П. Принцип объективной истины в гражданском процессуальном праве (исторический аспект) / Вопросы российского и международного права. 2012. №.2. - С. 72-82.
8. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы гражданского процесса и некоторые вопросы доказывания // Тенденции развития гражданского процессуального права России. Сборник научных статей. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2008. - С. 254-270.
9. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ-2. Т. XXXIX. № 41476 // Интернет ресурс. Далее – УУС.
10. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / В 5 выпусках. - СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866. Издание Судебных уставов, сопровождаемое развернутыми пояснительными записками и подзаконными актами // Интернет ресурс.
11. Гришин А.В. Устав уголовного судопроизводства 1864 года и его влияние на развитие современного отечественного уголовного процесса. // Наука и практика № 2 (63). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2015 год. С.35.

Ключевые слова: нравственность, справедливость, истина, гражданский процесс, состязательность, независимость суда, совесть, моральные нормы.

УДК 343.1+347.1

ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ В СУДЕ

Мерецкий Николай Евгеньевич,

*заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, офис. 3339,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России;*

Шурухнов Николай Григорьевич,

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тульский филиал Российской правовой академии Министерства
юстиции Российской Федерации (г. Тула),
доктор юридических наук, профессор*

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы получения новых доказательств и регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве проверки показаний на месте в период судебного следствия, о необходимости которой показывают наши исследования.

При рассмотрении уголовного дела в суде, при производстве судебных действий, направленных на обнаружение новых и проверку ранее добытых доказательств, следует учитывать то, что на изменение обстановки влияют не только процессы, обусловленные прошедшим периодом, а она может быть трансформирована и в результате сознательной деятельности заинтересованных лиц. В силу этого установление обстоятельств происшествия, наличие либо отсутствие преступного характера произошедшего события определяются путем всестороннего исследования механизма совершенного правонарушения, отражением которого являются следы преступления.

Событие преступления, отраженное в сознании субъектом (злоумышленником, потерпевшим, свидетелем и т.д.), - это информация, которая всегда требует проверки. Следовательно, любая информация, трансформированная через сознание человека, необъективна и может иметь некоторую погрешность. Связано это с психологическими и физиологическими процессами восприятия, запоминания и воспроизведения личности. Сравнение же информации, изложенной человеком, с объектами внешнего мира позволяет снизить вероятность ее искажения в силу добросовестного заблуждения, а иногда и препятствует сознательному ее извращению. Проверка показаний на месте является одним из эффективных средств установления в суде процессуальной истины именно потому, что включает в себя одновременный анализ субъективного и объективного информационных потоков [1].

По своему содержанию показания должны быть относимыми к предмету доказывания по делу. По форме показания, подлежащие проверке, должны быть получены в установленном процессуальном порядке. Проверка показаний на месте, осуществляемая в суде, является судебным действием,

которому всегда предшествуют допросы. Учитывая, что в качестве доказательств могут приниматься показания лишь подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста (ст.74 УПК РФ), то проверке на месте могут подвергаться показания только указанных субъектов. В связи с этим следует согласиться с С.А. Синенко, который указывает, что лицо вправе получить любым, не противоречащим закону способом информацию в виде сведений, документов, предметов [3].

Учитывая, что предмет доказывания по уголовному делу выходит за рамки обстоятельств, которые то или иное лицо наблюдало во время или в период совершения преступного деяния, то вполне логично предположить, что показания субъектов судебного процесса могут касаться сведений и фактов, не связанных с местом совершения преступления, а ассоциироваться с иным местом события, имеющим криминалистическое значение.

Обратим внимание на тот факт, что информация о преступлении возникает в результате влияния события преступления на объекты и явления материального мира. Следовательно, подчиняясь законам взаимосвязи и взаимообусловленности, информация о преступлении всегда сопровождается отображением либо на объектах внешнего мира, либо в сознании людей.

Приходится, в частности, отметить, что отражение события преступления относится как к объективной стороне, так и к субъекту преступления. При проверке показаний в суде следует акцентировать внимание, прежде всего, на элементах механизма преступления. Производство проверки на месте в судебном разбирательстве направлено как на решение криминалистических, так и практических задач, к которым мы относим, во-первых, выявление связей и отношений внутри механизма преступления; во-вторых, установление процессов формирования и реализации способа преступления; в-третьих, определение имеющих существенное значение для рассмотрения дела обстоятельств, связанных с преступлением и получивших развитие в посткриминальный период.

Говоря о субъекте правонарушения, который, как показывает практика, является наиболее отражаемым в сознании людей при совершении преступления, следует отметить, что его личность может устанавливаться не только через определенные свойства, но и действия, т.е. через средства и способы их осуществления. Дело в том, что «данные о способе совершения преступления позволяют уяснить, какие следы оставило преступление в окружающей среде, где и как эти следы нужно искать, какие они содержат сведения о физических особенностях личности преступника, совершившего преступление, и т.д.» [4]. Следовательно, познание может происходить в результате исследования и анализа следов преступления, что позволяет, во-первых, воссоздать последовательность произошедших действий, во-вторых, увидеть средства и способы совершения противоправных действий и, в-третьих, выявить свойства личности (социального, психологического и биологического характера), имеющие криминалистическое значение. Полученные знания о личности преступника, в свою очередь, могут представлять собой отдельные доказательства, подтверждающие или опровергающие иные обстоятельства по делу.

Установление свойств личности преступника в период судебного следствия, в отличие от изучения тех же его качеств в стадии предварительного расследования, направлено не на поиск субъекта, совершившего преступление, а на проверку причастности к преступлению именно того подсудимого, которому предъявлено обвинение по уголовному делу.

В этом случае проверка показаний на месте в суде является судебным действием, которое одновременно выполняет функцию проверки ранее исследованных доказательств и одновременно является средством обнаружения новых доказательств как объективного, так и субъективного характера.

Иначе говоря, предметом проверки показаний на месте происшедшего события является информация, имеющая криминалистическое значение в рассматриваемом судом деле. Следовательно, доказательства по делу, как правило, несут в себе информацию значительно большую, чем требует предмет доказывания по уголовному делу. При этом одной из задач, стоящих перед судом, является вычленение, обнаружение и анализ именно юридически значимой для дела информации. От того, как организована работа в данный период, от правильного выбора необходимых следственных и иных процессуальных действий, их квалифицированного и своевременного выполнения во многом зависит успех дальнейшего расследования и всего производства по уголовному делу [2]. Необходимо отметить, что относимая к делу информация отдельного доказательства может быть эффективной только при условии ее использования во взаимосвязи с другими доказательствами, с последующим выделением основных элементов и существующих между ними связей.

Практика показывает, что проверка показаний на месте события в судебном заседании не является панацеей от судебных ошибок, связанных с неправильной оценкой исследованных в суде доказательств, а является дополнительным способом подтверждения имеющихся и получения новых доказательств. Иными словами, данное судебное действие позволяет детальнее провести анализ и тщательнее исследовать связи и соотношения отдельных элементов преступления, получить больше информации о структуре рассматриваемого события. Знание и владение субъектом доказывания надлежащими методами и средствами сбора информации направлены на выявление и использование более широкого объема доказательств об изменениях окружающей среды, влияющих на механизм преступления.

По нашему мнению, при проверке показаний на месте события суду необходимо учесть, что с момента совершения преступления до рассмотрения дела в суде прошел значительный период, а нахождение на свободе лиц, способных деятельно поддержать позицию стороны разбирательства или препятствовать (противодействовать) установлению истины (открытость и доступность к месту производства судебного действия и другие подобные обстоятельства), могут существенным образом влиять как на достоверность и характер информации, полученной по итогам судебного действия, так и на вопросы личной и процессуальной безопасности суда и иных участников процесса.

Кроме того, необходимо отметить, что с целью воспрепятствования установлению судом истинных процессов отражения на месте события не-

добросовестными участниками судебного следствия и содействующими им лицами, могут быть, во-первых, скрыты или уничтожены реальные изменения внешней обстановки, во-вторых, завуалированы, в-третьих, объяснены мнимыми или притворными процессами, создающими ложные представления о произошедшем событии или его элементах, в том числе о процессах отражения следов в среде.

Мы считаем, что оглашение показаний как судебное действие является квазиформой исследования в судебном следствии показаний лица, ранее допрошенного органами предварительного расследования.

Оглашенные в суде показания, так же как и показания, полученные судом в ходе непосредственного допроса, являются доказательствами, которые подлежат оценке в совокупности со всеми иными сведениями, исследованными в ходе судебного следствия. Поэтому в случае возникновения противоречий оглашенные показания, как иные доказательства, подлежат обязательной проверке. Приходится, в частности, отметить, что проверка показаний на месте события является лишь одним из способов устранения противоречий, возникших между доказательствами, предоставленными органом предварительного расследования, и доказательствами, полученными в период судебного следствия. Проверка показаний на месте события не может быть проведена в отсутствие лица, чьи показания проверяются. Обязательное участие такого лица исключает какую-либо двусмысленность и путаницу при сравнении проверки показаний на месте и оглашении показаний в суде. Общим между указанными судебными действиями является то, что оба они направлены на исследование идеальной информации, но на этом их похожесть ограничивается. Данные судебные действия имеют разные основания проведения, порядок и условия производства.

Таким образом, показания, оглашенные в суде, могут быть проверены только путем их сличения с внешней материальной обстановкой места события в выездном судебном заседании, в том числе как в ходе уточнения, так и в результате иных судебных действий, например, осмотра местности или помещения, допроса, опознания и т.д.

-
1. Мерецкий Н.Е. Концептуальные проблемы проведения проверки показаний на месте в ходе судебного следствия //Актуальные проблемы обеспечения прав и свобод личности в деятельности правоохранительных органов. сб. мат-лов межвуз. науч-практ. конф. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2012. С. 109-110.
 2. См.: Подшибякин А.С. Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2011. – С. 171.
 3. Синенко С.А. Об участии потерпевшего в доказывании по уголовным делам // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сб. мат-лов 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3. С. 150.
 4. Шурухнов Н.Г. Структура криминалистической характеристики преступления во взглядах профессора Е.И. Зуева /Н.Г. Шурухнов. Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): сб. матер-

лов 50-х криминалистических чтений: в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч.2. С.143.

Ключевые слова: суд, криминалистическое значение, доказательства, преступление, информация, судебные действия, обстоятельства, проверка, личность, показания, уголовно-процессуальный, истина.

УДК 343,1

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Морозова Наталия Владимировна,

*старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного
расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена теоретико-правовому анализу стандартов качества следствия в современной России.

Критерии, по которым оценивается качество какого-либо вида деятельности, зависят от степени формализации ее правил (т.е. количественного выражения как достигнутого результата, так и поставленной цели).

Но есть сферы человеческой деятельности, где невозможно выразить цель в количественных показателях. Более того, попытки сделать это могут вызвать (и вызывают) сбой в функционировании организации (фальсификация отчетных данных, подстраивание результатов деятельности под заданные целью параметры и др.).

Таким образом, степень формализации цели определяет пределы количественного выражения достигнутого результата [1].

Учитывая, что любая социальная система – организация (а следственные органы являются именно таковой) построена иерархически, т.е. существуют вышестоящие и нижестоящие организационные звенья системы, то априори допустимо наличие процессов управления.

Помимо иерархического построения системы органов следствия, абстрактно-декларативной формулировки общей цели (назначения) уголовного судопроизводства, трудности с определением критериев оценки деятельности следователя зависят и от стадийного движения уголовного дела. Последнее обуславливает смену оценивающих субъектов, в силу чего характер их выводов может быть различным.

Следует отметить также, что следственные органы не только являются компонентами собственной организационной системы, но и подсистемой сис-

темы уголовной юстиции, образующим фактором которой является уголовно-процессуальный закон.

В силу этого критериями оценки выступают как показатели, характеризующие организационную работу ведомства, так и качество принимаемых решений в ходе предварительного следствия. Последние являются основными и более сложно определяемыми аспектами качества следствия. Эта сложность зависит от ряда факторов, наиболее значимыми из которых являются следующие.

Во-первых, не определено желаемое состояние системы. Другими словами, это состояние будет достигнуто тогда, когда все уголовные дела, переданные в суд, завершатся обвинительным приговором. Или же достижение цели (желаемого состояния системы следствия) возможно и при определенном проценте оправдательных приговоров, постановлений о прекращении дела, внесении корректив в предъявленное обвинение, возвращении дел на дополнительное расследование.

Во-вторых, решение, принятое судом первой инстанции, может быть отменено или изменено при рассмотрении дела вышестоящим судом. Поэтому возникает вопрос о необходимости корректировки первоначальной оценки качества следствия.

В-третьих, наличие в законе оценочных понятий (достаточность доказательств, вероятность уклонения обвиняемого от суда и следствия и т.п.) дают простор действию субъективного фактора, т.е. убеждению соответствующего должностного лица в правильности принимаемого решения.

В-четвертых, требования, предъявляемые ч. 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ к процессуальным решениям (законность, обоснованность и мотивированность), содержат только одно, которое имеет объективную основу, - законность. Что же касается обоснованности и мотивированности, то они находятся в сфере действия субъективного фактора.

Несмотря на все отмеченные моменты, оценка качества деятельности следственных органов необходима как на уровне всей системы и ее отдельных подразделений, так и конкретных сотрудников, поскольку без нее невозможно корректировать в нужном направлении функционирование системы. Кроме того, люди, деятельность которых определяет функционирование системы, нуждаются в оценке их работы, поскольку она является основой их служебной карьеры.

Поскольку, как упоминалось, процесс уголовного судопроизводства имеет стадийное построение, прохождение уголовного дела из стадии в стадию без каких-либо отклонений (возвращение дела на доследование, изменение предварительного обвинения, прекращение уголовного преследования) означает, что основная задача следствия выполнена, а деятельность следователя оценивается положительно.

Возможно, что и следователь, и суд приняли ошибочные решения, но исследование материалов дела каким-либо органом, находящимся вне рамок системы уголовной юстиции, - задача явно утопическая. Поэтому процессу-

альная оценка судом результатов работы следователя остается единственным практическим реализуемым критерием.

Но между следователем и судом связь достаточно опосредованная. Между ними стоят руководитель следственного органа и прокурор. Руководитель следственного органа правомочен давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанных ходатайств, а также осуществлять ряд других полномочий.

Обширный объем процессуальных полномочий руководителя следственного органа в сочетании с его организационными (управленческими) возможностями предполагает и его ответственность за качество следствия. Поэтому поступившее к прокурору дело представляет собой результат работы не только следователя, но и руководителя следственного органа. Другое дело, в какой пропорции распределяются их усилия по расследованию преступления и чье внутреннее убеждение возобладало.

Так или иначе, но руководитель следственного органа является первым «контрольным фильтром», оценивающим и корректирующим деятельность следователя. Вторым «фильтром» является прокурор, к которому поступает законченное расследованием уголовное дело. Только в случае утверждения им обвинительного заключения и принятия решения о направлении дела в суд последний получает возможность оценивать содержащиеся в нем материалы.

При этом прокурор вправе принять решение о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ).

Таким образом, и прокурор может вносить свой вклад в результаты расследования преступления, в силу чего предметом оценки суда является качество деятельности всех должностных лиц, представляющих сторону обвинения как на досудебных, так и в судебных стадиях процесса по конкретному уголовному делу.

Несмотря на наличие некоторой доли субъективизма оценки судом законности проведенного следствия, она, как уже упоминалось, имеет более объективную основу, чем другие критерии.

Обоснованность решения - наиболее сложный предмет оценки судом результатов предварительного следствия. Однако здесь необходимо отметить

весьма важное обстоятельство. В отечественной юридической литературе оценка обоснованности решения рассматривалась в качестве итогового вывода о достаточности относимых и допустимых доказательств, лежащих в его (решения) основе [2].

Но независимо от круга обстоятельств, подлежащих судебной оценке, они могут быть разделены на две группы.

К одной из них относятся те действия и решения следователя, которые регулируются нормами закона, содержащими однозначное правило, т.е. не предоставляющие правоприменителю права выбора варианта поведения (правила подследственности, основания соединения и выделения уголовных дел, процессуальные сроки, обязательность рассмотрения ходатайств и др.).

Вторую группу составляют те действия и решения, которые регулируются нормами закона, допускающими несколько вариантов действий и решений правоприменителя.

Оценивая качество следствия применительно к соблюдению норм УПК РФ, относящихся к первой группе, суд решает вопрос о том, было ли допущено нарушение и могло ли оно повлиять на итог судебного разбирательства.

Оценка судом правильности принятого решения, реализующего нормы закона, входящие во вторую из указанных выше групп, гораздо сложнее. В таких нормах много неформализуемых понятий (достаточность доказательств, обоснованность заявленного ходатайства и др.), в силу чего особое значение приобретает субъективный фактор (внутреннее убеждение).

Суд может оценить результаты расследования как положительно, так и отрицательно. Но каждая социальная система - организация требует организационной устойчивости и функциональной определенности. Поэтому помимо и наряду с нормами закона в системе вырабатываются правила, соблюдение которых необходимо для достижения цели.

Если цель участников процесса, осуществляющих уголовное преследование, состоит в вынесении судом обвинительного приговора, то они не могут не считаться с требованиями, предъявляемыми судом к качеству следствия.

Такого рода требования являются стандартами качества, которые вырабатываются судебной практикой, могут до определенной степени различаться в судах одного уровня и даже у различных судей одного и того же суда. Однако эти различия могут нивелироваться практикой вышестоящего суда, в силу чего нижестоящий суд оказывается в положении оцениваемого.

Существование стандартов качества, соблюдение которых необходимо для стадийного движения уголовного дела, способствует единообразию следственной и судебной практики, хотя различия, порой достаточно существенные, и неизбежно сохраняются.

Проблема критериев оценки следствия вновь придает актуальность определению приоритета: что имеет первостепенное значение - строгое соблюдение установленной процедуры или достоверное установление фактических обстоятельств дела.

Приоритет процедуры в ее крайней форме означает уверенность в том, что строгое соблюдение предписанных законом правил гарантирует правильность принятого решения.

Достоверное установление фактических обстоятельств дела также имеет свою крайность, которая выражается в использовании сведений независимо от их источника.

Уголовно-процессуальный закон пытается найти приемлемый баланс между этими ценностями, определяя приоритетность одной из них применительно к конкретному институту.

Оценка качества следствия включает и вопрос о правильности реализации указанного баланса при расследовании дела. Например, что приоритетней: соблюдение установленных законом сроков следствия или выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, что повлечет нарушение процессуальных сроков.

Таким образом, содержательное раскрытие стандартов качества следствия, вырабатываемых судебной практикой, невозможно средствами одной лишь юридической науки. Необходимо использование методов социологии и социальной психологии, что требует от нас выхода на принципиально новый - междисциплинарный - уровень научного исследования.

1. Михайловская И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

2. Михайловская И.Б. Досудебное соглашение сторон о сотрудничестве: предмет судебной оценки по уголовному делу // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 16 - 18.

Ключевые слова: следствие, оценка, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Москвичев Сергей Александрович,

адъюнкт заочной формы обучения кафедры уголовного права и криминологии,

Краснодарский университет МВД России,

350000, г. Краснодар, ул. Ярославская, д.128

Статья посвящена актуальным вопросам криминологии, связанным с преступностью несовершеннолетних лиц с психическими аномалиями. Автором приводятся основные характеристики преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами с психическими аномалиями, и делается вывод, что рост подобных преступлений связан с длительной дезорганизацией и деградацией общества.

Современность ставит перед молодыми людьми не только новые возможности, но и новые проблемы. Среди основных можно выделить: распространение наркотиков, рост числа самоубийств, усиливающийся этнический и религиозный антагонизм и т.д. Связано это, прежде всего, с тем, что молодежь, собираясь в группы, становится внушаемой, импульсивной, нетерпимой и готова на любые «подвиги» ради удовлетворения собственных потребностей.

В настоящее время большинство молодых людей спокойно относятся к абортам и разводам, адюльтеру, промискуитету, беспризорности. Искажённое понимание категорий «любовь», «труд» и др. приводит к тому, некоторые представители молодежи теряют координаты своей жизни и не могут в полной мере увидеть результат своей деятельности, ощутить себя значимыми и полезными для общества.

Зачастую плохое материальное положение, питание, отсутствие или недоступность главных смыслов, культуры, ощущение безысходности, трудности адаптации к тем или иным ситуациям, конфликт индивида с окружением, неудовлетворенность желаниями и установками, одиночество, утомление, сознание неполноценности порождают в среде молодежи патологические способы борьбы со стрессами – алкоголизм, наркоманию, половую распущенность, суицидальное поведение и т.д. [1].

За последние несколько лет увеличивается число алкозависимых российских граждан (из 2 млн. зарегистрированных около 60 тыс. – дети в возрасте до 14 лет, около 100 тыс. – подростки в возрасте до 18 лет с установленным диагнозом «хронический алкоголизм»). Около 85% российских подростков имеют опыт употребления наркотических и (или) токсических средств (возраст первого знакомства с психоактивными веществами составляет 8-11 лет). Среди психически неполноценных несовершеннолетних склонность к частому употреблению спиртных напитков и наркотиков часто ощущается как потребность. Впоследствии такая зависимость при наличии факторов, стимулирующих асоциальное поведение (плохой пример ближайшего окружения подростка, бесконтрольность со стороны родителей, отсутствие надлежащей профилактики в учебном учреждении и т.д.), может выработать определённый стереотип поведения. По данным официальной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 2015 году из 195 350 осужденных, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, 7 521 - это лица несовершеннолетнего возраста (уменьшение по сравнению с 2014 г. на 0,6 %); из 7 661 осужденного, совершившего преступление в состоянии наркотического и иного (кроме алкогольного) опьянения, 683 подростка (увеличение по сравнению с 2014 г. на 8,5 %). [2]. Одной из главных причин такого положения дел является отсутствие надлежащим образом организованной профилактической работы органов полиции, образовательных и медицинских организаций.

По оперативным данным Росстата, количество жертв суицидов в России снижается 14 лет подряд, достигнув в 2015 году самого низкого показателя за 50 лет - 24 982. Несмотря на снижение числа самоубийств в стране, Россия по-прежнему остается на одном из первых мест в мире по частоте суицидов и, согласно расчетам, число самоубийств на 100000 человек населения в 2015 году равнялось 17,1, что пока выше показателей 1960 и 1961 годов (16,1). Особенно примечательно то, что каждый десятый суицидент – несовершеннолетний [3].

В стране по прежнему продолжает ухудшаться эпидемическая ситуация по ВИЧ-инфекции. По состоянию на 31 декабря 2015 года общее число зарегистрированных ВИЧ-инфицированных граждан Российской Федерации достигло 1 006 388 человек (увеличение по сравнению с 2014 годом на 10,9 %). Из них 53,6% - инфицировались при употреблении наркотиков нестерильным инструментарием, 44,0% – при гетеросексуальных контактах, 1,5% – при гомосексуальных контактах. В 2015 году произошло увеличение количества зарегистрированных детей с положительным диагнозом ВИЧ-инфекции по сравнению с 2014 годом – на 8,6 % [4].

Кроме этого, на формирование психического здоровья подрастающего поколения существенно влияют факторы сиротства, нищеты и беспризорности, последствия терроризма, явного и скрытого насилия, педагогическая запущенность, общая и учебная невротизация, коммерциализация жизни, миграция населения, ломки национальных традиций, идеологический вакуум и разобщенность поколений, расхождение населения, экологическое неблагополучие и др.

В 2015 году отмечено выраженное ухудшение состояния здоровья у детей, резкий рост частоты дезадаптаций в детско-подростковой среде, проявлений агрессии и вандализма, асоциальных, в том числе – криминальных форм поведения. Корень проблемы исходит из недоброжелательных отношений в семье, в которой живет и воспитывается ребенок. Насилие (испытываемое на себе или наблюдаемое по отношению к другим членам семьи), разводы родителей, отвержение родителями ребенка или отсутствие надлежащей заботы о нем, применение жестоких физических наказаний у молодых в ответ приводит к насильственному отношению к другим людям, наиболее выраженному в 10-29 лет. В 2015 году несовершеннолетними совершены 54879 преступлений (прирост по сравнению с 2014 годом - 3%), из которых 17225 – лицами в возрасте от 14 до 15 лет (прирост по сравнению с 2014 годом – 0,9 %), 38768 – лицами в возрасте от 16 до 17 лет (прирост по сравнению с 2014 годом – 3,9 %). Вызывает тревогу не столько увеличение общественно опасных деяний (такое происходит во многих странах), сколько их насильственно-агрессивный характер.

Совершение правонарушений и преступлений подростками часто связаны с поисками развлечений и обычно совершаются вместе с друзьями. Употребление такими лицами алкоголя, наркотиков, наличие у них оружия повышают вероятность нанесения ими телесных повреждений кому бы то ни было или самим себе. Прогноз становится еще более неблагоприятным при наличии следующих условий: совершение правонарушений и преступлений в возрасте до 13 лет; импульсивность; агрессивные настроения или представления; низкий образовательный уровень; насилие в семье, которое ребенок наблюдает или испытывает на себе; отсутствие надзора со стороны родителей и образовательных учреждений; контакты со сверстниками-преступниками; жизнь в районах с высоким уровнем преступности и бедности; обстановка вооруженных конфликтов и репрессий, времена социальных и политических преобразований; слабость социальной защиты населения; высокое неравенство доходов и др.

Психотравмирующим потенциалом обладает сексуальное насилие в семье (эксплуатация ребенка или подростка для получения сексуального удовлетворения), которая затрагивает личностную и когнитивную сферы ребенка. В результате у несо-

вершеннолетнего развивается психосоматические заболевания, злоупотребление психоактивными веществами, нарушение сексуальных отношений. Нередко у перенесших сексуальное насилие (особенно у мужчин) возникает желание к совершению аналогичных действий по отношению к другим людям. Среди лиц, совершивших жестокие преступления, преобладают те, кто пережил в детстве насилие или психологическую травму. Для них характерно саморазрушающее поведение.

Кроме этого, неблагоприятными социально-психологическими факторами, влияющими на развитие делинквентного и девиантного поведения несовершеннолетних в рамках посттравматического стрессового расстройства являются катастрофы и масштабные несчастные случаи, физические травмы при транспортных авариях и падениях с высоты, хирургические операции, разлука с родственниками, смерть близкого человека, родителей и т.д. У подростка наблюдаются отклонения в поведении со вспышками раздражения, агрессии, появляются садистские наклонности.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что преступность несовершеннолетних лиц с психическими аномалиями характеризуется рядом особенностей, отличающих ее от преступности иных возрастных групп населения: молодежи (18–30 лет) и взрослых (30 лет и старше). Эти особенности относятся фактически ко всем ключевым параметрам феномена преступности несовершеннолетних. Полагаем, что приведенные нами статистические данные еще раз убедительно подтверждают, что преступность несовершеннолетних лиц с психическими аномалиями является самостоятельным объектом криминологических исследований. Рассматриваемый нами вид преступности отличается стабильным ростом, темпы которого в большинстве случаев оказываются опережающими по отношению к аналогичным процессам, наблюдаемым в других возрастных группах. Преступность несовершеннолетних лиц с психическими аномалиями — это объективный результат дезорганизации общества, характерный для переходного периода распада социокультуры как целостности. Безусловно, это не может не отражаться на образе жизни несовершеннолетних. В этой связи одним из приоритетных направлений деятельности не только правоохранительных органов, но и общества в целом является эффективно организованная система профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

1. Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов / Под ред. Ю.С. Шевченко. М., 2011. С 6.

2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014-2015 гг. [Электронный ресурс]: // Доступ с официального сайта Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 13.08.2016).

3. Анализ показателей преступности за 2000-2015 гг. [Электронный ресурс]: // Доступ с официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.cbsd.gks.ru> (дата обращения: 06.07.2016).

4. Справка ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]: // Доступ с официального сайта Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом <http://www.hivrussia.org/stat/index.shtml> (дата обращения: 10.09.2016).

Ключевые слова: несовершеннолетние лица, преступность несовершеннолетних лиц, психические аномалии, дезорганизация общества, социальное неравенство.

УДК 343.97

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПОБОЯХ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Муллахметова Наталья Евгеньевна,
*заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Смоленский гуманитарный университет,
214014 г. Смоленск, ул. Герцена, д. 2,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются изменения в уголовный и уголовно-процессуальный закон, внесенные федеральным законом от 03.07.2016. № 323, касающиеся дел частного обвинения, анализируется порядок возбуждения уголовных дел о побоях.

Одним из ярких проявлений диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве является разделение форм уголовного преследования на частное, которое осуществляется по общему правилу самим потерпевшим, и публичное. На протяжении последних десятилетий институт частного обвинения претерпевал значительные преобразования. Например, федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ перечень дел частного обвинения был сокращен вдвое: из него исключили дела о клевете и оскорблении в связи с отнесением их к административным правонарушениям. Данные изменения вызвали критику в юридическом сообществе. Так, А.Ю. Епихин писал, что декриминализация клеветы и оскорбления, перевод этих деяний из уголовных в разряд административных правонарушений придали производству по этим делам публичный характер, указывал на то, что при этом невозможно прекращение дела в связи с примирением сторон [1]. Прошло чуть более полугода, и федеральным законом от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ клевета вновь была отнесена к уголовным делам частного обвинения. Последующие изменения, внесенные федеральным законом от 12 апреля 2007 года № 47-ФЗ, были направлены на усиление гарантий защиты прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения с учетом позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 27.06.2005 № 7-П.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2015 году в суды поступило 72748 дел частного обвинения, из них 31373 с обвинительным заключением, актом или постановлением, т.е. после проведения предварительного расследования, а остальные были возбуждены по заявлени-

ям граждан, поданным непосредственно мировому судье [2]. При этом по ч. 1 ст. 116 УК РФ ежегодно осуждалось 19-21 тысячи лиц [3].

С принятием Федерального закона от 03.07.2016. № 323 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» изменился подход к возбуждению уголовных дел о побоях. Теперь УК РФ разграничивает два вида побоев: в отношении близких лиц либо по определенным мотивам – ст. 116 УК РФ, и в отношении всех остальных лиц – ст. 116.1 УК РФ. При этом деяние, предусмотренное ст. 116 УК РФ, теперь относится к делам не частного, а частно-публичного обвинения, что предполагает возбуждение дела в обычном порядке и проведение по нему расследования в форме дознания. Ранее, если имели место побои без квалифицирующих признаков, по общему правилу дело возбуждалось путем подачи заявления мировому судье в соответствии со ст. 318 УПК РФ. Теперь при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 116 УК РФ, необходимо устанавливать, что побои совершены в отношении близкого лица, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Новая диспозиция статьи 116 УК РФ потребовала разъяснения понятия «близкие лица»: это близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство. Применительно к отношениям свойства вопросов на практике может и не возникнуть (это отношения между супругом и близкими родственниками другого супруга, а также между родственниками супругов), а факт ведения общего хозяйства надо будет доказывать.

Что же касается деяния, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ, то оно отнесено к делам частного обвинения, и по данному составу установлено правило об административной преюдиции, т.е. надо будет доказать факт привлечения лица к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ. Возникает закономерный вопрос о том, как заявитель самостоятельно, без обращения в органы внутренних дел сможет узнать о фактах привлечения лица за побои в соответствии с КоАП РФ. Кроме того, возникает еще одна проблема, на которую обратили внимание еще на этапе обсуждения законопроекта о внесении анализируемых изменений: в отличие от уголовного процесса, производство по делам об административных правонарушениях не предусматривает порядка приостановления в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к ответственности. Поэтому, как справедливо отмечает В.И. Торговченков, из-за предельных сроков административного расследования виновные лица могут избежать ответственности. Кроме того, учитывая, что неустановленные лица, причинившие побои, могут быть уже наказанными по ст. 6.6.1 КоАП РФ, возбуждение административно-

го производства и проведение расследования в таком случае будет ошибкой, так как существует вероятность, что лицо подлежит уголовной ответственности [4].

Следует отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 31.07.2015 № 37 предлагалось возбуждать уголовные дела по ст. 116¹ УК РФ не только в тех случаях, когда лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние, но и если оно имело судимость за преступление, предусмотренное названной статьей или статьями 105, 106, 110–112, 115–117 УК РФ. Непонятна мысль законодателя, в итоге отвергнувшего данный вариант диспозиции ст. 116¹. По меньшей мере кажется странным, что лицо не может привлекаться к уголовной ответственности за побои, если оно хотя уже и имеет судимость за умышленное причинение легкого вреда здоровью, причинение побоев близким лицам и другие деяния против личности, но при этом еще не было привлечено за побои в административно-правовом порядке. Нужно учитывать и то, что в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении такого наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Поэтому по прошествии указанного времени нельзя будет привлечь данное лицо за побои по ст. 116¹ УК РФ, снова будет только административная ответственность. Представляется, что такой подход не способствует защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от побоев, не обеспечивает им право на доступ к правосудию. И это при том, что побои отнесены к т.н. превентивным составам, т.е. их своевременное выявление и пресечение способно предотвратить более тяжкие преступления, хотя в пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что предлагаемые изменения позволят надлежащим образом реагировать на факты семейного насилия, противоправного поведения нерадивых родителей и других лиц, склонных к постоянным угрозам или систематическому совершению насильственных действий в отношении граждан, в том числе несовершеннолетних [3].

Таким образом, при возбуждении уголовных дел по фактам побоев на практике могут возникнуть вопросы, требующие дополнительного законодательного регулирования или разъяснений Верховного Суда РФ.

1. Епихин А.Ю. Судопроизводство по делам частного обвинения: последствия декриминализации клеветы и оскорбления // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. - № 2. – С. 180.
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения 01.09.2016).
3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
4. Торговченков В.И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, предложенных Верховным Судом РФ // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, дела частного обвинения, побои, потерпевший, административная преюдиция.

УДК 343,13

ТЯЖЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ СУРОВОСТЬ ГРОЗЯЩЕГО НАКАЗАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРОДЛЕНИЯ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Муравьев Кирилл Владимирович,
докторант адъюнктуры,

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Омск, пр. Комарова, 7,
кандидат юридических наук, доцент

В статье обращается внимание на широкую правоприменительную практику продления сроков содержания под стражей. Автор анализирует решения Верховного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, разъясняющие критерии оценки риска сокрытия преследуемого лица от правосудия, отмечает несоответствие подходов, предлагает внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41.

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) с периодичностью вносятся изменения, направленные на снижение практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу, уменьшение сроков нахождения обвиняемых и подозреваемых под арестом, расширение «альтернативных» мер пресечения (за 15 лет их насчитывается свыше десятка). Попытки «поставить под контроль» применение самой строгой меры пресечения неоднократно предпринимаются и Верховным Судом РФ.

Нельзя сказать, что усилия не возымели действие. Данные судебной статистики [1] свидетельствуют о снижении количества лиц, подвергаемых самой строгой мере пресечения на предварительном расследовании. Если в 2007 г. судами удовлетворено 223 412 ходатайств о заключении под стражу, то в 2008 г. – 207 456, в 2009 г. – 187 793, в 2010 г. – 148 689, в 2011 г. – 135 850, в 2012 г. – 132 923, в 2013 г. – 133 311, в 2014 г. – 133 755, а в 2015 г. – 140 457.

Вместе с тем, остается высоким и продолжает расти количество решений об удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования о продлении сроков содержания под стражей, их удельный вес к заявленным стабильно находится у отметки 100 %. Так, в 2007 г. из 197 319 таких ходатайств судами было удовлетворено 194 306 (т.е. 98,47 %), в 2008 г. из 205 420 – 201 499 (98,09 %), в 2009 г. из 212 819 – 208 760 (98,09 %), в 2010 г. из 185 891 – 182 060 (97,94 %), в 2011 г. из 180 315 – 176 840 (98,07 %), в 2012 г. из 198 775 – 195 234 (98,22 %), в 2013 г. из 206 968 – 198 450 (95,88 %), в 2014 г. из 211 430 – 207 363 (98,07 %). В 2015 г. судами рассмотрено 229 787 ходатайств о продлении срока содержания под стражей, из них 226 875 (98,73%) – удовлетворено, мера пресечения изменена на домашний арест только в отношении 925 обвиняемых (0,4 %), а на залог – 104 лиц (0,05 %).

Проблема продления сроков содержания под стражей постоянно находит отражение в докладах Уполномоченного по правам человека в РФ. В них акцентируется внимание на том, что основу принятия соответствующих решений в большинстве случаев составляют материалы, на основании которых предъявлено обвинение. Предоставляемые защитой обвиняемого материалы в обоснование возможности избрания ему меры пресечения, не связанной с лишением свободы, нередко игнорируются [2]. При вынесении решений об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей и продлении её срока не принимаются во внимание объективные данные о личностях обвиняемых [3]. Как итог, ежегодно из-под стражи освобождается значительное число осужденных, оправданных по приговору суда и лиц, в отношении которых дела прекращены (в 2013 г. – 19 687; в 2014 г. – 18 781; в 2015 г. – 19 565 лиц).

В первом абзаце п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 отмечается, что при продлении срока содержания под стражей на любой стадии производства по уголовному делу судам необходимо проверять наличие на момент рассмотрения данного вопроса предусмотренных ст. 97 УПК оснований, которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами. Кроме того, суду надлежит учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК, и другие обстоятельства, обосновывающие продление срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом следует иметь в виду, что обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей [4].

Одним из оснований для избрания меры пресечения является наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания предварительного следствия или суда (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК).

В третьем абзаце п. 21 Постановления № 41 указывается, что «на первоначальных этапах производства по уголовному делу *тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок* (здесь и далее – выделено мной – М. К.) могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от дознания, предварительного следствия. Тем не менее в дальнейшем одни только эти обстоятельства не могут признаваться достаточными для продления срока действия данной меры пресечения».

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в своих решениях, в том числе и в тех, по которым ответчиком выступала Российская Федерация, неоднократно отмечал, что «*жестокость наказания за совершенное преступление*» («суровость подлежащей возложению ответственности», «суровость приговора») является одним из критериев, подлежащих рассмотрению при оценке риска того, что лицо скроется от правосудия. Но вместе с тем, ЕСПЧ подчеркивал, что «*тяжесть совершенного преступления*» («*тяжесть предъявленного обвинения*») не может сама по себе служить основанием длительного срока содержания под стражей, предвосхищать наказание, связанное с лишением свободы [5, 6, 7, 8].

Обратим внимание, что в используемых Верховным Судом РФ и ЕСПЧ формулировках есть существенные различия, так как категории «тяжесть преступления (обвинения)» и «суровость подлежащей возложению ответственности (наказания)» не являются тождественными.

Учет *тяжести преступления* при применении меры пресечения предполагает необходимость принятия во внимание качественных и количественных характеристик криминального посягательства. В ст. 15 Уголовного кодекса РФ (далее – УК) для классификации преступлений на категории использован размер максимального наказания в виде лишения свободы, предусмотренного в УК, а не *назначаемого* за совершенное преступление. Для назначения конкретного наказания предполагается выяснение не только тяжести совершенного преступления (соответствующего характеру и степени опасности преступления), но и учитывается и личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК). Полагаем, что указанные факторы должны учитываться и при принятии решения о продлении срока содержания под стражей в качестве критериев определения риска, что лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда.

Отметим и еще одно решение ЕСПЧ, в котором указывается, что «риск сокрытия должен оцениваться с учетом различных факторов, особенно тех, которые относятся к характеру рассматриваемого лица, его моральных качеств, места жительства, профессии, финансового состояния, семейных и прочих связей с государством, в котором против него осуществляется уголовное преследование», а также то, что «вероятность сокрытия уменьшается пропорционально отбытому в следственном изоляторе сроку вследствие того,

что период содержания под стражей может быть вычтен из (либо учитываться в счет) периода заключения, который может ожидать рассматриваемое лицо в случае признания его виновным, что делает страх перед ожидающим будущим менее пугающим и уменьшает намерения скрыться от правосудия» [9].

Таким образом, критерием того, что лицо может скрыться, является не тяжесть предъявленного обвинения, а строгость предполагаемого наказания. Не принятие во внимание различных сведений, связанных с обстоятельствами совершения посягательства, личности виновного, условиями производства по делу, влияющими на назначение наказания, может вести к ошибкам при оценке риска сокрытия преследуемого лица и, следовательно, при принятии решения о продлении сроков содержания под стражей.

Считаем необходимым предложить изменения в третий абзац п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 и изложить его в следующем виде: «На первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть преступления может свидетельствовать о возможности назначения по приговору суда наказания в виде лишения свободы на длительный срок, а, следовательно, и служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от дознания, предварительного следствия. Тем не менее, в дальнейшем одна только тяжесть преступления не может признаваться достаточной для продления срока действия содержания под стражей. Требуется установление иных обстоятельств, свидетельствующих о возможности назначения по приговору суда наказания в виде лишения свободы на длительный срок, а также его отбывания осужденным с учетом зачета времени применения к нему мер процессуального принуждения».

-
1. *Официальный сайт Судебного департамента РФ.* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.09.2016).
 2. *Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год (разд. «Права человека в уголовном судопроизводстве») // Рос. газета. 2015, 7 мая.*
 3. *Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год (разд. 2.2 «Резонансные дела») // Рос. газета. 2016, 24 марта.*
 4. *О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23) // СПС КонсультантПлюс.*
 5. *Дело Панченко (Panchenko) против Российской Федерации (жалоба № 45100/98) : Постановление ЕСПЧ от 8 февраля 2005 г. (п. 102) // СПС КонсультантПлюс.*
 6. *Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации (жалоба № 54071/00) : Постановление ЕСПЧ от 7 апреля 2005 г. (п. 66) // СПС КонсультантПлюс.*
 7. *Дело Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации (жалоба № 72967/01) : Постановление ЕСПЧ от 1 марта 2007 г. (п. 101) // СПС КонсультантПлюс.*
 8. *Дело Алексанян (Aleksanyan) против Российской Федерации (жалоба № 46468/06) : Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2008 г. (п. 185) // СПС КонсультантПлюс.*
 9. *Дело Сокуренок (Sokurenko) против Российской Федерации (жалоба № 33619/04) : Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. (п.п. 86 и 87) // СПС КонсультантПлюс.*

Ключевые слова: мера пресечения, содержание под стражей, сроки, тяжесть преступления, наказание, Верховный Суд РФ, ЕСПЧ.

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Нечушкина Кристина Александровна,

адъюнкт кафедры уголовного процесса,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г.Орел, ул. Игнатова, 2

На основе анализа научных публикаций, посвященных проблематике обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, обозначены основные аспекты этой сферы, подвергнутые исследованию разными авторами в разные годы. Их изучение позволило определить некоторые проблемы, возникающие при проверке сообщения о преступлении в части обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в ней.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство предназначено для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Это предназначение распространяется на все стадии уголовного процесса, в том числе и на проверку сообщения о преступлении.

УПК РФ регламентирует порядок проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), а также решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 145 УПК РФ). В рамках данных уголовно-процессуальных норм уделяется внимание некоторым аспектам обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении. Кроме этого, в УПК РФ постоянно вносятся изменения, касающиеся отдельных уголовно-процессуальных институтов, в том числе регламентирующие гарантии обеспечения прав и законных интересов на различных стадиях уголовного судопроизводства. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», вступившим в силу 15 марта 2013 г., были внесены существенные изменения в ст. 144 УПК РФ, которые вызвали дискуссию относительно отдельных норм среди ученых-процессуалистов и правоприменителей [1].

Необходимость внесения изменений в УПК РФ, на наш взгляд, обусловлена наличием пробелов в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности, связанной с обеспечением прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении. Так отсутствует единый подход в следственной и судебной практике по целому ряду вопросов, возникающих из-за недостаточно четкой регламентации производства предварительной проверки по поступившему сообщению о преступлении, отдельных процессуальных аспектов участия лиц в проверке сообщения о преступлении, обеспечения их прав и законных интересов.

По мнению ряда авторов актуальной является проблема исключения из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела, которая рассматривается со стороны ученых, общественных институтов [2].

С целью уяснения отдельных положений вышеуказанного Федерального закона было вынесено постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». В постановлении сформулирован ряд правовых позиций и разъяснений, способствующих реализации права на защиту, как одного из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях, которые заключаются, в том числе в обладании правом на защиту лица, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [3].

Законодатель наделяет уголовно-процессуальным статусом различных лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении: заявителя; лица, явившегося с повинной; лица, в отношении которого проводится проверка; лица, дающего объяснения. Таким образом, не остаются без внимания вопросы защиты прав личности на данной стадии уголовного судопроизводства.

В научных исследованиях, посвященных обеспечению прав личности при проверке сообщения о преступлении, анализируются отдельные аспекты реализации прав этих лиц [4]. Вместе с тем, в связи, с изменениями, внесенными в ст. 144 УПК РФ, в уголовном процессе и правоприменительной деятельности возникает ряд проблем по применению уголовно-процессуальных норм, связанных с обеспечением прав и законных интересов лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении.

Во-первых, в УПК РФ не определен порядок производства таких проверочных действий, как документальная проверка и ревизия производственной и финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов и индивидуальных предпринимателей. В литературе справедливо отмечается, что данное мероприятие по своим масштабам и способности ограничить права и интересы юридического лица ничем не уступает следственным действиям, проводимым на предварительном следствии [5].

Во-вторых, внесение изменений в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Россий-

ской Федерации», которые позволили лицу, в отношении которого проводится проверка, еще до официального признания его подозреваемым пользоваться правами, предусмотренными ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ (разъяснение прав и обязанностей; обеспечение возможности осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают его интересы, в том числе право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа) послужило основанием для дискуссии относительно процессуального статуса адвоката при проведении проверочных мероприятий. Право на защиту лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении закреплено в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, где указывается, что защитник (но не адвокат) участвует в уголовном деле с момента начала осуществления этих действий и в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Однако указанная норма противоречит положению ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, которая предоставляет адвокату, а не защитнику, право осуществлять защиту и оказывать юридическую помощь лицам, участвующим при производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

В-третьих, представляется спорным требование ч.1.1 ст.144 УПК РФ в части установления запрета участникам проверки сообщения о преступлении разглашать данные досудебного производства, о чем они могут быть предупреждены в порядке ч. 2 ст. 161 УПК РФ. В ходе проверки сообщения о преступлении при производстве отдельных следственных действий, например осмотр места происшествия (ст. 176 УПК РФ), могут участвовать: специалист (ч. 1 ст. 168 УПК РФ); понятые, проживающие в помещении лица (ч. 5 ст. 177 УПК РФ); представитель администрации организации (ч. 6 ст. 177 УПК РФ), а также другие лица (очевидцы, родственники пострадавшего и др.), которым может стать известна информация, которую не следует разглашать. Отсюда может возникнуть проблема относительно соблюдения данного требования в отношении вышеуказанных лиц. Буквальное толкование содержания ст. 310 УК РФ свидетельствует о запрете разглашения данных предварительного расследования, что указывает на недопустимость отнесения разглашения сведений, полученных при проверке сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, под уголовно-правовую охрану ст. 310 УК РФ, так как в ней говорится только о данных предварительного расследования.

В-четвертых, возникают вопросы относительно определения процессуальной природы объяснений, полученных при проведении проверочных действий по поступившему сообщению о преступлении. В соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Однако к какому виду доказательств, закрепленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, относятся указанные объяснения и какую процессуальную форму они должны иметь? Ряд ученых-

процессуалистов (В.С. Балакшин) придают объяснениям доказательственное значение и относят их к иным документам. Но по своей процессуальной природе и содержанию объяснение более сходно с показаниями, так как оно представляет собой сведения лица об известных ему фактах и обстоятельствах. По мнению Т.Г. Кудрявцевой, сведения, полученные от лиц на стадии проверки заявления и сообщения о преступлении, в рамках возбужденного уголовного дела будут соответствовать показаниям потерпевшего или свидетеля (ст. 78 и 79 УПК РФ), которые облачены в процессуальную форму протокола их допроса (ст. 190 УПК РФ). На стадии же проверки заявления или сообщения показания лица должны быть облачены в форму объяснения [6]. Более того, процедура получения объяснений на стадии доследственной проверки УПК РФ не регламентирована, что может явиться одной из предпосылок для процессуальных нарушений прав и законных интересов участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Обоснованна по данному факту позиция В.С. Балакшина, который указывает на важность того, чтобы в законе был прописан четкий, основанный на здравом смысле механизм вовлечения объяснений в сферу уголовного судопроизводства, проверки и оценки их относимости, допустимости и достоверности, как и любого доказательства [7].

В-пятых, в соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ одним из процессуальных действий, проводимых в ходе проверки сообщения о преступлении, является производство судебной экспертизы. Однако положения ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ предоставляют право для стороны защиты или потерпевшего заявлять ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, которое подлежит удовлетворению. Такая постановка вопроса, по мнению некоторых ученых-процессуалистов, является некорректной. В частности, Е.А. Зайцева отмечает, что ставить решение о судьбе заключения эксперта в зависимость от волеизъявления сторон - не логично. Если заключение эксперта, полученное в ходе проверки сообщения о преступлении, не вызывает сомнений у следователя, не противоречит собранным доказательствам – нет оснований для назначения повторной судебной экспертизы. Кроме того, иногда невозможно провести повторную судебную экспертизу ввиду разрушения объектов исследования [8].

В-шестых, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении должностные лица вправе изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ. Например, при принятии решения по первичным материалам, свидетельствующим о незаконном обороте оружия, наркотических средств и психотропных веществ, изготовлении или сбыте поддельных денег и ценных бумаг. Предоставление данного права является законодательной новеллой и стало применяться с внесением изменений в УПК РФ ФЗ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Однако УПК РФ не содержит определения понятия «изъятие», не предусматривает процедуру изъятия, порядок фиксации результатов его проведения, не предусматривает разрешение ряда про-

блем, связанных с хранением изъятых предметов, присвоением им в последующем статуса «вещественных доказательств», возвращением законному владельцу [9]. И по общему требованию изъятие предметов и документов не может выступать в качестве самостоятельного процессуального действия, а проводится при производстве обысков и выемок в порядке, предусмотренном ст.ст. 182, 183 УПК РФ. На наш взгляд, процедура изъятия предметов и документов при проверке сообщения о преступлении требует законодательного регламентирования в УПК РФ.

В-седьмых, в уголовно-процессуальном законе отсутствует четкая правовая регламентация статуса тех лиц, которые участвуют при проверке сообщения о преступлении, что создает проблемы касаемые права пользоваться услугами адвоката, введенного Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, на данном этапе уголовного судопроизводства, когда еще нет возбужденного уголовного дела. Указанная правовая норма не регламентирует права и обязанности адвоката, порядок привлечения адвоката для оказания юридической помощи при проверке сообщения о преступлении. Также ч. 3 ст. 49 УПК РФ предусматривает участие защитника, в качестве которого может быть допущен адвокат, с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, то есть с момента доследственной проверки, когда защитник не является еще таковым, так как нет ни заподозренного лица, ни обвиняемого, а присутствует адвокат. Поэтому возникает вопрос о полномочиях адвоката при проверке сообщения о преступлении [10].

Как указывает О.Е. Жамкова, в практической деятельности органов внутренних дел участие адвоката и до нововведения допускалось при получении объяснений от лиц, привлекаемых в ходе проверки сообщения о преступлении. Делалось это из тактических соображений, поскольку в противном случае отдельные граждане вообще отказывались давать какие-либо объяснения. Вместе с тем нередко возникали ситуации, когда адвокаты препятствовали получению объективного и полного объяснения от опрашиваемого лица: адвокаты перебивали должностных лиц либо опрашиваемых, отвечали на задаваемые вопросы за опрашиваемое лицо, заставляли его изменить формулировку первоначального ответа либо вовсе не рекомендовали отвечать на некоторые вопросы. Именно поэтому разрешение обозначенной ситуации виделось в законодательном закреплении процессуального статуса адвоката. Однако нововведения в ст. 144 УПК РФ не разрешили обозначенные конфликтные ситуации [11].

По нашему мнению, обозначенные недостатки, вызванные недостаточно полной регламентацией процессуального статуса участников, порядка производства следственных и процессуальных действий до возбуждения уголовного дела, порядка обеспечения права на защиту, а также иных предусмотренных Конституцией РФ прав личности на данном этапе уголовного судопроизводства, создают предпосылки для нарушения прав личности должностными лицами уже на данной стадии.

В связи, с чем с целью недопущения нарушений прав и свобод личности возникает необходимость дальнейшего реформирования проверки сообщения о преступлении, направленного главным образом, на обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих на данной стадии, а также на достижение целей уголовного судопроизводства в целом.

1. Жамкова О.Е. Некоторые проблемы реализации паровых норм при проверке сообщения о преступлении. // Российский следователь, – 2014 г., № 9, - с. - 30-32; Сиверская Л.А. Проверка сообщения о преступлении и принятие процессуального решения по ее результатам: новеллы законодательного регулирования. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, - 2015 г., № 2, - с. 173-178.
2. Дикарев И.С. Предисловие // Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / Под ред. канд. юрид. наук, доцента И.С. Дикарева. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2011, - с. 4 – 5; Овсянников И.В. Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы: Научно-практическое и учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 85 и др.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».
4. Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. – М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994 – 76 с.; Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела: монография / П.Г. Марфицин, С.А. Синенко, Д.В. Филиппов. – Омск: Омская академия МВД России, 2013. – 144 с.; Обидина Л.Б. Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки // Российский следователь, № 1, 2016, - с. 17-20.
5. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав личности в стадии возбуждения уголовного дела. // Российская юстиция. 2010, - с. 42-45.
6. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь, 2014, № 5, - с. 28-30.
7. Балахнин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал, 2012, № 5, - с. 124-126.
8. Зайцева Е.А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки, 2014, № 2, с. 50-53.
9. Артемова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь, 2014, №3, - с. 3-5.
10. Обидина Л.Б. Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки // Российский следователь, № 1, 2016, - с. 17-20.
11. Жамкова О.Е. Некоторые проблемы реализации правовых норм при проверке сообщения о преступлении // Российский следователь, 2014, № 9, - с. 30-32.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, проверка сообщения о преступлении, обеспечение прав участников проверки сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, производство следственных и процессуальных действий до возбуждения уголовного дела.

УДК 343.13

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Николюк Вячеслав Владимирович,

*главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства,
Российский государственный университет правосудия,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ*

*Статья посвящена системно-структурным проблемам современного
российского уголовного процесса.*

1. Регулируемая УПК РФ (в дальнейшем – УПК), другими законами, находящаяся под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, ЕСПЧ сложная и разнообразная деятельность органов предварительного расследования, прокуроров, судов различных инстанций, в которую вовлекаются многочисленные иные участники уголовного процесса, уже сравнительно давно не может восприниматься как монолитное производство по уголовному делу, возбужденному в связи с выявлением признаков преступления и состоящее из досудебных и судебных стадий. Абсолютное большинство существующих сегодня определений отечественного уголовного процесса, представленных в юридической литературе, не отражает его реального содержания, соответствующие дефиниции условны, относительны, что имеет свое объяснение. В силу разностороннего характера предмета и задач, исследуемых и решаемых в рамках уголовного процесса, практически трудно выработать универсальное законодательное, научное и учебное понятие последнего, показывающее его специфику среди сходных видов правоприменительной деятельности, связь с правосудием, в конечном итоге – систему, структуру уголовного судопроизводства, все его главные элементы (признаки).

Закрепленное в п. 55 ст. 5 УПК понятие уголовного судопроизводства как досудебного и судебного производства **по уголовному делу** (выделено мной – **В.Н.**) отражает важный «пласт» уголовного процесса. Законодатель в данной норме, если пользоваться терминологией некоторых ученых-процессуалистов (Ю.К. Якимович, Т.В. Трубникова), обозначил основное производство в уголовном процессе. Однако он оставил «за кадром» регулируемую УПК деятельность вне уголовного дела (проверка сообщения о преступлении, производство по вопросам исполнения приговора, возмещению вреда реабилитированному, о выдаче лица для исполнения приговора, о передаче осужденного для отбывания наказания и др.). Отдельные исследователи не без оснований обращают внимание на то, что в рамках уголовно-процессуального права существуют особые уголовно-процессуальные механизмы, не связанные со стандартным движением уголовного дела по стадиям, а предназначенные для автономного рассмотрения специальных вопросов, не

касающихся проблемы совершения преступления и назначения за него наказания [1].

2. Для системной характеристики уголовного процесса большинство исследователей оперируют как базовым, ключевым понятием «стадия уголовного судопроизводства» [2]. С учетом традиционного, фактически общепринятого подхода к пониманию стадии уголовного процесса как логично сменяющих друг друга этапов производства по уголовному делу, отличающихся между собой спецификой решаемых в них задач, самостоятельными кругом участников и процессуальной формой, итоговыми решениями, с помощью данной категории лишь весьма приблизительно можно представить систему уголовного судопроизводства. Следует согласиться с А.С. Бахтой, что деление уголовного процесса на стадии в достаточной степени условно [3].

Подразделение уголовного процесса на стадии имеет смысл и объективно обусловлено только потому, что соответствующие этапы уголовно-процессуальной деятельности объединяет единая направленность, цель, предмет исследования. Если иметь в виду производство по уголовному делу, стадии жестко «завязаны» на событие преступления и обстоятельства его совершения, доказывание виновности конкретного лица. В действующей, зафиксированной УПК системе уголовного судопроизводства отдельные виды производств имеют свое назначение (например, судебный контроль за досудебным производством; уголовно-исполнительное судопроизводство), что объективно выводит их из системы уголовно-процессуальных стадий, связанных с движением уголовного дела.

С позиций цельного восприятия уголовного процесса в нем корректнее выделять несколько самостоятельных подсистем, поскольку процессуальные производства, не связанные с предметом исследования по уголовному делу [4], сами «проходят» несколько этапов или стадий (рассмотрение дела в суде первой инстанции; апелляционная проверка; производство в кассационном или надзорном порядке). Применительно к исполнению приговора Ю.К. Якимович правильно замечал, что в дополнительных производствах «отсутствуют досудебные уголовно-процессуальные стадии, но каждое из них может пройти все судебные стадии, начиная со стадии назначения дела к слушанию вплоть до пересмотра его кассационной и надзорной инстанциями» [5].

Уголовно-процессуальная деятельность по принятию, проверке и разрешению сообщений о преступлении (глава 19 УПК) также «не встраивается» в систему стадий основного уголовно-процессуального производства. Традиционно (по инерции) данный вид уголовно-процессуального производства включается в систему стадий уголовного процесса, именуется стадией возбуждения уголовного дела. Принимая во внимание тот факт, что по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях в большинстве случаев принимается решение не о возбуждении, а об отказе в возбуждении уголовного дела [6], анализируемый этап уголовного процесса не без оснований можно было называть и стадией отказа в возбуждении уголовного дела. Однако оно также

является неточным, условным, поскольку отражает лишь одно из процессуальных решений, принимаемых по итогам рассмотрения сообщения о преступлении.

Некоторое сходство процедур проверки сообщений о преступлениях и предварительного расследования (такое сходство стало все больше заметным после внесенных в ст. 144 УПК изменений Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ) не подрывает самостоятельности производства, осуществляемого в порядке главы 19 УПК. Оно является **предварительным уголовно-процессуальным производством**.

3. Архитектоника УПК, отражающая реальное содержание уголовно-процессуальной деятельности, инициируемой соответствующими поводами и основаниями, имеющей различный предмет исследования, позволяет рассматривать уголовный процесс как комплекс конкретных уголовно-процессуальных производств. Последние выступают относительно самостоятельными элементами системы уголовного судопроизводства. Формально в УПК выделяются досудебное и судебное производства. В нем также обозначены особые порядки судопроизводства.

В теории уголовного процесса обращается внимание на то, что структуру действующего российского уголовного судопроизводства можно представить как совокупность трех (уголовно-процессуальная деятельность по принятию, проверке и разрешению сообщений о преступлении, когда уголовного дела еще нет; собственно производство по уголовному делу (от возбуждения уголовного дела, его предварительного расследования до возобновления по вновь открывшимся обстоятельствам); стадия исполнения приговора) [7] или четырех (предварительное, окончательное, проверочное и исполнительное) [8] производств.

Представители томской школы процессуалистов уже длительное время наряду с основным производством (по уголовному делу) заявляют о дополнительных (разрешение вопросов исполнения приговора) и особых производствах (о применении принудительных мер медицинского характера; по рассмотрению в суде жалобы на арест; по направлению в специальное воспитательное учреждение лиц, совершивших общественно опасные деяния до достижения ими возраста привлечения к уголовной ответственности) [9]. Автор настоящей статьи также в свое время привел аргументы в обоснование позиции, в соответствии с которой производство о применении принудительных мер медицинского характера является особым производством в уголовном процессе, а судебная деятельность по разрешению вопросов исполнения наказаний – самостоятельное по отношению к производству по уголовному делу уголовно-исполнительное судопроизводство [10].

В современных условиях состояния уголовно-процессуального законодательства (значительное развитие процессуальной формы судебного заседания по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК и по вопросам исполнения приговора), фактически обязательное сопровождение уголовного дела судебными производственными процессами структурирования уголовного процесса с позиций выделения в нем взаимосвязанных, но все же отно-

сительно или полностью самостоятельных производств (видов уголовно-процессуальной деятельности), оценка оптимальности их правового регулирования - актуальное направление теории уголовного процесса. Наряду с предварительным уголовно-процессуальным производством, содержание которого определяется принятием, проверкой и разрешением сообщений о преступлении, надлежит обозначить также следующие виды других производств, регулируемых УПК.

4. Производство по уголовному делу. Его считают в научной и учебной литературе центральным, основным, имея в виду характер вопросов, разрешаемых по итогам расследования и судебного разбирательства уголовного дела. В рамках последнего достоверно должны быть установлены обстоятельства совершенного преступления, виновность лица и определена мера его уголовной ответственности (наказания). В силу сложности предмета уголовного дела и разделения процессуальной компетенции между органами расследования, прокурором и судом данный вид уголовно-процессуального производства специфичен наличием в нем нескольких последовательно сменяющих друг друга (при нормальном течении процесса) этапов (стадий).

В рамках каждой стадии применяется соответствующая процедура, гарантирующая достижение поставленных перед ней задач, участвуют строго указанные в законе субъекты, предусмотрены сроки и виды принятия итоговых процессуальных решений, знаменующие завершение установления и исследования обстоятельств преступления, личности виновного, имеющих правовое значение. С указанных позиций бесспорным надлежит признать выделение в производстве по уголовному делу следующих его стадий: 1) предварительное расследование; 2) назначение судебного разбирательства; 3) судебное разбирательство в первой инстанции; 4) апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела; 5) проверка вступивших в законную силу решений суда по уголовным делам судом кассационной и надзорной инстанции; 6) возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [11].

Процессуальный порядок ведения производства по уголовному делу дифференцирован (или может быть дифференцирован) в зависимости от категории преступления, наличия определенных свойств у лица, его совершившего или пострадавшего от преступления и некоторых других процессуально значимых обстоятельств. Соответственно используется усложненная (например, рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей, ведение производства в отношении несовершеннолетних) или упрощенная (например, дознание, особый порядок рассмотрения уголовного дела при признании обвиняемым своей вины) [12] процедура производства.

Таким образом, производство по уголовному делу – сложная с точки зрения предмета исследования уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая различными государственными органами с соответствующей процессуальной компетенцией, однако подчиненная решению общей задачи (установление обстоятельств совершенного преступления, виновности лица и определение ему наказания), в связи с чем объективно возникла потребность

ее разделения на ряд этапов (стадий) с детальным правовым регулированием каждой из них. Производство по уголовному делу дифференцировано, причем в разные исторические периоды законодатель отказывается от одних процедур или вводит новые, которые используются правоприменителем с различной степенью интенсивности. При этом понятие «общий порядок производства по уголовному делу», которым оперируют законодатель, юристы-практики и ученые-процессуалисты, имея в виду полноценное проведение судебного разбирательства уголовного дела, отошло на задний план, стало исключительным.

5. Судебно-контрольные производства. Параллельно с уголовным делом осуществляются судебно-контрольные производства в связи с расширением в УПК судебных полномочий применительно к досудебному производству. Такой судебный контроль носит предварительный (получение судебного разрешения на применение мер процессуального принуждения или производство следственных действий) либо последующий (рассмотрение жалоб на действия (бездействие) или решения должностных лиц органов уголовного преследования, проверка законности производства неотложных следственных действий без судебного разрешения, если оно требовалось по закону) характер. Преимущественно такие производства тесно связаны с уголовным делом, вытекают из него, в некоторых случаях без их «запуска» невозможно дальнейшее продвижение по уголовному делу (например, следователю необходимо арестовать подозреваемого, отстранить его от должности, арестовать имущество, провести обыск в жилище и др.). Их надлежит рассматривать как составную часть основного производства по уголовному делу, где участвует суд. Это касается и случаев получения судебного разрешения на применение мер процессуального принуждения в порядке главы 52 УПК.

Рассмотрение судом жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора в порядке ст. 125 УПК осуществляется как до возбуждения уголовного дела, так и при его расследовании. Предметом обжалования в таком производстве не могут быть действия (бездействие) и решения, проверка которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (например, отказ следователя или дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств; постановление следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы; решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков).

При таком подходе к определению предмета обжалования судебный контроль в порядке ст. 125 УПК носит усеченный, выборочный характер, не подменяет собой производство по уголовному делу в суде первой инстанции. Поэтому данный вид уголовно-процессуальной деятельности лишь формально связан с производством по уголовному делу (а может и вовсе не быть связанным с ним, например, при обжаловании отказа в регистрации сообщения о

преступлении, нарушении сроков его рассмотрения и отказа в возбуждении уголовного дела).

Есть основания считать, что в рамках российского уголовного процесса оформился и выделился **самостоятельный, особый вид судопроизводства**, который по большинству качественных признаков трансформировался в одну из форм уголовного правосудия. Формальное выражение (закрепление) это нашло в п. 1 постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [13], где записано: рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК происходит в форме осуществления правосудия.

6. Уголовно-исполнительное судопроизводство. Продолжающиеся на протяжении почти столетия изменения законодательства в части регламентации судебной деятельности, связанной с исполнением приговоров, все более отчетливо показывают своеобразие и независимость этой деятельности от основного уголовно-процессуального производства, предмет которого составляет уголовное дело.

С учетом сложившегося доктринального подхода к пониманию стадий уголовного процесса судопроизводство в порядке гл. 47 УПК не «вписывается» в их систему. В настоящее время можно констатировать, что сторонников выделения в системе уголовного судопроизводства стадии исполнения приговора с оговорками признания за ней статуса «неординарной», «специфичной», «стадии особого рода» становится все больше.

Таким образом, объективно существуют предпосылки к тому, чтобы производство по вопросам, связанным с исполнением приговора, считать, с позиций системного построения уголовного процесса, **дополнительным, особым производством**, осуществляемым в рамках специальной процедуры, регламентированной в ст. 399 УПК. Принимая во внимание его специфику, мы называем его уголовно-исполнительным судопроизводством. Данный термин нами был введен в научный оборот в 1989 г., им стали оперировать другие ученые и сегодня его можно считать относительно устоявшимся [14].

7. Производство о применении принудительных мер медицинского характера как особое производство в уголовном процессе. С 1988 г. автор статьи последовательно отстаивает точку зрения, согласно которой особый характер указанного уголовно-процессуального производства предопределен тем, что совершение общественно опасного деяния невменяемым как юридический факт порождает особое правовое отношение. Несмотря на то, что в главе 51 УПК законодатель использует выражение «уголовное дело в отношении лица, совершившего деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство», производство о применении принудительных мер медицинского характера вряд ли может ассоциироваться с понятием «уголовное дело» в традици-

онном его понимании. Последнее предполагает уголовное преследование обвиняемого (подозреваемого) и разрешение вопросов о виновности лица в совершении преступления, назначении ему наказания. Отсутствие этих вопросов в рамках производства, регламентированного главой 51 УПК, детерминирует значительную специфику процессуальной формы производства в сравнении с основным производством по уголовному делу [15].

8. Определенным своеобразием в уголовном процессе отличается производство, осуществляемое в порядке международного сотрудничества (главы 53 и 54 УПК). Направление и исполнение запросов о правовой помощи происходит в рамках производства по уголовному делу и уголовного преследования как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан. Поэтому данный вид уголовно-процессуальной деятельности, несмотря на особенности выполнения процессуальных действий в сравнении с обычным режимом расследования уголовных дел, надлежит рассматривать как проявление дифференциации установленного общего порядка производства по уголовным делам.

Вопросы о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого осужденный является (п. 20 ст. 397 УПК), о признании, порядке и условиях исполнения приговора суда иностранного государства, которым осужден гражданин Российской Федерации, передаваемый в Российскую Федерацию для отбывания наказания (п. 21 ст. 397 УПК) составляют предмет уголовно-исполнительного судопроизводства.

9. В теории уголовного процесса подавляющее большинство исследователей пользуются понятием «институт», подразумевая под ним определенную группу норм УПК, регулирующих сходные отношения. Вряд ли найдется хоть один отечественный ученый-процессуалист, который бы в своих публикациях не оперировал данным термином. Он присутствует в названиях десятков защищенных диссертаций. Уголовный процесс представляется как некая совокупность, набор уголовно-процессуальных институтов, получивших закрепление в каждой главе или в нескольких статьях УПК либо даже в отдельной статье кодекса. При таком подходе понятие уголовно-процессуального института упрощается, оно обедняется и порой теряет смысл.

Выражение «уголовно-процессуальный институт», став фактически нарицательным, часто дистанцируется от той трактовки понятия «правовой институт», которое выработано в общей теории права и в соответствующих развитых юридических науках. В доступных широкому кругу специалистов монографиях, учебниках, курсах уголовного процесса, статьях не найти даже примерный перечень институтов уголовно-процессуального права, что указывает на условность данного термина, вольность его интерпретации и определенный пробел в процессуальной теории [16]. Между тем формирование полноценных правовых институтов внутри любой отрасли права, в том числе в обладающим мощным принудительным потенциалом уголовно-процессуальном праве, необходимое условие эффективного правового регулирования и выполнения в нашем случае уголовным судопроизводством сво-

его назначения. Поэтому анализ проблем выделения в уголовном процессе процессуальных институтов, регулирующие определенную группу взаимосвязанных общественных отношений, характеризующуюся родовой обособленностью, рассмотрение вопросов взаимодействия и соотношения уголовно-процессуальных институтов между собой, целесообразность разграничения простых и сложных, объединенных процессуально-правовых институтов [17], позиционирование ряда процессуальных институтов как подотрасли уголовно-процессуального права [18], функционирование межотраслевых институтов с доминирующей уголовно-процессуальной составляющей, - перспективное направление уголовно-процессуальной науки.

Уголовно-процессуальные институт - категория уголовно-процессуального права. Уголовный процесс как правоприменительная деятельность структурируется с позиций выделения в ней самостоятельных производств, которые, в свою очередь, подразделяются на определенные этапы или стадии. отождествление уголовно-процессуальных институтов со стадиями некорректно. Стадия уголовного процесса – исключительно теоретическая конструкция, тогда как институт реальное, «живое» нормативное образование. По этой причине надлежит признать вряд ли возможным в реальности перевоплощение стадий в институты и обратно.

Так, О.В. Волколуп полагает, что подготовка уголовных дел к судебному разбирательству с учетом расположения в структуре УПК отдельной стадией не признается, она приобрела статус процессуального института [19]. Совокупность процессуальных норм при соответствии определенным критериям можно представить как процессуальный правовой институт, а уголовно-процессуальную деятельность, регулируемую данными нормами, как стадию уголовного судопроизводства, опять же при совпадении с ее доктринальными требованиями. Но сомнительно, что закрепленная в УПК группа нормативных предписаний, объединяемая единым предметом регулирования, может позиционироваться как уголовно-процессуальная стадия в зависимости от того, будет или нет она «передвигаться» законодателем в пределах УПК. Эти понятия из разных процессуальных плоскостей.

Опираясь на общетеоретические представления о правовом институте [20], надлежит учитывать, что об уголовно-процессуальных институтах уместно говорить в случаях, когда, во-первых, в УПК имеется компактная совокупность норм права, обеспечивающих цельное самостоятельное регулирование определенной группы взаимосвязанных общественных отношений; во-вторых, институциональные нормы воплощают в своем содержании особую юридическую конструкцию, некоторые общие положения, принципы и внешне, как правило, обособляются внутри нормативного акта в виде особой главы или иной рубрики; в-третьих, уголовно-процессуальные институты, выполняя регулятивную функцию и будучи строго предметными, соответствующими строго определенной разновидности уголовно-процессуальных отношений, должны наполняться конкретными юридическими предписаниями; в-четвертых, они образуются нормами, относящимися только к отрасли уголовно-процессуального права. Если следовать данному подходу, то число

представляемых в литературе уголовно-процессуальных институтов значительно сократится.

10. Полноценное представление о системе уголовного судопроизводства может быть получено лишь при его проекции на уголовное правосудие. С учетом обозначенной тематики этот исследовательский аспект представляет особый интерес, поскольку, как это ни странно, несмотря на ключевое значение правосудия в раскрытии сущности уголовного судопроизводства, в современной уголовно-процессуальной доктрине до сих пор имеются серьезные разночтения в вопросе о том, какая часть уголовно-процессуальной деятельности относится к правосудию.

Процессуалисты-традиционалисты (и то далеко не все) исходят из того, что правосудием является лишь деятельность, состоящая в разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции, а также деятельность судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, т. е. та деятельность, при которой суд непосредственно анализирует само уголовное дело, а значит, исследует и дает ответы на вопросы, названные в ст. ст. 73, 299, 309, 361, 373, 410, 421, 434 УПК. В других же случаях правосудие как форма или функция судебной власти отсутствует. В основе данной точки зрения лежит нормативная конструкция, реализованная законодателем в ст. 8 УПК (ст. ст. 13 и 14 УПК РСФСР) с помощью выражения «правосудие по уголовному делу», в результате чего уголовное судопроизводство искусственно разделено на два вида – правосудие по уголовному делу и иную уголовно-процессуальную деятельность суда. Подобный подход не соответствует конституционному смыслу правосудия. Конституционные нормы о «правосудии» и «судебной власти» (ст. 10, п. «г» ст. 71, ч. 2 ст. 118 Конституции РФ) как близких, взаимосвязанных понятиях, не устанавливают формальных границ для того, чтобы судебную деятельность, в том числе и уголовное судопроизводство, можно было бы разделить на «просто» судебную деятельность и на правосудие. В последнее время данному подходу уже не следует и Верховный Суд РФ: путем дачи соответствующих разъяснений он расширил рамки правосудия путем включения в него деятельности суда, осуществляемой по правилам ст. 125, гл. 47 УПК за пределами уголовного дела [21].

Вряд ли можно согласиться и с тем, что в определениях уголовного процесса лишь в крайне редких случаях можно встретить непосредственное указание на то, что он представляет прежде всего порядок осуществления правосудия по делам, отнесенным к компетенции суда в сфере уголовного судопроизводства и разрешаемых в судебном заседании.

-
1. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. М., 2016. С. 62.
 2. Кобяков В. М. О стадийности уголовного судопроизводства и единстве уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальные формы борьбы с правонарушениями. Свердловск, 1983. С. 16-21; Его же. Понятие и значение процессуальных оснований стадий уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Свердловск, 1985. С. 48-52.

3. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Хабаровск, 2010. С. 41.
4. Зажицкий В. И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб., 2015. С. 102.
5. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 64.
6. Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 9.
7. Деришев Ю. В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск, 2003. С. 13.
8. Романов С. В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16.
9. Якимович Ю. К. Особые производства в советском уголовном процессе // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1988. С. 194-195; Он же. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск: изд-во ТГУ, 1991 и др.
10. Николук В. В., Кальницкий В. В. Особые производства в советском уголовном процессе // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства // Вопросы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. трудов. Ярославль, 1988. С. 11-118; Николук В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989. С. 19-20.
11. Юркевич Н. А. Промежуточное производство в системе уголовного процесса России. История, теория и практика, перспективы развития. Томск, 2009. С. 46.
12. Трубникова Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61) декабрь. С. 131-138.
13. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.
14. Николук В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. С. 8-32.
15. Николук В. В., Кальницкий В. В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск, 1990.
16. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. М., 2006. С. 43.
17. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 106-107; Бородинов Т. Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 14, 28-29.
18. Еникеев З. Д. Механизм уголовного преследования. Уфа, 2002. С. 29.
19. Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003. С. 26.
20. Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 62-66; Тихомирова Л. В., Тихомиров В. Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 344; Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2004. С. 311.
21. Российская газ. 2011. 30 дек.; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.

Ключевые слова: современный российский уголовный процесс, ЕСПЧ, УПК, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, уголовное дело, уголовный процесс.

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УПК РФ: «БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ» РЕАЛИЗАЦИИ

Проказин Дмитрий Леонидович,

*заместитель начальника института (по учебной работе),
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук, доцент;*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена рассмотрению проблем реализации в следственной деятельности функции обвинения. При этом авторами обращается внимание на проблемы практического характера, возникающие при осуществлении следователем данной уголовно-процессуальной функции.

Законодатель в ч. 1 ст. 21 УПК РФ однозначно определил, что следователь в уголовном процессе выполняет функцию уголовного преследования наравне с дознавателем и прокурором, тем самым, к сожалению, проблема обвинительного уклона на предварительном следствии была решена путем его легализации. Причем современное состояние следственной деятельности указывает на то, что такой уклон будет довольно жестким. Ведь еще М.С. Строгович писал: «Само понятие уголовного преследования указывает на обвинительный характер этой деятельности ... уголовное преследование - это обвинительная деятельность» [1]. Ему вторят и современные ученые-процессуалисты: «Если же сам закон признает, что следователи - это только обвинители, то это послужит оправданием, легализацией односторонне обвинительной деятельности. Задача же пореформенного УПК РФ - противостоять возникновению такой угрозы» [2].

Авторы статьи полагают, что трактовка «следователь - сторона обвинения» вступает в противоречие с некоторыми принципами уголовного судопроизводства, перечисленными в главе 2-й УПК РФ, а также с главой 18-й УПК РФ, в которой реабилитация называется одной из задач уголовного судопроизводства. Таким образом, при наделении следователя функцией уго-

ловного преследования принципы, содержащиеся в ряде статей УПК РФ и устанавливающие, что следователь обязан охранять права и свободы граждан, участвующих в уголовном процессе, становятся не более чем декларацией.

Не углубляясь в полемику о верности данного постулата, приходится констатировать, что, провозгласив в Конституции Россию правовым государством, мы должны следовать и принципам этого государства, и, соответственно, вести речь о гуманизации уголовного процесса.

Однако, как верно отмечает В.Ф. Васюков «... при причислении следователя к органам преследования обвиняемому (подозреваемому) противостоят сразу три органа государства, осуществляющих обвинение (уголовное преследование): орган дознания, следователь и прокурор, которые к тому же пользуются помощью оперативно-розыскных органов» [3]. На это же в своем диссертационном исследовании в свое время указывала и Г.З. Адигамова, отмечая, что «...такая расстановка сил не может обеспечить обвиняемому реальную и полноценную защиту его прав, поскольку реализация таких прав обвиняемого, как заявление ходатайств, отводы и прочее, будет зависеть от органа преследования» [4].

Нетрудно заметить и то, что при превращении следователя только в обвинителя, от него нельзя требовать беспристрастности и объективности при исследовании обстоятельств дела, поскольку вся его деятельность будет направлена на изобличение. Причем, его деятельность при этом становится односторонне обвинительной, и это не может не сказаться на объективности и качестве расследования. Бесспорно, позиция, заключенная в УПК РФ, соответствует отчасти требованиям принципа состязательности процесса, т.к. «преследующий» по своей природе не может с одинаковым успехом выступать в роли «защищающего», а соединение в одном лице функций обвинения, защиты, а иногда и разрешения дела в стадии предварительного расследования, характерно для так называемого «смешанного» уголовного процесса континентального типа [5].

Но тогда каким образом на стадии предварительного расследования потребовать со стороны обвинения беспристрастности, объективности, обеспечения полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела? А.Н. Калужный объективно отмечает, что «...предварительное расследование сопряжено с возможностями достаточно широкого ограничения прав граждан органами государства, в силу чего нуждается в особых гарантиях, предотвращающих произвольное их ущемление» [6]. А соединение в одних руках функции обвинения и разрешения дела не даёт основания считать состязательность принципом расследования.

В то же время согласно УПК РФ положение следователя противоречиво: с одной стороны, он обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела, с другой – ему предписывается предъявлять обвинение, составлять обвинительное заключение, т.е. выносить акты, относящиеся к актам обвинительной деятельности. Следователь обязан принять меры по выявлению всех фактических обстоятельств по делу, других данных, связанных с установлением события преступления, и лиц, его совершивших.

Необходимо признать и тот факт, что не вся деятельность следователя охватывается целью преследования. Так, до появления обвинения следователь всесторонне исследует обстоятельства дела, никого не обвиняя и, может быть, не подозревая. И даже после предъявления обвинения на следователе лежит обязанность сбора не только обвинительных, но и оправдывающих доказательств, обеспечение обвиняемому реального права на защиту. Прекращая дело, следователь также не выполняет функцию преследования в чистом ее виде. Тогда закономерно возникает вопрос: к чему же стремиться следователю: изобличить подозреваемого и обвиняемого или установить действительные обстоятельства уголовного дела и действительных лиц, совершивших преступление? Найти верный ответ на этот вопрос крайне затруднительно.

Однако если исходить из того, что большинство расследуемых уголовных дел заканчивается составлением обвинительного заключения, то вроде бы все правильно, поскольку следователь обвиняет [7]. Но в то же время, приступая к расследованию, следователь подчас не может предвидеть его исход в силу объективных причин, тем более что есть категория дел, которые завершаются реабилитацией фактических подозреваемых. УПК РФ сохраняет возможность прекращения уголовного преследования на предварительном следствии и по нереабилитирующим основаниям, давая следователю полномочия при наличии совокупности исключительных обстоятельств разрешить дело, не направляя его в суд.

Кроме того, полагаем, если следователь будет выполнять исключительно функцию уголовного преследования, суд останется без предварительного судебного исследования обстоятельств уголовного дела, что полностью дискредитирует идею предварительного следствия. И все же существуют некоторые особые требования, предъявляемые законом к органам предварительного следствия, соблюдение которых не способствует последовательному претворению в жизнь функции уголовного преследования.

Экскурс в историю помогает нам увидеть, что концепция процессуального статуса следователя, разработанная еще Наполеоном в начале XIX века, предусматривает, что следователь готовит лишь версию обвинительного характера, но обязан исследовать материалы дела объективно, всесторонне, полно, учитывая как отягчающие обвинительные доказательства, так и смягчающие, оправдывающие. Следователь, по замыслу его предназначения, - независимый «отсеиватель», своего рода «судья», который отграничивает в конкретной практике всех непричастных к совершению преступления, оставляя надлежащего субъекта для дальнейшего судебного разбирательства [8].

Из вышесказанного следует, что доказательственная деятельность следователя не может ограничиваться только обвинением и согласно УПК РФ положение следователя противоречиво, на что правильно указывает В.Д. Дармаева: «... следователь, выполняя функцию уголовного преследования, одновременно должен устанавливать обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния и те, которые могут повлечь за собой освобождение

дение от уголовной ответственности и наказание» [9]. Ее поддерживает и Л.В. Головкин, указывающий на то, что если следователи, прокуроры, дознаватели станут выполнять предписания ст.ст. 73, 85, 86, 87 и др. УПК РФ, то идея состязательности и классификация участников уголовного судопроизводства сообразно с теорией функций превратится в пустой звук. При выполнении ими функции обвинения фикцией становятся нормы о доказывании, т.к. «... одни следователи сочтут себя исключительно обвинителями, тогда как другие продолжают тщательно выполнять предписания ст. 73 УПК РФ и искать доказательства не только *contra*, но и *pro*» [10].

Вышеуказанные положения не дают оснований считать, что предварительному следствию в УПК РФ отводится только репрессивная роль, а потому считать следователя стороной обвинения довольно опрометчиво. Приведенные авторами аргументы кажутся вполне достаточными, чтобы при создании уголовного процесса правового государства навсегда отказаться от идеи возложения на следователя функции преследования как единственной функции, наряду с другими функциями.

1. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. 1951. С. 56-59.
2. Куцова Э.Ф. О концепции уголовно-процессуального законодательства РФ // Законность. 2011. №12. С.84-86.
3. Васюков В.Ф. К вопросу о производстве следственных действий // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 21-23.
4. Адигамова Г.З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2004. С. 6.
5. Лукичев Н.А. Обеспечение состязательного процесса на стадии предварительного расследования // Российский следователь. 2013. № 5. С. 48.
6. Калужный А.Н. Итоги реформирования следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела: проблемы производства и пути оптимизации // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 186-189.
6. Назаренко В. Та реформа хороша, с которой в согласии ум и душа // Законность. 2011. № 11. С. 10-13.
7. Козявин А.А. Новый уголовно-процессуальный кодекс России: пробелы в концепции. // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Орел. 2010. С. 85-88.
8. Дармаева В.Д. Полномочия следователя в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 6. С.16.
9. Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно - процессуального права // Государство и право. 2012. № 5. С. 55 - 56.

Ключевые слова: следователь, функция обвинения, функция уголовного преследования, состязательность.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Плетникова Мария Сергеевна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Уральский юридический институт МВД России,

620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66,

кандидат юридических наук

В статье автор затрагивает проблемы доказывания морального вреда в уголовном судопроизводстве, касается критерия оценки компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) определяет назначение уголовного судопроизводства в Российском государстве. Так, ч. 1 ст. 6 УПК РФ, во-первых, закрепляет необходимость защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Во-вторых, гласит, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. К сожалению, несмотря на то, что ст. 52 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года провозглашают, что каждому потерпевшему от преступления гарантируется государством как доступ к правосудию, так и компенсация причиненного ущерба, в современном уголовном судопроизводстве есть ряд сложностей. Одна из таких проблем – доказывание морального вреда в рамках уголовного судопроизводства.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу, помимо ряда других, подлежит характер и размер вреда, причиненного преступлением. Если провести параллели, то к такому вреду относится и моральный вред, возмещение которого устанавливается в ст. 136 УПК РФ. В свою очередь при доказывании морального вреда, как указывает В.В. Владимирова, «необходимо устанавливать характер и степень тяжести вреда, так как показатель размера морального вреда – это психологическая тяжесть физических и нравственных страданий, как результат негативного воздействия на потерпевшего, определяемая их степенью воздействия», что соответствует нормам действующего законодательства.

В целом, доказать причинение морального вреда довольно сложно, независимо от того, в чем он выражается, в физических или нравственных страданиях, или вред причинен деловой репутации юридического лица. Правда, в случае, когда в отношении лица установлен факт причинения телесных повреждений, когда установлены последствия противоправного деяния это сделать на порядок проще, чем в тех случаях, когда пострадавший от преступления в иске просто заявляет о причинении ему нравственных страданий, обосновать которые довольно проблематично.

В связи с отсутствием единой модели (критерия) оценки морального вреда, практика его доказывания весьма противоречива. В одном случае, суды, установив факт совершения преступления, предполагают претерпевание потерпевшим морального вреда и рассматривают вопрос о его размере в денежной форме. В другом случае, суды требуют от потерпевшего документально подтвердить не только сам факт причинения вреда, но и его предполагаемый размер или причинно-следственную связь между преступным деянием и наступившими физическими или нравственными страданиями потерпевшего. Как показывает практика, суды чаще придерживаются второй позиции и требуют предоставления официальных документов и объективных доказательств, подтверждающих причинение морального вреда. При этом суд исходит из тех позиций, что чем серьезнее причинен вред здоровью потерпевшего, тем более сильные страдания он испытал. В настоящее время существует только необходимость убедить суд в том, что потерпевший испытал сильную физическую боль, что в свою очередь подтверждается документально или свидетельскими показаниями. В таких случаях доказательство причинения физических страданий автоматически проявляется в доказательстве морального вреда.

Аналогичной позиции придерживается В.Н. Титова, которая говорит, что для определения размера компенсации причиненного морального вреда необходимо установить следующие обстоятельства: характер причиненных страданий, степень вины причинителя вреда, наличия у потерпевшего индивидуальных особенностей. Эти же обстоятельства должны лечь в основу заявленного иска о возмещении морального вреда.

Подтверждение причинения нравственных страданий, особенно предоставление доказательств в форме документов, весьма трудоемкий процесс, сложно реализуемый из-за своей специфики осуществления на практике. Нельзя не согласиться с точкой зрения С.П. Олиферинко, что при причинении вреда нематериальным благам, а именно чести, достоинству, личной свободе, тайне личной жизни, причиненный вред трудно «объективизировать» и он находит выражение только в психологическом дискомфорте, переживаниях потерпевшего. В свою очередь, вред, нанесенный в виде физических страданий, имеет вполне реальное выражение в виде телесных повреждений либо ухудшении состояния здоровья. Признаки физического вреда зафиксированы в нормативно - правовых актах, чего не скажешь про физические или нравственные страдания.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» гласит, что «судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие

значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости»

Таким образом, нравственная форма вреда в рамках уголовного судопроизводства образует некую абстрактную форму без указания признаков в законодательстве, которая выражается в эмоциях и переживаниях личности. В результате чего объектом оценочных понятий выступают качественные признаки, явления, которым затруднительно дать однозначную количественную оценку. А отсутствие исчерпывающих, ясных критериев и индикаторов, описывающих содержание категорий морального вреда, препятствует их четкому закреплению.

Установление степени физических и нравственных страданий чаще всего возможно только лишь с учетом показаний гражданского истца, гражданского ответчика, свидетелей, вещественных доказательств, заключения и показаний экспертов, специалистов соответствующего профиля. Особая роль в этом процессе принадлежит экспертизе, в частности судебно-психологической – это единственный выход из сложившейся ситуации, при помощи которого можно попытаться определить размер причиненного морального вреда. Экспертиза проводится, основываясь на знаниях фундаментальной науки психологии, а выработка способов и методов проведения экспертизы строится на основе многолетних исследований и проверенных методиках. Обязательным условием назначения такой экспертизы будет заявление гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства от участников уголовного судопроизводства.

Интересной особенностью рассмотрения иска по компенсации морального вреда в рамках уголовного законодательства является то, что возможно использовать доказательства вины лица, совершившего преступление, по уголовному делу совместно с доказыванием морального вреда, так как они имеют одно начало.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время назрела необходимость разработки процессуальной модели оценки морального вреда, причиненного преступным деянием, так как в настоящее время из-за невозможности точного измерения причиненного ущерба от причиненного морального вреда процесс доказывания его размера является довольно сложной задачей. При этом следует учесть, что моральный вред может быть причинен не только потерпевшему, но и иным участникам уголовного судопроизводства. Совершенствование законодательства в данной области позволит в дальнейшем разрешить вопрос оптимизации размера компенсации за причиненный моральный вред.

Ключевые слова: моральный вред в уголовном судопроизводстве, критерии оценки размер компенсации. Нравственные страдания.

СОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОННОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Политыко Ольга Евгеньевна,
*преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66*

В статье автор раскрывает содержание принципа законности уголовного судопроизводства, специфику его реализации в досудебном и судебном производстве, соблюдения требований данного принципа на различных стадиях производства по уголовным делам.

Важнейшим принципом уголовного судопроизводства является принцип законности. Он имеет свое отражение во всех принципах и нормах уголовно-процессуального права, и нарушение каждой из этих норм расценивается как нарушение принципа законности. Процессуальные принципы не дополняют принцип законности, а конкретизируют его. «Собственно процессуальные принципы - это принципы реализации законности в уголовном процессе» [2].

Принцип законности можно охарактеризовать как требование государства ко всем субъектам уголовного процесса, которые должны точно и неуклонно соблюдать и исполнять нормы уголовно-процессуального права на стадии досудебного производства, при судебном рассмотрении уголовных дел, прокурорском и судебном надзоре за деятельностью органов расследования и судов в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

Основное положение данного принципа закреплено в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ и в ст. 7 УПК РФ. Также данный принцип раскрыт в других статьях УПК РФ: в ст. 1 УПК РФ определяется осуществление производства по уголовным делам; в ст. 75 УПК РФ указаны обстоятельства признания недопустимыми доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства; в ст.ст. 97, 99 УПК РФ раскрыты основания избрания меры пресечения, в ст. 146 УПК РФ установлена необходимость указания мотива и основания для возбуждения уголовного дела в соответствующем постановлении; в ст. 220 УПК РФ определена обязательность перечисления доказательств, подтверждающих позицию обвинения и защиты, в обвинительном заключении; в ст. 297 УПК РФ содержатся требования о законности приговора и др.

Вместе с тем в Конституции РФ содержится ряд норм, которые направлены на гарантированное действие принципа законности в уголовном процессе (ст.ст. 19, 20, 21, 22, 48-50, п. «о» ст. 71, ст. ст. 120, 123 и др.).

Принцип законности распространяется на всех субъектов, которые вовлечены в уголовный процесс, с одной стороны, на должностных лиц государства, которым поручено осуществлять уголовное судопроизводство, и

на государственные органы. С другой стороны, обязанность соблюдать закон возложена на граждан и иных участников по уголовному делу, которые привлечены в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов и т.д.

Содержание принципа законности определено и раскрыто в статье 7 УПК РФ:

1. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ (ч.1 ст.7).

Это требование означает, что УПК РФ имеет большую юридическую силу, чем остальные федеральные законы. Все органы и должностные лица уголовного судопроизводства имеют право осуществлять лишь те действия и принимать лишь те процессуальные решения, правомерность которых подтверждена законом. С другой стороны, лица, вовлеченные в уголовно-процессуальные правоотношения, обязаны соблюдать закон и правомерные требования органов и должностных лиц уголовного судопроизводства.

2. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта УПК РФ, принимает решение в соответствии с УПК РФ (ч.2 ст. 7 УПК РФ).

Верховенство закона означает, что в своей деятельности правоохранительные органы должны соблюдать все нормы уголовного процесса, реализовывать их только на основе закона, в рамках закона и во имя закона. Оно исключает все виды произвола, вседозволенности при рассмотрении вопросов уголовного преследования, и возможность нарушения норм закона в интересах мнимого усиления борьбы с преступностью.

Установленный законом порядок возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения, избрания меры пресечения, производства отдельных процессуальных действий не лишает должностных лиц проявлять творческое отношение к делу. Правильное применение закона обеспечивает успешное производство по делу и вместе с тем гарантирует исполнителей от ошибок, которые могут обернуться грубыми нарушениями законности и привести к лишению или ограничению прав и законных интересов участников процесса.

Данный принцип обязывает суд, прокурора, следователя, дознавателя неукоснительно соблюдать установленный порядок производства на всех стадиях уголовного судопроизводства, осуществлять процессуальные действия на законных основаниях и в предусмотренных законом процессуальных формах, принимать и обосновывать свои решения на соответствующих нормах материального и процессуального права, применять меры процессуального принуждения лишь в тех случаях, которые установлены законом, строго следовать законным правилам собирания, закрепления, проверки и оценке доказательств [1].

3. Нарушение норм уголовно-процессуального закона судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем влечет за собой

признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3 ст. 7, ст. 75).

Составленные должностными лицами процессуальные документы должны полностью соответствовать требованиям, предъявляемым к их содержанию и форме, опираться на установленные законом основания их вынесения. В случае, если будут выявлены нарушения, указанные в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, дознаватель, следователь, прокурор обязаны признать имеющиеся в деле доказательства недопустимыми. При этом инициатором этого могут быть как должностные лица уголовного судопроизводства, так и подозреваемые, обвиняемые и их защитники. Доказательства, полученные с нарушением требований закона, признаются недопустимыми и исключаются из уголовного дела, и впоследствии их нельзя использовать в доказывании.

Основную роль при решении данного вопроса отводится прокурорскому надзору и судебному контролю. Прокурорский надзор является одним из основных методов соблюдения законности. Деятельность прокурора направлена на то, чтобы задержание граждан по подозрению в совершении преступлений осуществлялось только по основаниям, которые установлены законом; чтобы никто не подвергался незаконному привлечению к уголовной ответственности, чтобы не были нарушены законные интересы и права участников уголовного процесса и других граждан; чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало уголовной ответственности.

Кроме прокурорского надзора, таким же эффективным средством является судебный надзор и судебный контроль.

Например, судебный контроль осуществляется за применением меры пресечения в виде содержания под стражей. Несмотря на то, что эта мера пресечения избирается только судом, но в случае несогласия обвиняемого, подозреваемого, его защитника, либо законных представителей с принятым решением суда указанные лица могут обратиться в вышестоящий суд и обжаловать факт применения и продления данной меры пресечения.

Суды надзорной инстанции, пересматривая дела по инициативе должностных лиц, проверяют, насколько верно применялся закон, насколько справедливо был вынесен приговор и обоснованно применено то или иное наказания [2].

4. Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Субъекты уголовного процесса должны правильно применять уголовный закон на каждой стадии уголовного процесса: от принятия решения о возбуждении уголовного дела до оценки законности приговора в вышестоящем суде. Для следователей, органов дознания системы МВД России и других ведомств соблюдение требований законности означает быстрое и полное раскрытие и расследование преступления, проведение всех необходимых следственных действий, направленных на собирание и исследование доказательств в строгом соответствии с законом.

Указанный принцип наиболее полно осуществляется в судебном разбирательстве, где принимаются основные решения по делу: о виновности или невиновности лица, а также о назначении наказания.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что принцип законности является общим правовым основанием применения мер государственного принуждения к лицам, которые уклоняются от исполнения и соблюдения действующих норм права. Его суть в уголовном судопроизводстве определяется как нормами Конституции РФ, так и нормами УПК РФ. И нужно заметить, что соблюдение принципа законности в уголовном судопроизводстве выступает гарантом вынесения справедливого и обоснованного решения по любому делу.

-
1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М.: Спарк, 2015. – С. 83 - 85.
 2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Под. ред. П. А. Лупинской, М.: Норма, 2011. - С.121.

Ключевые слова: принципы уголовно-процессуального законодательства, принцип законности, должностные лица государства, осуществляющие уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

АРГУМЕНТАЦИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ КОНТРАБАНДЫ, СОВЕРШАЕМОЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Приходько Наталья Юрьевна,

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и психологии,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

Автор пытался аргументировать специфические (практические и теоретические) детерминанты контрабанды, совершаемой на железнодорожном транспорте, также перечисляются некоторые общественные отношения, которые могут пострадать от контрабанды.

Рассматривая практические и теоретические детерминанты контрабанды на железнодорожном транспорте для наибольшей целостности представления и прикладной направленности необходимо охарактеризовать те из них, которые наибольшим образом обуславливают совершение рассматриваемого преступления. Если рассматривать детерминацию как любую закономерную

связь или зависимость между различными процессами и явлениями [1, С. 179], то необходимо рассмотреть условия преступления.

Первым практическим условием совершения контрабанды на территории филиалов ОАО «РЖД» на территории ЦФО России – Московская железная дорога можно считать территориальную протяженность и расположение. На территории РФ за последние годы возросло количество преступлений, связанных с контрабандой: данные были приведены в диссертации. В качестве исследуемой территории нами был выбран филиал ОАО «РЖД» на территории ЦФО РФ – Московская железная дорога.

Вторым практическим условием можно считать количество уголовных дел, расследуемых в Управлении на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу (далее – УТ МВД России по ЦФО). Необходимо отметить, что всего за период с 2007 по 2012 год в УТ МВД РФ по ЦФО уголовных дел по контрабанде принято к производству 2914, что составляет 21,6 % от общего числа выявленных и зарегистрированных преступлений в целом по РФ, а это немало, учитывая специфику работы на транспорте [2, С. 88-89].

Анализ уголовных дел и проведенное анкетирование сотрудников органов внутренних дел на железнодорожном транспорте позволили определить следующие специфические детерминанты, обуславливающие совершение контрабанды на железнодорожном транспорте и способствующие ей [3, С. 9]:

1) *организационно-управленческого характера*: отсутствие взаимодействия между правоохранительными органами разных государств отмечено 43 % опрошенных лиц и занимает лидирующую позицию. Респонденты отмечали отсутствие четко скоординированного взаимодействия между правоохранительными органами разных государств, в т. ч. стран участников ТС и государств, входящих в ЕврАзЭС. Проблемы взаимодействия отмечались в большей степени при проведении мероприятий по раскрытию и расследованию таможенных преступлений, в том числе контрабанды.

Также в эту категорию можно отнести неопределенный статус и прозрачность границ между государствами, входящими в ТС в рамках ЕврАзЭС (отмечено 10,5 % респондентов).

Некоторые участки государственной границы РФ и границы ТС не имеют должной охраны; более того, необходимо учитывать, что государственная граница, естественно, не совпадает с таможенной границей ТС, что затрудняет контролирующие функции РФ. С одной стороны, прозрачность границ свидетельствует о реализации демократических, гуманистических принципов, а с другой – это означает, по существу, наличие ослабленных звеньев в системе организации контроля в условиях оживленного регулярного пассажиропотока на железнодорожном транспорте.

Данная проблема определяется тем обстоятельством, что границы, которые разделяют страны ТС, имеют условный характер, выполняя весьма ограниченную функцию, обеспечивающую административно-территориальное деление в пределах общего экономического и правового пространства.

Детерминантом также является высокая степень коррумпированности должностных лиц таможенных и иных органов (отмечена 21 % опрошенных

лиц). Коррупция среди сотрудников таможенных, пограничных служб, а также сотрудников линейных (транспортных) подразделений создает препятствия для эффективной борьбы с контрабандой;

2) *нормативно-правового характера*: несовершенство нормативно-правовой базы в области уголовного, таможенного, административного законодательства; несовершенство нормативных правовых актов ТС и государств, входящих в ЕврАзЭС (отмечен 21 % респондентов). В связи с этим возникает проблема пространственных коллизий, которые препятствуют достижению правоохранительного эффекта при пресечении деятельности контрабандистов, умело пользующихся пробелами в национальных законодательствах ТС в рамках ЕврАзЭС;

3) *социального характера*: массовая миграция населения отмечена 17 % респондентов. Можно сказать, что миграционные процессы и сами мигранты являются «питающим» источником для совершения контрабанды и иных таможенных преступлений на территории ряда стран, в том числе и стран таможенного соглашения. Существенно осложняют ситуацию размытость границ между государствами ближнего зарубежья, социально-экономические различия и, как закономерность, огромные потоки законной и незаконной миграции.

Здесь же можно отметить недостаточно эффективную превентивную функцию уголовного закона, т. е. потенциальный контрабандист чувствует себя вольготно, не боится наказания (5 %);

4) *технического характера*: остается актуальной проблема ненадлежащего материально-технического оснащения пунктов таможенного контроля, что затрудняет проведение многих операций (1,5 %);

5) *методического характера*: к этой проблеме гармонично добавляется проблема непрофессионализма правоприменительных органов (2 %). Значительное снижение профессионального уровня сотрудников таможенной системы, неправильные подходы в проведении кадровой политики правоохранительными ведомствами и учреждениями создавали условия для проникновения в систему органов, ведущих борьбу с преступностью, лиц, не имеющих профессионального образования и достаточного опыта, а также с запятанной репутацией.

В процессе исследования можно было констатировать, что контрабанда обладает серьезной общественной опасностью. При этом особую криминогенную окраску ей придают непосредственно способы совершения и предметы посягательства, перемещаемые через границу.

Общественная опасность контрабанды обусловливается как социальной значимостью данного феномена, так и его количественными и качественными показателями. Общественная опасность контрабанды велика и помимо непосредственного нарушения порядка перемещения через государственную границу РФ, таможенную границу ТС предметов, в отношении которых государство установило специальные правила, может проявляться:

1) в причинении вреда общественной безопасности государства, что обусловлено незаконным перемещением через таможенную границу ТС в

рамках ЕврАзЭС либо государственную границу РФ с государствами - членами ТС в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники;

2) в создании угрозы здоровью населения, выражающемся в незаконном перемещении через таможенную границу ТС в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу РФ с государствами - членами ТС в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

3) в причинении вреда культурно-национальному достоянию государства, выражающемся в незаконном перемещении через таможенную границу ТС в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу РФ с государствами - членами ТС в рамках ЕврАзЭС стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей в крупном размере;

4) в способствовании совершению других преступлений (как в виде совокупности преступлений, так и в виде совершения и участия в других преступлениях, например в незаконном обороте наркотиков).

Это лишь обобщенный перечень общественных отношений, которые могут пострадать от контрабанды. При этом каждый случай контрабанды по своему отражается на общественных отношениях, когда нарушаются, от малозначительных до самых значимых, стороны жизнедеятельности общества и государства.

Общественная опасность контрабанды на протяжении всей истории развития российской государственности была огромна. В последние годы она приобрела новые масштабы и характер, что в большей степени обусловлено происходящими социально-экономическими и политическими преобразованиями, развитием нового типа экономических рыночных отношений. Контрабанда в настоящее время характеризуется как более оригинальными и изощренными способами перемещения, так и характером незаконно перемещаемых предметов [4, С. 202-204].

Одной из тенденций современной контрабанды и условий ее развития является расширение спектра контрабандных предметов и изменение их перечня. В последнее время в отношении этих предметов установлены специальные правила перемещения, что придает проблеме предупреждения контрабанды особую актуальность.

Таким образом, исследование детерминант контрабанды на железнодорожном транспорте позволило выявить абсолютную независимость соверше-

ния данного преступления от времени суток и относительную независимость от времени года. Это обусловлено тем, что преступник - контрабандист не может оказать влияние на расписание движения поездов и время пересечения таможенных и государственных границ. Однако в летний период увеличивается количество пассажирских перевозок, соответственно, наблюдается прямо пропорциональный рост количества совершаемых преступлений.

1. Жалинский, А. Э. Избранные труды [Текст] : в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – Т. 1. Криминология. – 698 с.
2. Приходько, Н. Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Приходько Наталья Юрьевна. – М., 2015. – 211 с.
3. Приходько Н. Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Ю. Приходько. – М., 2015. – 23с.
4. Антохина, Н. Ю. Детерминанта контрабанды, совершаемой на железнодорожном транспорте / Н. Ю. Антохина // Вестник Орловского государственного университета. – 2014. – №4 (39). – С. 202-204.

Ключевые слова: контрабанда, детерминанты, железнодорожный транспорт.

УДК 343.9

ПОЛУЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Расулова Наталья Сергеевна,
*начальник кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66*

Статья посвящена отдельным проблемам получения заключения специалиста при производстве дознания в сокращенной форме, приведен анализ проблем использования заключения специалиста в качестве доказательства.

Введение дознания в сокращенной форме в своем становлении прошло через ряд законопроектов, но в каждом прослеживается единая цель – это совершенствование положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок осуществления дознания по уголовным делам, исключение нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, необоснованного затягивания сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет

правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения [1].

Стремление законодателя упростить производство по преступлениям, не представляющим сложности в расследовании, вполне объяснимо и оправданно. Однако анализ мнения практических работников, позволяет сделать вывод о том, что в действительности создание новой формы расследования – дознания в сокращенной форме – не решило проблему повышения эффективности досудебного производства, а подняло ряд затруднений, связанных с особенностями доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

Одной из таких проблем является получение заключения специалиста и использование его в качестве доказательства.

В 2003 году в ст. 74 УПК РФ был введен новый вид доказательства «заключение специалиста» [2]. Однако, несмотря на столь длительное существование, правоприменители редко используют его как самостоятельное доказательство при расследовании преступлений, чему имеется ряд причин:

- УПК РФ не регламентирует процедуру получения заключения специалиста и не содержит каких-либо требований к его оформлению, что обоснованно вызывает затруднения у практических работников для его использования в качестве доказательства;

- зачастую на практике происходит подмена понятия заключения специалиста иными непроцессуальными видами использования специальных знаний (предварительное исследование, акт судебно-медицинского освидетельствования, ревизия, акт документальной проверки), кроме того, возникают затруднения в разграничении заключения специалиста от заключения эксперта.

Анализ норм УПК РФ позволил выявить противоречия, касающиеся не только получения заключения специалиста в досудебном производстве, но и использования его как самостоятельного доказательства.

Действительно, заключение специалиста и заключение эксперта являются средствами использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, и это единственное, что их объединяет.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста представляет собой суждение в письменном виде по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

Часть 1 ст. 80 УПК РФ раскрывает понятие заключения эксперта, которое представляется в письменном виде и содержит исследование и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

Из анализа понятий следует, что по своей природе заключение специалиста и заключение эксперта абсолютно два разных вида доказательств, одно представляет собой суждение, а другое – исследование.

Для обоснования нашего мнения обратимся к толкованию значения понятий «суждение» и «исследование». Так, в логике под суждением понимается форма мышления, в которой что-либо утверждается или отрицается о

предмете, его свойствах или отношениях между предметами. Большой энциклопедический словарь содержит понятие суждения в виде высказывания или умственного акта, реализующего отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли и связанный с убеждением или сомнением в ее истинности или ложности. Философский словарь терминов определяет суждение как мысль, выраженную в форме предложения, в котором нечто утверждается или отрицается об объектах, и являющуюся объективно либо истинной, либо ложной.

Понятие исследование раскрывается в Большом энциклопедическом словаре как процесс выработки новых знаний, один из видов познавательной деятельности, который характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью, точностью; имеет два уровня – эмпирический и теоретический.

Таким образом, анализ предложенных понятий позволяет сделать вывод о том, что специалист при даче заключения не проводит исследования, а лишь формулирует свое мнение относительно поставленного перед ним вопроса.

Однако, на основании п. 3 ч.3 ст. 226.5 УПК РФ при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев, предусмотренных пп. «а,б,в» указанной части. Таким образом, законодатель наделяет специалиста правом производить исследование, а заключение специалиста вполне может содержать ответы на вопросы, которые должны быть разрешены в ходе производства судебной экспертизы, что означает то, что по своему содержанию заключение специалиста вполне может заменить заключение эксперта.

На наш взгляд, данная норма противоречит смыслу не только ст. 80 УПК РФ, но и п.9 ч.1 ст. 204 УПК РФ, согласно которому одним из требований к заключению эксперта являются содержание и результаты исследований с указанием примененных методик.

Выявленные противоречия приводят к конкуренции двух самостоятельных видов доказательств: заключения специалиста и заключения эксперта при производстве дознания в сокращенной форме, что, по нашему мнению, является недопустимым.

Мы поддерживаем мнение И.В. Овсянникова о том, что до появления заключения специалиста как нового вида доказательства уникальность и незаменимость заключения эксперта состояла в том, что в нем содержались выводы – новое знание, полученное (выведенное) путем проведения экспертом исследований с использованием своих специальных знаний [3], в связи с чем в целях устранения противоречий предлагаем разграничить случаи получения заключения специалиста от производства судебной экспертизы и ввести в УПК РФ норму, согласно которой заключение специалиста подлежит получать при доказывании лишь тех обстоятельств, для установления которых не требуется проведение исследования.

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Паспорт проекта Федерального закона № 33012-6. [Электронный ресурс] доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» / СПС «КонсультантПлюс»
3. Овсянников И.В. Дискуссия о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2. С.48-51.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, заключение специалиста, исследование, доказательства.

УДК 343.13

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Ретюнских Ирина Алексеевна,
доцент кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г.Екатеринбург, ул.Корепина, 66,
кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается один из элементов процессуального порядка задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, – основания. Анализ положений ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приводит к выводу, что в ней закрепляются основания фактического, а не процессуального задержания. Несовершенство нормы создает определенные сложности для органов уголовного преследования и подозреваемого. Автор предлагает свое видение проблемы, а также способы ее решения.

Основаниям задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, посвящена статья 91 УПК РФ. К таковым законодатель относит данные о том, что 1) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) потерпевшие или очевидцы указывают на данное лицо как на совершившее преступление; 3) на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и 4) иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного

лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Содержание ст. 91 УПК РФ наводит на мысль, что изначально данная норма была направлена на регулирование фактического (физического) задержания, производимого вне уголовно-процессуальной деятельности.

Во-первых, данная статья изложена во многом непроцессуальным языком. Ярким тому примером служит пункт 2 ч.1 ст.91 УПК РФ «Потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление». Опираясь на «букву закона», можно утверждать, что в пункте 2 ч.1 ст.91 УПК РФ заключена явная процессуальная ошибка. «Очевидцы» и «потерпевшие» – понятия, несовместимые в процессуальном смысле. Очевидцы участвуют только в одной стадии уголовного процесса – возбуждения уголовного дела, а потерпевшие в другой – предварительного расследования. Следуя строгим юридическим правилам, речь должна идти либо об очевидцах и пострадавших, либо о свидетелях и потерпевших.

Вероятно, формулируя пункт 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, законодатель применил понятие «очевидцы» для обозначения любых лиц, присутствовавших при совершении преступления и указывающих приметы правонарушителя сотрудникам полиции, на основании которых предпринимаются поиск, поимка и доставление лица в орган дознания.

Другим примером непроцессуального изложения текста статьи уголовно-процессуального закона служит пункт 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, согласно которому обнаруженные следы обязательно должны быть явными. Несомненно, что законодатель делает акцент на слово «явные». Что следует понимать под явностью следов преступления? Законодатель охарактеризовал следы «явными» с тем, чтобы сотрудники полиции, обнаружив следы преступления, обратили на них внимание и предприняли все меры для их сохранности.

Думается, что присутствие терминов «очевидцы», «явные следы» в нормативной регламентации уголовно-процессуального принуждения является отголоском тех времен, когда ст.91 УПК РФ, по сути, регулировала поимку и доставление полицией заподозренного лица еще в дореволюционной России. Действующая ст. 91 УПК РФ почти дословно воспроизводит ст.257 Устава уголовного судопроизводства дореволюционной России.

Во-вторых, в качестве оснований задержания указаны конкретные жизненные обстоятельства, которые не могут лично восприниматься следователем (дознавателем), тогда как сотрудники полиции, осуществляющие поимку преступника «на месте», могут самолично устанавливать (наблюдать, быть участником) эти обстоятельства.

Первое основание «лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения» можно понимать как поимку лица с поличным, а именно на месте преступления или непосредственно после его совершения. Данное основание «не устанавливается каким-либо познавательными следственными действиями, а обнаруживается в момент совершения преступления или сразу после него» [1], в связи с чем применение первого основания возможно только в итоге непосредственного обнаружения сотрудниками полиции преступных действий.

Кроме того, слово «застигнут» подчеркивает внезапность появления этого основания задержания, а «непосредственно» означает, что задержание по рассматриваемому основанию может быть предпринято лишь на месте происшествия либо в ходе непрекращающегося преследования.

Должностное лицо, принимающее решение о задержании подозреваемого, не наблюдает факта совершения преступления, а узнает о нем со слов тех, кто застиг и доставил заподозренного в полицию.

В пункте 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ законодатель в один ряд ставит очевидцев и потерпевших. Отсюда следует, что речь идет о стадии возбуждения уголовного дела, а под потерпевшими подразумеваются граждане, пострадавшие от преступления. Кроме того, словосочетание «прямо укажут», думается, говорит как раз о непосредственном восприятии сотрудником полиции жеста или слов очевидца либо пострадавшего.

По основанию «когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления» лицо задерживается, если у него или в его жилище обнаружены явные следы преступления. Для того чтобы обнаруженные следы стали основанием задержания, они должны отвечать двум требованиям: 1) быть явными, т.е. для своего обнаружения не требовать экспертизы и 2) быть обнаруженными у заподозренного, на его одежде, при нем или в его жилище.

Зачастую обнаружение, изъятие и фиксация явных следов преступления происходит ещё до возбуждения уголовного дела в ходе осмотра места происшествия, личного досмотра, судебно-медицинского освидетельствования. Типичным примером служит физическое задержание лица, которое, по имеющейся у сотрудников полиции информации, только что приобрело наркотические средства у сбытчика. После физического задержания производится личный досмотр, в ходе которого изымаются наркотические средства. Рапорт сотрудников полиции об обнаружении признаков преступления и протокол личного досмотра являются документами, где впервые начинают фигурировать наркотические средства как будущие вещественные доказательства.

Значительное количество преступлений, особенно краж, грабежей, мошенничеств, совершаются в условиях очевидности, когда правонарушитель был застигнут на месте преступления, либо очевидцы непосредственно указывают на определенное лицо, как на совершившее преступление. В этих ситуациях после физического захвата сотрудники полиции производят личный досмотр и досмотр вещей заподозренного с целью выявления следов преступления, иначе он уничтожит улики.

Основание «иные данные» законодатель усиливает четырьмя условиями: это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Могут ли данные обстоятельства быть достаточными основаниями для заключения подозреваемого под стражу? Видимо, нет. В то же время данные обстоятельства приемлемы для фак-

тического задержания. В соответствии с п.2 ч. 1 ст.13 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ "О полиции" сотрудники полиции имеют право проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие личность, при наличии достаточных оснований подозревать их в совершении преступления или административного правонарушения. Если подлинность документов вызывает сомнение либо лицо попытается скрыться, сотрудники полиции правомочны задержать и доставить лицо в орган внутренних дел.

При решении вопроса о том, какими же должны быть основания задержания подозреваемого, необходимо учитывать следующее. Основаниями задержания подозреваемого являются любые обстоятельства, свидетельствующие о причастности лица к совершению преступления. Эти обстоятельства должны быть доказаны собранными по уголовному делу доказательствами. В качестве таковых могут выступать допросы свидетелей, других подозреваемых, выемки, обыски и т. д. Задержание следует производить лишь при достаточности доказательств, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления. Совокупность собранных по делу доказательств недостаточна для применения меры пресечения в виде заключения под стражу [2].

В итоге сформулируем правило. Орган дознания или следователь вправе задержать подозреваемого при наличии достаточных доказательств, свидетельствующих о причастности лица к совершению преступления, и отсутствии оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таким образом, основаниями следственного задержания являются собранные по уголовному делу фактические данные (доказательства), свидетельствующие о причастности лица к преступлению.

-
1. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С.103.
 2. Ретюнских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / ИА. Ретюнских // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С.20.

Ключевые слова: основания задержания подозреваемого; процессуальное задержание; фактическое задержание; подозреваемый; следователь.

УДК 343.137.9

НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Рудич Валерий Владимирович,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Уральский институт экономики, управления и права,
620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 194,
кандидат юридических наук*

В статье автор обосновывает новые механизмы применения обеспечительных мер уголовно-процессуального принуждения в сфере уголовного производства. Особое место уделено разработке и внедрению концепции следственного судьи, которая наиболее близка западно-европейской модели превентивного судебного контроля.

В отечественной уголовно-процессуальной науке нет единства взглядов относительно способов разрешения проблемы модернизации правовой формы реализации государственного принуждения в сфере уголовного судопроизводства. То, что она существует, подтверждается тем, что суды удовлетворяют подавляющее большинство ходатайств органов предварительной власти об избрании меры пресечения. Причем в структуре принимаемых судебных решений об избрании меры пресечения доминируют постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Очевидно, что данная проблема носит системный характер и свидетельствует об общем кризисе российского уголовного судопроизводства. Свидетельством неэффективности существующей модели уголовного процесса является, с одной стороны, то, что по уголовным делам выносятся 99,5–99,6 % обвинительных приговоров [1], а с другой стороны, тенденция, при которой более чем по 77,5 – 80 % зарегистрированных сообщений о преступлениях уголовные дела не возбуждаются [2].

Мы разделяем мнение, согласно которому ключевым моментом в стратегии развития нашего уголовного судопроизводства является проблема реформирования правоохранительной системы и досудебного производства по уголовным делам. Речь идет о принципиальном устройстве правового механизма противодействия преступности. Мы исходим из того, что публичная власть обязана противодействовать угрозе в виде преступности посредством организованного – правового принуждения, прежде всего, в виде применения уголовного наказания, но также и путем применения мер уголовно-процессуального принуждения, которые выступают как *меры обеспечения производства по уголовному делу*.

В государстве должен быть создан специализированный аппарат, уполномоченный осуществлять обвинительную деятельность (в широком смысле), то есть уголовное преследование предполагаемых преступников - обвиняемых. Этот аппарат принято называть обвинительной или обвинительно-следственной властью [3]. Обвинительную власть мы можем определить как

систему правоохранительных органов, уполномоченных осуществлять в правовой форме уголовное преследование.

Уголовное преследование, рассматриваемое как применение государственного принуждения к индивиду, чье антисоциальное поведение представляет угрозу обществу, – не самоцель, а средство достижения публичной властью цели привлечения к уголовной ответственности преступников и тем самым, подавление преступности и обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Как устроена обвинительная власть, каким образом закон позволяет ей искать основания для применения уголовной репрессии к лицам, совершившим преступления – вот что мы имеем в виду под *механизмом уголовного преследования*. Механизм уголовного преследования представляет собой, кто, в какой форме, в каком порядке осуществляет деятельность, направленную на выявление и изобличение лиц, совершивших преступления, применение к ним мер предварительных (обеспечительных) мер уголовно-процессуального принуждения; на обоснование и предъявление обвинения, а затем на применение к осужденным меры уголовной ответственности. Неотъемлемым свойством уголовного преследования является его принудительность. Разумеется, гарантией законности уголовно-процессуального принуждения, как и уголовного преследования в целом выступает судебный контроль и права преследуемого на защиту. Принципы организации и деятельности данного механизма, разумеется, определяется правовой формой государства, его политико-правовым режимом. От них зависит круг полномочий органов обвинительной власти, система отношений между ними и другими участниками процесс (прежде всего – со стороной защиты и судебной властью), а также арсенал правовых средств, с помощью которых и осуществляется уголовное преследование, принудительная по своему предопределению деятельность.

От того, как организовано уголовное преследование на досудебном производстве, зависит развитие уголовного процесса в судебных стадиях. Судебная реформа должна быть завершена приведением досудебного производства в соответствие со стандартами состязательности, равенства сторон, в том числе по собиранию доказательств. До последнего времени вероятность подобного развития событий никем всерьез не принималась, но опыт других стран, в том числе наших ближайших соседей, свидетельствует о выработке определенного европейского стандарта в организации правоохранительной системы, выступающих со стороны обвинения, и формы ее досудебной деятельности. Критическим пунктом в подобной балансировке досудебных и судебных стадий является процедура формулирования и выдвижения обвинения, ибо обвинение движет процесс, от организации и устройства обвинительной власти зависит позиционирование и функционирование и судебной власти, и правовое положение стороны защиты.

Весьма актуализирует обсуждение данной темы новое уголовно-процессуальное законодательство некоторых стран из ближнего зарубежья вроде Украины, Грузии, Казахстана, где пошли по принципиально иному пути реформирования обвинительно-следственной власти и предварительного

расследования по уголовным делам, чем у нас. Впрочем, и у нас в стране есть подобная концептуальная модель реформы уголовного судопроизводства: «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [4] (далее – Доктринальная модель).

В Доктринальной модели предлагается концепция следственного судьи, которая наиболее близка западно-европейской модели превентивного судебного контроля. В данном документе отмечено, что следственный судья - это федеральный орган судебной власти (суд), функционирующий независимо от системы судов общей юрисдикции и реализующий в досудебном уголовном производстве комплекс юрисдикционных и следственных функций, связанных с разрешением по существу потенциального или имеющегося спора относительно применения существенных мер процессуального принуждения, обеспечения прав и законных интересов участников процесса, депонирования по требованию сторон предположительно легитимных доказательств по делу, которые к моменту уголовного судопроизводства могут быть утрачены. Также указано, что следственный судья не должен выступать на стороне защиты или обвинения, а должен охранять беспристрастность и объективность в принятии своих решений. В этом подходе о пассивности следственного судьи в доказывании состоит суть состязательного подхода к конструированию модели судебного контроля, имеющего своим субъектом данный орган правосудия.

Мы солидарны с тем положением, что следственный судья должен рассматривать меры пресечения не по отдельным категориям преступлений, а по всем преступным деяниям, не выделяя отдельные категории преступлений из общего порядка. По нашему мнению, следственный судья должен санкционировать все меры пресечения, которые касаются лишения, либо ограничения конституционных свобод и имущественных прав граждан, а именно (заключения под стражу, домашний арест, залог).

Мы полностью разделяем мнение разработчиков Доктринальной модели о том, что юрисдикция следственных судей должна распространяться на всех граждан и на все споры, возникающие между участниками досудебного производства, все должны быть равны перед следственным судьей и законом, регулирующим досудебное уголовное производство в части применения мер пресечения. Никаких поблажек на уровне закона «предпринимателям» быть не должно.

Из выше сказанного, на наш взгляд, вытекает вывод о том, чтобы в будущем УПК РФ институт следственных судей строился на следующих положениях:

- распространение юрисдикции следственного судьи на все уголовные дела и на всех обвиняемых, независимо от их правового и социального положения;
- прозрачность рассмотрения ходатайств об избрании, отмене или изменении меры пресечения;
- выделение следственным судьей в отдельную систему судов. Тем самым федеральные судьи будут разгружены, так как их обязанности по рас-

смотрению уголовно-процессуальных вопросов на досудебном производстве передадут следственным судьям.

В своей совокупности принципиально новая организация обвинительной власти и ее отношений с властью судебной в лице следственного судьи позволит создать принципиально новый правовой механизм применения обеспечительных мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве.

1. Следственный комитет России: в России 0,4% оправдательных приговоров / URL: <http://www.bbc.co.uk>.
2. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета /URL: <http://www.iaaj.net>.
3. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под. ред. В.Т.Томина, И.А.Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 241-250.
4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации / URL: // <http://www.iaaj.net/node/1766>.

Ключевые слова: следственный судья, меры уголовно-процессуального принуждения, уголовное судопроизводство.

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ (СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ) В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Савицкая Ирина Геннадьевна,
доцент кафедры уголовного процесса,
Воронежский институт МВД России,
394070, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53,
кандидат юридических наук

В статье анализируется возможность возрождения института (судебных следователей) следственных судей, существовавших в России во второй половине 19 века. Освещаются проблемные вопросы организационного и процессуального характера, существовавшие в дореволюционной правоприменительной практике, а также возможные сложности в деятельности судебных следователей на современном этапе.

Уже более 150 лет отечественное досудебное производство пытается решить одну и ту же насущную проблему: как сформировать эффективное предварительное следствие на современном этапе. Причем этот вопрос не теряет своей актуальности на любом историческом промежутке времени, ре-

формы уголовного производства реализуются в жизнь независимо от формы правления и устройства нашего государства.

В последние десятилетия крайнюю актуальность среди ученых набирает идея возрождения института следственных судей, которая в первоначальном виде была сформулирована в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года и заключалась в сосредоточении предварительного следствия в руках судебной власти. Бытует мнение, что именно такой подход к предварительному следствию, способен в современных реалиях обеспечить на стадии предварительного следствия состязательность, равенство возможностей сторон, в том числе защиты, по собиранию и проверке доказательств, судебную защиту конституционных прав личности. Обратимся к истории данного института.

Безусловно, введенные в действие в 1864 г. на всей территории Российской империи судебные уставы реализовали одну из главных целей, поставленных законодателем того времени, а именно преобразование предварительного следствия, находившегося в неудовлетворительном состоянии. При разработке норм, в соответствии с которыми осуществлялось производство предварительного следствия, учитывался весь и отрицательный и положительный опыт не только отечественной дореформенной практики в данной области, но и деятельности зарубежного института предварительного следствия [1].

Предварительное следствие как начальная стадия уголовного процесса было отдано вновь учрежденному институту судебных следователей, являющихся по новому закону непосредственными чиновниками судебного ведомства. Следует отметить, что в России название «следственный судья» впервые появился в проекте «Учреждения следственных судей», составленным весной 1860 года специальной комиссией, созданной при Министерстве внутренних дел. 19, 23, 24, 25 и 26 мая 1860 г. этот проект обсуждался на совместных заседаниях департаментов законов и гражданских дел Государственного совета. В процессе рассмотрения проекта было сочтено целесообразным заменить название «следственный судья» на термин «судебный следователь». Члены соединенных департаментов сочли, что слова «следственный судья» могут дать неправильное представление об этом институте, поскольку данный судья не судит, а только собирает факты, передаваемые им на разрешение суда, то есть он производит следствие, а потому лучше назвать его следователем, но так как следствие переходит из ведомства полиции к суду, то правильнее называть его «судебным следователем» [2].

Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. подробно регламентировали все уголовно-процессуальные действия судебных следователей, их компетенцию, ответственность, функции, задачи и другие организационные моменты.

Впервые в уголовном судопроизводстве законодательно были закреплены такие ранее не свойственные для российского менталитета буржуазно-демократические принципы, как публичность, гласность, независимость и несменяемость органов судебного ведомства, свободная оценка доказательств,

отказ от розыскного (инквизиционного) процесса и замена его смешанными (следственно-состязательными) началами в уголовном процессе и т.п.

Тем не менее, несмотря на позитивные начала, применение нового законодательства в практической деятельности судебных следователей центральных губерний Российской империи уже в первые годы осуществления ими производства предварительного следствия по уголовным делам показало недостатки законодательства, регулировавшего данную область права, что стало одной из причин неудовлетворительной работы судебных следователей на местах.

Среди процессуальных проблем, с которыми часто встречались судебные следователи центральных губерний при производстве предварительного следствия, можно выделить следующие:

- проблемы, связанные с регламентацией порядка передачи следователем заключения следствия прокурору;
- отсутствие четкой регламентации компетенции органа дознания и судебных следователей порождало трудности. Например, было непонятно кто, полиция или судебные следователи, обязаны производить расследования по поводу установления личности определенной категории населения (например, бродяг, беглецов, беспаспортных и пр.);
- проблемы, связанные с регламентацией порядка сношения судебных следователей с другими должностными лицами судебного ведомства;
- проблемы, связанные с регулированием порядка производства следственных действий (задержание, осмотр, выемка и пр.);
- проблемы, связанные с регулированием порядка вызова лица, уже подвергнутого задержанию и находящегося в местах заключения, для допроса судебным следователем, и пр.

Среди организационных проблем следует отметить сложности в вопросах материального обеспечения судебных следователей (вопросы жалованья, оплата квартирных, обеспечение средствами передвижения); неравномерное распределение нагрузки между чиновниками следственных участков, в зависимости от численности населения; узаконенный формализм при заполнении протоколов, определений, различных реестров, описей дел и прочее[1].

Несмотря на то, что реформа уголовного судопроизводства пока не приведена в действие, в предложенном проекте уже вырисовываются проблемные вопросы организационного и процессуального порядка в деятельности судебных следователей на современном этапе, которые по сути, мало чем отличаются от тех, с которыми сталкивались правоприменители 150 лет назад. Так, в современной концепции не прослеживается четкое разграничение полномочий следователя (дознателя) и следственного судьи. Как отмечает, В.А. Томсинов, «судебный следователь («следственный судья») по Уставу 1864 года был не дополнительным, еще одним следователем, а единственным. При этом первоначальные следственные действия могли начинать полицейские должностные лица, но после передачи дела в руки судебного следователя их следственная функция прекращалась» [2].

В современной концепции возрождения института следственного судьи, он выступает вторым, «дополнительным», следователем, что несомненно вызовет неясности, связанные с проведением следственных действий, а также руководством ими. В связи с этим С.А. Шейфер задает вопрос, «если следственный судья руководит судебскими следственными действиями, то кто их проводит: сам ли судья или следователь (дознатель)?» [3]. Если он принимает участие в следственном действии, то каким образом он будет указываться в протоколе следственного действия, будет ли это лицо предупреждаться об ответственности, и каким образом будет решаться вопрос о тайне следствия; какие квалификационные требования будут предъявляться к лицу, назначаемому на должность следственного судьи.

По мнению авторов концепции, главной функцией современного следственного судьи, в отличие от его предшественника судебного следователя, который осуществлял производство предварительного следствия по уголовным делам, является активный судебный контроль за расследованием, без осуществления функции уголовного преследования.

В настоящее время контроль за органами предварительного расследования осуществляется судом, руководителем следственного органа и прокурором. В связи с этим непонятно, каким будет критерий разграничения процессуального надзора, осуществляемого прокурором, контроля осуществляемого руководителем следственного органа и контролем, который будет осуществлять следственный судья, неясной видится и роль прокурора в досудебном производстве. Непроработанными остаются вопросы предъявления обвинения в состязательном процессе, досудебного соглашения со следствием, а также прекращения дела за примирением сторон.

Что касается организационных моментов внедрения института следственных судей, то как и в XIX столетии, существуют и материальные проблемы. При проведении в жизнь реформы такого масштаба, необходимо учитывать резкое ухудшение экономической обстановки в стране за последние два года. Очевидно, что учреждение института следственных судей потребует огромных финансовых вложений. По предварительным оценкам авторов проекта Концепции «на всю страну нужно 336 следственных судей – по четыре на субъект». На оплату труда потребуется 600 млн руб. в год [4]. Однако, полагая, для воплощения в жизнь института следственных судей, а также для эффективного выполнения ими планируемых задач, 336 человек на страну явно недостаточно, а содержать огромный аппарат новоявленных чиновников в нынешней экономической ситуации неоправданно дорого.

В этой связи, полагая разумным и целесообразным предложение о создании института следственных судей сначала в нескольких субъектах Российской Федерации, в целях апробации, подобно, например специализированным судебным составам по рассмотрению уголовных дел несовершеннолетних, которые на протяжении более чем 10 лет существуют в шести субъектах РФ. На основании их деятельности законодателями и практиками анализируется возможность учреждения ювенальных судов во всех регионах РФ [5].

Представляется, что результаты подобного эксперимента способны выявить положительные и отрицательные моменты в деятельности следственных судей на практике, помогут эффективно реализовать полученный регионами положительный опыт, учесть недостатки, а также определяют дальнейшую судьбу и целесообразность введения института следственных судей на всей территории страны.

1. Соловьева Л.Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века : на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.Л. Соловьева. – Владимир, 2007. - С. 142.
2. Томсинов В.И. Критические заметки о проекте создания в Российской Федерации института следственного судьи / В.И. Томсинов. URL: http://tomsinov.com/russia_contemp/institut_sledstvennogo_sudii.pdf
3. Шейфер С.А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. - 2015. - № 3. С. 8 - 15.
4. Береснева Т. Концепция: 336 следственных судей за 600 млн руб. / Т. Береснева. URL: <http://pravo.ru/review/view/116562/>.
5. Справка по результатам обобщения информации судов субъектов РФ об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции // Вопросы ювенальной юстиции. - 2010. - № 4 (30).

Ключевые слова: концепция уголовного судопроизводства, досудебное производство, Устав уголовного судопроизводства, судебный следователь, следственный судья.

УДК 343.14.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Семененко Григорий Михайлович,
*доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130,
кандидат юридических наук*

В статье автором рассматривается вопрос применения методов психологического воздействия в деятельности органов внутренних дел. Автор, с учетом обобщенного материала акцентирует внимание на эффективности применения указанных мер в практической деятельности сотрудников полиции, на примере деятельности участковых-уполномоченных полиции.

В деятельности правоохранительных органов при осуществлении превентивных мер, направленных на предупреждение преступлений. Роль психологического воздействия особенно убедительно прослеживается при использовании средств массовой коммуникации: телевидения, сети интернет, радио, печатных изданий и др., с помощью которых, сотрудники правоохранительных органов с учетом психологической особенности аудитории создают все условия, для того, чтобы проводимое информирование оказало эффективное воздействие на данную аудиторию. Примером может служить информация, в виде наглядных агитационных плакатов, рекламных роликов, оповещений в средствах массовой коммуникации о бдительности граждан при обнаружении посторонних предметов в общественном транспорте и их действиях в случае их обнаружения и т.д.

Однако, на наш взгляд, одним из важнейших направлений в деятельности органов внутренних дел в предупреждении преступлений, является повышение профессионального мастерства сотрудников полиции по эффективному применению в практической деятельности предупредительных мер с учетом психологических особенностей личности. Это выражается в том, что согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона «О полиции», одним из основных направлений деятельности полиции, является «предупреждение и пресечение преступлений» [1]. Соответственно, деятельность служб и подразделений полиции с учетом приоритетных задач направлена на предупреждение преступлений. Под предупреждением преступлений, мы понимаем, деятельность государства и общества, направленная против возможных, но еще не задуманных (профилактика), задуманных, готовящихся, но еще не совершенных (предотвращение), а также происходящих, но еще не оконченных преступлений (пресечение) путем воздействия на их причины и условия, способствующие возникновению умысла совершить преступления, а также их подготовке и совершению [2. С.184]. Это говорит о том, что деятельность сотрудников полиции - это комплексная работа, которая в первую очередь связана с людьми, которых условно можно разделить на две категории. В первую категорию мы относим участников уголовного процесса (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, понятой, потерпевший и т.д). Ко второй категории (профилактируемые) мы относим лиц, склонных, по имеющейся у сотрудников полиции достоверной информации, к антиобщественному поведению и могут совершить преступление (лица злоупотребляющие алкоголем, употребляющие наркотические средства и психотропные вещества, несовершеннолетние, стоящие на учете в ПДН, а также склонные к девиантному поведению и т.д).

В ходе профессиональной деятельности, сотрудникам полиции зачастую приходится применять различные психологические методы в зависимости от обстоятельств и для достижения конкретных целей. Например, участников уголовного процесса (подозреваемого, свидетеля и т.д.) к содействию в раскрытии и расследовании преступлений. Профилактируемых – к перемене образа жизни (устройство на работу, пройти курс лечения от

алкогольной или наркотической зависимости и т.д). Для достижения поставленных целей, сотрудники полиции используют набор мер воздействия таких как: уголовно-правовые, нравственно-психологические, морально-этические. Кроме того, в профессиональной деятельности сотрудника полиции в деятельности по предупреждению преступлений, важную роль занимает морально-психологическое воздействие.

Как показывает практика, сотрудник полиции, применяющий указанные методы должен быть не только высококвалифицированным юристом, который неукоснительно соблюдает закон и морально-этические нормы, но и психологом, умеющим понять человека, способным оказать юридическую помощь, дать совет, разобраться в сложившейся ситуации, помочь избрать правильный путь.

Особую роль методы психологического воздействия играют при осуществлении сотрудником полиции индивидуальной предупредительной работы.

Основная работа по предупреждению преступлений возлагается на участковых уполномоченных полиции. В соответствии с наставлением «По организации деятельности участковых уполномоченных полиции» регламентированного Приказом МВД России от 31.12.2012 г. №1166, участковый уполномоченный полиции при несении службы на закрепленной части территории муниципального образования, обслуживаемой территориальным органом Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, выполняет задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, по противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности. Основными формами несения службы участковым уполномоченным полиции являются [3.]:

- Проведение профилактического обхода административного участка;
- Осуществление приема граждан и рассмотрение их обращений;
- Проведение индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете;
- Проведение отчетов перед населением о проделанной работе.

Участковый уполномоченный полиции осуществляет контроль над своевременным принятием руководителями организаций мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и изложенных в рекомендациях и направленных в их адрес. В случае неисполнения ранее данных предписаний докладывает руководителю территориального органа МВД России о необходимости внесения руководителям и должностным лицам организаций обязательных для исполнения представлений по принятию мер по их устранению в рамках действующего Российского законодательства.

В целях осуществления профилактики выявляет среди населения обслуживаемого участка:

- Лиц, допускающих противоправное поведение,

- Лиц, употребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача;

- Лиц, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, изготавливающих, перерабатывающих и сбывающих наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги;

- Лиц, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, культивирующих растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества;

- Лиц, содержащих притоны для потребления наркотиков, и лиц, предоставляющих помещения для этих целей;

- Лиц, склоняющих к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, в том числе несовершеннолетних, обеспечивать своевременное принятие к ним мер, установленных законодательством Российской Федерации, а также постановку данных лиц на профилактический учет в целях последующего контроля. Непосредственно, собирает информацию о квартирах (жилых домах, комнатах), сдаваемых в аренду, в том числе гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам и лицам без гражданства (при установлении юридических или физических лиц), о лицах, сдающих квартиры (помещения) в аренду без оформления соответствующих документов, а также информацию о лицах распространяющих экстремистские материалы, включенных в федеральный список экстремистских материалов и осуществляющих их производство, либо хранение в целях массового распространения.

Кроме того, выявлять притоны для занятия проституцией, незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, устанавливать их организаторов либо содержателей, участвовать в пределах компетенции в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, розыске несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа органа управления образованием, выявлении лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия, в том числе и в систематическое употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, занятия проституцией, бродяжничество и попрошайничество и незамедлительно принимать меры по пресечению их деятельности, а также незамедлительно информировать заинтересованные подразделения полиции.

Кроме того участковый уполномоченный полиции в соответствии с приказом МВД России №818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», проводят с поднадзорными лицами индивидуальную профилактическую работу, в ходе которой получают от них объяснения в устной или письменной форме и другие сведения по вопросам нарушения ими установленных судом адми-

нистративных ограничений и невыполнения возложенных на них Федеральным законом обязанностей.

Информация по результатам проведенных бесед и мероприятий по осуществлению административного надзора с поднадзорными лицами вносится в анкеты и листы учета профилактических мероприятий. Кроме этого, участковый уполномоченный полиции в ходе осуществления профилактической работы с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни, осуществляя психологическое воздействие (наряду с административным) направленное на побуждение данных лиц изменить линию поведения, встать на путь исправления. В ходе работы с лицами, склонными к совершению преступлений, методы психологического воздействия должны быть применены в целях побуждения профилактируемого лица отказаться от преступных намерений. Именно применение сотрудниками полиции мер психологического воздействия на личность в процессе правоохранительной деятельности, формы их практического использования в условиях конкретной ситуации, а также проведение обучения сотрудников полиции в целях более качественного осуществления своей работы должно основываться на строжайшем соблюдении законодательства.

-
1. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016).
 2. Семененко Г.М. Проблемы противодействия умышленному уничтожению или повреждению чужого имущества: региональный аспект монография; под общ. ред. А.Г. Заблочки; РОО «Совет ветеранов и выпускников Волгоградской высшей следственной школы». – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. – 184 с.
 3. Приказ МВД России от 31.12.2012 г. №1166 «Вопросы организационной деятельности участковых уполномоченных полиции».

Ключевые слова: предупреждение, профилактика, психологические методы, законность.

УДК 343.241

ПРОИЗВОДСТВО СПЕЦИАЛИСТОМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Семенов Евгений Алексеевич,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук;*

Щербакова Лариса Юрьевна,

*заместитель начальника института (по научной работе),
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
кандидат юридических наук*

В статье на основе полученных эмпирических данных исследуется правовая природа исследований специалиста при проверке сообщений о преступлениях.

При производстве по уголовному делу нередко возникают ситуации, требующие использование специальных знаний в форме поручения специалисту проведения исследования объектов в виде следов, веществ и предметов, трупов и т.д. Особенно часто подобные ситуации возникают при выявлении признаков таких преступлений, как подделка денежных знаков, незаконные приобретение, хранение или сбыт наркотических средств и психотропных веществ, причинение вреда здоровью различной тяжести, преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия или боеприпасов.

В ходе предварительной проверки в ряде случаев возникает необходимость привлечения специалиста для решения таких вопросов, как: не составляли ли ранее единое целое определенные объекты; относится ли предмет к холодному или огнестрельному оружию, пригодно ли оно для стрельбы, мог ли произойти выстрел без нажатия на спусковой крючок при конкретных обстоятельствах; не подделан ли оттиск печати и штампа; каковы причины возгорания; исполнена ли подпись определенным лицом; является ли данное вещество наркотическим средством; какова тяжесть вреда, причиненного здоровью определенного лица и т.д. Без решения данных вопросов зачастую невозможно установить наличие либо отсутствие основания для возбуждения уголовного дела. В то же время специалист не может дать ответы на подобные вопросы без проведения исследования представленных ему объектов.

Под предварительными исследованиями в науке уголовного процесса понимают исследования объектов, которые предваряют окончательное исследование, производимое в условиях экспертизы [1]. По сравнению с эксперт-

ными исследованиями предварительные характеризуются упрощенной процедурой назначения и производства.

В течение длительного времени в УПК РФ не была предусмотрена возможность производства исследований при рассмотрении сообщения о преступлении. Данное обстоятельство вызывало определенные сложности, обусловленные тем, что следователи (дознаватели) не могли в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством назначить исследование в ходе проверки сообщения о преступлении. Вместе с тем, в правоприменительной практике возникали (и возникают) ситуации, когда принять решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе без производства исследований невозможно.

В этих условиях, решения правоприменительной практики были неоднозначными. В одних случаях имели место непроцессуальные документы в виде поручений экспертным подразделениям о производстве предварительных исследований, в других – противоречащие букве закона поручения органам дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий с целью назначения предварительных исследований в рамках их осуществления.

4 июля 2003 года Федеральным законом № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены дополнения в статью 74 УПК РФ (пункт 3¹ часть вторая) и статью 80 УПК РФ (часть третья), и заключение специалиста было впервые закреплено в качестве источника доказательств. В результате дополнения исчерпывающего перечня видов доказательств заключение специалиста заменило справку, составляемую в соответствии с п. 5 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ФЗ об ОРД) по результатам оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» [2]. Однако указанная практика была быстро приостановлена в связи с признанием судами таких действий незаконными, а доказательств, полученных в результате проведения исследований специалистов – недопустимыми. Судьи обосновывали свою позицию опираясь на ч. 3 ст. 80 УПК РФ, согласно которой заключение специалиста представляет собой суждение, а не исследование. Кроме того, заключение специалиста отсутствует в перечне процессуальных действий, производство которых допустимо при рассмотрении сообщений и заявлений о преступлении (ч.1 ст. 144 УПК РФ).

В этой связи небезынтересным представляется решение Конституционного суда РФ, рассмотревшего уголовное дело и приговор Курского районного суда Курской области от 8 ноября 2006 года, когда труп потерпевшего обнаружен не был, по уголовному делу не проводилась судебно-медицинская экспертиза, а характер и степень вреда, причиненного здоровью, и причины смерти потерпевшего установлены на основании заключения специалиста. Приговор по данному уголовному делу оставлен без изменения судами кассационной и надзорных инстанций. Конституционный суд, отказывая в принятии жалобы обвиняемого о неконституционности ряда уголовно-процессуальных норм, указал на отсутствие в УПК РФ предписаний, позво-

ляющих не проводить судебную экспертизу в связи с наличием в деле заключения специалиста [3].

Следует отметить, что в некоторых случаях заключение специалиста может заменить заключение эксперта, во-первых по причине отсутствия апробированных экспертных методик по некоторым вопросам, возникающим при производстве по уголовному делу, во-вторых, заключение специалиста, как и любое иное доказательство, должно оцениваться по правилам, установленным ст. 88 УПК, в соответствии с которой каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела.

В первую очередь отсутствие законодательной регламентации способов получения заключения специалиста достаточно осложняют использование данного вида доказательства в практической деятельности. Его появление могло бы снизить количество назначаемых судебных экспертиз, за исключением случаев, когда согласно ст. 196 УПК РФ требуется обязательное назначение экспертизы, и способствовать тем самым уменьшению материальных и временных затрат на производство предварительного расследования. Однако только 32,3 % из числа опрошенных нами 294 следователей, 99 дознавателей и 29 экспертов Центрального Федерального округа указали на признание судами их региона указанных результатов деятельности специалиста доказательствами. 57,8 % респондентов отметили, что заключение специалиста должно в обязательном порядке дублироваться заключением эксперта, 14,2 % - затруднились ответить на данный вопрос.

Правильной оценке допустимости заключения специалиста препятствует отсутствие в законе четко регламентированной процедуры получения суждений специалиста и указаний на фактические основания этих суждений [4]. В частности, неоднозначно разрешается вопрос являются ли суждения специалиста, результатом его исследования.

Законодательное разрешение вопрос о производстве процессуальных исследований при проверки сообщений и заявлений о преступлении получил после принятия Федерального закона от 9 марта 2010 г. №19-ФЗ, который дополнил ч. 1 ст. 144 УПК РФ положением, предоставляющим возможность дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа требовать производства исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих действиях специалистов [5].

Вместе с тем, усовершенствовать порядок назначения и производства предварительных исследований считают целесообразным не более 15 % следователей, дознавателей, экспертов, что, как показал анализ правоприменительной практики, не отражает современную правовую действительность. Результаты анкетирования указывают на стереотипный подход к использованию результатов применения специальных знаний специалиста, который следует менять и совершенствовать с целью поиска оптимальных форм взаимодействия лиц, ведущих производство по делу, со специалистом.

На основании изложенного, следует выделить три основные формы использования результатов деятельности специалиста, допустимых при вовлечении его в уголовное судопроизводство. Во-первых, следует выделить не процессуальные исследования специалиста, которые проводятся в соответствии с п. 5 ст. 6 ФЗ об ОРД по результатам оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов». Вопросы использования результатов ОРД в доказывании носят дискуссионный характер и требуют отдельного детального исследования. Вместе с тем, с уверенностью можно констатировать, что подобные справки могут быть использованы согласно ст. 11 ФЗ об ОРД для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, исследования специалистом предметов, документов, трупов в рамках ст. 144 УПК РФ имеют место с начала регистрации заявления в КУСП [6] и до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Пределы проведения таких исследований в ходе предварительных проверок строго ограничены целями проверки. Они направлены на установление наличия или отсутствия признаков преступления. Представляется, что содержание подобных исследований должно быть облечено в форму справки согласно Наставлению по организации ЭКД. В этой связи считаем целесообразным внести изменения в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, где слово «в заключении» заменить на «справке». Указанные изменения позволят устранить противоречия правоприменительной практики и выделить единые требования к форме результатов деятельности специалистов.

В-третьих, учитывая позиции Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ, а также нормативных документов, определение понятия «заключение специалиста» согласно ст. 80 УПК РФ является допустимым исключительно на стадии предварительного расследования, а также судебных стадиях уголовного процесса. Специалист не может проводить исследования при его составлении и должен ограничиваться суждениями и умозаключениями.

-
1. Саксин С.В. Процессуальные и криминалистические проблемы совершенствования деятельности специалиста на предварительном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2005. С. 112; Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: Учебно-практическое пособие. – М., 2004. С. 47.
 2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 №144-ФЗ (ред. от 29.06.2015 года) // СЗ РФ. – 1995. - №33. – Ст. 3349.
 3. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 № 514-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугорского Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 58, 80 и 168 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2016.
 4. Семенов Е.А. Заключение специалиста как источник доказательств // Адвокатская практика. 2010. № 2. С. 15 - 17.
 5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 9 марта 2010 г. №19-ФЗ // СЗ РФ. – 2010. - №11. – Ст. 1168.

6. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: Приказ МВД России от 29 августа 2014 № 736 // Рос. газ. 2014. 14 нояб. № 260.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, специалист, процессуальный статус специалиста, справка об исследовании, предварительные исследования, заключение специалиста

УДК 343.1

РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – ЗАДАЧА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Семенцов Владимир Александрович,
*профессор кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет,
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43,
доктор юридических наук, профессор*

В статье обосновывается необходимость закрепления в УПК РФ нормы о задачах уголовного судопроизводства, в число которых должна входить задача раскрытия преступлений. Основываясь на конституционном предписании о презумпции невиновности, предлагается учитывать преступление как раскрытое в двух случаях: 1) с момента вступления в законную силу обвинительного приговора; 2) после принятия судом решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Правовые условия раскрытия каждого преступления и изобличения преступников, неотвратимость наказания за совершенные преступления призван обеспечить уголовно-процессуальный закон. Однако в действующем УПК РФ вместо задач уголовного судопроизводства, как это было в УПК РСФСР 1960 г., используется иное понятие – «назначение уголовного судопроизводства», хотя в современном русском языке эти словосочетания неравнозначны, под назначением обычно понимается предполагаемая роль или действия, цель, а под задачей – вопрос, требующий разрешения [1, с. 250, 464].

Сущности категории «раскрытие преступления» и возможному закреплению ее в качестве задачи уголовного судопроизводства посвящается настоящее исследование.

Начнем с того, что в Концепции судебной реформы от 24 октября 1991 г. борьба с преступностью была объявлена вульгарной идеей, несовместимой со шкалой либеральных ценностей при состязательной форме уголовного су-

допроизводства. По мнению авторов-разработчиков Концепции, «целью уголовной юстиции является не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков) [2, с. 36–37].

С этим трудно согласиться, поскольку наука уголовного процесса не располагает никакими свидетельствами порочности формулирования в законе задач уголовного судопроизводства в период применения УПК РСФСР, включая двуединую задачу быстрого и полного раскрытия преступлений, которая в целом соответствует современному конституционному предписанию о государственной защите прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). При этом было очевидно, что права потерпевших от преступлений реально защищаются лишь при установлении и изобличении лиц, их совершивших.

По поводу решения задачи раскрытия преступлений в литературе справедливо утверждается, что «раскрыть преступление можно лишь в рамках расследуемого уголовного дела, из чего исходит и государственная статистика, учитывающая совершенные и раскрытые преступления» [3, с. 17–18].

Действительно раскрытие преступлений – важный показатель эффективности работы правоохранительных органов и уяснение сущности этого явления – задача не только теоретическая, но и практическая. Более того, для правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью, в силу возложенных на них обязанностей раскрытие преступлений – одна из основных задач.

Так, в соответствии с п. 3 и 4 ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп.) одним из основных направлений деятельности полиции является выявление и раскрытие преступлений и розыск лиц их совершивших.

В ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.) предусмотрена задача раскрытия преступлений как одна из приоритетных в сфере оперативно-розыскной деятельности для уполномоченных на этот вид деятельности лиц и органов.

В теории оперативно-розыскной деятельности предлагается под раскрытым преступлением понимать длящийся процесс от выявления самого факта совершенного преступления либо действия по уже известному (зарегистрированному) преступлению, но совершенному в условиях неочевидности, когда предстоит установить лицо, его совершившее, и до судебного решения по делу [4, с. 22].

Следует только учитывать, что оперативно-розыскная деятельность выступает вспомогательным средством, обеспечивающим раскрытие преступлений, а для признания преступлений раскрытыми законодательно определена соответствующая процедура, именуемая уголовным судопроизводством. Поэтому заслуживает поддержки предложение А.С. Сидорова об уточнении в законе «Об оперативно-розыскной деятельности» формулировки изложенной

там задачи – не раскрытие преступлений, а обеспечение деятельности по раскрытию преступлений [5].

В Положении о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений (приложение № 2 к приказу «О едином учете преступлений» от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399, с изм. и доп.) понятие «раскрытие преступления» не упоминается ни разу. В то же время в п. 2.11 Положения содержится дефиниция нераскрытого преступления как преступления, производство по уголовному делу о котором приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Исключение преступления из числа нераскрытых осуществляется только после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо о его прекращении.

Отсутствовала правовая категория «раскрытие преступлений» и в первоначальной редакции УПК РФ, а также последующих его изменениях (до 2009 г.). Только законом от 29 июня 2009 г. в УПК РФ введена гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», где термин «раскрытие» употребляется многократно и в сочетании с расследованием преступлений (ч. 2 ст. 317.1, пп. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, пп. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7). Согласно указанному особому порядку подозреваемый или обвиняемый обязуется содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, но у самого следователя соответствующая обязанность по-прежнему отсутствует (ст. 38 УПК РФ).

В криминологической энциклопедии раскрытие преступлений определяется как действия органов, осуществляющих предварительное следствие, дознание и оперативно-розыскную деятельность, направленные на установление и изобличение лица, совершившего преступление [6, с. 551], а в литературном русском языке слово «раскрыть» истолковывается как обнаружить, сделать известным, разоблачить, объяснить (что-нибудь тайное, неизвестное) [7, с. 905].

Подтверждением тому, что понятие «раскрытие преступления» в уголовно-процессуальном смысле означает не только установление факта (события) преступления и лица, причастного к его совершению, но также изобличение этого лица в совершении преступления, служат предписания ч. 2 ст. 21 УПК РФ о том, что в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении.

В.Ю. Мельников считает, что «требуется восстановления и формализации в тексте УПК РФ задача "полного раскрытия преступления в разумный срок"». Ее отсутствие в перечне задач уголовного судопроизводства дезориентирует сотрудников, уполномоченных осуществлять ОРД, а также следователя, дознавателя» [8, с. 334].

Соглашаясь в целом с мнением В.Ю. Мельникова о формулировании в тексте УПК РФ задачи «полного раскрытия преступления в разумный срок», необходимо учитывать, что назначение уголовного судопроизводства реализуется путем решения нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных

задач, в связи с чем предлагаем предусмотреть в УПК РФ норму, посвященную задачам уголовного судопроизводства, в число которых должна входить задача раскрытия преступления.

Дискуссионен вопрос о том, все ли преступления могут быть раскрыты. Мнения ученых здесь разделились. Одни считают, что нет и не может быть преступлений, которые нельзя было бы раскрыть. Сторонники этой позиции базируются на постулате о познаваемости мира. Например, А.И. Трусов писал: «любые обстоятельства и факты... в полной мере познаваемы и... не существует таких фактов и обстоятельств, которые мы не в силах были бы раскрыть и установить в той мере, как это необходимо для правильного разрешения каждого дела» [9, с. 15].

Другие ученые признают влияние субъективных и объективных факторов на возможность раскрытия преступления. Так, Р.С. Белкин, не отрицая принципиальной возможности раскрытия всякого преступления, отмечал, что преступление остается нераскрытым как в следствие недостатков в организации и осуществлении расследования, так и в силу действия объективных отрицательных факторов, препятствующих раскрытию [10, с. 234].

Тот факт, что не все преступления раскрываются, вовсе не означает отказ от стремления к их раскрытию и обеспечению неотвратимости уголовной ответственности. Например, в п. 1 приказа Следственного комитета Российской Федерации «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» от 15 января 2011 г. № 2 содержится требование «сконцентрировать усилия на раскрытии каждого преступления, полном, всестороннем и объективном их расследовании».

Думается, что полноценная защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений возможна лишь при условии обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное преступление, а безнаказанность влечет за собой совершение новых, более тяжких, преступлений. Неотвратимость уголовной ответственности нацеливает органы предварительного расследования на проявление активности и инициативы в обнаружении преступлений, своевременном возбуждении уголовных дел, принятии необходимых мер к установлению виновных и привлечению их к уголовной ответственности.

Анализ предписаний УПК РФ и ведомственных нормативных актов позволяет сделать вывод, что по общему правилу раскрытие преступлений связано с конечным результатом предварительного расследования: утверждением прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) и направлением уголовного дела в суд, либо в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Из этого правила имеется два исключения:

1) преступление учитывается как раскрытое уже в стадии возбуждения уголовного дела при установлении лица, его совершившего, и отказе в возбуждении уголовного дела: а) в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); б) в связи со смертью подозреваемо-

го или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

2) по уголовному делу частного обвинения преступление учитывается как раскрытое с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда (п. 28 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений).

При этом невольно возникает вопрос: согласуется ли действующий порядок учета преступлений с принципом презумпции невиновности, сформулированным в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, согласно которому возможность признания обвиняемого виновным увязывается с обязательным проведением судебного разбирательства?

Здесь очевидно, что только тогда, когда такое разбирательство по уголовному делу состоялось и вступил в законную силу вынесенный судом обвинительный приговор, государство принимает на себя ответственность за признание подсудимого виновным и его осуждение. Но сегодня это конституционное предписание реализуется только применительно к уголовным делам частного обвинения, хотя в общей массе учитываемых преступлений они составляют весьма малую часть. В то же время уголовные дела публичного обвинения, представляющие собой наиболее распространенный порядок изобличения лица в совершении преступления, учитываются раскрытыми после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо его прекращении по нереабилитирующим основаниям (повторим это еще раз).

С учетом принципа презумпции невиновности будет уместно сформулировать предложение о лишении органов уголовного преследования права самостоятельно (без суда) принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, так как только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ). Следует также учитывать, что органы уголовного преследования отнесены к стороне обвинения и по смыслу закона не могут выполнять функцию разрешения уголовного дела. В ч. 2 ст. 15 УПК РФ вполне императивно отмечается, что функции обвинения и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Поэтому оценка качества работы оперативных служб, органов предварительного расследования и прокуратуры по раскрытию преступлений должна производиться после вступления в законную силу обвинительного приговора суда, либо постановления (определения) суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Такая оценка, ориентированная на конечный результат, будет соответствовать требованию Конституции РФ.

По результатам проведенного исследования сущности раскрытия преступлений как задачи уголовного судопроизводства представляется возможным сделать следующие выводы.

1. В тексте УПК РФ необходимо предусмотреть норму, посвященную задачам уголовного судопроизводства, в число которых должна входить задача раскрытия преступления.

2. Основываясь на конституционном предписании о презумпции невиновности, преступление следует учитывать как раскрытое в двух случаях: 1) с момента вступления в законную силу обвинительного приговора; 2) после принятия судом решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

1. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2009.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / под ред. Б.А. Золотухина. М.: ЗАО редакция газеты «Демократический выбор», 2001. 134с.
3. Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: Инфра-М, 2006.
5. Сидоров А.С. Раскрытие преступлений – общая задача уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 10. В 2 ч. Тюмень: ТГАМЭУП, 2013. Ч. 2.
6. Российская криминологическая энциклопедия / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма-Инфра-М, 2000.
7. Большой толковый словарь русского языка.
8. Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
9. Трусков А.И. Основы теории судебных доказательств. Краткий очерк. М.: Госюриздат, 1960.
10. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, назначение, задачи, раскрытие преступлений, суд.

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Сидоренко Мария Васильевна,

консультант,

Московский институт государственного управления и права,

115487, г. Москва, ул. Садовники, 2,

кандидат юридических наук

В статье приводятся конкретные примеры правовых коллизий применительно к судебным стадиям и производствам уголовного судопроизводства России. Особое внимание автор уделит анализу судебной практики, а

также правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Нормативная и практическая составляющие уголовно-процессуального права России «в избытке» содержат примеры, когда правовая коллизия является следствием либо исключительно изъяна наличествующих правовых предписаний, либо «дефекта» правосознания участников правовых отношений, либо кумулятивным эффектом «наложения» вышеуказанных факторов. Как следствие, раздельное их рассмотрение в ряде случаев а priori является невозможным; что, естественно, учитывается для итоговых оценок и выводов.

Рассмотрим некоторые правовые коллизии применительно к судебным стадиям и производствам уголовного судопроизводства России.

Определенные коллизии дает процессуальная форма рассмотрения дел по первой инстанции, где, прежде всего, объективировано кардинальное различие взглядов и текущей правоприменительной практики в вопросах:

о пределах «активной» роли суда при (изначально) декларированном состязательном строе процесса [1]; особенно, в принципиальных вопросах доказывания и поиска «объективной истины» – как цели процесса [2];

оправданных отступлений от правил устности и непосредственности при оглашении показаний тех или иных лиц, полученных на предварительном расследовании (ст. 276, 281 УПК РФ) [3];

по сути, произвольного рассмотрения/отклонения судом ходатайств сторон, направленных к восполнению доказательственного материала и призванного к обоснованию их притязаний [4];

внесению замечаний на протокол судебного разбирательства и реально-го обеспечения права сторон на доказательственное значение аудио видеозаписи судебного разбирательства [5] и т. п.

Весомую «лепту» в общее понимание и поддержание состояния правовой определенности в уголовном судопроизводстве России вносят и индивидуальные правоприменительные акты, принимаемые судами по итогам отправления правосудия. Приведем для примера сугубо судебные «модификации» норм ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

В случае (полного или частичного) отказа государственного обвинителя от обвинения в суде первой инстанции и изложения мотивировки такого отказа, суд императивно обязан прекратить производство по делу. Основания для указанного не только в нормах ч. 7 ст. 246 УПК РФ, но и в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, т. к. «...суд, осуществляющий судебную власть посредством, ...уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия». В свою очередь, в соответствии с п. 6 ст. 5, ч. 3 ст. 37 УПК РФ функция поддержания обвинения в суде является исключительной компетенцией прокуратуры. Предложения российской доктрины о целесообразности наделения потерпевшего (в указанной ситуации) функцией «субсидиарного» обвинения [6], как известно, не нашли понимания ни у за-

конодателя, ни у высшего органа конституционного правосудия, однозначно констатирующих вывод о том, что указанная функция является деятельностью сугубо публичной, осуществляемой *ex officio* в общественном интересе.

Соответственно, при столь очевидной однозначности правовых предписаний, алгоритм действий и решений суда для указанной предопределен: суд не вправе продолжить производство по делу, а императивно обязан к его завершению.

Именно указанные решения и были приняты судами первой инстанции в ситуациях, описываемых Т. Ермаковой [7]. При ясной сути исходных предписаний закона и их понимании в актах конституционного правосудия, по идее, не возникало так же сомнений в критериях законности и обоснованности указанных актов суда. Тем не менее, при проверке в вышестоящей инстанции указанная однозначность правовых предписаний не стала препятствием к опровержению постановленных актов суда первой инстанции.

В первом случае, отменяя 12 ноября 2014 г. решение суда первой инстанции, судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда указала, что отказ государственного обвинителя от обвинения следует расценивать формально, так как данный отказ является немотивированным, по сути, и соответственно нарушающим права потерпевшего на справедливое правосудие.

В силу каких причин мотивы государственного обвинителя, высказавшего суждение о не подтверждении отстаиваемого обвинения исследованными материалами дела, следует оценивать формально и именно как отсутствие мотивации, вышестоящий суд, к сожалению, не поясняет.

В аналогичном случае судебная коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда, отменяя 28 февраля 2013 г. решение суда первой инстанции, сослалась на то, что отказ от государственного обвинения может иметь место только по завершении исследования всех доказательств сторон и заслушивании их итоговых прений. Поскольку потерпевшие были лишены возможности к изложению своих мнений, принятое решение, в итоге, нельзя считать законным и обоснованным.

Еще ранее судебная коллегия Томского областного суда 19 ноября 2012 г., при установлении факта отказа государственного обвинителя от обвинения в виду отсутствия достаточной совокупности доказательств по делу, отменила аналогичное решение суда первой инстанции, мотивируя это тем, что государственный обвинитель не дал всесторонней оценки каждому из доказательств; в силу чего мотивировка отказа является неполной и нарушающей права потерпевшей.

Нам, по идее, в целом понятна столь неожиданная «забота» вышестоящих инстанций к обеспечению интересов и прав (указанных) потерпевших; возможно, отчасти, она и социально оправдана. Однако, по факту, ни один из рассмотренных актов судов вышестоящей инстанции не имеет ни надлежащей основы в законе, ни в актах конституционного правосудия. Не отражают указанные примеры и общих закономерностей практики, поскольку не менее известны примеры, когда апелляции потерпевших (в тождественных ситуаци-

ях) не находили ни малейшего «отклика» в судах вышестоящих инстанций или в Конституционном Суде РФ. В итоге, посредством столь избирательного правосудия правовая определенность нисколько не прибавляет в своем состоянии и содержании, а судьи все более «утверждаются» в своих установках о праве манкировать волю закона.

Стремительно нарастающие «показатели» рассмотрения дел в особом порядке (гл. 40 УПК ПФ), столь одобрительно воспринятые и «претворенные в жизнь» практикующим судейским сообществом, (со временем) закономерно объективировались в достаточно острую дискуссию о реальном предмете и «правилах» проверки указанных дел в апелляционной инстанции или непосредственно в Европейском Суде [8]. Как следствие, практические результаты этой дискуссии, – конечно, при отсутствии «должной» реакции со стороны высших судебных инстанций страны, – могут значительно изменить, как указанные «удобные» показатели, так и субъективное стремление судей к реализации именно такого порядка отправления «правосудия».

Не менее известны и обсуждаемы коллизии, суть которых в различном понимании доктриной и практикой правомерности «преюдициального» использования приговоров, постановленных в отношении лиц, сотрудничающих с прокурором и судом (гл. 40.1 УПК РФ), и в дальнейшем используемых как безусловное доказательство в обвинении иных соучастников, «сотрудничать» не пожелавших [9]. При этом особо настораживает тот факт, что, несмотря на неоднократные констатации Президиума Верховного Суда РФ о недопустимости обращения к подобным «преюдициальным» средствам доказывания, практика все так же считает возможным ставить к «исследованию» и к обоснованию приговора суть предрешающих (фактических и юридических) выводов указанных актов.

-
1. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. 2014. № 6. С. 84-88; Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 32.
 2. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10-17; Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66-73.
 3. Брусницын Л.В. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших по согласию и без согласия сторон: Позиции ЕСПЧ и российского законодателя в УПК РФ // Государство и право. 2013. № 7. С. 27-35; Хырхырьян М.А., Плотников И.В. Некоторые особенности оглашения показаний в суде // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 58.
 4. Калинкина Л.Д. Повторные ходатайства об исключении доказательств в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 66-74; Пашин С.А. Без составительской экспертизы в уголовном процессе не будет настоящей состязательности // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 34-37
 5. Куприянов А.А. Ждем видеозапись заседания // Уголовный процесс. 2016 № 2. С. 8
 6. Лапатников М.В. Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. №2. С. 37-41; Кириллова Н.А. Правовые последствия отказа от обвинения // Российская юстиция. 2006. №7. С. 54-55

7. Ермакова Т. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. 2015. № 6. С. 90-96.
8. Трубникова Т.В. Особый порядок принятия судебного решения: возможна ли успешная жалоба в ЕСПЧ? // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 33-41; Ковтун Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 38-45; 2014. № 3. С. 60-67/
9. Курченко В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. №3. С. 10-19; Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2. С. 42.

Ключевые слова: правовая определенность, правовые коллизии, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство.

УДК 343.139

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Синенко Сергей Андреевич,

*начальник Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,
доктор юридических наук, доцент*

В статье анализируются проблемы применения нормативно закрепленных мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовного дела, выявлены причины низкой эффективности их применения и сделаны предложения по совершенствованию этой деятельности путем изменения процедуры принятия должностными лицами решения о применении мер безопасности и усиления контроля за ее выполнением.

Проблемы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства на всех стадиях уголовного процесса представляются актуальными, и ученые-процессуалисты уделяют им много внимания. В целом они проработаны достаточно глубоко [1]. Нормативная основа этой деятельности заложена в предписаниях УПК РФ, Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2] (далее – Закон о защите), ряда постановлений Правительства, иных нормативных актов [3].

Значительные изменения в этой сфере произошли в связи с принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». Эти изменения коснулись уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, Закона о защите. Принята и обновляется государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [4]. Причем в соответствии с этой программой должна быть разработана и внедрена система показателей эффективности мер государственной защиты, методики и критериев ее оценки.

Вместе с тем анализ правоприменения показывает, что большая часть этих научных разработок и существующих нормативных предписаний оказывается невостребованной. На наличие существенных проблем в этой сфере правоприменения обращают внимание и другие авторы [5]. В связи с этим представляют интерес проблемы реализации мер обеспечения безопасности в уголовном процессе.

Актуальность обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства обсуждается в юридической литературе [6] [7] [8], при этом приводятся данные эмпирических исследований. Так, А. В. Сумачев, опросив свыше тысячи граждан в семи регионах Российской Федерации, отмечает, что более половины опрошенных лиц (58,2 %) считают, что право потерпевшего на защиту (безопасность) от давления со стороны обвиняемого и его окружения практически не обеспечивается [9]. М.А. Авдеев указывает, что, по результатам его исследования, 48 % свидетелей и потерпевших меняют свои показания по соображениям собственной безопасности под влиянием шантажа, угроз, а 67 % опрошенных заявили о наличии у них реальных опасений за свою безопасность в связи с содействием правосудию [10]. При изучении правоприменительной практики в регионах страны было установлено, что лишь в 27,1 % случаев органами предварительного расследования применялись меры безопасности в отношении потерпевшего [11]. Причем и меры эти были также единичными, за исключением некоторых регионов.

При изучении данного вопроса обозначились несколько основных причин ненадлежащего обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: во-первых, отсутствие должного информирования о средствах и механизме обеспечения их безопасности, формальном подходе правоприменителей к реализации положений ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Так, В. И. Комиссаров, ссылаясь на данные, полученные от центра обеспечения государственной защиты в Саратовской области, отмечает, что только треть следователей разъясняют потерпевшим данное право [12]. Думается, что для решения этой проблемы следует изучить опыт США (страна с развитым правовым институтом обеспечения безопасности потерпевшего), где в 28 штатах предусмотрено обязательное информирование каждого потерпевшего о шагах, которые он может предпринять в случае угрозы со стороны обвиняемого [13].

Во-вторых, ненадлежащая реализация обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства имеет правовой характер. Она, по нашему мнению, заключается в некорректной формулировке оснований приме-

нения мер безопасности. В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ фактическими основаниями для этого являются достаточные данные о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. В статье 16 Закона о защите это понятие излагается несколько иными словами: «Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты». В обоих случаях понятие «основания» включает в себя термин «данные», т. е. предполагается наличие необходимых сведений для принятия соответствующего решения [14, с. 51]. Но термин «данные» усилен в первом случае словом «достаточные», во втором – словосочетанием «о наличии реальной угрозы». Кроме того, во втором случае указано, что эти данные должны быть установлены органом, уполномоченным на осуществление государственной защиты.

Данные формулировки в юридической литературе в основном получили однозначное понимание. Так, авторы одного из комментариев УПК РФ указывают, что рассматриваемые формулировки свидетельствуют о необходимости получения таких сведений, которые позволяют сформировать обоснованное предположение о наличии опасности для жизни и здоровья защищаемых лиц. Далее, разъясняя действия следователя, регламентированные ч. 9 ст. 166 УПК РФ, они отмечают, что в соответствующем постановлении должны быть приведены обоснованные фактические данные, указывающие на наличие угрозы, угроза должна быть реальной, а не мнимой и т. п. [14, с. 51, 489] И. М. Ибрагимов считает, что сформулированные в законе основания применения мер безопасности являются правомерными [15]. Утверждая такое, особенно посредством использования выражения «правомерные основания», авторы, на наш взгляд, не видят опасности, которая таится в формулировке рассматриваемого основания.

В реальной жизни признаки возникновения опасности для жизни и здоровья лиц, указанных в ч.3 ст.11 УПК РФ со стороны обвиняемого или лиц из его окружения могут не сформировать каких-либо данных в той совокупности, которая будет твердо убеждать о наличии угрозы. Например, угроза может быть высказана однократно. При этом подтвердить этот факт будет проблематично. Непросто выявить лиц, которые непосредственно угрожали (при условии, что в этом не участвовал обвиняемый). Ни они, ни обвиняемый, как правило, не подтвердят в своих показаниях факт высказывания угрозы, тем более намерение реализовать ее. Свидетелей этого события обычно не бывает либо получить их показания также весьма сложно. Остается полагаться только на показания лица, претендующего на обеспечение государственной защиты. Достаточно ли таких данных для того, чтобы принять решение о применении мер безопасности? Конечно, ответить на этот вопрос однозначно, без

учета конкретных жизненных обстоятельств, затруднительно, но с учетом законодательных формулировок оснований применения мер безопасности можно утверждать, что в этом случае у правоприменителя есть основания отказать в их применении.

В жизни имеют место и иные ситуации, позволяющие испытывать опасность для своей жизни, здоровья, уничтожения имущества, например, ощущение слежки, ночные звонки, при которых вызывающий абонент молчит, фотографирование на улице незнакомыми людьми и пр. У нас имеются большие сомнения в том, что в этих случаях правоохранительные органы примут решение о применении мер безопасности.

Несколько мягче эти вопросы регламентируются в законодательстве других стран. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 99 УПК РК орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников, если в связи с производством по уголовному делу имеется реальная угроза совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния. В формулировке оснований для применения таких мер отсутствует словосочетание «достаточные данные». Кроме того, в законе определено, что меры безопасности применяются на основании устного (письменного) заявления этих лиц или по собственной инициативе органов расследования, это заявление должно быть рассмотрено в течение 24 часов, заявитель вправе обжаловать отказ в применении мер безопасности и обратиться с подобным ходатайством повторно. Аналогичных установлений в УПК РФ, к сожалению, не содержится.

В целях обеспечения прав и законных интересов рассматриваемых участников уголовного судопроизводства наиболее благоприятной была бы формулировка основания для принятия мер обеспечения безопасности, которая содержала бы их требование принятия мер безопасности. Конечно, в этом случае есть риск того, что требования этого участника могут быть необоснованными, надуманными. Но, во-первых, нам представляется, что здесь неприемлема категория избыточности. Иными словами, лучше защитить человека от мнимой угрозы, чем допустить причинение ему вреда со стороны обвиняемого. И, во-вторых, законодательство содержит достаточный перечень мер безопасности, которые могут применяться избирательно, с учетом как раз мнения органа расследования о реальности (нереальности) существующей угрозы. Представляется, что интересы граждан должны быть приоритетными.

Поэтому, как нам представляется, ч.3 ст.11 УПК РФ требует некоторой корректировки, которая создаст более эффективный механизм обеспечения безопасности, указанных в этой норме лиц. Во-первых, по нашему мнению, следует отказаться от требования установления достаточных данных уполномоченными на то должностными лицами и, во-вторых, начать процедуру обеспечения безопасности с ходатайства лиц, которые воспринимают реальную угрозу и нуждаются в обеспечении их безопасности. Исходя из этого, предлагается следующая редакция обсуждаемой нормы: «При наличии угрозы убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества

либо иного опасного противоправного деяния в отношении потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц по их ходатайству, разрешенному в порядке статьи 122 настоящего Кодекса, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные частью девятой статьи 166, частью второй статьи 186, частью восьмой статьи 193, пунктом 4 части второй статьи 241 и частью пятой статьи 278 настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации». И дополнительно к этому статью 122 УПК РФ дополнить частью 2 следующего содержания: «2. Ходатайство потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц о применении мер безопасности, указанных в части третьей статьи 11 настоящего Кодекса, рассматривается не позднее двадцати четырех часов с момента их получения. Отказ в принятии мер безопасности не препятствует повторному обращению с ходатайством о принятии указанных мер, если возникли обстоятельства, не нашедшие отражения в ранее поданном ходатайстве».

Кроме этого, вменить в обязанности прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя при каждом случае обнаружения признаков преступления дополнительно принимать меры и к обеспечению безопасности указанных выше лиц. В этой связи предлагаем текст ч.2 ст.21 УПК продолжить указанием следующего содержания: «а также меры безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, членов их семей и близких родственников, если в связи с производством по уголовному делу имеется угроза совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния».

Для оптимальной реализации мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства необходима максимальная оперативность в проверке сообщений о предполагаемых противоправных посягательствах на их жизнь и здоровье. Однако, как отмечает О. А. Зайцев, следственно-судебная практика и статистические данные свидетельствуют о том, что нередко по фактам преступного воздействия на потерпевших и других участников уголовного судопроизводства уголовные дела не возбуждаются. Если и принимается решение об осуществлении расследования по данным фактам, то спустя длительное время после поступления информации о совершенном преступном посягательстве. Очень редко такие дела доходят до суда [16]. Это указывает еще на одну причину неэффективности деятельности по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, а именно нежелание правоприменителей принимать соответствующие меры. При этом надо иметь в виду не только уже совершенные противоправные деяния, создавшие угрозу жизни, здоровью, уничтожению имущества граждан, но и предупреждение этих правонарушений.

Отсутствие желания правоприменителей применять в отношении потерпевших меры безопасности имеет свою мотивацию. Здесь можно говорить о большой загруженности следователей, отсутствии необходимых знаний и практических навыков, отношении к рассматриваемой деятельности как к второстепенной, не имеющей особого значения, отсутствии стимулов для ее осуществления, отсутствии опыта их применения, отсутствии технических возможностей применения этих мер и др.

Большая часть рассматриваемой проблемы находится в сфере психологии, но есть и ее юридический аспект, который, по нашему мнению, не вполне проработан.

Так, пятая глава Закона о защите посвящена ответственности за нарушение требований данного закона. Но она состоит всего из трех статей, содержание которых весьма лаконично. В статье 25 «Ответственность должностного лица за нарушение требований по обеспечению государственной защиты» говорится о том, что должностное лицо органа, обеспечивающего государственную защиту, виновное в непринятии решения об осуществлении государственной защиты или в ненадлежащем ее осуществлении, несет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Вместе с тем при наличии некорректных формулировок оснований для применения мер безопасности, о чем мы говорили выше, становится невозможным наказать правоприменителя за допущенное бездействие. Кроме того, в рассматриваемой норме не указаны ни инициатор привлечения к ответственности, ни порядок этой деятельности. Очевидно, поэтому выявить факты привлечения следователей, дознавателей к ответственности за непринятие мер безопасности в отношении потерпевшего положительных результатов не удалось. Поэтому мы предлагаем предоставить такие полномочия прокурору, дополнив часть 2 статьи 37 УПК РФ пунктом 1.2 следующего содержания: «1.2) проверять исполнение требований федеральных законов, иных нормативных актов об обеспечении безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников».

Существуют и иные причины неэффективности рассматриваемой деятельности. В частности, обращается внимание на недостаточное финансирование программы по защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, недостаточность размеров компенсации вреда, причиненного противоправными действиями обвиняемого, а также на ненадлежащее решение организационных вопросов в этой сфере [17]. Можно обсуждать проблематику, связанную с техническим потенциалом, например, производства предъявления для опознания лица в условиях ограниченного визуального контакта, участия лица под псевдонимом в судебном разбирательстве и др. Но мы остановились на рассмотрении только тех причин, которые, на наш взгляд, подлежат устранению в первоочередном порядке, и поэтому наши предложения по изменению и дополнению уголовно-процессуального законодательства обусловлены этими же обстоятельствами.

1. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 446 с.; Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. 462 с.; Марченко С. Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 20 с. и др.
2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газ. 2004. 25 авг.
3. Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постан. Правительства Рос. Федерации от 27 октября 2006 г. № 630: в ред. от 7 декабря 2011 г.; Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постан. Правительства Рос. Федерации от 21 сентября 2012 г. № 953.
4. Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Государственная программа на 2009–2013 годы: утв. Постан. Правительства Рос. Федерации от 2 октября 2009 г. № 792 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 41. Ст. 4778. С. 12206–12216.
5. Клещина Е. Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 38–39.
6. Мичурина О. В., Перетокин С. Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела. Смоленск, 2008. С. 44.
7. Зайцев О. А. Государственная защита потерпевшего как необходимое условие выполнения назначения уголовного судопроизводства // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 191–199.
8. Базюк М. Л. О некоторых аспектах обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства как элемента принципа охраны прав и свобод человека и гражданина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск, 2008. Вып. 1. С. 62–63.
9. Сумачев А. В. Пояснительная записка к проекту постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с учетом волеизъявления потерпевших при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства» // Рос. судья. 2004. № 1. С. 39.
10. Авдеев М. А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.
11. Справка об изучении судебной практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда Рос. Федерации за 2010 г.
12. Комиссаров В. И., Славгородская О. А. Гарантии прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 241.
13. Кухта К. И., Махов В. Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М., 2008. С. 81.
14. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 6-е изд., перераб. и доп. С. 51, 489.

15. Ибрагимов И. М. Охрана безопасности потерпевшего как инициатора уголовного судопроизводства // Современное право. 2008. № 1. С. 11.
16. Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 298.
17. Рос. газ. 2015. 7 мая.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, меры обеспечения безопасности, следователь, прокурор, дознаватель, государственная защита, уголовно-процессуальное законодательство, Закон о защите, угроза насилия, достаточные данные, ходатайство, правоприменение.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ИНСТИТУТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Ситдикова Гузель Зуфаровна,
доцент кафедры криминалистики,
Уфимский юридический институт МВД России,
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2,
кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена рассмотрению генезиса института предварительного расследования на рубеже XIX - XX вв. как определенной исторической вехе становления всей судебной системы России в целом.

Сегодня, как никогда, обращение к историческому опыту несет в себе огромные политические и нравственные импульсы. Чтобы не повторять былых ошибок, их надо знать. Но при этом надо не разрушать свое прошлое, а восстанавливать его во всей полноте и диалектической сложности.

Вся история российского предварительного следствия представляет собой борьбу сторонников и противников идей, положенных в свое время в основу судебной реформы второй половины XIX столетия, которая преследовала цель создать сильную и независимую судебную власть. На стадии предварительного досудебного производства эта идея тогда воплотилась в судебном следователе, который являлся представителем судебной власти и должен был быть независим от власти административной [1]. Во второй половине XIX века произошла реорганизация следствия на новых для России началах. Первые шаги в этом направлении были предприняты раньше других коренных преобразований в стране. Правительству Александра II было ясно, что после освобождения крестьян от крепостной зависимости обязанности полиции по охране порядка значительно расширились. Такая задача стала бы не под силу полицейскому аппарату, итак перегруженному несвойственными ему

функциями. Свою прямую функцию полиция могла бы выполнить при условии, если бы освободилась от производства предварительного следствия в полном объеме. Так созрела идея о создании в России самостоятельной следственной части.

Таким образом, 8 июня 1860 г. Александр II издал письменный указ Правительствующему Сенату об отделении от полиции производства следствий по преступлениям и проступкам, «подлежащим рассмотрению судебных мест» [2]. К указу прилагались 3 законодательных акта: «Учреждение судебных следователей»; «Наказ судебным следователям»; «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок».

Согласно перечисленным нормативным актам предварительное расследование подразделялось на две стадии. Первая стадия получила наименование дознания и включала установление самого факта преступления, закрепление улик, розыск преступника. Осуществление дознания возложили на полицию. Во вторую стадию - предварительное следствие - вошли сбор и оценка доказательств по делу, предварительное установление виновности лица» [3].

Указом предписывалось «отделить следственную часть от полиции в 44 губерниях и назначить в сих губерниях особых, подведомственных министерству юстиции чиновников..., наименовав их судебными следователями» [4]. За полицией оставалось право расследования по маловажным преступлениям и проступкам, «которые предоставлялись разбору и суждению самих полицейских властей, а также первоначальное дознание в происшествиях, кои могут по связи с преступлением более важным подлежать рассмотрению судебных мест». Один из видных профессоров полицейского права того времени И.Е. Андреевский так оценивал этот Указ: «Изданное 8 июня 1860 года Учреждение судебных следователей явилось началом реформ полицейского управления» [5]. В «Учреждении судебных следователей» проявились: с одной стороны, наличие целого ряда провозглашенных гарантий независимости следователя от административной власти, а с другой, - неброские вкрапления в законодательную материю таких прав полиции и губернатора, которые в необходимых случаях могли нейтрализовать эту независимость.

Согласно «Учреждению судебных следователей» для расследования уголовных дел, разрешаемых судами, в уездах и городах учреждались судебные следователи, что подчеркивало принадлежность их к судебному ведомству. Их назначали, как правило, из лиц, имеющих высшее или среднее образование, обладавших навыком в расследовании дел, отличающихся добросовестностью (ст. 3). Вводился институт кандидатов в судебные следователи, которые являлись членами уездного суда и назначались на должность министром юстиции по представлению начальника губернии (ст. 2). Не загруженный расследованием дел следователь «участвовал в делах уездного суда наравне с прочими членами оногo», однако ему запрещалось участвовать в рассмотрении тех дел, которые он расследовал.

Данным нормативным актом подробно регламентировалась компетенция судебного следователя. В соответствии со ст. 9 «Учреждения» «по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест», к обязанности полицейских органов «относятся только первоначальные изыскания и раскрытие тех существенных обстоятельств», которые свидетельствовали о совершении преступления или проступка. К обязанности судебных следователей, говорилось далее в этой статье, относятся все дальнейшие следственные действия, необходимые для того, чтобы «изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора о преступлении или проступке и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащего ведению судебных мест». Закреплялись и основания «к производству следствия». Это были: письменные требования судебных мест, губернского прокурора, городской и земской полиции, исправника и станowych приставов уезда, в котором служит следователь.

Следователь самостоятельно возбуждал дело в случае явки с повинной по заявлению лиц «или же когда преступление или проступок усмотрены им во время их совершения или обнаружены при производстве следствия по какому-либо другому преступлению или проступку» (ст. 11). Четкий перечень оснований возбуждения уголовного дела был своеобразной превентивной мерой от возможных злоупотреблений следствия. С этой же целью (и для обеспечения гарантий прав обвиняемого) сохранился институт депутатов от сословий на предварительном следствии.

Должность судебного следователя имела самостоятельный характер. Одной из гарантий этой самостоятельности служило положение о том, что «право делать судебным следователям указы и предписания, проверять их действия, назначать преследования, останавливать производство следствия, определять передачу дел от одного судебного следователя другому», прекращать производство дела, направлять расследование вверялось только суду, в котором разрешалось дело (ст. 24, 18). Жалобы на действия следователя рассматривал суд, при котором он числился. Гарантией независимости следователя являлось то, что от должности он мог «быть удален не иначе, как с преданием суду». Взыскания по службе кроме удаления от должности налагались на него «судами второй степени» (ст. 28). Ограничивалось и вмешательство в дела следствия со стороны суда, прокурора и стряпчих, которые вправе были требовать «от судебного следователя письменные сведения о положении производимого им следствия только в случае жалобы на неправильное задержание лица (ст. 25)» [6].

Выше перечисленные положения закона олицетворяют стремления разработчиков придать должности судебного следователя относительно самостоятельный и процессуально независимый от судебной власти характер. Однако, как верно отмечает В.Н. Чаплыгина: «Реформа не была последовательна в стремлении создать независимое положение судебному следователю. Следователи находились в зависимости от губернаторов, которые их назначали, перемещали, увольняли, распределяли по участкам. Начальники губерний да-

вали судебным следователям предписания, получая от них рапорты. Таким образом, в организационном плане провозглашенные судебный характер, независимость от административной власти и самостоятельность следователя законодательно были в значительной степени ограничены» [7].

Порядок действия судебного следователя при расследовании преступлений определялся «Наказом судебным следователям». Процессуальный порядок производства следствия, устанавливавшийся Наказом, в своей принципиальной основе оставался прежним, т.к. данный закон был призван адаптировать новоучрежденных чиновников в неизменявшемся уголовно-процессуальном порядке. Вместе с тем, разработчикам Наказа удалось реализовать некоторые идеи, призванные сгладить наиболее очевидные пережитки и противоречия старого законодательства. Была предпринята попытка точной и более логичной регламентации производственных действий и принимаемых следователем решений. Впервые следователь обязывался выносить мотивированные постановления по наиболее значимым процессуальным решениям. Причем, закон предусматривал вручение копий таких постановлений обвиняемому. Каждое следственное действие должно было быть протоколировано, т.к. протокол, составленный следователем без нарушения процессуальных норм, признавался законом достоверным судебным доказательством.

В отличие от прежнего законодательства, Наказом предусматривались две формы вызова свидетелей и подозреваемых для участия в производстве следственных действий: «призыв», который осуществлялся через милицию или местное сельское начальство путем вручения под расписку вызываемого повестки; «взятие и представление к следствию», которое приобретало меру процессуального принуждения в случае неявки без уважительной причины вызываемого. Оно должно было осуществляться на основании мотивированного постановления судебного следователя. В Наказе прослеживались и попытки реформаторов улучшить положение обвиняемого на предварительном следствии. Предписывалось избегать «напрасного стеснения» и ограничиваться самыми необходимыми мерами (ст. 85). В случае задержания лица следователь был обязан в тот же день или не позднее следующего дня сообщить об этом судебному месту. Суд вправе отменить или изменить меру пресечения. В итоге, новый процессуальный порядок, оставаясь непоколебимым в своей основе, получил целый ряд новшеств, придававших ему более цивилизованное прочтение.

В «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» устанавливались обязанности полиции при расследовании преступлений и проступков, подлежащих рассмотрению судебных мест. Они ограничивались «собранием сведений, необходимых для удостоверения о том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» (ст. 3). «Наказ» содержал перечень оснований для начала дознания, в чем можно усмотреть стремление ограничить произвол полиции. В ст. 15 «Наказа» регулировались основания для задержания подозреваемого полицией. К ним относились: задержание преступника на месте преступления; в случае очевидности престу-

пления; если на подозреваемом найдены следы преступления; когда очевидцы преступления прямо укажут на лицо, совершившее преступление; если подозреваемый пытается скрыться. Этот перечень был исчерпывающим.

Таким образом, реформа предварительного расследования была безусловным шагом вперед по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Она была с энтузиазмом воспринята общественным мнением. В. Спасович констатировал в журнале «Век»: «В основании «Учреждения судебных следователей» лежит мысль глубокая, теоретическая, испробованная опытом и признанная за одну из коренных основ полицейского устройства западноевропейских государств, - мысль о необходимости отделения суда от администрации. «Учреждение судебных следователей» представляет шаг вперед в направлении к отделению администрации от суда.., оно изымает из полиции и вручает судам производство следствий» [8].

Передача следствия в судебное ведомство, привлечение новых кадров на следственную работу принесла положительные результаты. Однако реорганизация все же не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались. Построенный на новых, свойственных буржуазному правосудию принципах следственный аппарат, как выразился ведущий юрист того времени Б. Бразоль: «врезался клином в существующую систему юстиции, диссонируя ей» [9]. Спустя 10 лет после начала реформы А.А. Головачев также дал ей жесткую оценку: «...можно положительно сказать, что учреждение судебных следователей не принесло ровно никакой пользы. Это было не учреждение новых судебных должностей, а просто увеличение числа станowych приставов, специально предназначенных для производства следствий. Так, по крайней мере, выходило на практике, не смотря на то, что определение их зависело от министра юстиции» [10].

К судебным следователям неприязненно относились судьи, полиция, прокуроры. Административная власть нередко вмешивалась в их дела. Тульский губернский прокурор, например, писал в рапорте министру юстиции: «Губернатор принимает жалобы на действия судебных следователей и, не передавая эти жалобы на рассмотрение судебных мест, требует объяснения от следователей... Один из судебных следователей заявил прокурору, что почти по каждому делу он обязан давать объяснения губернатору, отчего проходит много времени на соби́рание сведений по жалобе, влекущей большей частью только затяжку дела» [11]. Губернаторы были заинтересованы в том, чтобы не обновлять следственный корпус, а формировать его из беспринципных служаков, податливых административному давлению. Как отмечала комиссия, учрежденная для рассмотрения отчета министерства юстиции за 1860 г., «...на дело в выборе судебных следователей губернское начальство смотрит слишком снисходительно... Последствием сего был... достаточно плохой выбор вообще всех допущенных к должности судебных следователей» [12].

Полиция, старый аппарат юстиции (прежде всего судьи) усматривали в судебных следователях узурпаторов собственных прав. Подчиненность судебных следователей «судам первой степени при нынешней несовершенной организации этих сословных учреждений, - писал калужский губернатор В.А

Арцимович, - естественно, ставит их в неприязненное положение к членам судов, тем более что они сами - члены суда. Подобное отношение ведет к тому, что судьи не столько стараются помочь судебным следователям, сколько затрудняют их, замечая недостатки в производимых ими следствиях, нередко мелочные, не относящиеся к существу дела» [13].

Вполне понятно, что в таких условиях реформа следственного аппарата не могла достичь тех целей, которые ставили ее создатели. Неудачи реформы следственного аппарата наглядно свидетельствовали о невозможности радикального изменения отдельного звена аппарата юстиции, что вызывало мысли о реформировании механизма судоустройства и судопроизводства в целом. Только в этом случае можно было ожидать весомых результатов от реорганизации предварительного расследования. Дальнейшее реформирование следственного аппарата произошло в 1864 г. и дало значительные результаты, на некоторые из которых мы ссылаемся и по сей день.

1. Васильев О.Л. Модель построения предварительного расследования по УПК 1922 г. как возможный ориентир реформы современного предварительного следствия // Следователь. 1999. № 1 С. 6
2. Учреждение судебных следователей. // Полное Собрание законов Российской империи. т. 35. - разд. 2. СПб. 1864. С . 711-715.
3. Перфильев В.В. Следствие в пореформенной России // Следователь. 1995. № 1. С. 27.
4. Учреждение судебных следователей. // Полное Собрание законов Российской империи. - т. 35. - разд. 2. СПб. 1864. С. 718.
5. Андреевский И.Е. Полицейское право. СПб., 1871. Т.1. С. 260
6. Коротких М.Г., Сорокина Ю.В. Реформа следственного аппарата в 1860-1864 гг. // Советское государство и право. 1991. № 7. С. 126.
7. Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России / автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. / Академия управления МВД Российской Федерации. М., 2004. С. 5
8. Спасович В. Обзор перемен в законодательстве уголовном, начиная с нового Свода законов // Век. 1861. № 5. С . 11.
9. Бразоль В. Следственная часть. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Т.2 Пг. С . 68.
10. Головачев А.А. Десять лет реформе 1861-1867. СПб., 1872. С . 180.
11. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 63, 1863, д.461, л. 1-2.
12. ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 24, л. 14.
13. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 60, 1862, д. 4417, л. 134.

Ключевые слова: судебный следователь, дознаватель, «Учреждение судебных следователей, «Наказ судебным следователям», «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок».

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Стельмах Владимир Юрьевич,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса,

Уральский юридический институт МВД России,

620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66,

кандидат юридических наук

Статья посвящена вопросам преемственности доказательств в уголовном судопроизводстве; в статье анализируется возможность использования в рамках доказывания по уголовному делу результатов административно-правовой деятельности, предлагаются соответствующие изменения закона.

Доказывание по уголовному делу производится средствами и способами, установленными законом. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень видов доказательств, допускаемых в уголовном судопроизводстве: показания обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего; заключение и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных действий и судебного заседания; иные документы. Кроме того, в ст. 86 УПК РФ приведен перечень средств доказывания, то есть действий, которые разрешено производить для получения доказательств.

Для дознавателя, следователя, прокурора и суда – это производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Кроме того, ч. 4 ст. 21 УПК РФ закрепляет право следователя получать информацию путем направления запросов, то есть без производства следственных действий.

Для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей – собирание и представление следователю письменных документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

Для защитника закон называет несколько способов получения сведений, могущих иметь доказательственное значение:

- а) получение предметов, документов и иных сведений;
- б) опрос лиц с их согласия;
- в) истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций (ч. 3 ст. 86 УПК РФ);
- г) инициирование исследований.

Российский уголовный процесс включает в себя стадию возбуждения уголовного дела, являющуюся своего рода фильтром и необходимую для определения того, имеются ли признаки преступного события как такового. Соответственно, производство следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела возможно в ограниченном объеме (в настоящий момент за-

кон допускает проведение осмотра места происшествия, трупа, предметов и документов, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования). Кроме того, в стадии возбуждения уголовного дела могут производиться так называемые проверочные действия (получение объяснений, проведение исследований, изъятие документов и предметов).

Значительный интерес вызывают ситуации, когда на момент поступления сообщения о происшествии неясно, что имеет место – уголовное преступление или административное правонарушение (например, при причинении травмы в дорожно-транспортном происшествии, если степень тяжести может быть установлена только по результатам лечения, а от этого соответственно зависит и квалификация деяния). В таких случаях правоприменительная практики обычно исходит из наименее тяжелой квалификации содеянного, то есть расценивает совершенное деяние как административное правонарушение. Соответственно, для установления его обстоятельств выполняются действия, закрепленные административным правом (административный досмотр и освидетельствование, получение объяснений в соответствии с КоАП РФ). После установления того, что деяние надлежит квалифицировать как уголовное преступление, возникает вопрос о доказательственном значении выполненных административно-правовых действий.

Примерно такая же ситуация возникает, когда состав преступления выявляется в рамках прокурорской проверки средствами, предусмотренными Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Правоприменительная практика складывается весьма неоднозначно.

Первый подход состоит в том, что результаты административно-правовых действий признаются по уголовному делу иными документами, причем в ряде случаев такое признание происходит «по умолчанию», в других же производятся осмотры составленных административно-правовых актов.

Второй подход состоит в отрицании доказательственного значения актов, составленных в рамках административной деятельности или прокурорской проверки, поскольку они не предусмотрены уголовно-процессуальным законом.

Первый подход представляется более верным. Поскольку на момент совершения того или иного действия правоприменитель вполне обоснованно усматривал в деянии состав именно административного правонарушения, он выбирает для фиксации обстоятельств его совершения именно административно-правовой инструментарий, а не какой-либо иной. Требовать в таких случаях выполнения действий, закрепленных уголовно-процессуальным законом, просто бессмысленно. Разумеется, сведения, полученные в ходе административного производства от тех или иных лиц, подлежат последующему процессуальному закреплению путем проведения допросов. Однако повторное получение из того же источника информации, закреплённой в актах досмотров и прочих подобных действий, в полном объеме объективно невозможно, поскольку соответствующие следы преступления уже были изъяты.

Поэтому результаты административно-правовых действий должны быть допущены в уголовное судопроизводство.

При этом для упорядочения их допуска целесообразно предусмотреть в УПК РФ норму о преемственности законно полученных доказательств, собранных до возбуждения уголовного дела в соответствии с нормами не уголовно-процессуального права, а других отраслей, на чем настаивают процессуалисты. Также представляется правильным ввести для результатов подобных действий самостоятельный вид доказательств – «результаты действий, произведенных до возбуждения уголовного дела в соответствии с требованиями закона» [1, с. 192].

1. Балакшин В.С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: Научно-практическое пособие. – Екатеринбург, ООО Издательство УМЦ УПИ. – 316 с.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательства, доказывание.

УДК 343.14

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Стольников Павел Михайлович,

адъюнкт,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027 г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье раскрываются отдельные проблемы реализации следователем процессуальной самостоятельности. Вносятся предложения по совершенствованию системы прокурорского надзора с целью повышения уровня процессуальной самостоятельности следователя.

Одним из постулатов современного российского уголовного судопроизводства является положение о процессуальной самостоятельности следователя. Следует согласиться с авторами, справедливо отмечавшими еще в советский период, что следователю как активному участнику уголовного судопроизводства должны быть «надежно гарантированы процессуальная самостоятельность, независимость и подчинение закону» [1].

В соответствии с нормой, закрепленной в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. Однако законодатель сразу же оговаривает, что из данного правила могут быть сделаны исключения, если в соответствии с уголовно-

процессуальным законодательством производство того или иного процессуального действия возможно только с судебного разрешения или согласия руководителя следственного органа. Кроме того, из смысла п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, напрашивается логичный вывод, что процессуальная самостоятельность следователя может быть ограничена прокурором, который не только вправе отменить постановление следователя о возбуждении уголовного дела, вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения, переквалификации обвинения или пересоставления обвинительного заключения, но и может истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела.

Таким образом, с одной стороны, российский законодатель закрепил принцип процессуальной самостоятельности следователя, с другой, – ограничил его применение механизмом тройного контроля: ведомственного, прокурорского, судебного. В таких условиях следователю крайне сложно реализовать возложенные на него задачи по принятию самостоятельных процессуальных решений и самостоятельному производству процессуальных действий. На практике это приводит к нарушениям прав иных участников уголовного судопроизводства и затягиванию процессуальных сроков. Наибольшее опасение вызывают ситуации межведомственного конфликта между прокурором и руководителем следственного органа, заложником которого становится следователь.

Нельзя согласиться с авторами, считающими, что «оставшееся у прокурора право надзора за законностью решений, действий (бездействия) следователя и проверки всесторонности, полноты, объективности и законности проведенного расследования в конце досудебного производства процессуальную самостоятельность следователя не ограничивают» [2]. Полагаем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство отличается некоторой пробельностью в вопросе соотношения прокурорского надзора и процессуальной самостоятельности следователя. Реализация полномочий, предусмотренных п. 5.1. ч. 2 ст. 37 УПК РФ приводит к отмене прокурором процессуальных решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и о приостановлении предварительного следствия. Данная норма является гарантией реализации права участников уголовного судопроизводства на обжалование процессуальных решений следователя и в целом не вызывает сомнений. Однако законодатель не предложил каких-либо критериев, ориентируясь на которые, прокурор может отменить обжалуемое постановление следователя. Вследствие этого на практике достаточно часто возникают ситуации формальной отмены прокурором решений следователя, когда изначально презюмируется незаконность действий следователя. В данном случае усмотрение следователя, реализуемое им в соответствии с принципом процессуальной самостоятельности и оформленное в соответствующем процессуальном решении, вступает в противоречие с усмотрением прокурора, реализуемым им в порядке осуществления прокурорского надзора. Между тем, еще теоретики советского уголовного процесса отмеча-

ли, что «надзор прокурора за проведением предварительного следствия не может и не должен в какой-либо мере умалять самостоятельность следователя» [3].

Предлагаемый законодателем механизм реагирования следователя на решение прокурора нельзя признать эффективным. Если прокурор возвращает следователю уголовное дело для производства дополнительного следствия, последний лишь наделен правом с согласия руководителя следственного органа обжаловать данное решение прокурора вышестоящему прокурору. На практике следователи крайне редко пользуются этой возможностью, поскольку, как правило, вышестоящий прокурор лишь отправляет в следственный орган формальный отказ в удовлетворении обжалуемых следователем требований.

Еще менее совершенной видится конструкция, закрепленная в ч. 3 ст. 38 УПК РФ. Следователь, не согласный с решением прокурора, обязан предоставить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. К сожалению, праву руководителя следственного органа информировать прокурора не корреспондируется соответствующая обязанность прокурора отреагировать на предоставленную информацию. Полагаем, что с целью исправления данной ситуации следует закрепить в УПК РФ обязанность прокурора дать мотивированный ответ на возражения следователя, о которых ему стало известно через руководителя следственного органа. Также считаем целесообразным исключить руководителя следственного органа как промежуточное звено в таком механизме обжалования и наделить следователя полноценным правом подачи письменных возражений непосредственно прокурору. На последнего следует наложить обязанность дать следователю мотивированный ответ, после получения которого следователю должно быть предоставлено право обжалования прокурорского решения вышестоящему прокурору. Очевидно, что такие новеллы будут способствовать реализации следователем гарантированной ему уголовно-процессуальным законодательством процессуальной самостоятельности.

-
1. Божьев В.П., Трусев А.И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. М.: Изд-во Академии МВД СССР. М., 1991. С. 120.
 2. Шигурова Е.И. Вопросы процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // Политика, государство и право. 2016. № 3. С. 23.
 3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 50.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, предварительное расследование, прокурор, руководитель следственного органа.

УДК 343.1

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Стрилец Олег Валентинович,

*профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел,*

*Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются вопросы, эффективности современной системы уголовных наказаний и целесообразности включения в неё отдельных видов наказаний. Автор анализирует изменения уголовного законодательства в области наказания и дает оценку проблемам, которые возникают при исполнении новых видов наказаний.

Наказание – ключевая часть уголовного законодательства и основной элемент борьбы с преступностью. Наказание и преступление два неразрывных понятия, и первое связано с последующим, так как является инструментом реализации уголовно-правовой задачи по охране личности, общества и государства.

Противодействие со стороны государства преступности, заключается не только в установке, какие деяния опасны для личности, общества или государства, но и в установлении наказания за их совершение. Наказание важнейший институт уголовного права. Именно оно выступает основной формой реализации уголовной ответственности. Это вынужденное, но необходимое в современных условиях средство сдерживания преступности [1, с. 273].

На современном этапе развития российской науки все чаще возникает вопрос о действенности современной системы уголовных наказаний и целесообразности включения в неё отдельных видов наказаний. Вместе с тем и сегодня актуальным является мнение Н.С. Таганцева: «История уголовного права дает нам печальную картину человеческой изобретательности, всецело направленной к изысканию средств и способов причинения наибольшего страдания людям, навлекшим на себя кару закона. Но и во всем этом разнообразии можно отыскать некоторые общие признаки, дающие возможность свести карательные меры к известным типам» [2, с. 99-100].

Собственно признаки и типы наказаний, получившие закрепление в предшествующем российском уголовном законодательстве, с высоты исторического опыта, позволяют точнее установить современные виды наказаний, а также решить вопрос об эффективности их применения.

Трансформация содержания отдельных видов наказания в России тесно связаны с развитием уголовного права и принятия таких основных законодательных актов, как: Русская Правда, Соборное Уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уго-

ловный кодекс РСФСР 1926 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. и многих других.

Так, в Русской Правде наказание «за обиду» сводилось к выплате потерпевшему или его родственникам определенной денежной суммы. Однако наряду с этим допускалась и кровная месть.

Соборное Уложение 1649 г., существенно расширило виды наказаний за преступления того времени, это прежде всего: смертная казнь, лишение свободы на определенный срок, телесные и имущественные наказания, ссылка.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года включало в себя раздел 1 («О преступлениях проступках и наказаниях вообще»), большинство норм которого посвящалось системе и видам наказаний (гл. 2 «О наказаниях» – ст. 18-95), общим началам и порядку назначения наказания (гл. 3 «Определение наказаний по преступлениям» – ст. 95-156), смягчению, частичному или полному освобождению от наказания (гл. 4 «О смягчении и отмене наказаний» – ст. 157-172) [3, с. 160-309]. К уголовным наказаниям относились: смертная казнь, ссылка в каторжные работы, на поселение в Сибирь, на Кавказ и лишение всех прав, состояния.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. закрепляли следующие виды наказаний «а) внушение; б) выражение общественного порицания; в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); г) объявление под бойкотом; д) исключение из объединения на время или навсегда; е) восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба; ж) отрешение от должности; з) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу; и) конфискация всего или части имущества; к) лишение политических прав; л) объявление врагом революции или народа; м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы; н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события; о) объявление вне закона; п) расстрел; р) сочетание вышеназванных видов наказания» [4, с. 57-60].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. регламентировал более конкретизированный перечень уголовных наказаний и других мер «социальной защиты»: а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; б) принудительное лечение; в) воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; г) удаление из определенной местности. В систему наказаний непосредственно было включено: изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; поражением в правах. Вместе с тем, виды наказаний, которые предусматривались п. «а», «г», «д», «л», «о» ч. 2 ст. 25 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., не нашли свое отражение в уголовном законе 1922 года [4, с. 116-143].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. термин «наказание» утрачивает свое значение. В ст. 7 указывалось, что «в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с

преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера». Наказаниями (мерами социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера) в период действия данного нормативного акта являлись: а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов; б) лишение свободы со строгой изоляцией; в) лишение свободы без строгой изоляции; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение политических и отдельных гражданских прав; е) удаление из пределов Союза ССР на срок; ж) удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; з) увольнение от должности с запрещением занятий той или другой должности или без этого; и) запрещение занятий той или иной деятельностью или промыслом; к) общественное порицание; л) конфискация имущества, полная или частичная; м) денежный штраф; н) предостережение; о) возложение обязанности загладить причиненный вред (ст. 20), а также смертная казнь (ст. 21) [4, с. 256-288].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. регламентировал следующие виды наказания: 1) лишение свободы; 2) ссылка; 3) высылка; 4) исправительные работы без лишения свободы; 5) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 6) штраф; 7) увольнение от должности; 8) возложение обязанности загладить причиненный вред; 9) общественное порицание; 10) конфискация имущества; 11) лишение воинского или специального звания (ч. 1 ст. 21). Исключительной мерой наказания, считалась смертная казнь (ст. 23) [5].

Следующим этапом развития уголовного законодательства о наказании в России были положения Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые так и не вступили в силу. Вместе с тем, изменения прогрессивного характера, которые нашли отражение в данном нормативном акте и явились основой для построения Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее по тексту – УК РФ).

Однако учел ли законодатель все уроки истории, при регламентации современной «системы», «перечня», «лестницы» наказаний.

Современный институт уголовного наказания в своем содержании претерпел процесс сложного реформирования, часто не оправданного.

В первоначальной редакции УК РФ ст. 44 включала в себя 13 видов наказаний. Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» в ст. 4 предлагал отсрочить применение наказаний в виде обязательных работ и ареста, далее Федеральный закон от 27.12.96 № 161-ФЗ добавил в эту группу и ограничение свободы [6]. При этом в 2002 году срок применения данных видов наказаний переносился, наказание в виде ареста не применяется и в наше время. Едва ли допустимо законодательно регламентировать виды наказаний, которые не исполняются на протяжении двадцати лет.

Конфискация имущества как вид наказания в уголовном законодательстве России существовала с давних времен. Она была включена и в УК РФ, однако Федеральный закон от 08.12.2003 №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» исключил ее из числа уголовных наказаний [7]. В 2006 году законодатель вернул ее в уголовное право, но придал ей иное значение – меры уголовно-правового характера, применяемой наряду с наказанием. Однако сущность конфискации фактически не изменилась, она выражается в принудительном безвозмездном обращении по решению суда в собственность государства соответствующего имущества [8].

Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» были внесены существенные изменения в уголовное законодательство относительно ограничения свободы, содержание данного вида наказания коренным образом преобразовано [9]. Сохраняя название, российское уголовное право получило новый вид наказания. Содержание данного вида наказания вызывает ряд вопросов: во-первых, с учетом теории уголовного права о критериях сравнительной тяжести видов наказаний [10], ограничение свободы ни как не может располагаться в системе наказаний после обязательных и исправительных работ; во-вторых, уровень репрессивности данного вида наказания вряд ли соответствует целям уголовного наказания; в-третьих, данные статистики о назначении наказаний показывает довольно низкий уровень применения ограничения свободы по сравнению с иными видами уголовных наказаний. Так, в 2015 году всего было осуждено 733 607 лиц, из них: к обязательным работам – 74047, к исправительным работам – 60794, к ограничению свободы – 20827 [11].

В 2011 году в УК РФ было внесено еще одно изменение затрагивающее институт наказания, в ст. 44 УК РФ введен вид наказания – принудительные работы. Осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. Изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, могут создаваться при исправительных учреждениях. Порядок создания указанных участков определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Необходимо отметить, что сравнив уголовно-правовую и уголовно-исполнительную характеристику принудительных работ, как альтернативы лишения свободы, приходим к выводу об отсутствии существенных отличий между этими наказаниями, особенно если осужденный отбывает лишение свободы в таком виде исправительного учреждения, как колония-поселение,

где степень режимных требований к осужденному даже меньше, чем в исправительном центре.

Реалии современной уголовной политики характеризуются положительными и отрицательными результатами. Криминализация и декриминализация человеческого поведения требует четкого и обоснованного подхода к видам уголовного наказания. Бесспорно одно, любой вид наказания должен в полной мере соответствовать целям наказания.

1. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов, 2003.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т.2. М., 1994.
3. Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс]. URL: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2016).
6. Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 08.12.2003) «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2016).
7. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 05.01.2006) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.03.2016).
8. Чучаев А.И. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве [Электронный ресурс]. URL: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.03.2016).
9. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс]. URL: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.03.2016).
10. Стрилец О.В. Криминологическая действенность исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. М., 2016. С. 405-408.
11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru>. (дата обращения: 11.04.2016).

Ключевые слова: наказание, преступление, законодательство, система, виды наказаний, институт, уголовное право.

«ТАЙНОЕ СЛЕДСТВИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: О ПЕРСПЕКТИВЕ ЕГО ВВЕДЕНИЯ

Сумин Александр Александрович,
*профессор кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12,
доктор юридических наук*

Статья посвящена анализу предложений о введении правового института «тайные следственные действия» в уголовно-процессуальное законодательство России. Сделан вывод о том, что в настоящее время отсутствуют практическая необходимость и правовые предпосылки к реализации такого предложения.

В последнее время в научных кругах и среди практических сотрудников правоохранительных органов активизировалось обсуждение необходимости и целесообразности введения в досудебное производство по уголовным делам института «тайного» (негласного) расследования, осуществляемого посредством проведения «тайных следственных действий».

Действительно, в ряде государств Балтии и в странах-участниках СНГ институт «тайного следствия» существует и регулируется соответствующим уголовно-процессуальным законодательством. В России очередное предложение о тайном следствии вошло в представленную группой разработчиков документа с весьма амбициозным названием «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [1], однако данное предложение требует очень серьезного изучения зарубежного законодательства, регулирующего «тайное следствие», и реальной практики его применения, анализа возможности заимствования такого института в российское законодательство и следственную практику, причём не только с чисто правовой точки зрения, но и реального востребования практикой предлагаемой модели и её ресурсного обеспечения в условиях существующего экономического положения страны.

Не вдаваясь в критику этой модели в целом, представляется целесообразным остановиться на предлагаемых новациях в части, касающейся «тайного» следствия, в процессе которого и предполагается осуществлять «тайное следствие».

Анализ соответствующего раздела «доктринальной модели» даёт основание сделать вывод о том, что её авторами в сущности предлагается признать существующие ныне оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) с небольшой трансформацией их наименований так называемыми «тайными следственными действиями» и регулированием их в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее – УПК России): оснований, условий, порядка их производства и использования и результатов этих действий в доказывании. Таким образом, просматривается стремление к

сближению обычного и «тайного» предварительного следствия, использования классических процессуальных (следственных) действий и ОРМ.

Справедливости ради следует отметить существование вполне объективной предпосылки к такому сближению. Действительно, предметом познания как в уголовном процессе, так и в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) выступают в каждом конкретном случае обстоятельства совершения преступления, сведения о лице, его совершившем, характер и размер причинённого вреда. Более того, в учебнике под редакцией Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева высказано мнение о том, что «проявляется явное отождествление сведений, которые являются результатами ОРМ, проводимых в рамках ОРД, и доказательственных сведений, которые могут составлять в дальнейшем доказательства по уголовному делу, после закрепления их надлежащим процессуальным путём» [3]. Такая позиция, как отмечается далее в учебнике, выражена в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 г. № 3) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации» [4] а также в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О по жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности [5]. Кроме того, вполне естественным является стремление в максимальной степени упростить (не в ущерб требованиям уголовно-процессуального закона) использование результатов ОРД в доказывании по уголовному делу.

В связи с этим представляется необходимым кратко остановиться на вопросах о том: 1) достигается ли в рассматриваемой «доктринальной модели» такое сближение процессуальных и непроцессуальных средств доказывания; 2) упрощается ли процесс доказывания по уголовному делу посредством введения в уголовно-процессуальный закон «тайных следственных действий» не в ущерб принципам уголовного судопроизводства.

В ст. 11.11 «доктринальной модели» её авторы указали, что «протоколы негласных следственных действий, аудио-, видеозаписи, фотоснимки, полученные с помощью применения технических средств, другие материалы, изъятые во время их проведения, могут быть использованы при доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных действий во время досудебного расследования». Не совсем понятно, чем по своей сущности предлагаемая формулировка отличается в положительную сторону от действующей редакции ст. 89 УПК России, где установлено, что результаты ОРД не могут использоваться в доказывании, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Если авторы полагают, что использованная ими формулировка «на тех же основаниях...» автоматически придаёт названным предметам или документам статус доказательств, то это далеко не так. Протоколы следственных действий, предметы и документы, полученные в результате соответствующих обычных следственных действий,

становятся доказательствами лишь тогда, когда они удовлетворяют требованиям относимости, достоверности и допустимости, что можно установить только при их проверке и оценке. Точно также необходимо установление соответствия этим требованиям результатов «тайных следственных действий», таким образом, говорить о преимуществе формулировки ст. 11.11 «доктринальной модели» перед действующей редакцией ст. 89 УПК России вряд ли приходится. Кроме того, следует иметь в виду, что, как отмечено ранее, исходя из текста «доктринальной модели», условия и порядок проведения «тайных следственных действий» во многом идентичны условиям и порядку осуществления ОРМ, которые определены в настоящее время Федеральным законом от 12 августа 1995 г. (в ред. от 21 декабря 2013 г.) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] (далее – Закон об ОРД). Достаточно указать на то, что для производства «тайных следственных действий», ограничивающих конституционные права граждан, требуется судебное решение как и для аналогичных ОРМ в настоящее время; субъектом производства «тайного следствия» выступает не следователь, в производстве которого находится уголовное дело, а некий «тайный следователь» - «офицер федеральной уголовной полиции, офицер иного государственного органа уголовного преследования, уполномоченный прокуратурой тайно осуществлять выявление и раскрытие тяжких, особо тяжких преступлений, изобличать лиц, их совершивших, собирать доказательства совершённого или готовящегося преступления путём производства тайных следственных действий» (ст. 1.1 «доктринальной модели»). Но Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывал позицию о том, что проведение ОРМ, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу, не может подменять процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом [7]. Стремление «протащить» ОРМ под названием «тайные следственные действия» в УПК России является ничем иным, как замаскированной попыткой обойти указанную позицию высшего судебного органа страны.

Вопросами правовой регламентации использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам занимались многие авторы, что отражено как в монографиях, так и в периодической юридической печати. Следует отметить, что зачастую некоторыми учёными рассматриваются достаточно сформулированные проблемы такого использования результатов ОРД. Однако как и любая информация или предметы и документы, поступившие следователю и имеющие отношение к предмету доказывания, независимо от пути поступления подлежат процессуальной проверке. Даже фактические данные, предметы и документы, появившиеся в результате производства следственных действий, как отмечено ранее, подлежат проверке на соответствие требований, предъявляемых к доказательствам. Например, если обвиняемый, потерпевший, свидетель или должностное лицо, не являющееся участником уголовного судопроизводства, по собственной инициативе передают следователю предметы или документы, имеющие отношение к уголовному делу, это обстоятельство фиксируется в протоколе соответствующего следственного

действия и в отношении этих предметов или документов проводится их процессуальная проверка, в частности, по обстоятельствам их возникновения. И такой путь формирования доказательств не вызывает особых проблем. С точки зрения формирования доказательств на основе результатов ОРД существует полная аналогия: они проверяются посредством проведения следственных и иных процессуальных действий. И если эти результаты получены с соблюдением требований Закона об ОРД, то нет каких-то особых трудностей в определении их относимости, достоверности и допустимости.

Предлагаемый в «доктринальной модели» путь использования результатов «тайных следственных действий» в сущности ничем не отличается от описанного выше алгоритма (получение результатов ОРД, их процессуальная проверка, признание доказательством). Результаты указанных следственных действий после их рассекречивания (ст. 11.8 «доктринальной модели») представляются следователю. В связи с изложенным можно констатировать, что предлагаемый авторами этой модели путь не обуславливает упрощения процедуры доказывания вследствие использования результатов «тайных следственных действий» по сравнению с действующим порядком использования результатов ОРД.

Необходимо также иметь в виду, что институт «тайного следствия» отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве ряда европейских государств, имеющих длительную историю уголовно-процессуального права и являющихся своего рода «законодателями моды» нормативного регулирования уголовного процесса: в Великобритании, Италии, Испании, Франции и ФРГ (§ 161 «Расследование; использование информации, полученной при помощи негласных методов расследования», УПК ФРГ в действительности не вводит института «тайного следствия», а устанавливает порядок использования в доказывании результатов негласной деятельности полиции, если такая осуществлялась по поручению прокурора и только по определённой категории уголовных дел).

Подытоживая проведённый анализ предложения доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации следует сделать вывод о том, что предложение о введении в УПК России института «тайных (негласных) следственных действий» в настоящее время не имеет надлежащих правовых предпосылок и подтверждённой практической необходимости.

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://www.iaaj.net/node/1766>. Доступ 16.09.2016.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.М. Лебедева. -2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 326.

4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1996. № 1.

5. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. -№ 3.

6. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. (в ред. от 21 декабря 2013 г.) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1999 г. № 21-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвёртой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действие, доказательства, доказывание по уголовным делам.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМА НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сущенко Светлана Алексеевна

*адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Статья посвящена вопросу признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе Российской Федерации и некоторых зарубежных стран. Также рассматриваются подходы к решению проблемы недопустимости доказательств, выработанные в государствах с долговременной историей развития уголовно-процессуального законодательства.

Проблема недопустимости доказательств известна науке уголовного процесса и практическому судопроизводству очень давно, пристальное внимание ей всегда уделялось и на уровне соответствующей отрасли права.

Запрет на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушениями федерального закона, был установлен Конституцией РФ, и проблема недопустимых доказательств из разряда отраслевых приобрела конституционный масштаб. Положения ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК России) остаются в центре острейшей научно-практической дискуссии. Это во многом обусловлено противоречивостью указанных норм (например, в случае отсутствия из-за небрежности следователя в протоколе следственного действия подписи участника уголовного судопроизводства, принимавшего участие в этом следственном действии, или в связи с допущенной технической ошиб-

кой и т.п.). УПК России формулирует лишь внешнюю, процедурную сторону осуществления следственных и иных процессуальных действий, в результате которых могут быть получены доказательства, обуславливает ситуацию, когда недопустимым может быть признано доказательство при наличии лишь формального несоответствия определённым правовым нормам. При этом УПК России прямо не предусматривает возможности считать формально недопустимое доказательство допустимым, если оно впоследствии может быть «исправлено» посредством судебных действий (таким «исправлением» можно было бы считать допрос в судебном заседании участника уголовного судопроизводства, принимавшего участие в следственном действии, в результате которого было получено недопустимое доказательство). Расплывчатость этого предписания оказывает негативное влияние на судебную и следственную практику. Ситуация правовой неопределённости признания доказательств недопустимыми активно используется участниками процесса, не заинтересованными в объективном расследовании и разрешении уголовного дела. Сторона защиты нередко сводит свою деятельность преимущественно к отысканию мнимых нарушений с целью разрушения доказательственной базы по уголовному делу.

В сложившейся ситуации заслуживают внимания подходы к решению вопросов, связанных с недопустимостью доказательств, которые сложились в государствах с долговременной историей развития уголовно-процессуального законодательства.

Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германии [2] (далее – УПК ФРГ), в отличие от УПК России, также нет специальной нормы, касающейся признания доказательств недопустимыми. В теории уголовно-процессуального права этого государства чаще всего недопустимость доказательств классифицируется на связанную с запретом: 1) предмета доказывания; 2) средства доказывания; 3) методов доказывания [3]. Запрет предмета доказывания связан с преюдицией и погашенными судимостями; запрет средств доказывания обусловлен особым правовым статусом лица, в отношении которого проводится следственное или судебное действие (например, допрос лица, обладающего свидетельским иммунитетом, или имеющего по закону право отказаться от дачи показаний по личной или профессиональной причине). Запрет методов доказывания базируется на положениях § 136а о запрещённых методах допроса, при этом, в отличие от ст. 9 УПК России, названная норма УПК ФРГ не ограничивается общим указанием на недопустимость унижения человеческого достоинства, создания опасности для жизни и здоровья человека, а применения насилия, пыток и другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения, а содержит достаточно детальный перечень запрещаемых действий (интересно, наряду с запретом пыток, физического или психического воздействия, рассматриваемая правовая норма прямо упоминает о недопустимости обмана, обещания не предусмотренных законом льгот, введения допрашиваемого в состояние гипноза и др.). К этой же группе недопустимых доказательств относятся такие, которые получены: с нарушением правил, специально установленных для

производства отдельных следственных действий (например, требующих предварительного судебного разрешения или последующей безотлагательной судебной проверки); провокации со стороны полиции или иного правоохранительного органа; фальсификации доказательств. Абсолютно недопустимыми закон считает доказательства, полученные с нарушением права обвиняемого на защиту (см. § 168с, 168d УПК ФРГ). В уголовном процессе ФРГ в подходах к оценке доказательств как недопустимых просматривается определённая общность с подходами российского УПК. Вместе с тем, имеются особенности в процедуре исключения недопустимых доказательств. Так, если решение об исключении доказательств по УПК России может иметь место как в стадии подготовки к судебному заседанию, так и в стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции, в ФРГ исключение недопустимых доказательств возможно только в процессе судебного разбирательства в суде первой инстанции.

В Великобритании, как известно, нет кодифицированного уголовно-процессуального закона, серьёзное влияние имеют судебные прецеденты, кроме того, в Великобритании началом уголовного процесса считается предъявление обвинения в суде, а предшествующая деятельность по расследованию преступлений в большей степени рассматривается как административная. Суд основной целью правосудия должен считать установление истины и «открытие вины». Правовую основу такой концепции образует ст. 78 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам [4]: согласно которой суд, с учётом обстоятельств получения, не должен допускать те доказательства, которые могут оказать негативное влияние на справедливость судебного разбирательства. Такой подход означает приоритет защиты обвиняемого над защитой частной жизни. Вместе с тем необходимо отметить, что процедурные вопросы, связанные с получением сведений, которые могут быть использованы в доказывании, урегулированы гораздо скрупулёзнее, нежели в России. Например, допрос как следственное действие регулируется не только статутами, но и так называемыми кодексами практики, формально являющимися нормами делегированного законодательства, исходящими от исполнительной власти. Таким образом, существенно облегчает положение судьи при решении вопроса о допустимости доказательств.

Такое разнообразие взглядов на определение признаков допустимости доказательств представляет серьёзный интерес для подробного научного исследования в целях выявления наиболее приемлемых правовых подходов к рассматриваемым вопросам и последующего использования полученных результатов для дальнейшего совершенствования отечественного уголовно-процессуального закона и, как следствие, оптимизации следственной и судебной практики.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Российская газета, 22 декабря 2001 г. № 249.

2. Strafprozessordnung (StPO) // [электронный ресурс] Официальный сайт Министерства юстиции ФРГ. URL: www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/stpo/gesamt.pdf. (дата обращения 20.03.2016 г.)
3. Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ. –М.: Издательство «Спутник+», 2014. С. 129.
4. Police and Criminal Evidence Act 1984 // [электронный ресурс] Официальный сайт правовой информации правительства Великобритании. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents> (дата обращения 22.03.2016 г.)

Ключевые слова: недопустимость доказательств, запреты доказывания, запрещенные методы допроса, правило об исключении доказательств.

УДК 343.14

ПРОИЗВОДСТВО О НАЗНАЧЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: СУЩНОСТЬ И ГАРАНТИИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Трубникова Татьяна Владимировна,
*доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора
и правоохранительной деятельности,
юридический институт, Национальный исследовательский
Томский государственный университет»,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
кандидат юридических наук, доцент*

Обосновано, что производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа представляет собой чрезмерно упрощенную разновидность основного производства по уголовному делу. Лицо признается виновным в совершении уголовного преступления и подвергается уголовному наказанию вне судебной процедуры, без достаточных гарантий установления истины и без обеспечения участникам производства права на судебную защиту, в отсутствие достаточных гарантий от злоупотребления правом. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 16-03-00413.

С 15.07.2016 г. вступили в силу положения ФЗ РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [1]. Данный федеральный закон ввел в УПК РФ новое уголовно-процессуальное производство, которое именуется в тексте УПК РФ то «производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности» (наименование главы 51.1 УПК РФ), то «производство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении

меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» (часть 2 ст. 446.1. УПК РФ). Учитывая, что законодатель, видимо, сам не определился, как следует именовать данное нововведение, возьмем на себя смелость (из соображений краткости, прежде всего) в данной работе называть его «производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа». К тому же, как мы покажем далее, вряд ли действительно можно считать, что данное производство имеет своим итогом освобождение от уголовной ответственности, и даже от уголовного наказания.

Сходные институты известны российской и мировой науке и практике. Так, в соответствии со ст.1230 Устава уголовного судопроизводства в России существовала возможность устранения судебного разбирательства по делам о нарушении Устава путей сообщения в случае добровольной уплаты обвиняемым штрафа в максимальном размере, предусмотренном соответствующей нормой. В 1889 году аналогичная возможность была распространена и на дела о других малозначительных преступлениях, за которые возможно было наложение лишь денежного взыскания. Однако, по словам И.В. Михайловского, в России был едва ли хоть один случай применения этого порядка [2]. Сходные правовые институты существуют в настоящее время и в зарубежных странах («штраф по соглашению» во Франции, «трансакция» в Бельгии и Нидерландах, «фискальный штраф» в Шотландии и т.д.) [3], [4. С. 24 - 26]. В то же время, рассматриваемый современный российский правовой институт имеет и существенные отличия от указанных российского и зарубежных аналогов.

Для того, чтобы аргументировано оценить необходимость и допустимость введения в УПК РФ рассматриваемого производства, а также качество правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с прекращением уголовного дела или уголовного преследования и назначением судебного штрафа, необходимо сначала определить сущность данного производства, его место в системе уголовно-процессуальных производств. Только на этой базе возможно аргументировано определить, каким требованиям такое производство должно отвечать, какой (и насколько подробно урегулированной) должна быть его процессуальная форма, какие процессуальные механизмы необходимы для исключения злоупотреблений участниками производства своими субъективными правами или дискреционными полномочиями.

Мы уже неоднократно указывали [5. С.88], [6. С.19 - 21], что основным критерием дифференциации уголовного процесса является направленность производства (его предмет и задачи) и тип материально-правовых отношений, лежащих в его основе. По этому критерию все уголовно-процессуальные производства можно подразделить на три вида:

- 1) основные производства (направлены на решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и его содержания);
- 2) дополнительные производства (направлены на изменение или досрочное прекращение установленного и закрепленного приговором суда уголовно-правового отношения);

3) особые производства, не направленные на решение основного вопроса уголовного дела, которые в силу особых причин урегулированы нормами уголовно- процессуального права и осуществляются в уголовно- процессуальной форме (производство по применению принудительных мер медицинского характера, производство по решению вопроса о заключении под стражу, производство по реабилитации и т.д.).

Наиболее четко регламентированные процедуры, снабженные максимальным количеством процессуальных гарантий, должны быть свойственны основным производствам, обеспечивая реализацию назначения уголовного судопроизводства, права его участников на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Существование упрощенных основных уголовно- процессуальных производств допустимо, но любое упрощение при этом должно находиться в четко определенных пределах, не выходя за их рамки [7]. Напротив, особые или дополнительные производства для решения своих задач нуждаются в существовании более простой процедуры. Степень сложности такой процедуры должна зависеть от ряда условий, в том числе:

- от важности для лица, в отношении которого ведется такое производство, его последствий, от того, сравнимы ли эти последствия по своей тяжести и характеру с уголовным наказанием [8. С.27 – 35], [8. С. 59 - 60];

- от цели применения такого производства. Так Л.В. Головкин обоснованно отмечает, что правовая регламентация институтов, представляющих собой альтернативы уголовному преследованию, не должна быть чрезмерно детализированной, так как в противном случае возникает опасность создания «парапроцесса», что способно обесценить саму идею [4. С. 16].

У рассматриваемого производства есть свойства, роднящие его как с альтернативами уголовному преследованию, так и с основным производством по уголовному делу.

С альтернативами уголовному преследованию его сближает:

- 1) Цель введения института. Согласно пояснительной записке к Законопроекту, такой целью является исключение негативных последствий, свойственных для «традиционной» уголовной юстиции, а также нецелесообразность применения уголовного наказания в ряде числе случаев [9];

- 2) в рамках рассматриваемого производства происходит прекращение уголовного дела или уголовного преследования в отношении лица (совершаемое под условием оплаты штрафа, назначенного судом);

- 3) при этом у лица, которому назначается мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не возникает судимость.

В то же время данное производство содержит ряд важных признаков, позволяющих отнести его скорее к «ущербному» основному производству, чем к числу альтернатив уголовному преследованию, а именно:

1. Альтернативы уголовному преследованию могут применяться только тогда, когда виновность лица в совершении преступления не установлена [4. С. 19 - 20]. Если в ходе производства дается определенный ответ на вопрос о том, совершило ли лицо преступление (происходит решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно- правового отношения и его содержании) – речь

идет об основном производстве по делу. Между тем, в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лицо, впервые совершившее *преступление* небольшой или средней тяжести. В соответствии с п.2 части 5 ст. 446.2 УПК РФ, суд должен отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, «если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства...» Таким образом, данные положения закона означают, что в ходе решения вопроса о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа происходит установление и признание того факта, что возникло уголовно-правовое отношение (совершено преступление), и что преступление совершено лицом, в отношении которого решается вопрос о назначении судебного штрафа, то есть в положительной форме разрешается вопрос о его виновности в совершении уголовного преступления.

2. В соответствии со ст. 104.5 УК РФ, размер судебного штрафа определяется судом с учетом, в частности, *тяжести совершенного преступления*. Таким образом, в ходе производства о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа происходит и установление объема права государства на наказание.

3. Учет характера и тяжести последствий для лица, в отношении которого назначается судебный штраф, позволяет утверждать, что судебный штраф является мерой уголовной ответственности и сравним по тяжести с уголовным наказанием. Этот вывод следует, в частности из установленного законом размера штрафа и порядка его определения. В соответствии с ч.1 ст. 104.5 УК РФ, размер судебного штрафа может составлять до половины от максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, размер судебного штрафа может составлять до двухсот пятидесяти тысяч рублей. Половина размера максимального штрафа, указанного в статье УК или 250 000 рублей представляют собой очень значительную сумму для подавляющей части российского населения. Штраф, назначаемый в таком размере, не может считаться мерой восстановительного характера и очевидно имеет «превентивный», «штрафной» характер, что является признаком именно уголовной ответственности.

4. Хотя в случае назначения судебного штрафа судимость действительно не наступает, другие последствия прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа совпадают с последствиями признания лица виновным в совершении уголовного преступления. А именно:

- в соответствии с положениями ст.ст. 331, 351.1 Трудового кодекса РФ, ограничивается трудовая деятельность (в сфере образования, воспитания,

развития несовершеннолетних, и т.д.) как для лиц, имеющих или имевших судимость за совершение ряда уголовных преступлений, так и для лиц, в отношении которых уголовное преследование по обвинению в совершении тех же преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям;

- в соответствии со ст. 127 Семейного кодекса РФ такие лица не имеют права быть усыновителями.

Таким образом, не представляется возможным отнести производство о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа к числу альтернатив уголовному преследованию, уголовной ответственности или даже альтернатив уголовному наказанию. Оно представляет собой разновидность основного производства по уголовному делу. С учетом этого, процессуальная форма данного производства должна быть такой, чтобы обеспечивать его участникам возможность реализации их права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, гарантировать, что отказ от этих прав будет носить исключительно добровольный характер, содержать механизм, который исключал бы предсказуемые возможности злоупотребления правом со стороны участников процесса – физических лиц и злоупотребления дискреционными полномочиями - со стороны государственных органов и должностных лиц. Такая процессуальная форма не создана. В частности в ходе данного производства:

- возможно признание лица виновным и назначение ему наказания в отсутствие надлежащей судебной процедуры без его добровольного согласия (нормами УПК РФ получение согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа прямо не предусмотрено, как не предусмотрено и особых оснований его отмены в апелляционном порядке);

- предусмотренный законом порядок исполнения постановления о назначении судебного штрафа не создает гарантий того, что такое постановление не будет исполняться принудительно (ст. 446.4 УПК РФ содержит отсылку к общему порядку обращения решения к исполнению, содержащемуся в ст. 393 УПК РФ. Данный порядок предусматривает направление в службу судебных приставов исполнительного листа – документа, подлежащего обязательному исполнению).

- не обеспечен добровольный характер отказа от своего права и потерпевшему, поскольку закон не требует получения согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа;

- не обеспечено установление истины по делу, поскольку нет гарантий проведения полного предварительного расследования, а надлежащая судебная процедура в принципе отсутствует.

В то же время, возможно:

- злоупотребление правом со стороны потерпевшего, или злоупотребление полномочиями со стороны следователя, дознавателя, суда (так как не установлен порядок решения вопроса о том, был ли возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред;

- злоупотребление полномочиями со стороны следователя, дознавателя, суда, поскольку одни и те же основания (совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести, возмещение ущерба заглаживание вреда) могут явиться основанием как для прекращения уголовного дела без назначения судебного штрафа (ст.28 УПК РФ), так и для его назначения.

Кроме того, представляется, что институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в существующей его форме неэтичен и не отвечает требованиям социальной справедливости, позволяя состоятельным лицам, совершившим преступное деяние впервые, уклоняться от постановления в отношении них обвинительного приговора в результате выплаты значительной денежной суммы. Тогда как лица малоимущие, не имеющие возможности выплатить назначенный им судебный штраф, должны будут подвергаться уголовной ответственности в обычном порядке.

Все это позволяет сделать вывод о том, что производство по назначению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа введено непродуманно и крайне неудовлетворительно урегулировано в действующем уголовно-процессуальном законе.

1. ФЗ РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 04.07.2016. – № 27 (часть II). – Ст. 4256.
2. Михайловский И.В. К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса. Б. м. и г. – С.12.
3. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2002. – 544 с.
4. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). – Москва. – 2003. – 56 с.
5. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 132 с.
6. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 300 с.
7. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131 – 139.
8. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Учебное пособие. Томск: изд-во ТГУ. 2011. 296 с.
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». / Электронный ресурс. URL: <http://asozd.duma.gov.ru> Режим доступа – свободный. По состоянию на 14.12.2015 г.

Ключевые слова: производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, право на судебную защиту, злоупотребление правом, злоупотребление дискреционными полномочиями.

УДК 343.11

ЯВКА С ПОВИННОЙ – ПОВОД К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

Федорова Ирина Андреевна,

адъюнкт,

*Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66*

В статье рассматривается вопрос о сущности явки с повинной как повода к возбуждению уголовного дела, делается вывод о том, что данный процессуальный институт имеет место не только на первоначальной стадии досудебного производства, но и при производстве предварительного расследования.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) явка с повинной является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела и представляет собой добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, сделанное в устном или письменном виде.

Но значит ли это, что явка с повинной в уголовном процессе возможна только как повод к возбуждению уголовного дела?

В России указанный институт имеет глубокие исторические корни. Первые упоминания о явке с повинной в уголовном судопроизводстве встречаются еще при частно-исковом типе процесса, поскольку поводом к нему всегда является жалоба (иск) обиженного. Если нет жалующегося, то и нет уголовного преследования и разбирательства дела. Из этого вытекает отсутствие конкретных норм (например, в Русской правде), предусматривающих повинную именно как повод к началу производства. Следует заметить, что в литературе встречается мнение, в соответствии с которым «среди доказательств (позднее относимым к самым совершенным) встречается поличное и признание» [1]. Однако в нормативных документах того периода упоминаний о значении явки с повинной и ее влиянии на процедуру уголовного преследования не встречается.

Впервые о явке с повинной как о поводе к началу предварительного следствия говорится в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС). В соответствии со ст. 297 УУС явка с повинной признавалась законным поводом и следователь был обязан немедленно приступить к следствию. Однако ст. 310 УУС предписывала: «... если признание явившегося с повинной опровергается имеющимися у следователя сведениями, то он составля-

ет протокол о причинах, побудивших его оставить явку с повинной без последствий, и сообщает копию протоколу прокурору или его товарищу».

Анализ законодательства и трудов ученых конца XIX – начала XX вв. показывает, что явка с повинной сама по себе расценивалась только как повод к началу следствия и не обладала самостоятельным доказательственным значением. В первых советских УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. явка с повинной упоминалась как законный повод к началу следствия и рассматривалась не более как заявление и сообщение о преступлениях.

В УПК РСФСР 1960 года на явку с повинной указывалось в п. 5 ст. 108, в ст. 111, но законодательное определение явки с повинной отсутствовало. Вместе с тем ст. 111 УПК РФ регламентировала правила ее оформления как повода к возбуждению уголовного дела.

Современный процессуальный закон так же, как и его предшественники определяет явку с повинной в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Но незавершенность законодательного регулирования указанного процессуального института вызывает множество вопросов о роли явки с повинной в уголовном процессе России.

В юридической литературе высказываются различные мнения относительно сущности исследуемого явления. Некоторые авторы полагают, что, по сути, явка с повинной является разновидностью заявления о преступлении. «Особенность, отличающая данное заявление от иных, состоит в том, что его автор сообщает в правоохранительные органы о собственных преступных действиях» [2]. Заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. Устное заявление о повинной принимается и заносится в протокол в порядке, установленном ч. 3 ст. 141 УПК РФ, который подписывают заявитель и лицо, принявшее данное заявление. Относительно письменного заявления о явке с повинной закон не предусматривает определенных требований, что порождает споры среди ученых и неясность применения норм о явке с повинной на практике. Исходя из смысла явки с повинной, данное заявление должно заключать в себе стремление лица, совершившего преступление, передать себя в руки правосудия.

У ученых-процессуалистов не сложилось единого мнения и относительно формы обращения с заявлением о явке с повинной. Одни юристы полагают, что явка с повинной является таковой только в случае непосредственного личного обращения лица в уполномоченные органы [3]. Другие считают, что явка с повинной может быть осуществлена и путем направления заявления о повинной лицом, желающим изобличить свои преступные действия, по почте, телеграфу или с помощью иных средств связи [4].

Действительно, УПК РФ не указывает на обязательность личного присутствия лица при заявлении сведений, изобличающих его преступные деяния. Тем не менее следует иметь в виду, что термин «явка» означает «прибытие куда-либо», т. е. в данном случае законодательная формулировка «явка с повинной», на наш взгляд, предполагает личное, непосредственное обращение лица, желающего добровольно сообщить о совершенном им преступлении.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в Постановлении от 11.01.2007 №2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: явка с повинной в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учитывается в тех случаях, когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщило органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенном им или с его участием преступлении (ст. 142 УПК РФ). Таким образом, полагаем, что сообщение предполагает именно личное участие.

При рассмотрении законодательства стран СНГ можно сделать вывод, что им также известен институт явки с повинной. Так, например, в ст. 169 УПК Беларуси указано: «Явкой с повинной считается добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, когда этому лицу еще не объявлено постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела о признании подозреваемым, применении меры пресечения и вынесении постановления о привлечении его в качестве обвиняемого». Такой подход к определению данного института указывает, что здесь явка с повинной не рассматривается именно как повод к началу уголовного преследования, а напротив свидетельствует, что он распространяется и на стадию предварительного расследования. Поэтому целесообразно провести разграничение явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела и как обстоятельства, смягчающего наказание, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Факт добровольного сообщения лицом о совершенном им преступлении приобретает значение явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела только в том случае, если ранее по заявленному преступлению не было возбуждено уголовное дело. В остальных случаях данное заявление выступает как обстоятельство, смягчающее наказание, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Важнейшим субъективным признаком, характеризующим явку с повинной, служит добровольность ее совершения. Для того чтобы тот или иной вариант поведения был добровольным, лицо должна осознавать, что имеет реальную возможность не совершать явку в правоохранительные органы и тем самым избежать уголовного преследования на данном этапе.

Добровольность означает совершение действий не под влиянием осознанной необходимости, а в силу внутреннего побуждения. Добровольность действий субъекта при явке с повинной не исключается и в тех случаях, когда им предшествовали определенные колебания лица между различными вариантами поведения, борьба мотивов этих действий. Нередко подобные действия совершаются по совету друзей, родственников и т. д. Добровольность исключается только в том случае, если такие действия были совершены принудительно под воздействием правоохранительных органов.

Таким образом, явка с повинной как повод к возбуждению уголовного дела представляет собой добровольное, осознанное сообщение лица о совершенном им преступлении, когда органам уголовного преследования не известно о данном преступлении. В других случаях явка с повинной может рассцениваться как обстоятельство смягчающее наказание и имеет место не толь-

ко в стадии возбуждения уголовного дела, но и в стадии предварительного расследования, когда лицу еще не предъявлено обвинение, например, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении преступления заявление о явке с повинной, не исключает признания этого сообщения в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Если же органы следствия располагали сведениями о преступлении и задержанному лицу было известно об этом, то подтверждение им факта участия в совершении преступления не может расцениваться как явка с повинной.

1. Коломеец В. К. Повинная в уголовном и процессуальном законодательстве (1845–2001). Екатеринбург, 2001. С. 18.
2. Муравьев К. В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. с. 99¹.
3. Громов Н. А., Гришин А. И., Пономаренков В. А. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование: учеб.-практ. пособие. Саратов, 2001. С. 10.
4. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 112.

Ключевые слова: явка с повинной, уголовное преследование, возбуждение уголовного дела, повод.

Key words: confession, prosecution, a criminal case, reason.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ

Федосеева Елена Леонидовна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Уральский юридический институт МВД России,

620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66,

кандидат юридических наук

Статья посвящена некоторым актуальным проблемам применения процессуальных мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, и возможным перспективам совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства.

Как отмечено в Государственной программе по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, «ежегодно только по особо тяжким преступлениям около 10 миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей, и каждый

пятый из них получает угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний» [1].

С учетом такой статистики перечень мер защиты процессуального характера, которые применяются в целях обеспечения личной безопасности свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству в российском праве постепенно растет и в настоящий момент содержится в уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Ряд норм, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного процесса предусмотрен не только в судебных стадиях, но и в стадии предварительного расследования законом предусмотрен, однако процедура применения процессуальных мер безопасности недостаточно полно и точно закреплена в законе. На практике возникают спорные вопросы, которые зачастую разрешаются не в пользу защищаемых лиц.

Наглядным примером является досрочно новая мера безопасности в виде участия в уголовном производстве граждан под псевдонимом. К сожалению, при нормативном регулировании применения данной меры безопасности допущен ряд пробелов (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

По этому поводу А.Ю. Епихин пишет, что использование псевдонима оказалось невозможным на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку согласно частей 2, 3 ст. 141 УПК РФ письменное заявление гражданина о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное - заносится в протокол, который должен содержать данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность. Естественно, не может использоваться псевдоним и в объяснениях граждан в ходе этой стадии. Но ведь нередко посткриминальное воздействие осуществляется именно с целью не допустить начала уголовного преследования (возбуждения дела) [2].

Часть 9 ст. 166 УПК РФ предусматривает возможность исключения из протокола следственного действия данных о личности защищаемого участника уголовного судопроизводства. В соответствующем постановлении о сохранении в тайне данных о личности излагаются мотивы принятия такого решения, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, который он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Далее оно помещается в конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу.

В случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве следователь также выносит постановление о хранении ряда документов (ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве, постановления прокурора об удовлетворении ходатайства и само досудебное соглашение) в опечатанном конверте (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ).

Однако такая степень защиты подобной информации вызывает определенные сомнения, особенно при ознакомлении участников процесса с материалами уголовного дела. Думается, что постановления такого рода должны

храниться отдельно от материалов уголовного дела. Более того, в соответствии с указанными правилами должен быть определен и процессуальный порядок вызова защищаемого участника процесса для производства следственных и судебных действий, который действующим процессуальным законом не урегулирован.

В качестве дополнительной гарантии защиты потерпевших и других защищаемых лиц, может выступать ограничение объема материалов уголовного дела, предъявляемых для ознакомления обвиняемому и защитнику при окончании предварительного расследования. Речь, в данном случае, идет о невручении обвиняемому и защитнику постановления следователя, в котором указаны подлинные данные о лицах, участвующих в уголовном процессе под псевдонимом. При этом, как определил Конституционный Суд РФ, содержащееся в ч. 1 ст. 217 УПК РФ положение не должно рассматриваться как противоречащее п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, где установлены права обвиняемого и защитника знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела [3].

Также возможно закрепить в УПК РФ положения, предусматривающие возможность невручения обвиняемому приложения к обвинительному заключению - списка лиц, вызываемых в суд, если в данном перечне содержится информация о лицах, участвующих в деле под псевдонимом.

При окончании расследования в форме дознания возможны соответственно ограничения на ознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом в части, содержащей сведения о месте жительства вызываемых в суд лиц.

По мнению юристов, оптимальным вариантом использования в качестве псевдонима являются не вымышленные данные (имена), как это широко используется в повседневной следственной практике, а порядковые номера, то есть свидетель № 1, № 2 или же буквы алфавита, как это принято в ряде европейских стран и самом Европейском суде по правам человека. Данное предложение, в свою очередь, позволит исключить вероятность совпадений с настоящими биографическими данными субъектов, не имеющих отношения к производству по делу.

Разрешение указанных проблем, с которыми сталкиваются соответствующие государственные органы и должностные лица позволит им более эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность по расследованию уголовных дел и обеспечивать безопасность участников уголовного судопроизводства.

1. Постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009 - 2013 годы»». Собрание законодательства РФ от 12 октября 2009 г. № 41 ст. 4778.
2. Епихин А.Ю. Институт безопасности участников уголовного процесса: сравн. анализ законодательства зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 139 - 145.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Ключевые слова: государственная защита участников уголовного судопроизводства, меры безопасности в отношении защищаемых лиц, предварительное расследование, потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый.

УДК 343.137

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Флоря Денис Федорович,

начальник кафедры ОРД ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,

кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются особенности применения различных тактических приемов при производстве обыска по делам о незаконном обороте наркотиков распространяемых через сеть «Интернет».

В современной России преступления в сфере незаконного оборота наркотиков все чаще связаны с заказом наркотических средств через сеть «Интернет».

В указанных случаях следы преступления имеют определенную специфику, в связи с чем тактика производства обыска по указанной категории дел имеет определенные особенности как при подготовке, так и при производстве данного следственного действия.

Указанная специфика связана с тем, что следы по рассматриваемым преступлениям в большей степени отображаются не в форме фиксированных следов в окружающей среде и образов в сознании людей, а на электронных носителях в виде информационных сигналов. В связи с этим в ходе проведения обыска необходимо производить действия, направленные на обнаружение и изъятие электронных носителей информации, посредством которых осуществлялся заказ наркотических средств, хранящие информацию о событии преступления.

Лишь после обнаружения носителей информации, определения их как источников сведений, относящихся к событию преступления, возможно ре-

шение остальных задач расследования: извлечения, передачи, обработки, а также процессуального оформления полученных данных в доказательства [1].

В настоящее время при расследовании рассматриваемой категории уголовных дел следователи, дознаватели и сотрудники органов дознания сталкиваются с определенными трудностями в производстве обыска, обусловленными жесткими процессуальными требованиями, предъявляемыми к указанному следственному действию.

Согласно п.4 ч.2 ст. 38 УПК РФ орган дознания по обязательному для исполнения письменному поручению следователя в случаях и порядке установленном законом проводит отдельные следственные действия и чаще всего обыск.

Проведенный нами анализ практики производства обысков по уголовным делам показывает, что в Орловской, Тульской и Курской областях в 72 % случаев указанное следственное действие проводится сотрудниками оперативных подразделений, осуществляющих сопровождение расследования.

Поэтому от знания оперативными сотрудниками особенностей проведения обыска и правильности применения их на практике, могут зависеть результаты дальнейшего расследования преступлений.

Трудно переоценить важность информации, хранящейся на различных информационных устройствах, обнаруженных и изъятых в ходе проведения обыска при расследовании уголовных дел о контрабанде наркотиков, перемещаемых в международных почтовых отправлениях.

Таким образом, следует сделать вывод, что определяющими факторами при выборе тактики обыска являются отыскиваемые предметы:

- наркотические средства;
- компьютеры, ноутбуки, планшеты, нетбуки, мобильные телефоны и иные электронные устройства;
- банковские карты;
- иные предметы или документы, запрещенные или ограниченные в обороте.

Как уже было сказано выше, особенность обыска при расследовании ряда уголовных дел о незаконном обороте наркотиков, заключается в специфике предмета обыска – электронных устройствах, посредством которых осуществляется выход в «Интернет» [2].

При получении доступа к электронным устройствам необходимо изучить следующие сведения:

- сведения о следах противоправной деятельности – таковыми могут быть электронные письма с информацией о факте заказа наркотического средства, его виде, количестве, способе маскировки, о факте оплаты заказа;
- сообщения лиц, осведомленных об обстоятельствах подготовки и совершения преступления;
- ссылки на сетевые адреса размещения объявлений о продаже наркотических средств.

Полагаем, что при подготовке к обыску следователю (сотрудникам оперативных подразделений) также следует позаботиться об участии в обы-

ске лиц, обладающих специальными знаниями в области особенностей обнаружения, изучения, фиксации и изъятия типичных для этой категории преступлений следов [3].

Вопрос участия специалиста при производстве изъятия электронных носителей информации является дискуссионным, в связи с чем в настоящее время просматриваются ряд возможных проблем при решении данного вопроса.

К одной из основных проблем можно отнести расширенное толкование понятия «электронных носителей информации», к которым можно отнести не только различные виды накопителей информации, ноутбуки, планшеты, электронные книги, но и средства мобильной связи [4].

При данных обстоятельствах могут возникать проблемы в практической деятельности, когда при изъятии мобильного телефона необходимо участие соответствующего специалиста.

В то же время изъятие мобильного телефона в ходе обыска без участия специалиста сотрудники прокуратуры, осуществляющие процессуальный контроль за деятельностью органов предварительного расследования, часто расценивают как нарушение норм уголовно-процессуального законодательства и оспаривают законность производства следственного действия.

В соответствии со ст.ст.182 УПК РФ изъятие электронных носителей в ходе обыска производится с обязательным участием специалиста. Его участие необходимо для удовлетворения возможного требования законного владельца или обладателя изымаемых электронных носителей по производству копирования информации на представленные им носители, если это не препятствует расследованию преступления. Однако по заявлению специалиста в копировании информации может быть отказано, если это может повлечь ее утрату или изменение.

С одной стороны, законодатель справедливо принял во внимание то обстоятельство, что изъятие электронного носителя информации в ходе обыска может представлять собой задачу, требующую достаточных знаний в области информатики [5]. Участие специалиста в данном случае служит обеспечению права законного владельца или обладателя на получение копии сведений, содержащихся на изымаемом носителе.

С учетом изложенного возникает вопрос о законности изъятия электронных носителей информации без участия специалиста, будут ли в последующем данные электронные носители информации признаны недопустимыми доказательствами [6].

Мы считаем, что суды обоснованно определяют, что формальное нарушение процедуры, не связанное с нарушением прав и законных интересов участников уголовного процесса, не дает оснований для признания производства следственного действия незаконным. Соответственно, отсутствие специалиста, по нашему мнению, не влечет признания изъятых электронных носителей недопустимыми доказательствами.

По нашему мнению, при проведении обыска, в ходе которого происходит обнаружение и изъятие электронных носителей информации, а действия

следователя (сотрудников оперативных подразделений) ограничиваются простым описанием их внешних признаков, привлечение специалиста не обязательно.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает вывод о том, что обыск является одним из основных следственных действий при расследовании уголовных дел о контрабанде наркотических средств, перемещаемых в международных почтовых отправлениях. Учитывая специфику заказа наркотических средств, как правило, связанную с непосредственным использованием сети «Интернет», представляется возможным выделить специфические объекты исследования – электронные носители информации, а также объект поиска – информацию, хранящуюся в памяти компьютера или на внешних носителях, и, как следствие, тактические и процессуальные особенности проведения обыска по данной категории дел.

-
1. Панферов Р.Г. Особенности предоставления и использования результатов ОРД при расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Межвузовская научно-практическая конференция. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. С. 111.
 2. Бачиев А.В., Кузбахарова Е.В. Глобальная сеть «Интернет» как средство реализации наркотических средств и психотропных веществ // Вестник криминалистики. 2014. № 3. С. 68-73.
 3. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь, № 2, 2014. С. 3-4.
 4. Шаевич А. А., Родивилин И. П. Об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. - Вып. 3-4. - Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. С.153-157.
 5. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 5.
 6. Клевцов В.В. Проблемные аспекты изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков с использованием сети интернет. Российский следователь. 2015. № 6. С. 11-16.

Ключевые слова: обыск, тактика приемы обыска, особенности участия специалиста при производстве обыска, изъятия электронных носителей информации.

РОЛЬ И МЕСТО УБОП МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Хайдарзода Зафар Пирмахмад,

*преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности,
факультет № 2, Академия МВД Республики Таджикистан,
734024, г. Душанбе, ул. Восточная, 123*

В статье рассматриваются вопросы развития организационно-правовых основ деятельности УБОП МВД РТ в сфере борьбы с организованной преступностью вообще, и с торговлей людьми в частности. Автор, раскрывая современный этап развития организационно-структурных подразделений УБОП МВД Республики Таджикистан, приходит к выводу о том, что противодействие торговле людьми требует комплексной и системной организации деятельности всех государственных органов, негосударственных учреждений и организаций. В заключении исследователь предлагает ряд предложений и рекомендаций по совершенствованию деятельности УБОП МВД республики в борьбе с торговлей людьми.

Торговля людьми является одним из наиболее опасных деяний современности, которая на протяжении долгого периода времени обрела транснациональный характер и превратилась в глобальную проблему мирового сообщества. В связи с чем, предупреждение и пресечение ее организованных форм является одной из основных направлений деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан (далее - РТ).

Принимая во внимание положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и дополняющих ее Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 года и Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15 ноября 2000 года, в Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее – УК РТ) была имплементирована статья 130¹(Торговля людьми).

В связи с тем, что этот вид преступления связан с пересечением границ двух или более государств, и лица, занимающиеся преступной деятельностью в данной сфере, являются как гражданами стран происхождения, так и транзита, и назначения [4, с.76], он получил организованный характер и стал называться транснациональным.

В Таджикистане одним из главных субъектов, осуществляющих борьбу с торговлей людьми, является Управление по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел Республики Таджикистан (далее - УБОП МВД). Это обусловлено тем, что на протяжении последних десятилетий указанной структуре, в соответствии с возложенными на нее функциями, отводится основная роль в борьбе с организованной преступностью.

Прежде чем проанализировать современный этап деятельности УБОП МВД РТ в борьбе с организованной преступностью, есть необходимость рассмотреть историю формирования и развития его организационно-правовых структур.

В конце 80-х годов XX века криминогенная ситуация в СССР стала обостряться. В связи с тем, что в Советском Союзе преступность стала приобретать организованный характер, 17 июня 1985 года были изданы приказы Министра внутренних дел СССР «Об усилении борьбы с организованными группами» и «Об усилении борьбы с деятельностью лидеров уголовно-преступной среды».

В системе МВД СССР назрела необходимость создания подразделений, специализирующихся на борьбе с организованной преступностью.

В частности, в 1986 году был создан 6-й отдел МВД СССР, а затем, на его базе 6-е Управление МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, в котором первоначально было всего 32 сотрудника. Данное управление через некоторое время было переименовано в Управление по борьбе с организованной преступностью. Постепенно увеличивался численный состав, материально-техническое и кадровое обеспечение, сотрудники приобретали необходимые навыки и практический опыт в борьбе с организованной преступностью.

В 80-е годы прошлого столетия сотрудники органов внутренних дел столкнулись с проблемой привлечения к уголовной ответственности членов организованных преступных групп. Это было обусловлено тем, что действовавшее уголовное законодательство СССР и кодексы союзных республик не предусматривали соучастия в форме организованной группы, а также уголовную ответственность за такие преступления, как вымогательство, совершенное в форме организованной группы, похищение людей и т.д.[7].

Совершаемые преступниками деяния формально подходили только под диспозицию одной статьи - «бандитизм», но дать согласие на возбуждение уголовного дела с такой формулировкой никто не решался[5].

В Таджикской ССР приказом МВД СССР от 10 июня 1989 года за №049 был создан 6-ой отдел, в штате которого находилось всего 14 сотрудников. На базе этого отдела приказом МВД СССР от 26 марта 1990 года за №06 было создано 6-ое управление, состоящее из 29 штатных единиц.

Указ Президента СССР от 4 февраля 1991 года за №V11-1423 признал необходимым создание Главного управления МВД СССР по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом с его подразделениями на местах. Во исполнение данного Указа был издан приказ МВД СССР от 28 марта 1991 года за №026 «О создании межрегиональных (региональных) управлений по борьбе с организованной преступностью МВД СССР».

Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1990 года №496 и приказом МВД СССР от 28 июля 1990 года №047 в союзных республиках были созданы межрегиональные управления МВД СССР по борьбе с органи-

зованной преступностью, которые впоследствии переименованы в РУОП (РУБОП).

После распада СССР в Таджикистане сложилась сложная общественно-политическая и криминогенная ситуация, сопряженная гражданской войной (1992-1997гг.), способствовавшей росту криминальных структур и увеличению преступности, созданием бывшими членами ОТО (Объединенной таджикской оппозицией) вооруженных бандформирований, деятельностью на территории республики незаконных вооруженных формирований.

Руководство страны в целях обеспечения общественного порядка и безопасности граждан, повышения эффективности противодействия организованной преступности принимало меры по совершенствованию организационно-правовых структур правоохранительных органов, в том числе структурных подразделений УБОП МВД РТ.

4 августа 1992 года приказом Министра внутренних дел РТ за №374 было создано Управление по разоружению вооруженных формирований и борьбы с наиболее опасными преступлениями и приказом №541 от 21 декабря 1992 года Управление по борьбе с экономической и организованной преступностью.

Приказом Министра внутренних дел РТ от 10 июня 1993 года за №300 Управление по борьбе с организованной преступностью было выделено в самостоятельное структурное подразделение министерства.

30 декабря 1994 года приказом Министра внутренних дел РТ за №570 в составе УБОП создан Специальный отряд быстрого реагирования (СОБР), основной задачей которого является задержание членов незаконных вооруженных формирований, убийц, активное участие в оперативно-боевых операциях, разоружение незаконных банд-формирований, освобождение заложников.

Региональные подразделения по борьбе с организованной преступностью в Горно-Бадахшанской Автономной области, в Хатлонской и Согдийской областях, а также в городе Душанбе, в Гиссарской, Вахдатской и Раштской группе районов имелись уже с 1992 года.

Необходимо отметить, что в 2000-е годы в связи с развитием новых форм организованной преступности структура УБОП МВД РТ претерпела значительные изменения. Так, приказом Министра внутренних дел РТ от 30 сентября 2002 года за №548 был создан Отдел по борьбе с похищениями людей и рэкетом.

Впоследствии, на базе Отдела по борьбе с похищениями людей и рэкетом в структуре УБОП МВД РТ приказом Министра внутренних дел РТ от 27 апреля 2004 года за №232 был создан Отдел по борьбе с рэкетом, похищением и торговлей людьми. Указанный отдел приказом Министра внутренних дел РТ от 1 апреля 2009 года за №218 был переименован в Отдел по борьбе с торговлей людьми.

В 2009 г. региональные подразделения УБОП МВД РТ были подчинены областным управлениям органов внутренних дел, таким как РОБОП по Горно-Бадахшанской автономной области, Хатлонской и Согдийской облас-

тей, кроме Отдела по борьбе с организованной преступностью по городу Душанбе, Гиссарской и Вахдатской группы районов. После чего его относительная самостоятельность в принятии решений в борьбе с организованной преступностью, как структуры центрального аппарата МВД РТ, претерпела качественные изменения, снижающие эффективность их деятельности.

В связи с этим, после небольшого периода своей деятельности, при непосредственном подчинении областных управлений органов внутренних дел, региональные отделы по борьбе с организованной преступностью приобрели статус прямого подчинения центральному аппарату МВД республики.

Необходимо отметить, что начиная с 2002 года региональные подразделения УБОП МВД РТ по борьбе с торговлей людьми стали функционировать в Хатлонской и Согдийской областях, городе Душанбе, Гиссарской и Вахдатской группе районов, только при необходимости периодически изменялись названия указанных отделений и групп.

Объективная необходимость создания региональных подразделений по борьбе с торговлей людьми заключается в том, что постепенно данное направление деятельности приобретает широкий спектр распространения.

Из общего количества зарегистрированных преступлений с 2010 по 2014 годы 10 фактов зарегистрировано в г. Душанбе, 3 факта в Хатлонской области, 30 фактов в Согдийской области и 2 факта в районах республиканского подчинения.

Таблица №1

Доля зарегистрированных преступлений, связанных с торговлей

по субъектам административного деления	
2. г. Душанбе 22,22% (10 фактов)	Хатлонская обл. 6,66% (3 факта)
1. Согдийская обл. 66,66% (30 фактов)	РРП 4,44% (2 факта)

На наш взгляд, указанная уголовная статистика является условной и количество преступлений, связанных с торговлей людьми намного выше. Это связано, прежде всего с тем, что по статистическим данным ООН в настоящее время в мире 27 миллионов человек находятся в рабстве, из них 600 тыс. человек - граждане бывшего СССР [6, С. 55].

К сожалению, в силу недостаточного практического опыта правоохранительных органов РТ по выявлению и предупреждению торговли людьми, до 2010 года не было выявлено ни одного преступления данной категории.

Ярким примером является то, что в 2009 году сотрудниками Отдела по борьбе с торговлей людьми (далее ОБТЛ) УБОП МВД РТ был выявлен один факт трудовой эксплуатации мужчины в Турции по статье 130¹(Торговля людьми) УК РТ, который впоследствии за недостаточностью опыта органов предварительного расследования и суда был переквалифицирован по статье 247 УКРТ (Мошенничество).

Такое положение дел настораживало руководство страны, в связи с чем, на встрече Президента страны с работниками органов внутренних дел, посвященной 85-летию таджикской милиции 6 февраля 2010 года было отмечено, что «Министерству внутренних дел РТ и другим правоохранительным органам предстоит усилить региональное и международное сотрудничество в противодействии транснациональной преступности, в частности с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и торговле людьми»[9] и акцентировано внимание правоохранительных органов на усиление борьбы с торговлей людьми.

Руководство МВД РТ первым откликнулось на установки Президента страны и в 2010 году оперативные работники УБОП МВД РТ выявили 6 фактов торговли людьми в отношении наших граждан за рубежом. Постепенно данное управление приобретало новые навыки по выявлению и предупреждению торговли людьми, и с 2010 по 2014 гг. работа в этом направлении сдвинулась «с мертвой точки». За этот период в республике было зарегистрировано и раскрыто 45 преступлений по статье 130¹(Торговля людьми) УК РТ. В том числе в 2010 году – 6 (13%), в 2011 году – 5 (11%), в 2012 году – 3 (7%), в 2013 году – 6(13%) и 2014 году – 25 (56%) преступлений.

Как было отмечено выше, с 2004 года в УБОП МВД РТ функционирует ОБТЛ, который постепенно приобретает практический опыт борьбы с торговлей людьми. Функциональными обязанностями ОБТЛ являются руководство, организация и координация деятельности органов внутренних дел РТ по предупреждению, профилактике, выявлению и раскрытию преступлений, связанных с торговлей людьми.

Из общего количества зарегистрированных 45 преступлений 11 фактов выявлены сотрудниками ОБТЛ, 24 фактов РОБОП по Согдийской области, 4 факта РОБОП по Хатлонской области, 2 факта СОБОПТ (на транспорте) и 4 факта другими подразделениями МВД РТ.

Таблица №2.

Следует подчеркнуть, что более 91,11% преступлений данной категории выявлено сотрудниками УБОП МВД РТ, подтверждающие нашу позицию о том, что данное управление с момента своего формирования до сих пор играет ведущую роль в борьбе с новыми формами организованной преступности, и в частности с торговлей людьми.

Несмотря на это, на наш взгляд, противодействие торговле людьми требует комплексного подхода, как наступательных, так и превентивных мер.

В настоящее время УБОП МВД РТ акцентирует свою деятельность на наступательные меры, в основном, осуществлением оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с широкой распространенностью преступлений, связанных с торговлей людьми, охраны жизни и здоровья граждан и обеспечением их прав и свобод перед УБОП МВД РТ ставятся новые задачи, которые требуют своевременного, поэтапного и комплексного решения.

На наш взгляд, в целях комплексного и системного воздействия на преступность, в частности на торговлю людьми, прежде всего, необходимо выявлять причины и условия совершения этих преступлений. Определить задачи и функции заинтересованных министерств и ведомств, их управлений и отделов в противодействии торговле людьми, соответственно, эффективно организовать деятельность всех государственных органов в этом направлении.

Такой подход вытекает и из содержания статьи 2 Закона РТ «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» [3], в котором задачи борьбы с данным явлением определены следующим образом:

- формирование комплекса эффективных организационно-правовых и процессуальных гарантий защиты личности, общества и государства от всех форм торговли людьми и связанных с ней преступлений;
- правовая регламентация основ комплексной общегосударственной системы противодействия торговле людьми, включающей меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение преступлений в сфере торговли людьми, нейтрализацию их негативных последствий, выявление и привлечение к юридической ответственности лиц, виновных в торговле людьми, а также выявление и идентификацию жертв торговли людьми, оказание им помощи и обеспечение безопасности жертв торговли людьми;
- создание организационно-правовых основ обеспечения эффективной деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия торговле людьми и иных субъектов системы противодействия торговле людьми;
- объединение усилий центральных и местных органов государственной власти, органов самоуправления поселков и сел, государственных, а также негосударственных, международных организаций, общественных объединений, других институтов гражданского общества, средств массовой информации и граждан в сфере противодействия торговле людьми и оказания помощи жертвам торговли людьми и т.д.

В целях комплексной организации противодействия торговле людьми, часть 1 ст. 5 указанного закона определяет, что система противодействия торговле людьми и оказания помощи жертвам торговли людьми охватывает деятельность государственных органов, органов самоуправления поселков и сел, государственных, а также негосударственных, международных организаций, общественных объединений, других институтов гражданского общества,

средств массовой информации и граждан по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений в сфере торговли людьми, нейтрализации их социальных последствий по оказанию помощи жертвам торговли людьми.

Главенствующую роль в организации противодействия торговле людьми занимает Правительство РТ, которое осуществляет разработку, планирование, финансирование и осуществление комплексных мер по реализации государственной политики в сфере противодействия торговле людьми, принимает нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и порядок осуществления деятельности по противодействию торговле людьми, утверждает Положение Межведомственной комиссии по противодействию торговле людьми (далее - Межведомственная комиссия), утверждает национальный план противодействия торговле людьми и обеспечивает его реализацию, осуществляет меры по организационно-правовому, финансовому и материально-техническому обеспечению деятельности субъектов государственной системы противодействия торговле людьми в сфере оказания помощи жертвам торговли людьми и ряд других важных задач в данной сфере (ст.6).

К государственным субъектам, непосредственно осуществляющим противодействие торговле людьми, относятся: Генеральный прокурор РТ и подчиненные ему прокуроры, Министерство внутренних дел РТ, Государственный комитет национальной безопасности РТ, Агентство по контролю за оборотом наркотиков при Президенте РТ, Таможенная служба при Правительстве РТ (ст.7).

Указанные государственные субъекты, непосредственно осуществляющие противодействие торговле людьми, в пределах своих полномочий участвуют в разработке и реализации государственной политики в сфере противодействия торговле людьми, разработке и принятии нормативных правовых актов в данной сфере, разработке и реализации целевых государственных программ в сфере противодействия торговле людьми, выявления, предупреждения, расследования, пресечения и предотвращения торговли людьми.

К другим государственным субъектам, осуществляющим противодействие торговле людьми, также относятся Министерство юстиции РТ, Министерство образования и науки РТ, Министерство здравоохранения и социальной защиты населения РТ, Министерство иностранных дел РТ, Министерство труда, миграции и занятости населения РТ, Министерство экономического развития и торговли РТ, Комитет по делам женщин и семьи при Правительстве РТ, Комитет молодежи, спорта и туризма при Правительстве РТ, Комитет по делам религии, упорядочении национальных торжеств и обрядов при Правительстве РТ, местные органы государственной власти и органы самоуправления поселков и сел, государственные организации (ст.8).

Указанные субъекты призваны предпринимать все меры, направленные на устранение причин и условий, способствующих торговле людьми и преступлений, связанных с ней, защиту и оказание социальной, правовой, медицинской и психологической помощи, принимать экономические, социальные, правовые, информационные, образовательные, коррекционные, реабилитационные и иные меры, направленные на социальную адаптацию и реабилита-

цию жертв торговли людьми, а также предупреждение их виктимизации и в пределах своей компетенции содействия государственным субъектам, непосредственно осуществляющим противодействие торговле людьми.

В целях обеспечения эффективной деятельности субъектов системы противодействия торговле людьми и организации их взаимодействия, Правительством РТ создана Межведомственная комиссия, также территориальные комиссии на уровне местных исполнительных органов государственной власти.

Межведомственная комиссия осуществляет на постоянной основе, непосредственно или через территориальные комиссии, координацию деятельности всех субъектов системы противодействия торговле людьми в порядке, предусмотренном законодательством РТ.

В целях эффективного осуществления оперативно-розыскной деятельности и уголовного преследования в сфере противодействия торговле людьми Межведомственная комиссия осуществляет постоянное взаимодействие с органами национальной безопасности, таможенной службы, миграционной службы, органами внутренних дел, прокуратуры, судами, другими государственными органами, а также со средствами массовой информации, общественными объединениями, международными и иными неправительственными организациями.

Результаты деятельности субъектов системы противодействия торговле людьми и ее координации на территории РТ, его административно-территориальных единиц и в сопредельных странах отражаются в ежегодных сводных отчетах, которые представляются Межведомственной комиссией в Правительство РТ, территориальными комиссиями - в Межведомственную комиссию, а также в соответствующие местные исполнительные органы государственной власти.

Таким образом, Межведомственная комиссия, как постоянно действующий орган, осуществляет контроль, за деятельностью всех субъектов, осуществляющих противодействие проявлениям торговли людьми.

На наш взгляд, такой подход является правильным и своевременным, прежде всего потому, что комплексное предупреждение торговли людьми требует использования экономических, социальных, правовых, информационных, образовательных, реабилитационных и иных мер, которые выходят за пределы компетенции правоохранительных органов. А Межведомственная комиссия в силу своего статуса и назначения может и уполномочена осуществлять общий контроль за деятельности всех субъектов, призванных противодействовать торговле людьми. Отдельные министерства и ведомства, в силу ограниченности материально-технических, финансовых, кадровых и функциональных возможностей, не могут выполнять общего руководства по всем направлениям борьбы с торговлей людьми.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, следует сделать ряд выводов:

1. Торговля людьми – это любые деяния, направленные на эксплуатацию других лиц, с целью извлечения незаконной выгоды путем обмана, принуждения, шантажа и иными способами.

2. УБОП МВД РТ на протяжении всего периода своей деятельности выполняет самые сложные задачи в сфере борьбы с организованными формами преступности.

3. Структура УБОП МВД РТ в связи с возникновением и формированием новых форм преступности и территории их распространения, периодически требует качественных и количественных изменений.

4. УБОП, как структурное подразделение МВД РТ, в сфере борьбы с организованной преступностью и торговлей людьми занимает лидирующее место среди других подразделений правоохранительных органов республики.

5. В настоящее время УБОП, как структурное подразделение МВД РТ, составляет один из элементов государственной системы противодействия организованной преступности и торговле людьми.

6. Количество и масштаб распространения преступлений, связанных с торговлей людьми требует комплексного и системного воздействия со стороны всех государственных органов, негосударственных организаций и учреждений.

1. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменение и дополнение в УК РТ» за № 33 от 1 августа 2003 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003, №8, ст. 456;

2. Закон РТ «О борьбе с торговлей людьми» от 15 июля 2004 г. за №47// Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004, №7, ст. 454;

3. Закон Республики Таджикистан «О противодействии торговли людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» от 26 июля 2014г. за №1096. Национальный центр законодательства при Президенте РТ. [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/259/> (Дата обращения: 22.03.2015г.);

4. Маджидзода Дж.З. (Зоиров Дж.М.), Назаров Н. Организованная и транснациональная преступность. - Душанбе. 2014. – 268 с. (на тадж.);

5. Википедия [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/РУБОП> (Дата обращения: 01.05.2015г.);

6. Старков О.В. Модель причин и условий транснациональной преступности // Новые криминальные реалии и реагирование на них / Под ред.: Долгова А.И.; Редкол.: Астаин В.В., Евланова О.А., Михеев И.Р., Торопыгин О.Ю. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. – 300 с;

7. Уголовный кодекс Таджикской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР: Исправительно-трудовой кодекс Таджикской ССР (1961 г.). – Душанбе: Ирфон, 1984 – 469 с.;

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. Национальный центр законодательства при Президенте РТ. [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/259/> (Дата обращения: 05.08.2015г.);

9. Эмомали Рахмон / Выступление главы государства на встрече с работниками органов внутренних дел, посвященной 85-летию таджикской милиции 6 февраля 2010 года, г. Душанбе (на тадж.) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.president.tj/node/2235> (Дата обращения: 10.04.2015 г.).

Ключевые слова: организованная преступность, торговля людьми, развитие организационных структур УБОП, деятельность ОВД, организация противодействия торговле людьми.

УДК 343.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Химичева Ольга Викторовна,

*начальник кафедры уголовного процесса,
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12,
доктор юридических наук, профессор;*

Сумин Александр Александрович,

*профессор кафедры уголовного процесса,
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12,
доктор юридических наук*

В статье рассмотрены некоторые актуальные проблемы теории и практики взаимодействия следователя с оперативными подразделениями.

Основное количество уголовных дел о преступлениях, совершённых в условиях неочевидности, возбуждается по результатам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и в дальнейшем требует активного оперативного сопровождения предварительного следствия. В связи с этим правовые и организационные вопросы взаимодействия следователя с органами, осуществляющими ОРД, постоянно находятся в сфере профессионального интереса как сотрудников практических органов, так и научного сообщества.

Указанное взаимодействие может классифицироваться на процессуальное и непроцессуальное. Первый вид основан на установленном ч. 1 ст. 144 и п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК России процессуальном полномочии следователя давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) соответственно в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Непроцессуальное взаимодействие осуществляется в формах: планирования, выдвижения следственных версий, консультаций по вопросам использования результатов ОРД при производстве следственных и иных процессуальных действий и др. Существует также специфическая форма взаимодействия –

следственно-оперативная группа, в рамках которой сочетаются процессуальное и непроцессуальное взаимодействие.

Следует отметить, что правовые проблемы взаимодействия «следователь – оперативное подразделение» начинается уже на этапе документирования сотрудниками указанных подразделений преступной деятельности. Речь идёт об определении степени готовности результатов ОРД для представления их следователю в порядке ст. Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (Далее – Закон об ОРД). Как известно, критерии готовности перечислены в п. 18 межведомственной Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [2]. Несмотря на то, что эти критерии едины как для оперативного подразделения, представляющего результаты ОРД, так и для следователя, в силу целого ряда объективных причин, прежде всего, различия критериев оценки результатов служебной деятельности, уголовно-процессуальная оценка степени готовности представляемых материалов следователем, несущем всю полноту за законность и обоснованность принимаемого процессуального решения, может не совпадать с оценкой сотрудников оперативного подразделения, с точки зрения которых, например, самого факта «захвата» взяточполучателя или посредника «с поличным» вполне достаточно для возбуждения уголовного дела.

Возникает вопрос: возможно ли преодолеть такие различия в правовой оценке результатов ОРД?

Ведомственные нормативные акты не только допускают, но и прямо представляют оперативному подразделению право обращения к руководителю следственного органа за помощью в правовой оценке имеющейся оперативной информации, а также за иными необходимыми рекомендациями. Однако при всей логической обоснованности такого подхода он неоднократно подвергался критике со стороны ряда учёных[3], по мнению которых установленная практика не предусмотрена Законом об ОРД, а статьи 38, 39 и иные нормы УПК России не предоставляют следователю и руководителю следственного органа право и не возлагают на него обязанность подобного консультирования сотрудников оперативных подразделений. По нашему мнению, названные и другие поддерживающие их точку зрения учёные несколько заблуждаются в оценке соответствующих подзаконных нормативных актов, поскольку в данном случае речь идёт об организационных аспектах взаимодействия следственных и оперативных подразделений, что как раз и входит в область ведомственного регулирования.

С различными критериями оценки связана и другая проблема, столь же хорошо известная учёным и практическим работникам, - установление наличия или отсутствия признаков провокации преступления (например, получения или дачи взятки) при производстве ОРМ. Несмотря на давно опубликованную практику Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствующую о категорическом неприятии судами провокационных проявлений в какой бы то ни было степени, некоторые учёные отстаивают

позицию о допустимости в некоторых ситуациях элементов провокации со стороны правоохранительных органов. Так, Д.С. Кучерук пишет: «Использование элементов провокации оправдано в отношении постоянного нарушителя уголовного закона, для которого преступная деятельность стала привычным делом, промыслом, основным источником доходов, или там, где полиция имеет достаточную, достоверную информацию о том, что будет совершено конкретное преступление» [4]. Представляется, те обстоятельства, на которые указывает Д.С. Кучерук, могут рассматриваться как элементы обоснования проведения ОРМ, но никак не для провокации преступления.

Для следователя критериями оценки отсутствия или наличия признаков провокации могут служить положения, изложенные в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утверждённом Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. [4] Помимо этого требуется тщательная проверка представленных результатов ОРД на предмет соблюдения требований Закона об ОРД при производстве соответствующих ОРМ, в особенности ограничивающих конституционные права личности.

Эффективному взаимодействию следователя и оперативных подразделений мешают и совершенно различные критерии оценки результатов служебной деятельности. Так, с момента предъявления обвинения лицу преступление в оперативно-розыскном понимании считается раскрытым и поэтому зачастую руководители оперативных подразделений считают миссию подчинённых выполненной и в дальнейшем инициативная работа фактически прекращается, а письменные поручения следователя выполняются формально, а иногда и вообще не исполняются, и на поручение следователя ему даётся ответ, что принятые меры оказались безрезультатными. В таких случаях остаётся лишь либо «прояснять ситуацию» при личном контакте следователя и оперативного сотрудника (руководителя следственного органа и начальника органа дознания), либо апеллировать к соответствующему прокурору, поскольку последний имеет полномочие по проверке дел оперативного учёта, в частности, при поступлении информации о ненадлежащем исполнении поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания по уголовным делам [5].

В связи с изложенным представляется необходимым вспомнить имевшую в недавнем прошлом дискуссию учёных и практических сотрудников по вопросу о допустимости и пределах ознакомления следователя с оперативно-розыскной информацией, что, в принципе, можно рассматривать как форму взаимодействия между следователем и оперативным подразделением.

Опрос следователей органов внутренних дел показал, что их значительная часть (72% от числа опрошенных) считают необходимым законодательное закрепление такой возможности, естественно, с соблюдением режима секретности. Аналогичный опрос оперативных сотрудников выявил зеркально противоположную ситуацию – большинство из них считают, с одной стороны, такое ознакомление нежелательным из опасения утечки конфиденци-

альной информации как по конкретному делу оперативного учёта (далее – ДОУ), так и сведений об организации, тактике и методике ОРД в целом. С другой стороны, руководители оперативных подразделений считают, что они достаточно профессиональны для того, чтобы самостоятельно определить, какие данные могут иметь значение для расследования уголовного дела и поэтому могут быть представлены следователю.

Безусловно, конспирация ОРД должна быть обеспечена. Вместе с тем в ДОУ зачастую находится информация, оказывающая существенное влияние на формирование обоснованных следственных версий, очерчивающая круг потенциальных свидетелей, дающая основание предполагать наличие соучастников обвиняемого, позволяющая сделать определённые выводы о способе совершения преступления и его маскировки и наиболее вероятных способах противодействия предварительному следствию и т.д. Указанная информация в силу объективных и субъективных причин не становится достоянием следователя, что негативно сказывается на ходе предварительного следствия. В связи с этим полагаем, что такая форма взаимодействия, как ознакомление с материалами ДОУ, ведущегося при оперативном сопровождении предварительного расследования, должна быть доступна следователю с соблюдением требований защиты государственной и служебной тайны и, конечно же, исключать возможность доступа к сведениям о лицах, оказывающих на конфиденциальной основе содействие оперативным подразделениям, а также о внедрённых в организованные преступные группы или в преступные сообщества штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД. Ссылки на необходимость соблюдения режима секретности и требований конспирации нельзя признать достаточно состоятельными и потому, что если эти требования обеспечены в отношении прокурора, осуществляющего надзор, то непонятно, почему презюмируется невозможность этого в отношении следователя. Представляется, что рассматриваемая форма взаимодействия должна найти соответствующее законодательное закрепление.

Наконец, не следует пренебрегать такой формой взаимодействия, как обсуждение следователем и оперативным сотрудником тактики следственного или иного процессуального действия, предпринимаемого на основе результатов ОРД. Такие обсуждения позволят: 1) предотвратить или в необходимой степени минимизировать риск установления заинтересованными лицами источника оперативной информации или утечки сведений об организации и тактике ОРД; 2) использовать результаты ОРД с максимальной эффективностью; 3) заранее определить возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу.

По убеждению авторов статьи, тема взаимодействия следователя и оперативного подразделения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, далеко не исчерпываемая рассмотренными аспектами, является самостоятельным предметом комплексного научного исследования учёными-процессуалистами и учёными, специализирующимися в теории ОРД.

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. - № 33. Ст. 3349.
2. Утверждена приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. // Российская газета, 13 декабря 2013 г. № 281.
3. Овсянников И.В., Гирько С.И. Приведение положений ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы разрешения органами внутренних дел сообщений о преступлениях, в соответствии с требованиями УПК // Российский следователь, 2006, № 1. С. 11.
4. Кучерук Д.С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: автореф. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2011. С. 14.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2012. № 12.
6. Пункт 5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (в ред. приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 9 июля 2015 г. № 364) // Законность, 2011. № 5.

Ключевые слова: следователь, оперативное подразделение, взаимодействие, ОРД, УПК РФ.

УДК 343.1

РАССМОТРЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ, НЕ СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОИСШЕСТВИЯХ

Цоколова Ольга Игоревна,

*заместитель начальника института по научной работе,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
123995 г. Москва, ул. Поварская, 25, стр.1
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации*

В статье рассмотрены проблемы, связанные с поступлением в органы внутренних дел, регистрацией и проверкой многочисленных обращений граждан, не содержащих информации о преступлениях и происшествиях, угрожающих общественной безопасности. Обоснована неправомерность рассмотрения подобных заявлений в уголовно-процессуальном порядке.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России постоянно при выполнении служебных задач проводит мониторинг практики деятельности подразделений центрального аппарата и территориальных органов внутренних дел по различным направлениям, одной из наиболее актуальных тем постоянно является работа с заявлениями и сообщениями, посту-

пающими в территориальный орган и в иные подразделения органов внутренних дел. Ранее автор уже неоднократно обращался во время различных представительских мероприятий к данным проблемам [1], однако оперативно-служебная деятельность постоянно ставит новые вопросы, связанные с реагированием на заявления и сообщения о преступлениях. Тезисно остановимся на некоторых из них.

1. Все более сложной становится ситуация, связанная с ростом количества отказов в возбуждении уголовного дела. Количество отказов многократно превышает количество возбужденных уголовных дел: если в 1992 году (по статистике ГИАЦ МВД России) количество отказов составляло менее половины по сравнению с возбужденными уголовными делами (1,3 к 2,8 млн), то 20 лет спустя количество отказных уже в 3,3 раза превысило количество возбужденных уголовных дел, и соотношение продолжает увеличиваться: за 2015 год превышение составляет уже 3,6 раз (1,9 к 6,8 млн) [2].

2. Органы внутренних дел ежегодно принимают и регистрируют около 30 млн. сообщений о событиях различного характера (2015 г. – 30,7 млн., 2014 г. – 29,3 млн.), но только часть из них относятся к сообщениям о преступлениях. Часть сообщений (заявлений) содержит информацию об административных правонарушениях, некоторые – о происшествиях, угрожающих личной или общественной безопасности, в том числе о несчастных случаях, дорожно-транспортных происшествиях, авариях, катастрофах, чрезвычайных происшествиях, массовых отравлениях людей, стихийных бедствиях, в отношении которых требуется проведение проверочных действий с целью обнаружения возможных признаков преступления или административного правонарушения [3].

3. Значительная часть обращений не содержит информации о преступлениях, административных правонарушениях или вышеуказанных происшествиях. Сообщение о происшествии, не относящемся к компетенции органов внутренних дел, передается в государственный орган, орган местного самоуправления, организацию или должностному лицу, к компетенции которых относится решение соответствующих вопросов. Если происшествие относилось к компетенции органа внутренних дел, но признаки преступления или административного правонарушения не обнаружены, сотрудник по результатам его рассмотрения составляет рапорт на имя руководителя, который в течение суток принимает решение о приобщении материалов к номенклатурному делу. Ежегодно около 7 млн. сообщений приобщаются к материалам номенклатурного дела (2015 г. – 7,6 млн., 2014 г. – 7,6 млн.).

4. Ошибочной и создающей излишнюю и бесполезную нагрузку для органов дознания следует признать практику рассмотрения в порядке гл. 19 – 20 УПК РФ заявлений (сообщений), не содержащих какой-либо информации о признаках преступления, с производством комплекса проверочных мероприятий и вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Ежегодно органами внутренних дел выносятся около 6 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (2015 г. – 6,9 млн., 2014 г. – 6,8 млн.). Значительная часть материалов при этом не содержит даже предпо-

ложительно информации о преступлении. К обязанностям органа дознания и дознавателя относится проверка сообщений о преступлениях с принятием соответствующего процессуального решения, все прочие сообщения не должны рассматриваться в порядке, предусмотренном статьями 144 – 145 УПК РФ.

5. Это же относится и к сообщениям о смерти гражданина, не носящей криминального характера. В соответствии с приказом МВД России № 93 от 26 февраля 2016 г. «Об организации приема, регистрации и рассмотрения заявлений и иных сообщений о трупах», вопрос о приобщении сообщения о трупе к материалам номенклатурного дела рассматривается при наличии медицинского заключения, подтверждающего причины смерти, не связанные с насильственными или иными противоправными деяниями и отсутствии оснований для производства процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении, предусмотренных частью 1 статьи 144 УПК РФ и принятия процессуальных решений, предусмотренных частью 1 статьи 145 УПК РФ (пункт 1.6).

6. Обращает внимание также практика рассмотрения инцидентов, связанных с повреждением автотранспорта, не связанным с ДТП и преступлениями. Как правило, страховые компании (страховщики) требуют от пострадавшего гражданина – страхователя предоставления документа от органа внутренних дел о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении. В результате после обращения пострадавшего гражданина с заявлением в орган внутренних дел проводится проверка в рамках УПК РФ и выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, несмотря на то, что, в большинстве случаев, очевидно отсутствие даже каких-либо предположений о совершении преступления, например: на автомашину упало дерево; на стоянке во дворе дома машина была случайно задета другим транспортом; дети попали мячом во время игры; машина была повреждена градом или подтоплена в результате сильного дождя и др. По некоторым данным, количество таких «отказных» составляет не менее 400 тыс. в год. Безусловно, гражданин имеет право обращаться в орган внутренних дел с любым заявлением, но такое не должно рассматриваться как сообщение о преступлении и не дает оснований к вынесению постановления, предусмотренного ст. 146 УПК РФ.

7. Проведение проверок и принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям, сообщениям, не содержащим никаких сведений о совершенных или готовящихся преступлениях, противоречит УПК РФ. В соответствии со ст. 140, 141, 143 УПК РФ, поводами для возбуждения уголовного дела являются именно заявления и иные сообщения о преступлении, и именно проверка сообщений о преступлениях проводится в порядке ст. 144 УПК РФ. Проверку сообщений о различных событиях, очевидно никак не являющихся преступлениями, и вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по таким фактам, необходимо рассматривать не как выполнение требований УПК РФ, а как проявление формализма со стороны правоприменителей: как органов дознания и предварительного следствия, так и прокуратуры.

8. Одновременно затягиваются сроки принятия решений по заявлениям, действительно содержащим информацию о преступлениях. Проверка проводится даже тогда, когда все признаки преступления налицо, необходимо возбуждать уголовное дело и проводить следственные и иные процессуальные действия, направленные на раскрытие преступления и установление виновного лица.

9. Предложения об исключении из уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела обсуждаются постоянно на протяжении длительного времени учеными-процессуалистами и практиками. Однако решение об отграничении преступного от непроступного в любом случае должно приниматься в ходе уголовного судопроизводства, в отсутствие стадии возбуждения уголовного дела момент принятия такого решения будет перенесен на последующие этапы уголовного судопроизводства, что приведет к еще большим бесполезным затратам процессуальных сил и средств.

10. Положения гл. 19 – 20 УПК РФ позволяют незамедлительно при обнаружении признаков преступления возбуждать уголовное дело и принимать эффективные меры по раскрытию преступления по горячим следам в рамках возбужденного уголовного дела. Изложенное позволяет сделать вывод, что решение проблемы сокращения количества «отказных» материалов лежит в совершенствовании ведомственной практики органов внутренних дел и взаимодействии с надзирающими органами прокуратуры.

1. Материалы Международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования», посвященной 50-летию А.В. Гриненко, проведенной в мае 2016 года МГИМО МИД России и Московской академией экономики и права.

2. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734/> на 24.07.2016.

3. Приказ МВД России от 29.08.2014 N 736 "Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях" // Российская газета, N 260, 14.11.2014 (п. 2.1.3).

Ключевые слова: сообщение о преступлении, происшествие, регистрация заявлений и сообщений, отказ в возбуждении уголовного дела; предварительная проверка.

УДК 343.1

**ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ПОТЕРПЕВШИХ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА**

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2;*

Калюжный Александр Николаевич,

*кандидат юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, Орел, ул. Приборостроительная, 35*

Согласно п. ст. 38 Конституции РФ детство находится под защитой государства. Однако глобальные преобразования политического и социального характера, переживаемые страной, привели к значительному расслоению общества, падению морали, что негативно стало сказываться на детях, которые все чаще стали вовлекаться в машину уголовного судопроизводства.

На протяжении последних десятилетий криминальная активность несовершеннолетних в нашей стране остается достаточно высокой. По данным официальной статистики МВД РФ, в 2015 году каждое двадцатое преступление в стране (5 %) было совершено несовершеннолетними или при 4 их участии [1]. Не меньшую озабоченность вызывает и рост количества преступлений, совершенных против несовершеннолетних. Только преступления сексуального характера, совершенные в отношении детей, за последние 4 года выросли в 5 раз [2].

В то же время законодательная регламентация и практика расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних или с их участием в Российской Федерации далеко не в полной мере соответствуют требованиям международных стандартов обеспечения их прав.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо исследовать реализацию защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, в том числе посредством законного представительства. Анализ норм действующего уголовно-процессуального закона свидетельствует о наличии ряда пробелов в правовом обеспечении представителей несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования.

Общеизвестно, что п. 12 ст. 5 УПК РФ определил исчерпывающий круг лиц, которые могут участвовать в уголовном процессе в качестве законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершенно-

летнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. Данные участники уголовного процесса выступают как на стороне защиты и осуществляют функцию защиты, так и на стороне обвинения.

Говоря о законном представительстве несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, хотелось бы отметить проблемы и нарушения в практике признания их таковыми, а также отстранения от участия в уголовном деле. Исходя из норм семейного, гражданского и уголовно-процессуального права приоритет в представлении интересов несовершеннолетних детей, учитывая общность их семейных интересов, отдается их родителям. Однако, следователям и дознавателям на стадии предварительного расследования часто приходится сталкиваться со следующей ситуацией: у несовершеннолетнего подозреваемого есть только один родитель (законный представитель), который не желает принимать участие в уголовном деле (по своим личным убеждениям). В своем учебном пособии Г.З. Адигамова обратилась к яркому примеру, демонстрирующему данную ситуацию: «В ходе рассмотрения данного уголовного дела органы предварительного следствия были вынуждены, в нарушение п. 12 ст. 5 УПК РФ, содержащего исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть допущены в качестве законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, признать, например, его бабушку. При этом отец родительских прав не лишен, а бабушка не является ни опекуном, ни попечителем мальчика» [3].

Подобные ситуации возникают по той причине, что в законе не указана обязанность родителей, усыновителей, попечителей, опекунов участвовать в уголовном деле в качестве законных представителей, а также не предусмотрена ответственность за уклонение от данного участия в уголовном деле. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации в случае, когда несовершеннолетний не имеет родителей, либо проживает один, либо у лица, не признанного опекуном или попечителем, в качестве законного представителя несовершеннолетнего суд вызывает представителя органа опеки и попечительства [4].

Но необходимо учитывать, что согласно ч. 1 ст. 32 Гражданского кодекса РФ, опека устанавливается над малолетними (то есть детьми, не достигшими возраста четырнадцати лет), она же автоматически прекращается по достижении им возраста четырнадцати лет, при этом гражданин, осуществлявший обязанности опекуна становится в соответствии с ч. 2 ст. 40 Гражданского кодекса РФ попечителем несовершеннолетнего без дополнительного решения об этом.

Следовательно, опекун не может быть законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (за исключением случаев, когда несовершеннолетний судом признан недееспособным вследствие психического расстройства), поскольку, согласно УК РФ, привлекаться к уголовной

ответственности подросток может только по достижении им 14 и в некоторых случаях 16 лет.

Принимая во внимание, что в связи с отсутствием у родителя желания участвовать в уголовном деле в качестве представителя несовершеннолетнего, он не сможет оказать последнему надлежащую юридическую или какую-либо иную помощь в рамках данного уголовного дела даже под страхом какой-либо ответственности. Кроме того, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, потерпевший не имеет родителей и проживает один или у лица, не являющегося (являющегося) родственником и не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в качестве законного представителя несовершеннолетнего для участия в уголовном деле вызываются представители органа опеки и попечительства.

На наш взгляд, это не совсем правильно, т.к. представители органов опеки и попечительства, являются, как правило, для несовершеннолетнего посторонними людьми и не могут в полной мере осознавать его интересы, тогда как лицо, с которым проживает несовершеннолетний участник уголовного процесса, несмотря на то, что оно не является его опекуном или попечителем, подчас в состоянии оказать несовершеннолетнему полноценную помощь (моральную, психологическую, материальную и т.д.) и защитить его права и законные интересы.

Уровень данной помощи может быть более высоким, чем помощь, оказанная представителем опеки (попечительства). С уверенностью можно сказать, что указанное лицо в качестве представителя несовершеннолетнего представляет больший интерес для предварительного расследования, нежели родитель, не желающий отстаивать интересы своего ребёнка либо попечитель, который видит несовершеннолетнего впервые. Безусловно, близкий человек сможет лучше наладить психологический контакт с несовершеннолетним, расположить его к беседе, а также дать необходимую следователю, дознавателю характеристику несовершеннолетнего с учетом особенностей его воспитания и условий жизни. В связи с этим, на наш взгляд, нет оснований запрещать иным близким родственникам и лицам, с которыми постоянно проживает несовершеннолетний, выступать в качестве законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного процесса. Тем более, что сам несовершеннолетний не против участия этого лица в качестве его представителя по уголовному делу.

Данный пробел необходимо устранить путем внесения соответствующих дополнений в УПК РФ. На наш взгляд, лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, должно индивидуально подходить к каждому случаю выбора законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего с учетом конкретной ситуации и мнения самого несовершеннолетнего. Полагаем, что осуществляя данный выбор, предпочтение должно отдаваться близким людям несовершеннолетнего. Представитель органа опеки (попечительства) должен привлекаться в исключительных случаях, если у несовершеннолетнего никого нет, либо законный представитель отстранен от участия в уголовном деле и какой-либо другой кандидатуры нет.

В связи с этим считаем необходимым расширить круг лиц, имеющих право участвовать в уголовном процессе в качестве законного представителя несовершеннолетнего.

Некоторые авторы и вовсе предлагают привлекать к судопроизводству в качестве законных представителей близких родственников несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с уголовным законом, круг которых определен в п. 4 ст. 5 УПК РФ [5], что на наш взгляд, представляется неверным.

Законный представитель несовершеннолетнего наделен двоякими функциями. С одной стороны он способствует защите законных интересов несовершеннолетнего, с другой – способствует следователю, дознавателю в создании морально-психологической обстановки, необходимой несовершеннолетнему при проведении следственных действий. Однако на практике часто встречаются случаи, когда оказание надлежащей помощи несовершеннолетнему потерпевшему ставится под сомнение.

Нередко законный представитель наносит ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего, оказывает на последнего отрицательное влияние либо препятствует расследованию уголовного дела. Если представителем не выполняются функции, вытекающие из его статуса, а также имеются основания полагать, что представитель препятствует установлению истины по уголовному делу, участие его в уголовном деле нецелесообразно. В данном случае, возникает необходимость отстранить представителя от участия в уголовном деле.

На основании вышеизложенного, предлагаем п.4 ст. 426 УПК РФ изложить в следующей редакции: «... законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, оказывается отрицательное влияние на несовершеннолетнего, а также создаются препятствия для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Об этом следователь либо дознаватель выносит постановление. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого».

В целом же, подводя итог, отметим, что одной из наиболее значимых гарантий, обеспечивающих необходимую защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, выступает институт представительства, содержание которого составляет комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с оказанием одним лицом (представителем) юридической и иной помощи и поддержки другому лицу (представляемому) в отстаивании его прав и защите законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, дополнительное законодательное закрепление уголовно-процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего свидетеля будет способствовать дополнительной охране прав несовершеннолетних и представляющих их лиц.

1. Статистические данные МВД РФ. Состояние преступности в Российской Федерации за 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_117029/ (дата обращения: 10.10.2015).
2. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова на Восьмом съезде правозащитников г. Краснодар 28.10.2015 «Преступления против детей становятся все более жестокими» [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/28/deti-site.html> (дата обращения: 10.11.2015).
3. Адигамова Г.З. Особенности участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России. Учебное пособие / Г.З. Адигамова, О.Г. Кудрявцева. Уфа. 2008. С. 95.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3 и от 2 апреля 2013 г. № 6) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
5. Галимов О.Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 1997. С. 77; Матвеев С.В. УПК РФ об участие законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними // Журнал Российского права. 2012. № 5. С. 106/

Ключевые слова: законный представитель, опекун, попечитель, родитель, несовершеннолетний

УДК 343.1

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПУТЕМ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Чистилина Дарья Олеговна,

*преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет,
305040 г.Курск, ул. 50 лет Октября, д.94*

Статья посвящена поиску путей преодоления негативных последствий недостаточного уровня доверия граждан к правоохранительной системе для раскрытия и расследования преступлений. Необходимо комплексное реформирование законодательства в сфере уголовного процесса, а также популяризация некоторых правовых институтов.

Наше общество каждый год переживает новый виток развития в различных сферах, правовая сфера не исключение. В законодательные акты вносятся изменения, которые свидетельствуют о необходимости предоставления гражданам большей свободы действия. Даже такая отрасль права, как уголовный процесс, нуждается в значительном реформировании в контексте обеспечения прав граждан в сфере участия в отправлении правосудия, контроля за

деятельностью правоохранительных органов, а также оказания им действенной помощи в процессе раскрытия и расследования преступлений. Данные аспекты представляют наибольший интерес, так как таким образом можно оказать значительное влияние на справедливость правосудия.

Контроль за деятельностью правоохранительных органов можно осуществлять, прибегая к уже существующим уголовно-процессуальным институтам, при этом подвергая их модернизации. Наиболее действенным институтом в данной сфере является институт понятых. Понятой - гарант того, что содержание протокола следственного действия будет точно соответствовать тому, что делал следователь, дознаватель, а также иные участники следственного действия в ходе его осуществления. Однако тенденции развития уголовно-процессуального законодательства, а также практика его применения в последние годы свидетельствуют о неэффективности данного института по ряду причин. Во-первых, граждане не желают проявлять активность в этом вопросе, что связано с неверием в правосудие и настороженным отношением к уголовно-правовой сфере, во-вторых, правоохранители стараются производить следственные действия без «посторонних» глаз и испытывают трудности по поиску понятых, что также не способствует объективности. Фактическое же упразднение понятых и замена их на средства видео-фиксации, на наш взгляд, не совсем удачный ход, так как оставляет простор для злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц. Необходимо создать независимую службу, сотрудники которой будут выезжать со следователем, дознавателем на место и фиксировать все происходящее. Эта же служба будет заниматься формированием базы данных понятых и путем случайной выборки вызывать их и приезжать с ними к следователю. Так как все этапы будут зафиксированы с помощью компьютерной техники, то данная система исключит возможность злоупотреблений.

Наряду с институтом понятых, действенный контроль могут осуществлять различные правозащитные организации, деятельность которых будет способствовать соблюдению прав граждан, а также институт адвокатуры, при условии предоставления адвокатам больших прав по доказыванию на этапе предварительного расследования.

Немаловажным аспектом является и оказание гражданами содействия правоохранительным органам. В российском уголовном процессе есть институты, которые способствуют этому. Например, институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением, дознания в сокращенной форме. Все они рассчитаны на то, что граждане осознали свою вину, оказывают помощь при раскрытии и расследовании преступлений, что способствует процессуальной экономии и восстановлению социальной справедливости в кратчайшие сроки. Однако реализация на практике заставляет задуматься о реформировании некоторых из названных институтов. Например, институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в июле 2016 года был усовершенствован законодателем. Теперь у прокурора появились конкретные полномочия по изменению и прекращению действия досудебного соглашения о сотрудничестве по

основаниям, перечисленным в законе, а также его обязанность разъяснить подозреваемому, обвиняемому возможные негативные последствия в случае недобросовестного исполнения им своей части договора [3]. О закреплении подобного механизма расторжения и изменения соглашения писала в своих работах О.Н. Тисен [5]. Однако до сих пор остается открытым вопрос о возможном злоупотреблении со стороны правоохранительных органов на этапе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Для принятия данного решения следователь и прокурор получают первоначальную информацию от подозреваемого, обвиняемого, на основании которой решают вопрос о заключении соглашения. Если они придут к выводу о недостаточной ценности для интересов следствия данной информации, то соглашение не будет заключено, а сообщенная информация будет способствовать изобличению лица, что не способствует соблюдению его прав. На наш взгляд, необходимо закрепить невозможность использования информации, полученной таким путем, даже как направление дальнейшего расследования. Отметим, что существующие институты содействия правоохранительным органам являются достаточно прогрессивными и действенными, однако к процессу их реализации необходимо подходить с большей внимательностью.

Институтом, способствующим участию граждан в отправлении правосудия, является институт присяжных заседателей. На протяжении своего существования он подвергался значительной модернизации и критики со стороны граждан и правоприменителей. Однако стоит признать, что он является действенным механизмом реализации конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия и возрождения веры людей в его справедливость. Процессуальная форма суда присяжных обеспечивает по наиболее сложным делам надежную защиту права на жизнь и других прав и свобод человека и гражданина от незаконного и необоснованного обвинения. В свою очередь, немаловажным является качественный уровень коллегий присяжных заседателей, где должны находиться люди грамотные, понимающие и осознающие свой гражданский долг. В связи с этим некоторые исследователи предлагают установить образовательный ценз, а также предусмотреть беседу кандидата в присяжные заседатели с психологом для определения негативных установок гражданина [1].

Сужение же подсудности суду присяжных в последние годы не способствует его популяризации. Согласно Концепции судебной реформы 1991 года, суды присяжных должны быть повсеместно распространены, причем предполагалось, что они будут действовать и на уровне районных судов. Основным достоинством этого является то, что суд присяжных, действуя от имени общества, проживающего в данной местности, не только осуждает или оправдывает подсудимого, но еще и несет в себе воспитательное начало. Подсудность же районным судам позволит присяжным разрешать дела, руководствуясь своим жизненным опытом, что от них и требуется [2].

В середине 2016 года законодатель решил распространить действие судов присяжных заседателей и на районные суды, однако сократил количество присяжных заседателей. Теперь на уровне судов субъекта Федерации их бу-

дет 8, а на уровне районных судов – 6. Однако данные изменения вступят в силу лишь в 2018 году, что вполне оправдано, так как необходимо подготовить суды к нововведениям. Безусловно, такой шаг законодателя заслуживает положительной оценки, ведь суд присяжных получит большее распространение. Помимо этого в федеральном законе были и отрицательные моменты. Например, было сокращено количество немотивированных отводов до одного, несмотря на возражения ученых и успешный зарубежный опыт некоторых стран с неограниченным числом немотивированных отводов [4]. Более того, остается ряд проблем, связанных с популяризацией данного института и формированием коллегии присяжных заседателей.

Таким образом, необходим комплексный подход к решению проблемы повышения доверия граждан к правоохранительной системе. Внесение изменений в законодательные акты позволит гражданам принимать более активное участие в процессе раскрытия и расследования преступлений, что будет способствовать сокращению общего уровня преступности в стране и вере граждан в справедливость правосудия.

1. Белкин А.Р. Суд присяжных: сомнительные плюсы и несомненные минусы // URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=326 (дата обращения: 03.09.2016).
2. Конин В.В. Расширение подсудности суда с участием присяжных заседателей как фактор повышения доверия к суду // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 60 – 64.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст]: федеральный закон РФ [принят 3 июля 2016 г. №322-ФЗ: по состоянию на 4 июля 2016 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2016. - №27. – Ст. 4255.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей [Текст]: федеральный закон РФ [принят 23 июня 2016 г. №190-ФЗ: по состоянию на 23 июня 2016 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2016. - №26. – Ст. 3859.
5. Тисен О.Н. Механизм расторжения с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием // Российский судья. 2013. № 10. С. 45 - 48.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, институт понятых, суд присяжных заседателей, правоохранительные органы, правозащитные организации.

ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Шайдуллина Эльвира Дамировна,

*ВРИО заместителя начальника кафедры уголовного процесса,
Казанский юридический институт МВД России,
420108, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Магистральная, 35,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена проблеме законодательного закрепления формы заключения специалиста после производства им специального исследования в ходе предварительного расследования уголовных дел.

Прогрессирующее развитие всевозможных инновационных технологий находит свое отражение в различных отраслях жизнедеятельности современных общества и государства. Не является исключением и уголовное судопроизводство. При этом умения по применению тех или иных знаний в различных областях науки и новых технологий требуют специальных познаний. Иными словами участие специалиста в уголовном процессе можно определить ввиду нарастания потребности практических сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, которые все чаще испытывают на себе влияние достижений научно-технического прогресса. Это, в свою очередь, приводит к ежегодному расширению пределов применения научных, специальных знаний.

Следует отметить, что Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» [1] расширил доказательственное право положением, предусматривающим использование в качестве доказательств заключение специалиста. Не смотря на то, что данный вид доказательств предусмотрен УПК РФ уже более 10 лет, до настоящего времени в качестве такового используются в правоприменительной деятельности результаты специальных исследований процессуально оформляются в других формах: справок специалиста, актов судебно-медицинского обследования и т.д.

В свою очередь, законодатель определяет заключение специалиста, как представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами уголовно-процессуального производства (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Формирование суждения в уголовном процессе возможно на основе имеющихся у специалиста специальных знаний. Например, судебно-медицинский работник может, предварительно изучив локализацию на теле потерпевшего, сделать свое умозаключение и дать оценку отдельным обстоятельствам на основе своих познаний.

Анализируя данный институт доказывания мы пришли к выводу, что отсутствие законодательно закрепленного единого подхода по данному аспекту привело к многочисленным сложным проблемам при осуществлении

деятельности специалиста в правоприменительной деятельности и вызвало немало споров среди ученых. Полемика существует по целому ряду позиций: что следует понимать под заключением специалиста, уполномочен ли специалист производить какие-либо исследования, какова процессуальная форма заключения и процедура его получения?

С одной стороны, специалист не проводит никаких исследований материальных объектов. Он «разъясняет в своем заключении лишь вопросы, скрытые для понимания неспециалистов. Никаких исследований проводить самостоятельно он законом не уполномочен» [2].

Однако не все ученые разделяют такую позицию. Так, Ю.Г. Корухов и Т.В. Аверьянова полагают, что «суждение специалиста – это результат его исследований конкретных объектов (предметов, документов, места происшествия и т.п.)...» [3]. По их мнению, к компетенции специалиста следует отнести решение простых диагностических и диагностико-классификационных задач, когда не требуются сложные лабораторные исследования, а к компетенции эксперта – решение сложных диагностических и идентификационных задач.

Соглашаясь в последней позиции, следует подчеркнуть, что выводы специалиста могут быть только однозначно положительными либо отрицательными. При этом, если для ответа на вопросы, поставленные перед исследованием, требуется «углубленное» исследование (то есть экспертиза), специалист должен отказаться от дачи заключения.

Кроме того, из содержания ч. 3 ст. 80 УПК РФ остается непонятным процедура формирования вопросов специалисту. Какова роль в данных случаях участников досудебного производства? Могут ли они самостоятельно инициировать производство специальных исследований, и будут ли результаты таковых признаваться в качестве доказательств?

По мнению отдельных ученых [4], с помощью него мы не сможем установить истинность или ложность того или иного знания. Сможем лишь привести содержание какого-либо необходимого знания: сведения, его составляющие, при этом сведения, истинность которых уже доказана ранее. Иначе говоря, данное доказательство не обладает свойством относимости.

В то же время относимость к делу заключения специалиста не случайна, она определяется объективной связью доказательства с соответствующими фактами и обстоятельствами. При этом предметом доказывания при значимости соответствующего факта должна быть его причинная связь с обстоятельствами уголовного дела. Другими словами, заключение специалиста будет доказывать не ранее известный факт, а его связь с конкретными обстоятельствами уголовного дела, значение его для уяснения этих обстоятельств [5]. Так, например, при расследовании экономических преступлений специалист-бухгалтер дает пояснения по поводу отдельных обстоятельств финансово-хозяйственной деятельности организации, установленных в ходе предварительного расследования, разъяснения относительно наличия взаимосвязи между определенными хозяйственными операциями и документами, которыми они оформляются и т.п. При расследовании уголовных дел о поджогах

специалист-электротехник может дать пояснения относительно технических и физических свойств электрических устройств и приспособлений, которые могли быть использованы для поджога [6].

Полагаем, что последнее суждение более объективно. При этом в целях исключения подобных споров, на наш взгляд, целесообразно внести в уголовно-процессуальный закон РФ дополнение о возможности назначения специального исследования лицом, производящим расследование по уголовному делу как по собственной инициативе, так и по ходатайству одной из сторон. Вопросы для специального исследования следователь (дознатель) должны предоставлять в соответствующем постановлении об его назначении

Что касается формы специального следования, в целях исключения многих противоречий, становится очевидной необходимость введения в УПК РФ новой нормы, регламентирующей форму заключения специалиста.

Проведенный анализ данного вопроса позволил нам предложить следующий проект такой процессуальной нормы:

Статья «Назначение специального исследования и заключение специалиста»:

1. Следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания уполномочены в ходе проверки сообщения о преступлении и при производстве по уголовному делу назначать специальное исследование по собственной инициативе либо по инициативе одной из сторон путем вынесения соответствующего постановления, в котором он ставит вопросы для исследования.

2. По итогам производства специального исследования специалист выносит соответствующее заключение.

2. Заключение специалиста должно содержать следующие данные:

- 1) наименование документа;*
- 2) место и дату его составления;*
- 3) кем (полные данные специалиста) и в связи с производством, по какому уголовному делу оно было составлено;*
- 4) вопросы, которые были заданы специалисту;*
- 5) содержание ответов на поставленные вопросы;*
- 6) выводы по поставленным специалисту вопросам;*
- 7) подпись и печать специалиста, если она имеется.*

2. По своему характеру выводы специалиста могут быть только категорические (положительные либо отрицательные).

3. Если при составлении заключения специалист установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении.

Полагаем, что приведенные предложения позволят определить единый подход к вопросам производства специальных исследований в процессе дознания, что, в свою очередь, оптимизирует правоприменительную деятельность в данном направлении.

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706; Собрание законодательства РФ. 2011. № 1.
2. Антонов А. Использование специальных знаний по уголовным делам, связанным с пожарами // Законность. 2012. № 3. С. 24.
3. Аверьянова Т.В., Корухов Ю.Г. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве // Черные дыры в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 261.
4. Там же. С. 262.
5. Комиссарова Я.В. Дискуссионные аспекты регулирования экспертной деятельности на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2012. № 4. С. 95.
6. Антонов А. Использование специальных знаний по уголовным делам, связанным с пожарами // Законность. 2012. № 3. С. 24.

Ключевые слова: специальные исследования, специалист, доказывание, заключение специалиста, предварительное расследование.

УДК 343.14

ЗАЩИТА ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шаров Денис Васильевич,

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье констатируется факт, что современное уголовное судопроизводство больше ориентировано на охрану прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, нежели чем на защиту потерпевших от преступлений. Анализируются причины такого положения дел. Предлагается направление изменения создавшейся ситуации путем провозглашения защиты законных интересов потерпевшего в качестве основной цели деятельности стороны обвинения в уголовном процессе.

Проводимые реформы отечественного законодательства конца XX - начала XXI века повлекли значительные изменения во взаимоотношениях государства и личности. Личность признана важнейшим объектом судебной защиты и наделена широким спектром прав. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита его прав и свобод - обязанностью

государства. Российской Федерацией в целом восприняты международные стандарты в области прав человека, в настоящее время являющиеся неотъемлемой частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Наиболее рельефно данные тенденции проявились в развитии уголовно-процессуального законодательства, которое в указанный период подверглось существенным изменениям и дополнениям.

Это не удивительно, поскольку нигде так остро не стоит вопрос о защите прав и свобод человека, как в уголовном процессе. Удивительно другое, а именно – направленность преобразований практически исключительно на улучшение положения обвиняемого.

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) нацелен, прежде всего, на обеспечение более гуманного и справедливого отправления правосудия в отношении граждан, преступивших закон. Безусловно, это одно из важнейших направлений уголовно-процессуальной деятельности, однако, на наш взгляд, не меньшее внимание должно быть уделено защите интересов потерпевших, число которых, согласно данным официальной статистики, за один только 2015 год составило почти два миллиона [1].

К сожалению, и проводимая в России судебная реформа в целом, и УПК РФ, в частности, остаются больше ориентированными на охрану прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, нежели чем на защиту потерпевших от преступлений.

Являясь жертвой преступления и в силу этого имеющий все основание претендовать на центральное место в системе уголовного производства, потерпевший фактически оказался на его периферии, представляя собой не более чем источник доказательств для органов, осуществляющих уголовное преследование.

С одной стороны, это объективно связано с тем, что цели системы уголовного правосудия, в соответствие с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 года № R (85) 11, «традиционно выражались в терминах, которые касаются, главным образом, отношения между государством и правонарушителем» [2].

Действительно, в рамках традиционного подхода к проблеме защиты прав человека в уголовном процессе, в центре внимания всегда и неизменно оказывались интересы лица, обвиняемого в совершении преступления.

С другой стороны, в соответствии с той же Рекомендацией Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», а также в русле Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года 40/34) [3], основной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего.

Это диктует необходимость постепенного переноса акцента с доминирующей охраны прав правонарушителя на приоритетную защиту жертвы пр е-

ступления и общественных интересов, уделения интересам потерпевшего в уголовном процессе как минимум не меньшего внимания, нежели чем интересам обвиняемого.

До тех пор, пока защита законных интересов потерпевшего не станет главным критерием оценки работы правоохранительных органов, пока не произойдет смена сложившегося стереотипа мышления практических работников, и соответствующим образом не изменится их отношение к потерпевшему, вообще нельзя всерьез говорить об удовлетворении его потребностей в уголовном судопроизводстве.

К сожалению, в настоящее время, правоприменительная практика далека от подобного понимания положения потерпевшего в уголовном процессе.

Отчасти это связано с провозглашением в УПК РФ функции обвинения в качестве основной уголовно-процессуальной функции и отнесением следователя, дознавателя, прокурора исключительно к стороне обвинения.

Сейчас мы не будем говорить о целесообразности предпринятой попытки внедрения состязательности в досудебное производство по уголовным делам и превращения следователя из исследователя в обвинителя. Достаточно проанализировать предмет доказывания, что бы понять, что из этого, собственно, мало что получилось [4]. Как и ранее, несмотря на удаление из УПК РФ одноименного принципа, следователь не может не исследовать обстоятельства уголовного дела всесторонне, полно и объективно [5].

Однако ярлыки наклеены. Согласно УПК РФ следователь, дознаватель, прокурор сегодня – сторона обвинения, осуществляющая исключительно функцию уголовного преследования.

В результате подобного структурирования уголовно-процессуальной деятельности защита законных интересов потерпевшего по определению не может являться главной целью их деятельности, и лицо, потерпевшее от преступления, неизбежно оказывается по сути на «задворках» уголовного процесса.

Вместе с тем, фундаментальные основы качественного изменения отношения к потерпевшему со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, изначально заложены в УПК РФ. Речь идет о ст. 6 УПК РФ, согласно которой основным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Именно защита законных интересов потерпевшего в его широком понимании, включающем в себя не только физических и юридических лиц, но государство и общество в целом, и должна стать безоговорочно главной целью деятельности следователя, дознавателя, прокурора. Целью, для достижения которой, собственно, возбуждается уголовное дело и производится уголовное преследование.

Статья 6 УПК РФ ставит перед так называемой стороной обвинения совершенно иные задачи, не содержащие обвинение в качестве самостоятельной цели деятельности. Обвинение должно представлять собой не более чем средство, используемое для достижения действительного назначения уголов-

ного судопроизводства, а именно защиты законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также государства и общества в целом.

Иными словами, следователь и дознаватель должны позиционироваться вовне, а главное, внутренне ощущать себя не как обвинители обвиняемого, а как защитники потерпевшего, использующие функцию уголовного преследования лишь как средство защиты интересов потерпевшего.

Должно прийти осознание того, что потерпевший является не досадной помехой расследованию, как это часто происходит сегодня, а, действительно, центральной фигурой уголовного процесса, фигурой ради удовлетворения потребностей которого это расследование, собственно, и производится.

Понятно, что это процесс не быстрый, требующий длительного времени и, безусловно, политической воли, однако если мы хотим добиться реальной защиты законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, то рано или поздно начинать его все равно придется. В противном случае потерпевший, всегда будет находиться на второстепенных ролях, что противоречит интересам подавляющего большинства граждан.

1. Число лиц, потерпевших от преступлений // [Официальный сайт федеральной службы государственной статистики] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения 3.10.2016 г.)
2. Рекомендация №R (85) 11 о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения. - М., 2000. С.16.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения. - М., 2000.
4. Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права . 2014. №11. С. 2063-2067.
5. Курс уголовного процесса / Под. ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. С. 625.

Ключевые слова: потерпевший, жертва преступления, защита законных интересов потерпевшего, назначение уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальные функции.

УДК 343.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Шипицина Виктория Валерьевна,
*доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет,
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43,
кандидат юридических наук, доцент*

Утверждается, что процессуальная форма выполняет важнейшую функцию – обеспечивает законность, стабильность, предсказуемость уголовно-процессуальной деятельности. Ее развитие в современных условиях сопровождается многочисленными проблемами, основной из которых является соответствие вновь создаваемых форм назначению уголовного судопроизводства и его принципам.

Характерной чертой уголовно-процессуальной формы, как обоснованно отмечается в юридической литературе, является ее единство, которое, тем не менее, не означает использования одних и тех же приемов по всем без исключения уголовным делам, вне зависимости от их категорий. К тому же Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не настаивает на единстве и обязательности порядка производства по всем уголовным делам, но и не подразумевает анархии в уголовном процессе.

О единстве процессуальной формы речь идет лишь постольку, поскольку отечественное уголовное судопроизводство основано на единых принципах (гл. 2 УПК РФ) и имеет общее назначение (ст. 6 УПК РФ) [1, с. 65]. В деталях же процедуры уголовно-процессуальная форма подвержена процессу дифференциации. Однако тезис о единстве процессуальной формы на уровне назначения уголовного судопроизводства и совокупности принципов считаем основополагающим для формирования дифференцированных процессуальных форм в современном уголовном судопроизводстве.

Согласно энциклопедическим словарям под дифференциацией (франц. *differentiation*, от лат. *differentia* – «разность, различие») понимается расчленение, разделение, взаимосвязанные элементы [2, с. 821].

В науке нет единого мнения по поводу понятия «дифференциации уголовно-процессуальной формы». Так, Д.П. Великий считает, что под ней следует понимать, как возможность в рамках единой судебной системы, единого уголовно-процессуального законодательства, основываясь на единых принципах, решать единые задачи различными способами [3, с. 9].

С.С. Цыганенко определяет дифференциацию как одно из направлений развития уголовно-процессуального права, представляющего собой специфический метод правового выражения в уголовно-процессуальной форме материально-правовых и процессуальных условий деятельности его субъектов, которое ведет к структуризации процессуальных отношений в виде комплек-

са производств по уголовному делу, состоящего из общего порядка уголовного судопроизводства и его дифференцированных видов [4, с. 15].

По мнению В.С. Дикарева, дифференциация уголовно-процессуальной формы есть не что иное, как приспособление, адаптация процессуального порядка производства по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляются досудебное производство и судебное рассмотрение уголовных дел [5, с. 18-21].

Таким образом, в науке уголовного процесса дифференциация процессуальной формы трактуется многоаспектно: как принцип оптимальной организации уголовного процесса [6, с. 20]; как составляющая повышения эффективности правосудия в зависимости от общественной опасности деяния и тех особенностей, которые присущи субъекту его совершившему [7, с. 67]; как порядок производств, приспособленных для различных потребностей уголовного судопроизводства; как свойство, характеризующее направление развития уголовно-процессуальной формы, способ структурирования уголовного процесса и его основополагающий принцип [8, с.22]; определенный специальный правовой метод, заключающийся в правовом выражении через уголовно-процессуальную форму условий материально-правового и процессуального порядка [9, с. 16].

Изучение дифференциации уголовно-процессуальной формы является одним из приоритетных направлений современной российской науки уголовного процесса. Учитывая активность законодателя, внедряющего в систему уголовного судопроизводства все новые дифференцированные процедуры, считаем, что задача науки состоит не только в том, чтобы следовать за решениями законодателя, но и определять их, оптимизируя как существующую уголовно-процессуальную форму, так и пути создания ее новых видов.

Есть мнение, что дифференциация процессуальной формы происходит в двух основных направлениях: создание процедур с повышенной системой процессуальных гарантий прав личности и внедрением ряда формальных изменений процедуры рассмотрения дела в суде, а также создание более простых процедур (упрощенных, сокращенных производств) для рассмотрения отдельных категорий дел [10, с. 31].

Первое направление дифференциации – за счет расширения процедур, направленных на реализацию, как правило, дополнительных гарантий прав обвиняемого, что в итоге ведет к удлинению сроков судопроизводства и существенному его удорожанию. Второе направление – ускорение судопроизводства и его удешевление, обеспечиваемое в большинстве случаев путем «урезания» гарантий прав того же обвиняемого [11, с. 29-35].

Упрощенные (сокращенные, ускоренные) формы производства по уголовным делам обусловлены целями процессуальной экономии, сокращения времени производства по уголовному делу, приближения возмездия за совершенное преступление к моменту совершения преступления, реализации задачи социального умиротворения кратчайшим путем и др. [12, с. 141]

А.В. Кищенко, характеризуя упрощенную уголовно-процессуальную форму, полагает, что накопленный исторический опыт позволяет выявить все

недостатки и не допустить их повторения при построении новых упрощенных производств, что упрощенное самостоятельное производство представляет собой производство по уголовным делам, которые характеризуются небольшой или средней тяжестью деяния, несложностью установления всех фактических обстоятельств дела и позволяющее быстро и эффективно, в отличие от общего порядка, расследовать и рассмотреть уголовное дело за счет внесения изменений в уголовно-процессуальную форму [13, с. 8].

В.В. Хатуаева, Л.В. Калинина считают, что все существующие на сегодняшний день механизмы упрощения процессуальной формы можно разделить на две группы: механизмы, направленные на реализацию принципа процессуальной экономии, функционирующие в рамках унифицированной процедуры, и на упрощение производства по уголовному делу в рамках дифференцированной процессуальной процедуры. К первой категории относятся процессуальные институты, существующие в рамках единого порядка судопроизводства, например единоличное рассмотрение уголовных дел (ст. 30, 31 УПК РФ), заочное судебное разбирательство (ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ). Ко второй – упрощение процедуры досудебного производства (сокращенная форма дознания) и судебного разбирательства (гл. 40, 40.1 УПК РФ), а также производство по делам частного обвинения [14, с.80].

П.Г. Сычев считает, что дифференциация уголовного судопроизводства, являясь продолжением отраслевой дифференциации права, выполняет несколько задач: упорядочение правовых норм, их социализация, повышение эффективности [15, с. 31].

Однако многие процессуалисты отмечают, что ускоренные формы производства в уголовном процессе не вполне отвечают задачам, стоящим перед уголовным судопроизводством.

Ю.К. Якимович отмечал, что нынешнее российское судопроизводство дифференцировано довольно оригинально. Досудебное производство остается единым: дознание в обычной форме практически ничем не отличается от предварительного следствия, а сокращенная форма дознания столь много критиковалась уже в литературе, что о ней, как полагает автор, не стоит и упоминать, так как по сути, это не уголовный процесс, а некое подобие административного. Судебное же производство, напротив, чрезмерно дифференцировано. Можно насчитать десятки различных порядков производств в суде первой инстанции, учитывая при этом, что уголовный процесс не сводится лишь к производству по уголовным делам, в нем имеются еще и дополнительные, и особые производства [16, с. 123].

Изучение существующих дифференцированных уголовно-процессуальных форм дает основание к следующему выводу. Усложненные процессуальные формы не вызывают сомнения в том, что их реализация позволяет в полном объеме достичь сформулированного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства. Однако процесс этого достижения будет достаточно (а иногда и чрезмерно) длительным и дорогостоящим. Достаточно привести в качестве примера стоимость для федерального бюджета и длительность отдельных судебных процессов с участием присяжных заседателей.

Д. Туленков отмечает, что стоимость одного дела с участием присяжных заседателей (только вознаграждение присяжным и расходы по явке) в Волгоградском областном суде составляет от 160 тыс. до 360 тыс. руб. В 2014 г. на рассмотрение шести уголовных дел с участием присяжных было потрачено 1,5 млн руб. [17]

В.А. Семенцов справедливо пишет: «Один из факторов, негативно влияющих на эффективность суда присяжных, – это длительность судебного разбирательства. Если она превышает несколько месяцев, то присяжным заседателям становится сложно не обсуждать обстоятельства уголовного дела с лицами, не входящими в состав суда, не получать сведения по делу вне судебного заседания (особенно по резонансным делам, которые освещаются в средствах массовой информации)» [18, с. 35].

Упрощенные же процессуальные формы, наоборот, при внешней дешевизне, не могут дать уверенности в том, что назначение уголовного судопроизводства может быть достигнуто в полном объеме. Основой для такого предположения выступают, в частности, ограничения в системе доказательственной деятельности. При сокращенной форме дознания, например, дознаватель вправе не доказывать целый ряд обстоятельств, включенных в общий предмет доказывания. Кроме того, производство следственных и иных процессуальных действий при сокращенной форме дознания обусловлено такой целью как сохранение следов преступления, а не установлением существенных обстоятельств совершения преступления.

Упрощенные процессуальные формы в ряде случаев исключают действие некоторых уголовно-процессуальных принципов. Так, сокращенная форма дознания требует от подозреваемого признания сформулированного дознавателем в постановлении о возбуждении уголовного дела подозрения в полном объеме. Досудебное соглашение о сотрудничестве предполагает содействие обвиняемого в уголовном преследовании соучастников. Оба эти обстоятельства свидетельствуют об ограничении реализации принципа презумпции невиновности.

Таким образом, приведенный нами в начале данной статьи тезис о едином назначении и обязательном единстве принципов для всех процессуальных форм получает свое опровержение.

Подводя итог всему вышесказанному, мы пришли к следующим выводам.

Разработка любой уголовно-процессуальной формы должна основываться на едином назначении уголовного судопроизводства и совокупности принципов для всех уголовно-процессуальных форм.

Современный процесс дифференциации процессуальной формы ведет к созданию двух типов процессуальных форм: усложненных и упрощенных (ускоренных, сокращенных). Каждый из этих типов имеет свои недостатки: усложненные – дороговизна и длительность, упрощенные – несоответствие назначению и принципам уголовного судопроизводства.

Требуется научная разработка единой концепции дифференциации процессуальной формы, позволяющей создавать такие ее виды, которые в

равной степени отвечают публичным и частным интересам. Полагаем, что в основе данной концепции должны находиться такие идеи как:

- обеспечение прав личности;
- быстрота и экономичность процедуры;
- полнота и всесторонность установления обстоятельств совершенного преступления.

1. Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26).
2. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорин. М.: Юрист, 2001. С. 821. См. также: Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2007. С. 170; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИТИ Технологии, 2008. С. 144.
3. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
4. Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
5. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. М.: Юрист. 2013. № 12.
6. Алексеев Н.С., Моршакова Т.Г., Чангули Г.И. Уголовно-процессуальное право. М.: Государственное издательство, 1977.
7. Бойков А.Д. К проекту уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 3.
8. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Томский университет, 1999.
9. Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2004.
10. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2014.
11. Сычев П.Г. Теория дифференциации уголовного судопроизводства: понятие, задачи и направления // Российский следователь. 2015. № 19.
12. Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1.
13. Кищенко А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010.
14. Хатуаева В.В., Калинина Л.В. Институт сокращенного дознания как дифференциация формы предварительного расследования // Современное право. 2014. № 8.
15. Сычев П.Г. Теория дифференциации уголовного судопроизводства: понятие, задачи и направления // Российский следователь. 2015. № 19.
16. Якимович Ю.К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12.
17. Суд присяжных: менять или не менять? // Copyright © Суд присяжных 2014-2015.
18. Семенцов В.А. К вопросу об эффективности отечественного суда с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. канд. соц. наук. В.А. Сосова. Краснодар: Дом-Юг, 2015.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, форма, дифференциация, принципы, назначение.

УДК 343.14

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шурухнов Н.Г.,

*Московский гуманитарный университет,
доктор юридических наук, профессор;*

Мерецкий Н.Е.,

*Дальневосточный юридический институт МВД России,
Заслуженный юрист России доктор юридических наук, профессор;*

Куличков А.С.,

*доцент кафедры государственного и административного права,
Тулский государственный университет,
кандидат юридических наук*

В статье рассматривается правовая природа, получения объяснений, ставится вопрос о совершенствовании процессуальной формы такой деятельности.

Ознакомление с отдельными нормами уголовно-процессуального законодательства стран ближнего зарубежья позволяет сделать вывод о том, что в них произошли кардинальные изменения. Появляются новые и исключаются существовавшие ранее легальные определения понятий, изменяется их структура, формируются новые институты. Эти изменения затронули и нормы, регламентирующие статус такой распространенной разновидности источников информации, как показания и объяснения различных участников уголовного процесса. В УПК соседних государств происходит реформирование начального этапа досудебного производства.

Изменения уголовно-процессуального законодательства регулярно происходят и в Российской Федерации, неоднократно затронули они и первую стадию уголовного судопроизводства (может быть в другом направлении). Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в число средств рассмотрения сообщения о преступлении (предварительной проверки) было возвращено процессуальное действие - получение объяснений. Являясь разновидностью сбора сведений (показаний), объяснения названы в качестве одного из

первостепенных средств рассмотрения сообщения о преступлении (75% временных затрат у субъектов расследования уходит на получение объяснений, показаний участников уголовного судопроизводства). Данное процессуальное действие в уголовно-процессуальном законодательстве России в различные периоды было традиционным и самым распространенным. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 254) уполномочивал полицию собирать все нужные ей сведения посредством проведения словесных расспросов [1]. При этом выделялись две формы объяснения – устная и письменная. УПК РСФСР (1960 г.) в ст. 109 также разрешал прокурору, следователю, органу дознанию и суду получать объяснения от правонарушителей, очевидцев и иных лиц, однако порядок получения объяснений регламентирован не был.

С принятием УПК РФ объяснение из уголовно-процессуального закона исчезло, однако субъекты расследования продолжали активно проводить данное проверочное действие, пытаясь найти правовое обоснование его реализации. Одни правоприменители, получая объяснения на стадии возбуждения уголовного дела, ссылались на пункт 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которому к оперативно-розыскным мероприятиям относится опрос. Другие аргументировали свое поведение положениями ч.4 ст. 21 УПК РФ согласно которому, «требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами». Третьи (позднее) стали ссылаться на п. 3 ст. 13 Федерального закона «О полиции». В соответствии, с которым полиции предоставляется право в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях получать от граждан и должностных лиц необходимые объяснения, справки, документы.

Такой подход практиков понятен, если иметь в виду, что объяснения получают от различных категорий граждан, свидетельства которых важны для принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела. Ситуация актуализируется если в последующем получить информацию от таких граждан окажется затруднительным (выезд за пределы региона, государства) или вообще невозможным (болезнь, смерть).

К тому же важность объяснений связана и с тем, что их получают сразу после восприятия события совершения противоправного деяния, когда на его картину еще не наслоились другие события и память еще свежа.

Получение сведений, составляющих содержание объяснения важны не только для принятия решения в первой стадии уголовного судопроизводства. Как отмечают Т.Г. Алексеева и С.Ш. Исмаилян, получение объяснений – «не только один из эффективных способов проверки оснований для возбуждения уголовного дела, но и действие, определяющее тактические комбинации и операции при собирании доказательств, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при проведении предварительного расследования» [2].

Обобщения практики показывают, что объяснения получают у:

лиц, сообщивших о совершенном или готовящемся преступлении;
 очевидцев произошедшего события;
 сотрудников правоохранительных органов, выявивших признаки преступления;
 граждан, анкетные данные которых указаны в качестве совершивших преступление в сообщении о преступлении;
 специалистов, способных дать консультации по отдельным вопросам, относящимся к противоправному деянию.

В настоящее время, несмотря на широкую распространенность реализации получения объяснений на практике, не выработано единой процедуры проведения этого процессуального действия. Выход из сложившейся ситуации видится в дополнении (итак перегруженной) ст. 144 УПК РФ процессуальной формой порядка получения объяснений. Либо выработки межведомственной инструкции (при условии, что это будет оговорено в законе), которая будет регламентировать порядок осуществления проверочного действия. В противном случае объяснение будет, по сути, представлять допрос, только проводимый до возбуждения уголовного дела [3].

Как представляется, составляемый протокол (акт) получения объяснения должен включать:

- место, дату и время получения объяснений;
- звание, должность, фамилию, инициалы должностного лица, получающего объяснение;
- анкетные данные лица, у которого получают объяснение (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место жительства или регистрации, номер телефона, гражданство, образование, семейное положение, место работы или учебы, отношение к воинской обязанности, наличие судимости, данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность);
- сведения о применяемых технических средствах;
- сведения о разъяснении прав опрашиваемому лицу (не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ; давать объяснение на родном языке или языке, которым владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; заявлять отводы участвующим в опросе лицам; заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора; являться на опрос с адвокатом; ходатайствовать о применении мер безопасности);
- изложение сути объяснения по существу рассматриваемого сообщения;
- факт прочтения объяснений лично опрашиваемым лицом или прочтения вслух лицом, составившим объяснение;
- удостоверение факта правильности или неправильности записи объяснений;
- наличие замечаний и дополнений к объяснению;
- перечень лиц, участвовавших при получении объяснений;

- подпись лица, получившего, давшего объяснения и присутствовавших при этом.

Следует учитывать, что к лицам, от которых необходимо получить объяснения, недопустимо применение принудительных мер, именно поэтому в бланке объяснения должно отсутствовать предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Поскольку закон не предусматривает негативных последствий для лиц, уклоняющихся от явки для дачи объяснений, к ним не может быть применен принудительный привод.

Обозначив рассматриваемую проблему нельзя обойти стороной вопрос о собственноручном написании объяснений. Важность этого связана, во-первых, с формой передачи сведений, неразрывно связанной с такими сложными категориями, как память, сознание, язык, речь, которые служат одной из важных гарантий сохранения вербальной информации, предотвращая ее от искажений. Последние неизбежно возникают в ходе передачи сведений от одного субъекта другому. Во-вторых, собственноручная подготовка объяснений имеет значение с точки зрения двух групп процессуальных гарантий: а) гарантий обеспечения прав граждан, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства, и б) гарантий правильного установления обстоятельств совершенного или совершаемого преступления (т.е. гарантий правосудия).

Первая группа гарантий обусловлена тем, что у допрашиваемого лица, как и любого другого пишущего человека, появляется возможность обдумать излагаемые им слова и фразы, выразить их, насколько это возможно в условиях конкретной ситуации, максимально правильно. Кроме того, субъект расследования может не обратить внимания либо посчитать несущественными те оттенки устной разговорной речи, которые допрашиваемому лицу представляются принципиально важными. Заставить же человека написать «нужный» текст практически невозможно, если только не допустить негативные воздействия, связанные со злоупотреблением служебным положением.

Вторая группа гарантий связана с полнотой, достоверностью и, не в последнюю очередь, с точностью показаний. Например, собственноручная запись позволяет избежать заявления участника досудебного производства о том, что сказанное им в объяснении искаженно отражено в протокольном изложении.

Собственноручная запись при определенных обстоятельствах может позволить лучше понять позицию допрашиваемого, мотивационную характеристику его поведения. Нельзя исключать и возможность рассмотрения исполненного лицом текста в качестве условно-свободного образца почерка при проведении почерковедческих и иных видов судебных экспертиз [4].

Сочетание всего перечисленного, экономя временные затраты и физические силы субъекта расследования дает видеорегистрация получения объяснений.

Часть 1.2 ст. 144 УПК РФ говорит о том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в каче-

стве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

Анализ указанных положений приводит к выводу о том, что пункты 1 и 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ не применимы к стадии возбуждения уголовного дела, поскольку, на первоначальной стадии отсутствуют подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель. Именно пункт 3 рассматриваемой статьи упоминает иные доказательства, к коим представляется возможным отнести и сведения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела. Однако, в силу отсутствия в ст. 144 УПК РФ регламентации порядка производства проверочных действий, возникает вопрос по поводу требований, которым должны соответствовать сведения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, законодатель поставил запрет на конвертацию объяснений в доказательства. И это действительно так. Объяснение не может быть использовано в качестве доказательства, поскольку лица, от которых получены объяснения, не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Представляется обоснованной точка зрения отдельных юристов считающих, что результаты предварительной проверки могут быть использованы в качестве доказательств, относя их к «иным документам» [5]. В противном случае, сведения, составляющие полученные объяснения (других проверочных действий), теряют свое доказательственное значение.

1. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т.8: Судебная реформа. Учреждение судебных установлений. Устав уголовного судопроизводства. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – М., 1991.

2. Алексеева Т.Г., Исмаилян С.Ш. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы теории и практики противодействия наркопреступности на Дальнем Востоке: материалы междунаро. научно-практ. конф., 22-23 ноября 2007 г. Хабаровск, 2008. С. 74-86.

3. Багмет А.М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С.27-32; Каретников А.С., Каретников С.А. . Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 37-42.

4. Попов А.А. Получение объяснений и показаний в уголовном процессе Российской Федерации. Результаты компаративистского исследования досудебного производства. - Пятигорск, РИА-КМВ, 2015.

5. Белоусов А.В. О доказательственном значении информации, полученной в стадии возбуждения уголовного дела // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора: сб. науч. трудов. М.-СПб-Кемерово, 1998. С. 215-216.

Ключевые слова: *УПК РФ; рассмотрение сообщения о преступлении (предварительная проверка); получение объяснений; процессуальная форма; реквизиты протокола (акта) получения объяснений; доказательственное значение; иные документы.*

УДК 343.14

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ДАЧИ ВЗЯТКИ (СТ. 290, 291 УК РФ): ПОЛЕМИКА, ОСОБЕННОСТИ, СОДЕРЖАНИЕ

Шурухнов Н.Г.,

*Московский гуманитарный университет,
доктор юридических наук, профессор;*

Мерецкий Н.Е.,

*Дальневосточный юридический институт МВД России,
Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор;*

Савченко Н.И.,

Академия ФСИН России

В статье ставится вопрос о месте предварительного этапа в системе расследования получения и дачи взятки и раскрывается его краткое содержание

Расследование преступлений представляет собой длительную по времени деятельность, включающую проведение комплекса действий, приемов, мероприятий, исследований, регламентированных законодательством, направленных на установление обстоятельств события, произошедшего в прошлом. Для того чтобы такое специфическое познание было результативным, вело к установлению истины, оно само должно быть системным, соответствующим образом упорядоченным, подразделено на определенные этапы, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Системность расследования была и остается в поле зрения криминалистов. И.Н. Якимов подразделял процесс расследования (методологию) на три

периода: 1) установление вещественного состава преступления; 2) собирание и оценка улик; 3) обследование предполагаемого виновника преступления [1].

Н. Бобровников, В. Громов, С. Голунский, Е. Зицер, С. Потапов, И. Якимов – авторы учебника «Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений» (книга первая – 1935 г., книга вторая – 1936 г.) – считали, что расследование каждого преступления должно осуществляться по схеме и иметь четыре основных положения, которые являются общими для всех случаев расследования. Эти общие положения они сводили к следующему:

1) учету социально-политического значения расследуемого преступления и конкретной обстановки его совершения, что, по их мнению, определяет последовательность и характер осуществляемых следственных действий;

2) началу расследования, получению объективных данных, которые позволяют проверить и оценить субъективные данные (показания свидетелей, обвиняемых);

3) получению ответов при расследовании любого преступления на семь вопросов, сформулированных еще древнеримским юристом: что, где, когда, каким образом, кем, с помощью кого (чего) и с какой целью совершено;

4) делению расследования на две части: до привлечения и после привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого.

В.И. Громов употреблял термин «стадии расследования» и говорил о существовании трех:

- «принятие дела к производству, определяющее «приступ к расследованию»;

- группировка и оценка собранного материала, которым изобличается подозреваемый, определяющая момент предъявления обвинения;

- обобщение всего материала по законченному расследованию» [2].

В дальнейшем среди криминалистов наиболее распространенным стало мнение о двух этапах расследования: начальном и последующем. Однако содержание этих этапов не всегда понималось одинаково. Окончание первого этапа обычно связывалось с моментом предъявления обвинения, второго – с окончанием расследования [3].

Профессор И.М. Лузгин говорил о том, что расследование представляет собой два взаимосвязанных этапа: первый – с момента возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения, а второй – от предъявления обвинения до завершения расследования [4].

Профессор А.Г. Филиппов делит стадию расследования на два этапа – первоначальный и последующий. «Границей между первоначальным и последующим этапами, – пишет он, – нередко становится момент, когда следователь, выполнив неотложные следственные действия и собрав значительный доказательственный материал, приступает к его анализу и составлению развернутого плана расследования по делу» [5].

Профессор Н.П. Яблоков считает, что расследование в своем развитии проходит три этапа. На первоначальном, используя первичную информацию, а также дополнительные данные (если была предварительная проверочная

деятельность), выдвигаются возможные следственные версии, составляется план расследования и производятся первоначальные следственные действия.

Последующий этап определяется результатами первоначальных следственных действий. В одних случаях основным направлением расследования является розыск уже установленного преступника, в других – все еще не установленного, а в третьих случаях – направление на собирание дополнительных фактических данных, изобличающих уже задержанного преступника, предъявление ему обвинения и т.п.

На завершающем этапе направления расследования связаны с качеством и полнотой данных, положенных в основу обвинения, отношением обвиняемого к собранным доказательствам, новым обстоятельствам, открывшимся при допросе обвиняемого. Основное направление дальнейшего расследования связывается с проверкой и выяснением дополнительных обстоятельств и возможным новым предъявлением обвинения либо выполнением требований, связанных с окончанием расследования [6].

Несомненный интерес представляет позиция Н.И. Хлюпина, который обратил внимание на информационную значимость признаков и следов преступления и на этой основе выделял следующие этапы: 1) обнаружение признаков и следов противоправного деяния; 2) анализ обнаруженных признаков преступления; 3) систематизация полученных выводов; 4) производство первоначальных следственных действий; 5) выбор целесообразной последовательности и объема следственных и оперативно-розыскных действий для установления подозреваемых и обвиняемых; 6) оценка данных о виновности (невиновности) подозреваемого (обвиняемого); 7) установление причинных связей и обусловленности действий подозреваемого (обвиняемого); 8) проверка смягчающих и отягчающих вину обстоятельств; 9) формирование и обоснованность обвинения; 10) анализ причин и условий, способствующих или облегчающих совершение преступлений, систематизация выводов о путях предотвращения их действий [7].

В последние десятилетия криминалисты стали говорить о четырех этапах расследования [8]. Так, авторы курса криминалистики, изданного в Санкт-Петербурге, выделяют:

1) предварительный этап – период работы следователя, заключающийся в рассмотрении сообщения о преступлении и принятии по нему соответствующего решения;

2) первоначальный этап расследования – это период работы следователя сразу после возбуждения уголовного дела и заканчивающийся вместе с исчезновением безотлагательного характера проводимых в это время следственных действий, розыскных и превентивных мер;

3) этап дальнейшего расследования – начинается с момента перехода от первоначальных следственных действий к более планомерной работе по уголовному делу;

4) заключительный этап расследования – это завершающая часть работы следователя по уголовному делу от принятия решения об окончании

расследования и до направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору [9].

М.М. Яковлев выделяет подготовительный, первоначальный, основной и заключительный этапы расследования. В дополнение к этому стадию расследования подразделяет на три уровня: верхний (стратегический), средний (тактический) и базовый (технологический) [10].

Как нам представляется, основание выделения четырех этапов расследования детерминировано:

во-первых, изменениями уголовно-процессуального законодательства, в частности, дополнением средств, реализуемых при рассмотрении сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, в определенные сроки;

во-вторых, спецификой уголовно-правового состава преступления и фактическим способом совершения противоправного деяния, установить в котором признаки преступления без рассмотрения сообщения о преступлении (предварительной проверки) не представляется возможным.

К таким преступлениям относятся, в частности, получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дача взятки (ст. 291 УК РФ), расследование которых, по нашему мнению, должно состоять из четырех этапов: 1) предварительного, 2) первоначального, 3) последующего, 4) заключительного.

Предварительный этап расследования [11] начинается с получения повода (сообщения о преступлении) для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ) с последующим его рассмотрением, проверкой (ст. 144 УПК РФ). Заканчивается названный этап принятием соответствующего решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ. Наименование обозначенного этапа представляется логичным. Это объясняется тем, что в это время проводится предварительная проверка (рассмотрение) сообщения о преступлении (см. ч. 7-9 ст. 144 УПК РФ), в задачу, которой входит установление оснований для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ).

Действия следователя, дознавателя в этот период времени характеризуются максимальной оперативностью и неотложностью. Основная задача состоит в сборе фактических данных, указывающих на признаки преступления в проверяемом деянии. Разрешаемые на этом этапе проверочные ситуации характеризуются минимумом полезной информации, большим объемом (не всегда целенаправленной) работы, решением сложных мыслительных задач в условиях высокой степени неопределенности с помощью строго установленных для этого этапа уголовно-процессуальных средств. Момент окончания этого этапа можно связать с накоплением определенного объема информации, указывающей на вероятность совершения преступления, и вынесением постановления о возбуждении уголовного дела.

В большинстве случаев уголовные дела о получении, даче взятки возбуждаются на основании сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников (п.3 ч.1 ст. 140 УПК РФ), и заявления о преступлении (п.1 ч.1 ст. 140 УПК РФ) (взятодателя и

свидетелей). Удельный вес этих поводов при получении взятки, по нашим данным (При подготовке статьи использовались результаты изучения 140 приговоров и апелляционных определений по ст. 290 УК РФ («Получение взятки»), 56 – по ст. 291 «Дача взятки».), составляет более 84,3% (66,4%; 17,9%). Как показывает практика, заявления являются результатом невыполнения должностным лицом предопределенных взяткой действий (бездействия) либо установления взяткодателем обстоятельств, указывающих на обязанность взяткополучателя выполнить действия в его интересах без всякого вознаграждения [12].

При даче взятки процентное соотношение поводов, в силу соответствующих причин, меняется: заявления взяткодателей составляют 80,4%, а сообщения, полученные из иных источников, – 17,9%.

Распространенность заявления как повода для возбуждения уголовного дела о посягательствах, предусмотренных ст. 290, 291 УК РФ, объясняется, в том числе, правовыми положениями, содержащимися в примечании к ст. 291 УК РФ. Они предусматривают освобождение от уголовной ответственности лица, давшего взятку, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело.

Следует сказать о том, что в последние пять лет возросло количество (7,9%) явок взяткополучателей с повинной. Как представляется, это связано с введением в Уголовно-процессуальный кодекс РФ главы 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [13]. Можно прогнозировать дальнейший «рост» этого повода для возбуждения уголовного дела. Что же касается явок с повинной в чистом виде (когда гражданин делает это самостоятельно), то их показатель традиционно низок. Из бесед с практическими работниками, изучений приговоров, апелляционных определений следует, что в ряде случаев заподозренные пишут заявления о явке с повинной под воздействием субъекта расследования, должностного лица оперативного подразделения, в результате чего уголовное дело возбуждается на основании повода, не соответствующего действительности.

Наличие повода еще не означает принятие одного из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. Поэтому сообщение о взяточничестве подлежит объективной оценке с целью установления достаточности данных, указывающих на признаки преступления. Если таковые не усматриваются, то сообщение подлежит рассмотрению – предварительной проверке [14]. При этом деятельность субъекта расследования на предварительном этапе будет состоять в поиске, сборе, систематизации и обработке дополнительной информации о предполагаемом преступлении. В данный период возможно и необходимо проведение следственных, процессуальных действий, разрешенных уголовно-процессуальным законодательством, оперативно-

розыскных мероприятий, результаты которых в случае дальнейшего возбуждения уголовного дела будут использоваться в процессе доказывания.

На предварительном этапе расследования взяточничества должны быть установлены:

личность предполагаемого взяткополучателя, взяткодателя, посредника;

правовой статус получателя незаконного вознаграждения, в том числе объем служебных полномочий, установленных нормативными правовыми актами;

возможности выполнения в интересах взяткодателя требуемых для него действий;

связи должностного лица и его взаимоотношения с заявителем, чтобы исключить оговор;

размер и характер взятки, ее местонахождение;

лица, которые могли видеть подготовительные действия или сам процесс передачи (получения) взятки.

На предварительном этапе расследования реализуется такое процессуальное действие, как *получение объяснений* [15]. С его помощью выясняется: откуда и каким образом заявителю стало известно о передаче взятки; кто был инициатором преступления; что являлось предметом взятки; кто присутствовал при передаче денег, ценностей; куда, кому и как они передавались; какие средства фиксации и кем использовались.

Объяснения заявителя о взяточничестве должны проверяться путем реализации других средств, предусмотренных УПК РФ, например, *истребованием* из предприятий, учреждений, организаций документов, которые могут свидетельствовать о правовом статусе конкретного должностного лица, наличии или отсутствии указанного в заявлении факта. В этих целях рекомендуется изучить: структуру предприятия, учреждения, организации, в которой работает взяткополучатель, и условия ее функционирования; регламент выполнения соответствующих операций; документы, отражающие действия, за выполнение которых передавалась взятка; порядок их регистрации и документального сопровождения; размещение информации на соответствующем сайте. Особое внимание необходимо обращать на наличие в документах всех необходимых реквизитов, выяснять причины отступления от установленного порядка их прохождения, на ускорение или замедление сроков выполнения действий, отражаемых в этих документах, ответственных за процедуры прохождения соответствующего документа по инстанциям. Следует тщательно анализировать содержание документов с точки зрения их соответствия положениям, установленным нормативными правовыми актами, исследовать на предмет наличия или отсутствия в них подделок, подчисток.

Субъекты расследования должны обращать внимание на соответствие внутренних (локальных) нормативных актов федеральному законодательству. Наблюдаются типичные ошибки, при которых должностным регламентом (должностной инструкцией) государственный служащий наделяется правовыми полномочиями (вопреки федеральному законодательству), не свойст-

венными их профессиональной деятельности. Так, в одном из приговоров приводится следующая информация: «... во исполнение возложенных на него задач инспектор 1 ОБ ДПС ГИБДД УМВД по Тульской области... обязан:

- выявлять, расследовать и раскрывать преступления, организовывать и осуществлять неотложные следственные действия...».

Сомнительность таких «обязанностей» связана с тем, что расследование в соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ осуществляют дознаватели и следователи. Полномочия органа дознания, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, возлагаются на дознавателя начальником органа дознания или его заместителем (ч.1 ст. 41 УПК РФ), а ГИБДД органом дознания не является.

Рассмотрение сообщения о взяточничестве предполагает установление огромного массива обстоятельств и, в первую очередь, связанных с определением требований, предъявляемых к статусу субъекта, а именно – является ли заподозренный гражданин должностным лицом.

После анализа поступивших первичных материалов и ознакомления с работой организации, где работает заподозренный, изучения соответствующих должностных регламентов, контрактов, должностных инструкций, прав и обязанностей должностного лица, его полномочий с учетом рассматриваемого противоправного деяния и установления факта осуществления службы данным лицом, необходимо уточнить, осуществляет ли конкретное лицо функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, перечисленные в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Если в качестве заявителя выступает гражданин, который утверждает о передаче им взятки, то при получении у него объяснения необходимо установить, не является ли его обращение в правоохранительный орган средством сведения личных счетов с должностным лицом, стремлением компрометации. Для этого нужно выяснить, не работал ли он ранее в данном учреждении, когда и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с взятодателем, какие вопросы требовалось решить через данное должностное лицо, были ли пропущены сроки для их решения или отсутствовали какие-либо правоустанавливающие документы.

Такие проверочные действия, как *документальные проверки, ревизии, исследование документов*, целесообразно проводить под видом бухгалтерской ревизии, проверки банковских счетов, претензий налоговой инспекции (речь идет о мероприятиях, проведение которых не запрещено нормативными правовыми актами), чтобы заподозренный не смог догадаться об их целях. Наряду с материалами, документами, необходимыми для проверки фактов взяточничества, следует запрашивать и электронные носители, отражающие учет, отчетность, документооборот учреждения.

Важными средствами предварительного этапа расследования являются *истребование документов и предметов* (ст. 144 УПК РФ), *производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов с привлечением специалистов*. Следует сказать, что на практике не выработана единая процедура такого истребования. Достаточно широкое распростране-

ние в повседневной действительности получили письменные запросы следователя в соответствующие предприятия, учреждения, организации. В уголовно-процессуальной теории дается неоднозначная оценка данному способу рассмотрения сообщения о преступлении. Высказывается мнение о том, что запрос на имя руководителя необходимо направлять только в случаях истребования таких документов, в которых отражается хозяйственно-оперативная и производственная деятельность. В остальных случаях, когда для проверки основания к возбуждению уголовного дела необходимы, к примеру, типовые инструкции, различные положения, то адресату не нужно направлять специальное отношение.

Изложенная позиция является, на наш взгляд, небесспорной. Независимо от характера сведений, содержащихся в предметах и документах, для анализируемого способа проверки рассмотрения сообщения о преступлении, должны быть установлены в законе соответствующие основания. Поэтому требуется письменная или электронная форма запроса (письмо, факс, телеграмма, письмо через Интернет (электронную почту). Это необходимо и для того, чтобы отправитель знал, где находятся, кому отправлены соответствующие документы или сведения. Представляется также обязательным указание, в связи, с чем запрашивается соответствующая информация.

1. *Якимов И.Н.* Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. - М., 1925. - С. 15.
2. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. Т. III Криминалистические средства, приемы и рекомендации. - М., 1979. - С. 257.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. - М., 1997. - С. 391.
4. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. - М., 1973. - С. 86.
5. Общие положения методики расследования отдельных видов и групп преступлений (криминалистической методики) // Криминалистика / Под ред. А.Г. Филиппова, 3-е изд. перераб. и доп. - М., 2004. - С. 448-449.
6. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. - М., 1999. - С. 495-497.
7. *Хлютин Н.И.* Теоретические проблемы методики расследования преступлений // Современные проблемы расследования и предотвращения преступлений. М., 1987. С. 21.
8. *Шурухнов, Н.Г.* Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. (посв. 5-летию введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вып. 2. - Рязань, 2007. - С. 147-156.
9. Курс криминалистики. В 3 т. Т. II. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. - СПб, 2004. - С. 58-65.
10. *Яковлев М.М.* Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью. Дис.... д-ра юрид. наук. - М., 2006. - С. 118-119.
11. *Шурухнов, Н.Г.* Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. (посв. 5-летию введения в действие Уго-

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вып. 2. – Рязань, 2007. – С. 147-156.

12. Криминалистический анализ взяточничества (коммерческого подкупа) // Баев, О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений) / О.Я. Баев. – М.: Эксмо, 2009. – С.80-92.

13. УПК РФ Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ.

14. Организация приема первичной информации о преступлении и ее проверка // Шурухнов, Н.Г. Криминалистика: учеб. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – С. 34-38;

15. Шурухнов, Н.Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях. М., 1985. – С. 44.

Ключевые слова: получение взятки; дача взятки; взяткополучатель; взяткодатель; предварительный, первоначальный, последующий, заключительный этапы расследования; получение объяснений; истребование документов и предметов; производство документальных проверок и ревизий; исследование документов, предметов с привлечением специалистов.

УДК 343.14

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Юлдошев Рифат Рахмаджонович,
профессор кафедры уголовного процесса,
Факультет № 2, Академия МВД Республики Таджикистан,
кандидат юридических наук

В статье анализируется современное состояние уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан, стратегия которой в настоящее время находится в поиске оптимальной процессуальной модели. Ряд поправок действующего законодательства, касающиеся сферы уголовного судопроизводства, в целом предопределили стремление законодателя и отдельных ее реформаторов на устранение недостатков и упущений. Вместе с тем, автором определяются частные проблемы и перспективы их законодательного урегулирования.

Современный этап становления и развития уголовно-процессуальной политики Таджикистана, непосредственно связан с принятием действующего уголовно-процессуального закона, который во многом предопределил составительный уголовный процесс взамен постсоветского гибридного закона. Характер «гибридности» уголовно-процессуальный закон получил после многократных поправок, когда содержание не стало отвечать форме и реализации соответственно. Разработка, принятие и введение в действие по масштабу об-

новленного уголовно-процессуального законодательства вызвало шквал бурных эмоций, как отечественных, так и международных экспертов [1, 2, 6, 7].

Системный анализ процессуального закона и других ключевых документов, принимаемых в процессе осуществления судебно-правовых реформ, проявил сильные и слабые стороны уголовно-процессуальной политики, которая все еще регламентируется гибридным вариантом решения ряда ключевых уголовно-процессуальных правоотношений. Конкретизация и определение основных векторов развития и совершенствования уголовно-процессуальной политики, является актуальной и своевременной проблематикой. Необходимо также отметить, что смешанная уголовно-процессуальная модель во многом предопределяет всю «непропорционально» распределенную и осуществляемую суть процессуальной политики государства.

Основой для принятия нового УПК Республики Таджикистан послужило принятие Программы судебно-правовой реформы в Таджикистане на 2007-2011 гг. В соответствии с этим документом текст уголовно-процессуального закона должен был соответствовать следующим требованиям, а именно: *а) обеспечение равенства прав участников судебного разбирательства на всех судебных инстанциях; в) предоставление сторонам право ознакомления с материалами прекращенного дела либо отказного материала; г) не считать признание вины в ходе следствия либо суда в качестве доказательства, подтверждающего виновность; д) расширение права сторон в части собирания и приобщения доказательств; е) возложить на органы дознания только проведение на начальном этапе безотлагательных действий, ограниченные временем; ё) применение эффективных мер защиты в отношении лиц, содействующих органам предварительного следствия и суда* [4].

С такими требованиями и с их минимальным учетом при дальнейшей разработке был принят новый – действующий УПК Республики Таджикистан, а достижения и недостатки частично подвергаются анализу со стороны отечественных ученых и практиков [5, 3]. Следует указать, что вышеуказанные цели (идеи) частично нашли свое реальное воплощение в официальном тексте закона. Безусловно, это прогресс отечественного уголовно-процессуального законодательства направленный на поддержание идеи об истинном состязательном уголовном процессе. Но, от неслаженной разработки и дальнейшей доработки уголовно-процессуального закона со стороны рабочей группы, официальный текст превратился в документ, у которого отсутствует «системность» и «стабильность». Расхождения и противоречия поэтапно по мере их выявления устраняются законодателем в соответствующем порядке. Следует также отметить, что не всегда «ремонт» текста УПК Республики Таджикистан приводит к реальным достижениям. Иногда законопроекты готовятся без соответствующих согласований с внутренними нормами-положениями, регламентирующими основную уголовно-процессуальную деятельность органов и должностных лиц, вовлеченных в уголовный процесс, а также других ключевых участников.

Полагаем, что с окончанием первой и второй программы судебно-правовых реформ некоторые актуальные направления уголовно-

процессуальной политики все еще требуют переосмысления в научном, теоретико-правовом и практическом аспектах, что учитывать законодателью (в основном разработчикам или авторам) имеет первостепенное значение. Следует оговориться, что с принятием новых законов в виде поправок или кодексов не решаются наиболее острые проблемы правоприменения правоохранительных органов. Свидетельством вышеизложенной авторской позиции могут выступить 17 поправок действующего уголовно-процессуального законодательства. Системный анализ поправок и их количество характеризуют о несогласованности ряда норм УПК Республики Таджикистан. Абсолютное большинство указанных поправок нами критично проанализированы в соответствующих научных работах [8. С. 7-17], и предложены рекомендации по их исправлению.

В Таджикистане стало традицией продвигать (больше лоббировать) одно единственное направление, а о другом родственном направлении забывать. Когда дело доходит до отсталых позиций, опять придется все заново начинать и переделывать или заниматься частичной кройкой всей материи уголовной политики в целом или по раздельности. Здесь же будут присутствовать материальные и иные затраты, от которых больше вреда, чем пользы, как нам кажется. Единственной ошибкой наших реформаторов выступает не признание потребностей правоприменительной практики и впоследствии расхождения в доктрине. Регламентация многих уголовно-процессуальных правоотношений должно быть осуществлено конкретными нормами, а не абстрактными положениями-фикциями.

Изложенные выводы, некоторые рекомендации носят дискуссионный характер и не умаляют настоящую научную и практическую ценность принятых документов в контексте оптимизации уголовно-процессуальной деятельности. Дискуссионный характер данного анализа должен поспособствовать дальнейшей оптимизации уголовно-процессуальной политики, оживлению научной полемики и выработке конкретных перспективных законопроектов с учетом всех обстоятельств, которые в совокупности могут оказать равномерное влияние на дальнейшее формирование и развитие уголовной политики Таджикистана.

В свою очередь уголовная политика нуждается в тщательном и системном подходе при реформировании уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Разобщенность при принятии ключевых законодательств и не учитывание особенностей различных отраслей права и их взаимообусловленность приводят к разночтению и недопониманию в правоприменительной практике. В итоге получается полный парадокс, сводящий все старания реформаторов к нескончаемым поправкам законодательной базы, вместо концентрированной деятельности в законотворческом процессе.

В рамках выделения и обоснования векторов развития и совершенствования основ уголовно-процессуального законодательства, считаем необходимым указать на мало продуктивность и не особое желание ученых-процессуалистов участвовать в дальнейшем становлении и развитии иссле-

дуемой проблематики. Нам представляется, что отсутствие цельного комментария к нормам уголовно-процессуального закона также свидетельствует о безынтересности изложенной позиции, не говоря о систематизации определенных научных школ и направлений. Многие научные школы и отдельные ученые-процессуалисты давно уже не занимаются конкретными исследованиями. Хотелось бы верить, что указанные аспекты научной и научно-педагогической деятельности не подтвердятся, но для нашего переубеждения необходимы факты и реальные публикации, вместо пустых выступлений и хвалебных речей в различных научных собраниях.

Резюмируя все изложенное, необходимо отметить, что государство в рамках реформирования уголовной политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать выявленные слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов. Механизм проработки соответствующих вопросов решается на среднем уровне, а после принимаются соответствующие решения государственных органов. На этой основе и зиждутся демократические и нравственные основы современного уголовного судопроизводства в контексте реализации уголовно-процессуальной политики. В указанных направлениях немаловажную роль должны сыграть научные и практические сотрудники, от профессионализма и мастерства которых многое зависит. Авторские соображения не претендуют на истину в ее последней инстанции, а могут послужить оживлению научной мысли и стимулированию плодотворности отдельных ученых-процессуалистов. И как нам кажется, таким представляются основные векторы развития и перспективы совершенствования отечественного уголовно-процессуального закона.

1. Азизов Ш. В Таджикистане принимают новый уголовно-процессуальный кодекс // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 19.10.2009 г.).
2. В Душанбе обсудят вопросы по усовершенствованию УПК Республики Таджикистан // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 28.02.2012 г.).
3. Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – 283 с.
4. Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан: указ Президента Республики Таджикистан от 23.06.2007 г. за № 271 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj> (дата обращения: 15.09.2016 г.).
5. Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д. – Душанбе, 2012. – 228 с.
6. Ковалёв Н. Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Общественный Фонд «Nota Bene» Центр мониторинга и аналитики в области прав и свобод человека [Электронный ресурс]: URL: <http://www.notabene.tj> (дата обращения: 15.05.2015 г.).

7. Хамрабаева Н. Исследование: 85% респондентов не имели доступа к обсуждению проекта УПК // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 30.03.2012 г.).
8. Юлдошев Р.Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. 227 с.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, УПК, законодательство, перспективы развития, уголовное судопроизводство, судебно-правовые реформы.

УДК 343.1

НАДЗОРНАЯ И ИНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРОВ В СУДАХ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Якубина Юлия Павловна,

доцент кафедры уголовного процесса,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2,

кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются процессуальные и организационные вопросы участия государственного обвинителя, прокурора в уголовном судопроизводстве.

Интенсивное обновление федерального законодательства, активная реализация конституционного права законодательной инициативы диктуют необходимость повышения качества принимаемых законов и иных нормативных правовых актов в сфере уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный Кодекс, закрепив ведущую роль прокурора в уголовном преследовании, ввел новые процедуры уголовного судопроизводства, которые требуют существенного повышения качества поддержания государственного обвинения и укрепления корпуса государственных обвинителей. Эти законодательные нововведения требуют от всех работников органов прокуратуры, участвующих в судебном разбирательстве, высочайшей организации работы, профессионализма, личной ответственности. Активность и процессуальное мастерство государственного обвинителя в представлении и исследовании доказательств, становятся решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление.

В целях обеспечения надлежащей реализации прокурорами полномочий в судебных стадиях уголовного судопроизводства, законности и обоснованности поддержания государственного обвинения Генеральной прокуратурой РФ принят приказ от 25 декабря 2012 г. N 465 «Об участии прокуроров в

судебных стадиях уголовного судопроизводства». Согласно названному документу участие в рассмотрении уголовных дел судами признается одним из важнейших направлений (важнейших функций) в деятельности органов прокуратуры, в силу чего прокурорские работники должны постоянно совершенствовать организационные основы этой деятельности, а также обеспечивать квалифицированное участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, уголовных дел частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо с согласия прокурора дознавателем. Участие прокурора в соответствии с ч. 8 ст. 318 УПК РФ - обязательно.

Главным фактором названной функции является то, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела, а также, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения [1].

Пункт 6 ст. 5 УПК РФ регламентирует, что государственный обвинитель это должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу.

В настоящее время руководители прокуратур должны регулярно поддерживать государственное обвинение, при этом прокурорам субъектов РФ, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур подлежит лично поддерживать государственное обвинение не реже одного раза в квартал, преимущественно по уголовным делам о преступлениях, представляющих повышенную общественную опасность.

Следует отметить, что государственный обвинитель в случае существенного расхождения с позицией, выраженной в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении), безотлагательно информирует об этом прокурора, который при сохраняющихся разногласиях решает вопрос о поддержании государственного обвинения лично либо подчиненным ему работником.

Прокуроры, участвующие в судебных стадиях при рассмотрении дела по существу, должны незамедлительно, с использованием современных средств связи, информировать прокурора о решениях, принятых судом первой инстанции.

Согласно приказу № 465 руководители прокуратур назначают государственных обвинителей заблаговременно, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству. Поручения о поддержании государственного обвинения дают подчиненным прокурорам в письменной форме. В необходимых случаях создают группы государственных обвинителей. Как показывает прокурорско-судебная практика, поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, поручают прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами.

Учитывая, что в ходе предварительного слушания могут быть заявлены и разрешены ходатайства об исключении доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о мере пресечения, прокуроры должны уделять должное внимание подготовке к участию на этом этапе уголовного судопроизводства.

Согласно нормам УПК РФ, положениям приказа № 465, государственным обвинителям следует заблаговременно готовиться к судебному заседанию, беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий. В необходимых случаях ходатайствовать перед судом о предоставлении времени для подготовки и обоснования своей позиции.

С учетом наделенных полномочий, государственные обвинители должны активно участвовать в исследовании представляемых доказательств и способствовать принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения, соблюдению требований закона о разумном сроке уголовного судопроизводства.

При формировании своей позиции относительно наказания государственные обвинители должны руководствоваться требованиями закона о его соразмерности и справедливости, учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, а также смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. При наличии оснований предлагать суду назначить дополнительное наказание, применить конфискацию имущества, удовлетворить иски о возмещении материального ущерба и морального вреда.

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ в ходе судебного разбирательства уголовного дела государственным обвинителям необходимо выяснять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. При наличии оснований предлагать суду вынести частное определение (постановление).

Государственным обвинителям при даче согласия на особый порядок судебного разбирательства всегда следует руководствоваться предписаниями закона об условиях и основаниях применения такой формы судопроизводства.

При подготовке к рассмотрению уголовных дел в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо выяснять наличие обстоятельств, свидетельствующих об активном содействии обвиняемого следствию, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, о признании обвиняемым своей вины. Удостоверившись в наличии указанных обстоятельств, быть готовыми подтвердить их суду.

В случае, когда позиция государственного обвинителя о характере и пределах содействия обвиняемого следствию расходится с мнением, выраженным в представлении прокурора об особом порядке проведения судебного заседания в отношении обвиняемого, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, государственному обвинителю следует неза-

медлительно докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение.

В своей деятельности государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. Отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме.

Государственному обвинителю, изменяющему обвинение на менее тяжкое, но существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от предъявленного, следует ходатайствовать о перерыве в судебном заседании, поскольку стороне защиты необходимо предоставить возможность подготовиться к новому обвинению.

Государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте (обвинительном постановлении), следует докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение.

Прокурору в случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, необходимо своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение.

Любое давление на государственных обвинителей со стороны прокуроров, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами, следует рассматривать как недопустимое поведение.

Согласно ведомственным документам, государственному обвинителю о результатах рассмотрения уголовного дела не позднее дня, следующего за днем провозглашения судебного решения, необходимо рапортом докладывать прокурору, давшему поручение о поддержании государственного обвинения. В рапорте помимо иных сведений подлежит отражать предложенные формулировки по разрешаемым судом вопросам, перечисленным в ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Рапорт вместе с судебным решением должен приобщаться к надзорному производству.

Прокурорам подлежит в установленный законом срок изучать протокол судебного заседания и при необходимости приносить на него замечания.

Государственным обвинителям, в том числе через своих руководителей, необходимо доводить до сведения заинтересованных подразделений выявленные в процессе судебного разбирательства просчеты и ошибки предварительного расследования и прокурорского надзора.

При наличии обстоятельств, свидетельствующих о неправильном применении уголовного закона и (либо) существенном нарушении уголовно-процессуального закона, повлекших значительные вредные последствия, государственным обвинителям, иным прокурорам, обладающим правом на апелляционное обжалование, следует приносить в установленные законом сроки апелляционные представления на незаконные, необоснованные и несправедливые судебные решения. Согласно ведомственным документам,

пропуск срока для обжалования по неуважительной причине расценивается как ненадлежащее исполнение прокурором своих должностных обязанностей.

Резюмируя изложенное, полагаем, защита прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, является приоритетным направлением в деятельности органов прокуратуры. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве достаточно значительна, поскольку его профессиональное мастерство, объективность занятой позиции, проявленная активность оказывают значительное влияние на принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения. Безусловно, деятельность прокурорских работников в сфере участия в рассмотрении судами уголовных дел должна постоянно совершенствоваться с целью повышения качества государственного обвинения и устранения ошибок, допускаемых при расследовании уголовных дел на досудебных стадиях.

1. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб. 2003.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, процессуальные полномочия прокурора, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

Яснов Максим Александрович,

заместитель начальника,

Управление организации дознания ГУ МВД России по городу Москве

Статья посвящена отдельным проблемам компетенции начальника подразделения дознания по осуществлению и организации уголовно – процессуальной деятельности.

В соответствии с п.8 статьи 5 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации дознание – это форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия не обязательно. Основным вал уголовных дел данной категории расследуется дознавателями подразделений дознания органов внутренних дел.

Непосредственным руководителем подразделения дознания является начальник подразделения дознания: процессуальная фигура, появившаяся на формальном законодательном уровне в УПК РФ лишь спустя несколько лет после его вступления в законную силу (внедрение п. 17.1 ст. 5 УПК РФ Федеральным законом от 6 июня 2007года № 90ФЗ)

Согласно п. 17.1 ст. 5 УПК РФ, начальник подразделения дознания – должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель.

Свою уголовно – процессуальную деятельность начальник подразделения дознания через предоставленные ему в законодательном порядке полномочия, предусмотренные ст. 40.1 УПК РФ: поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий либо производства дознания по уголовному делу: изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием такой передачи; отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу; вносить прокурору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела. Кроме того, начальник подразделения дознания вправе возбудить уголовное дело в порядке установленном уголовно – процессуальным законодательством, принять уголовное дело к своему производству и провести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя, а в случае, если для расследования уголовного дела была создана группа дознавателей- полномочия руководителя этой группы. При осуществлении своих полномочий начальник подразделения дознания вправе давать дознавателю указания о направлении расследования, о производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, квалификации преступления и об объеме обвинения. В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2015 года № 172- ФЗ начальник подразделения дознания наделен правом проверки материалов доследственной проверки, сообщений о преступлении и материалов уголовного дела, находящихся в производстве дознавателя.

Указания начальника подразделения дознания по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения дознавателем, но могут быть обжалованы им начальнику органа дознания или прокурору. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнение. Причем дознаватель вправе представлять начальнику органа дознания или прокурору материалы уголовного дела и письменные возражения на указания начальника подразделения дознания.

Как видим, полномочия начальника подразделения дознания уже, чем полномочия следственного органа. Так, начальник органа дознания не вправе давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, на производство следственных действий, проведение которых требует судебного решения, а также не имеет полномочий на утверждение итогового документа по окончании предварительного расследования, постановления о прекращении уголовного дела, обвинительного акта или обвинительного постановления. Кроме того, начальник подразделения дознания не вправе устанавливать

срок расследования уголовного дела при принятии решения об отмене постановления о приостановлении производства дознания по делу.

Анализ правовых норм доказывает, что в сравнении с начальником органа дознания, начальник подразделения дознания также обладает меньшими процессуальными полномочиями только в отношении подчиненных дознавателей, так как начальник органа дознания распространяет свое руководство на всех должностных лиц органов дознания: участковых уполномоченных полиции, сотрудников оперативных подразделений и т.д.

Кроме того, начальник органа дознания вправе утвердить обвинительный акт или обвинительное постановление, а также по ходатайству дознавателя вправе продлить срок проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении. В настоящее время законодательство не позволяет начальнику органа дознания делегировать свои полномочия по утверждению итогового процессуального документа, составленного дознавателем по окончании производства дознания, начальнику подразделения дознания, который проверял материалы по уголовному делу в процессе и по окончании производства дознания, осуществляет процессуальный контроль за его производством. Это приводит к тому, что обвинительный акт (обвинительное постановление) утверждается руководителем органа дознания, не знакомившегося с материалами уголовного дела и зачастую сводится к его формальному подписанию, минуя начальника подразделения дознания. Как показывает практика, начальниками органа дознания чаще всего являются бывшие сотрудники оперативного подразделения, которые с процессуальной деятельностью сталкивались посредственно.

Начальники же подразделений дознания в абсолютном своем большинстве являются процессуалистами, имеющими опыт, начиная с деятельности дознавателя, и в то же время обладают «усеченной» компетенцией по сравнению с полномочиями начальника органа дознания.

В то же время следует учесть, что наряду с контролем за процессуальной деятельностью дознавателя со стороны начальника органа дознания осуществляется прокурорский надзор в порядке ст. 37 УПК РФ, согласно которой прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, согласие дознавателя на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения, отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя, разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы, отстранять дознавателя от расследования, если им допущены нарушения УПК РФ.

В ходе анализа сложившейся ситуации многими процессуалистами вносились предложения по расширению полномочий начальника подразделения дознания. Так, Д.Ю. Сафонов в своем исследовании отметил следующее: «в целях совершенствования процессуального статуса начальника подразделения дознания и равномерного распределения контроля за законностью осуществления дознания между ним и прокурором целесообразно наделить начальника подразделения дознания дополнительными полномочиями: предоставить ему право отстранять дознавателя с уведомлением прокурора от

дальнейшего производства предварительного расследования., в случае нарушения им требований уголовно-процессуального закона, продлять срок рассмотрения заявления или сообщения о преступлении до 10 суток, самостоятельно отменять незаконные или необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные дознавателем, принимать решения о соединении уголовных дел» [1].

Кроме того, необходимо наделение начальника подразделения дознания недостающими, как отмечалось ранее, правами давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, на производство следственных действий, проведение которых требует судебного решения, утверждение итогового документа по окончании предварительного расследования в форме дознания (по аналогии с руководителем следственного подразделения). Далее по аналогии, позволили бы избежать излишних временных издержек и двойного контроля за производством дознания.

С учетом проведенного анализа, в целях устранения отмеченных выше существующих на практике проблемных вопросов, считаю целесообразным рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений УПК РФ:

1) Ч.1 ст.40.1 УПК РФ изложить в следующей редакции:

1. Начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателем уполномочен:

1) Поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятия по нему решения в порядке, установленном ст.145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий, либо производство дознания по уголовному делу, продлевать срок рассмотрения сообщения о преступлении до 10 суток.

2) Изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи

3) Отменять необоснованное постановление дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу, об отказе в возбуждении уголовного дела

4) Давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, отмене или изменении меры пресечения, либо о производстве иного процессуального действия, которые допускаются на основании судебного решения (уведомив о принятом решении прокурора в течении суток)

2. Начальник подразделения дознания вправе возбудить уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ, принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя, а в случаях, если для расследования уголовного дела была создана группа дознавателей- полномочиями руководителя этой группы.

3. При осуществлении полномочий, предусмотренных настоящей статьей, начальник подразделения дознания вправе:

1) проверять материалы проверки сообщения о преступлении и уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя.

2) давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

-
1. Сафоненко Д.Ю. Организация процессуальной деятельности органов дознания на примере органов дознания МВД России. К.ю.н., Саратов, 2009 С.11.

УДК 343.1

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
20-21 октября 2016 года**

*К 60-летию доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка*

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО
РОССИИ: УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 1516 от 11.11.2015 г.
Подписано в печать 12.10.2016 г. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 27,81. Тираж 30 экз. Заказ № 888.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2.